

Завораживающий, как сказки «Тысячи и одной ночи», роман
о любви, доверии, преданности и в конечном счете справедливости.

Nicola's Books

Анита Амirezвани

РАВНАЯ
СОЛНЦУ

Завораживающий, как сказки «Тысячи и одной ночи», роман
о любви, доверии, преданности и в конечном счете справедливости.

Nicola's Books

Анита Амirezвани

РАВНАЯ
СОЛНЦУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Annotation

Впервые на русском — новый роман от автора международного бестселлера «Кровь цветов».

Легендарные женщины нередко изменяли ход истории — Анна Болейн, Мария Стюарт, Екатерина Великая... Куда хуже мы знаем властительниц Востока, которые заключали союзы, выступали советчицами, проталкивали на трон своих сыновей и даже правили от собственного имени. Пожалуй, ярчайшая из этих ярких звезд — царевна Перихаи-ханум из персидской династии Сафавидов. Иран XVI века поражал великолепием и богатством, но когда правящий шах умер, не назвав наследника, шахский двор погрузился в хаос. Смогут ли царевна и ее верный визирь Джавахир найти путь в лабиринте дворцовых тайн? Опасную тайну скрывает и Джавахир: поступить на службу в гарем его заставила жажда мести, а отомстить он должен убийце и клеветнику, жертвой которого пал отец Джавахира.

- [Анита Амirezвани](#)
    - [ПРОЛОГ](#)
    - [ГЛАВА 1](#)
    - [ГЛАВА 2](#)
    - [ГЛАВА 3](#)
    - [ГЛАВА 4](#)
    - [ГЛАВА 5](#)
    - [ГЛАВА 6](#)
    - [ГЛАВА 7](#)
    - [ГЛАВА 8](#)
    - [ГЛАВА 9](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
-

Анита Амirezвани
РАВНАЯ СОЛНЦУ

ПРОЛОГ

Клянусь на священном Коране, что не было женщины, подобной Перихан-ханум. Царевна по рождению, стратег с четырнадцати лет, яростная, но и дивная обличьем, лучница, не знающая промахов, наищедрейшая подательница, защитница проституток, поэтесса редчайшего дара, самый доверенный советчик шаха и вождь мужей. Преувеличиваю ли я, по обычаю придворных историков, сочиняющих цветистые панегирики властителям в надежде на награду — вес золота, равный моему собственному? Заверяю вас, такой награды не предвидится; я человек без покровителя.

Я боролся с намерением начать этот труд, ибо я не биограф и не историк. Невзирая на опасность, невежество окружающих побуждает меня изложить правду о Пери. Если я откажусь от этого дела, ее историю перетолкуют или исказят, чтобы сделать инструментом властей предержавших. Придворные историки сообщают лишь хорошо известные сведения о том, как царственные женщины вели войска на битву, низвергали шахов, убивали врагов и проталкивали своих сыновей во власть. Историкам запрещалось следить за жизнью этих женщин вблизи, поэтому они должны были полагаться на слухи и выдумки.

Как самый близкий слуга Пери, я не только наблюдал ее деяния, но и выполнял ее приказы. Я осознал: по смерти моей все, что я знаю о ней, исчезнет, если мне не удастся записать ее историю. Но сделать это я должен в величайшей тайне. Если эту книгу обнаружит кто-то чужой, меня казнят, потому что я вершил чудовищные дела и допускал ошибки, которые предпочел бы скрыть, — хотя кому не случилось того же? Человек по природе своей склонен ошибаться. Уши его слышат лишь то, что хотят; одному только Богу известна полная правда.

Наверное, как сейчас думается, я преувеличил, сказав, что Пери была единственной подобной. Она происходила из династии, породившей доблестных женщин, начиная с ее бабушки Таджлиханум-мовселлу, которая помогла возвести на престол своего десятилетнего сына Тахмасба, а ее тетушка Махин-бану была советницей Тахмасба до самой своей смерти. В то время Пери было

четырнадцать, но ей уже хватало мудрости, чтоб занять место Махинбану, и она царила, не имея соперников, советуя своему отцу Тахмасбу. Так что Пери была не единственной из жен своего рода, однако ее дела затмили дела предшественниц, а отвага не знала пределов.

Когда я думаю о ней, то вспоминаю не только ее мощь, но и страсть к поэзии. Она сама была поэтом и стихотворцем, которыми восхищалась, не жалела серебра, чтоб не переводился хлеб и соль на их столе. Она прочла всех классиков и могла декламировать большие отрывки. Из книг стихов, любимых ею, одна стояла надо всеми — «Шахнаме», или «Книга царей», где великий поэт Фирдоуси запечатлел страсти и сражения сотен иранских правителей. В то время, когда я служил ей, одна история из великой книги, о жестоком завоевателе Зоххаке и герое Каве, настолько владела нашими мыслями, направляла наши дела и даже вторгалась в наши сны, что я думаю теперь — не о нас ли она была? Мы обращались к ней за советом, рыдали над ней в отчаянии и в конце концов находили в ней утешение. Она и сейчас ведет меня, когда я славлю Пери ради грядущих поколений.

ГЛАВА 1

НОВАЯ СЛУЖБА

Как рассказывал о том Фирдоуси, Джемшид был одним из первых великих просветителей человечества. Тысячи лет назад он научил первых людей прясть пряжу и ткать ткань, обжигать кирпичи из глины для жилищ и тому, как делать оружие. Разделив людей на ремесленников, земледельцев, жрецов и воинов, он показал каждому, как исполнять его дело. Когда они научились работать, Джемшид открыл им прекраснейшие сокровища мира, поведав, где искать в земле драгоценные камни, как использовать благовония, чтоб украсить тело, и как раскрыть тайны целебных растений. Триста лет было его царству, и всего было вдоволь, и все жаждали служить ему. Но однажды созвал Джемшид своих мудрецов и объявил им, что его совершенству равных нет, разве не так? Ни один из людей не совершил того, что он, и по этой причине им должно поклоняться ему, как Творцу. Мудрецы были изумлены и возмущены его небывалыми утверждениями. Хотя перечить ему они не посмели, но стали покидать его двор. Как может вождь так заблуждаться?

В утро первой встречи с Пери я надел свое лучшее платье и выпил два стакана крепкого черного чая с финиками, чтобы наполнить силой кровь. Мне надо было понравиться ей и в то же время явить свой нрав; я должен был показать, что буду лучшим выбором для самой достойной женщины династии. Шагая к ее покоям в гареме, которые были невдалеке от моих собственных, я был полон желания доказать, что отличаюсь от прочих евнухов, равно как она отличается от прочих женщин. Тонкая пленка пота, без сомнения после горячего чая, выступила на моей груди, когда я входил в ее приемную. Меня быстро провели в гостиную, сиявшую бирюзовыми изразцами до высоты моего пояса. Над ними сверкала старинная майолика, а дальше до самого потолка блестели зеркала, словно бы назначенные повторять блеск самого солнца.

Пери писала письмо, устроив на коленях дощечку с бумагой. На ней было синее шелковое платье с короткими рукавами, отделанное красной парчой, подпоясанное белым шелковым кушаком, затканном золотой нитью, — сокровище сам по себе, — который она завязала на талии пышным изысканным узлом. Длинные черные волосы были небрежно прикрыты другим белым шарфом с набивными золотыми арабесками, увенчанными рубиновыми украшениями, отражавшими свет; мой взгляд приковал ее лоб, высокий, гладкий и округлый, как жемчужина, словно ее разуму нужно было больше места, чем у прочих. Говорят, что будущее человека при рождении пишется на его лбу, — чело Пери возвещало богатое и славное будущее.

Пока я стоял там, Пери продолжала писать, и лоб ее время от времени хмурился. У нее были миндалевидные глаза, крепкие скулы, щедрые губы, и все вместе делало черты ее лица ярче и крупнее, чем у других людей. Закончив работу, она отложила доску и осмотрела меня с головы до ног. Я низко склонился, прижав руки к груди, готовый как можно скорее учиться тому, что было нужно. Отец Пери предложил ей меня в награду за мою хорошую службу, но решение было исключительно за ней. Что бы там ни было, я должен убедить ее взять меня.

— Что ты такое на самом деле? — спросила она. — Вижу, как из твоего тюрбана выбиваются черные пряди, и толстую шею, прямо как у медведя! Ты сойдешь за простого человека.

Пери смотрела на меня так пронзительно, словно требовала раскрыть всю мою сокровенную суть. Я оторопел.

— Бывает полезно сойти за простого, — быстро нашелся я. — В подходящей одежде меня легко примут за портного, учителя или даже за жреца.

— И что?

— Это значит, что и простые, и благородные меня принимают равно.

— Но ты, конечно же, смутишь покой обитательниц шахского гарема, изголодавшихся по виду красивых мужчин!

Боже всевышний! Неужели она узнала про нас с Хадидже?

— Вряд ли это затруднение, — отговорился я, — ведь у меня не хватает как раз тех орудий, по которым они так изголодались.

Она широко улыбнулась:

— Похоже, ты отлично пользуешься смекалкой.

— Это то, что вам нужно?

— Среди прочего... На каких языках ты говоришь и пишешь? — спросила она на фарси.

Перейдя на турецкий, я ответил:

— Я говорю на языке ваших блистательных предков.

Пери заинтересовалась:

— У тебя отличный турецкий. Где ты его выучил?

— Моя матушка говорила по-турецки, мой отец на фарси, и оба были богобоязненны. Им требовалось научить меня языку людей меча, людей пера и людей Бога.

— Очень полезно. Кто твой любимый поэт?

Я помедлил в поисках ответа, пока не вспомнил, кого любит она.

— Фирдоуси.

— Итак, ты любишь классиков. Отлично. Прочти мне из «Шахнаме».

Не сводя с меня взгляда, она ждала, и глаза ее были соколиному зорки. Стихи легко пришли ко мне; я часто повторял их, обучая ее брата Махмуда. Я произнес первый вспомнившийся стих, хотя он был не из «Шахнаме». Эти строки нередко приносили мне утешение.

Любим ты гордою судьбой, твой каждый день благословлен,
Ты пьешь вино и ешь кебаб, ты теплым солнцем озарен,
И слово каждое твое — подарок для твоей любимой,
А для детей твоих ты бог, но видимый и осязаемый.
Как жизнь богата! Как ты щедр для близких,
Покоен, как дитя в объятьях материнских,
Как птица, ты паришь, несомый ветром теплым,
Беспечен и любим, и оставаясь добрым.
Но отнял мир то, что тобой любимо,
И чашу с ядом не пронес он мимо.
Горит ожог на сердце, кровь сжигает,
И сердце биться словно забывает.
И это я? Ведь в этом самом мире
Был гостем званым я на пышном пире!
О нет, мой друг, печально заблужденье,

Ты должен стать лишь новою мишенью —
Страданиями, как сотней стрел, пробитой,
Кровавых слез рекой, тобой излитой.

Когда я закончил, Пери улыбнулась.

— Прекрасно! — сказала она. — Но разве это из «Шахнаме»? Не узнаю.

— Это Насир, хотя это слабая имитация стихов Фирдоуси, озаряющих мир.

— Звучит словно сказано о падении Джемшида — и о конце давным-давно созданного им земного рая.

— Насир вдохновлялся им, — отвечал я, пораженный: она знала поэму настолько хорошо, что смогла отличить два десятка строк от шестидесяти тысяч.

— Великий Самарканди говорит в «Четырех исповедях», что поэту следует знать наизусть тридцать тысяч строк, — сказала она, словно прочитав мои мысли.

— По тому, что я слышал, не удивлюсь, что вы их знаете.

Она не обратила внимания на лесть:

— А что означают эти строки?

Я мгновение поразмыслил над ними.

— Полагаю, что это означает: если ты даже великий шах, не ожидай, что твоя жизнь пройдет безмятежно, ведь даже самых удачливых мир жестоко дрессирует.

— А тебя мир дрессировал?

— Непременно, — сказал я. — Я потерял отца и мать, когда был еще юн, и расставался с другими вещами, которые не ожидал потерять.

Взгляд Пери смягчился, став почти детским.

— Да будет мир их душам, — отвечала она.

— Благодарю вас.

— Я слышала, что ты очень верен, — сказала она, — как и многие из вас.

— Мы известны этим.

— Если бы ты служил мне, кому ты явил бы верность, мне или шаху?

По затылку моему пробежали мурашки. Как многие из нас, я был подчинен прежде всего шаху, но сейчас мне нужен был изобретательный ответ.

— Вам, — ответил я и, когда она поддразнивающе взглянула на меня, быстро добавил: — Ибо знаю, что каждое ваше решение принимается вернейшей из слуг шаха.

— Почему ты хочешь служить мне?

Первой на ум пришла обычная лесть, но я знал, что это ее не впечатлит.

— Мне выпала честь в течение многих лет опекать вашего брата Махмуда, а затем я служил визирем у вашей матушки. Теперь, когда ее больше нет при дворе, я жажду ответственных дел.

Настоящая причина, конечно, была совсем не та. Многие честолюбивые люди добивались возвышения, служа царицам, и я хотел именно этого.

— Что ж, хорошо, — ответила Пери. — Тебе придется быть отважным, чтоб выжить на моей службе.

Трудности мне нравились, о чем я и сказал.

Пери резко встала и пошла к нишам в стене, где помедлила перед большой бирюзовой чашей, вырезанной в виде павлина, распутившего прекрасный хвост.

— Это драгоценная старинная чаша, — сказала она. — Откуда она, знаешь?

— Из Нишапура.

— Конечно, — усмехнулась она.

По моей шее стекал пот, когда я старался разглядеть какие-то подсказки в цвете, узоре, полировке.

— Династия Тимуридов, — поспешно добавил я, — хотя не скажу, чье правление.

— Шахрукха, — сказала Пери. — Лишь несколько подобных вещей дошли к нам в отличном состоянии.

Любуясь, она взяла чашу и держала ее в руках, словно младенца, а я любовался ею. Бирюза была такой прекрасной, что сверкала, как драгоценный камень, а павлин словно бы готовился клевать зерно. Внезапно Пери развела руки и отпустила чашу, разлетевшуюся на полу тысячью осколков. Один докатился и замер у моих босых ног.

— Что бы ты сказал об этом? — спросила она тоном терпким, как зеленый миндаль.

— Несомненно, ваши придворные сказали бы, что это позор — уничтожать дорогую и прекрасную чашу, но, так как деяние было совершено особой царского рода, все прекрасно.

— Именно так они и сказали бы, — ответила она, скучаясь пнув один из осколков.

— Не думаю, что вы считаете это правдой.

Она с интересом оглянулась.

— Потому что это глупость.

Пери рассмеялась и хлопнула в ладоши, подзывая одну из придворных дам:

— Принеси мою чашу.

Дама вернулась с чашей похожего рисунка и поставила ее в нишу, пока служанка заметала осколки битой керамики. Я наклонился и осмотрел осколок у моих ступней. Голова павлина выглядела нечетко, линии отличались от ясных штрихов на внесенной чаше, и я понял, что она расколола копию.

Пери внимательно наблюдала за мной. Я улыбнулся.

— Я тебя удивила?

— Да.

— Ты ничем этого не показал.

Я вздохнул.

Усевшись, Пери подобрала под себя ноги, показав из-под края синего платья алые шальвары. Я постарался не дать воображению странствовать по местам, сокрытым ими.

— Ты больше любишь начинать или заканчивать? — спросила она. — Назови только одно.

— Заканчивать.

— Приведи пример.

Я немного подумал.

— Ваш брат Махмуд не интересовался книгами, когда был ребенком, но моей обязанностью было убедиться, что он научился писать красивым почерком, понимать прочитанное и декламировать стихи по торжественным поводам. Ныне он делает все три эти вещи, и я горд сказать, что он делает их так хорошо, словно это его любимые занятия.

Пери улыбнулась:

— Зная, как Махмуд предпочитает игры на воздухе, — это подлинное достижение. Понятно, отчего мой отец рекомендовал тебя.

— Великая честь — служить опоре вселенной, — отвечал я.

Но я скучал по Махмуду. После того как восемь лет занимался только им, я чувствовал себя в ответе за него, словно за младшего брата, хотя сказать о таких чувствах к царскому отпрыску не смел.

— Расскажи мне, как ты стал евнухом.

Я, наверное, отшатнулся, потому что она поспешно добавила:

— Надеюсь, ты не счел это оскорблением.

Прокашливаясь, я пытался решить, с чего начать. Вспоминать было — словно разбирать сундук с одеждой, которую носил умерший.

— Вы, должно быть, слыхали, что моего отца обвинили в измене и казнили. Не знаю, кто оболгал его. После этого несчастья матушка отвезла мою трехлетнюю сестру к родным в маленький городок на берегу Персидского залива. Несмотря на случившееся с отцом, я все равно хотел служить шаху. Я просил всех, кого знал, о помощи, но был отвергнут. Тогда я решил, что единственный способ доказать свою верность — стать евнухом и предложить себя двору.

— Сколько тебе было?

— Семнадцать.

— Очень поздно для оскпления.

— Правда.

— Ты помнишь, как это делалось?

— Можно ли такое не помнить?

— Расскажи мне об этом.

Я недоверчиво уставился на нее:

— Вы хотите знать подробности?

— Да.

— Боюсь, что мерзостность истории оскорбит ваш слух.

— Не думаю.

Я не стал щадить ее; мне к тому же хотелось немедля понять, из чего она сделана.

— Я отыскал двух евнухов, Нарта и Чинаса, в помощь себе, а они отвели меня к лекарю, работавшему возле базара. Он велел мне лечь на скамью и связал мои запястья под нею, чтоб я не мог двинуться. Евнухи забрались между моими бедрами, чтоб удерживать ноги. Врач

дал мне съесть опиума и засыпал мои мужские части порошком, который, сказал он, умерит боль. Затем он сам уселся мне на бедра и взял кривую бритву жуткого вида, не короче моего предплечья. Он сказал, что, прежде чем совершить такую рискованную операцию, должен заручиться моим согласием перед двумя свидетелями. Но зрелище бритвы, сверкнувшей в воздухе, испугало меня, а путы на ногах и руках вдруг заставили ощутить себя зверем в ловушке. Я начал извиваться на скамье и вопить, что не согласен. Хирург удивился, но убрал свою бритву и велел евнухам отпустить меня.

Глаза Пери были величиной с мячи для чоугана.

— И что было потом?

— Я снова обдумал свое намерение. Другого способа прокормиться, кроме как при дворе, я не видел. Мне надо было зарабатывать достаточно денег, чтоб заботиться о матери и сестре, и я хотел вернуть былую славу нашему имени.

Тогда я не сказал ей, как глубоко в моем сердце пылало желание сорвать маску с убийцы моего отца. Когда я смотрел на нож хирурга, то вообразил себя одетым в роскошные шелковые одежды, достигшим высокого положения во дворце. Такое продвижение помогло бы мне выявить убийцу отца и заставить его признаться в преступлении. «Отныне твои дети познают печаль, которая выпала мне», — сказал бы я ему. А потом он понес бы кару.

Пери опустила глаза и поправила кушак: уловка, заставившая меня задуматься, не знает ли она чего-то об убийце.

— И что было потом?

— В конце концов я попросил их продолжать, но добавил, что мне надо завязать глаза, чтобы я не видел бритвы, и что не надо связывать мне руки.

— Было больно?

Я улыбнулся, благодаря Небо за то, что теперь это было только воспоминанием.

— Хирург затянул жгут из жил вокруг моих частей и снова спросил моего согласия. Я дал его и секундой позже ощутил, как рука приподнимает эти части, а бритва быстро и гладко проходит сквозь мою плоть. Ничего не почувствовав, я сорвал повязку с глаз — взглянуть, что произошло. Мое мужское достоинство исчезло. «Так легко!» — вскричал я и минуту даже шутил с евнухами, пока внезапно

не ощутил, что меня словно разрубили пополам. Я закричал и провалился во тьму. Потом мне рассказали, что хирург прижег рану кипящим маслом и прикрыл лубком из коры. Затем наложил повязку и оставил меня выздоравливать.

— Как долго это тянулось?

— Долго. Первые несколько дней я был не в себе. Думаю, твердил обрывки молитв. Знаю, что просил воды, но пить было нельзя — рана должна зажить. Когда во рту у меня пересохло настолько, что нельзя было произнести ни слова, кто-то смочил тряпку и положил мне на язык. Жажда была такая, что я молил о смерти.

— Боже всевышний, — воскликнула Пери, — не могу представить человека, желающего того же, что и ты! Ты очень храбр, да?

Я не рассказал ей остального. Через несколько дней после операции мне разрешили выпить воды. Нарт суетился вокруг меня, управляя мой тюфяк и подушки, но казался странно взволнованным. То и дело спрашивал, не хочу ли я облегчиться. Я повторял «нет», пока он не начал утомлять меня, и попросил его уйти. Когда же мне наконец захотелось, он убрал повязку, лубок и принес мне судно, на которое надо было сесть. Я был теперь гладок, осталась лишь трубочка, которой я прежде не увидел. Глаза сами закрылись при виде багрового кровавого рубца.

Потребовалось время, прежде чем я смог что-то выдавить, и я завопил от боли, когда горячая жидкость впервые проникла в обнажившийся канал. Наверное, я чуть не потерял сознание, но, не желая упасть в собственную лужу, удержался на посудине. Завершив, я изумленно увидел, что глаза Нарта сияют. Он обратил ладони к небу и прорыдал: «Да будет восхвален Бог в небесах!» Мне он потом сказал, что никогда еще зрелище человека того же сословия так его не радовало. Рана моя гноилась, и он страшно боялся, что канал закупорился, — это было чревато мучительной, воистину неопикуемой смертью.

Пери все еще ждала моего ответа:

— Как ты скромн! Многие мужчины дрогнули бы при виде такого ножа. Я теперь вспоминаю удивление моего отца, слушавшего твою историю.

Задолго до того, как меня оскопили, я был в одной харчевне и смотрел на танцовщицу, кружившуюся так, что лиловая юбка взлетала над головой, а другие мужчины подзуживали меня щупать ее. Она подарила мне манящую улыбку, но вскоре ее озорное заигрывание стало напоминать мне, как мальчишки мучат ящериц. Наконец, разглядев ее крупные, грубые руки, я с содроганием понял: это мужчина! Лицо мое вспыхнуло яростью, а танцор кружился и ухмылялся, и мне было стыдно, что меня так провели. Но теперь я сам был в точности как этот танцор — неопределенного пола, всем чуждый, всегда вызывающий злое чувство из-за того, что сделал и что потерял.

— Я был очень юн, — сказал я, оправдываясь.

— Не слишком.

— Я был чрезмерно пылок.

— А теперь?

Я помедлил с ответом.

— Я научился умерять свои порывы.

— Ты совершенно сдержан здесь, при дворе. Подозреваю, что для тайной службы ты подойдешь отлично.

Я склонил голову, оценивая похвалу Пери с должным смирением.

— В чем разница между женщиной и мужчиной?

Я огляделся в новом замешательстве.

— Полагаю, у тебя есть ответ получше, чем у любого другого мужчины.

Минуту я думал.

— Говорят, мужчины хотят власти, а женщины — покоя. Знаете, в чем правда?

— В чем?

— И те и другие хотят и того и другого.

Пери засмеялась:

— Я — точно.

— В таком случае чем я смогу вам служить? — Мне было известно, что она уже взяла на службу несколько сот евнухов, благородных жен, девиц и мальчиков для поручений.

— Мне нужен человек, чтобы собирал для меня сведения во дворце и за его пределами, — сказала она. — Его надежность и верность должны быть безупречны, силы — великими, нужды в сне и

досуге — малыми. За пределами работы на меня у него не должно быть желаний. Молчание о моих делах — обязательно. За эту службу я готова платить изрядное вознаграждение.

Она назвала цифру, вдвое превосходившую мое жалованье. Я заподозрил неладное: с чего такая щедрость?

— Служа мне, ты будешь в самом сердце дворцовой политики, — пояснила она. — Чтобы преуспеть, понадобится побороть брезгливость. Трудности предстоят суровые, и если ты не справишься — считай себя уволенным. Понимаешь меня?

Я ответил «да», потому что хотел преуспеть любой ценой.

— К своим обязанностям приступишь с завтрашнего утра, в моем доме у ворот Али-Капу.

Я поблагодарил и был отпущен. Когда обувался, то ощутил, что мой мозг словно рвется от ожидания. После двенадцати лет службы моя работа во дворце началась теперь по-настоящему.

Устроенный Пери допрос и ее странная красота вдруг заставили меня ощутить себя мужчиной, а не евнухом. В своих собственных глазах я и так был совсем не калекой. Но Пери не должна была узнать, что я любил и желал женщин из гарема так, как никто никогда не ожидал.

Незадолго до оскотления я ложился почти каждую ночь с женщиной по имени Фереште. Первый раз это случилось, когда моя мать с сестрой уехала в город Казвин, взяв не лошадь, а осла, и это был такой позор, что наши соседи старались не глядеть на них. Помню, как одиноко стоял в доме моего детства, который уже был продан. Я скорчился на оставшейся подушке в комнате, где когда-то вечерами собиралась к вечернему чаю моя семья, и мы смотрели, как в нашем саду на кусты и фонтан падает снег. В тот вечер я пошел в кабак и пил, пока моя прежняя жизнь не растаяла в тумане. Мои новые друзья читали мне стихи и были рады составить мне компанию, пока я платил за все новые кувшины рубинового вина. Я стучал кулаком по деревянному столу и требовал еще вина, а потом еще и воодушевленно подхватывал каждую песню. Ранним утром, шатаясь на свежавыпавшем снегу, я повстречал Фереште, которая только что начала заниматься своим ремеслом. Огромные темные глаза смотрели из-под черного чадора, покрывавшего волосы, она дрожала на холоде.

Она отвела меня в комнату неподалеку и посоветовала мне не пить. В ее руках я впервые открыл свое тело и погружался в нее, как в пустыне жаждущий путник окунает голову в родник.

До самого рассвета во тьме шептали мы друг другу наши истории. Фереште выбросила из дому ее мачеха, заявившая, что та увивалась за ее единственным сыном, Отец давно умер, и защитить ее было некому. Я рассказал, что мне тоже вот-вот придется убраться из единственного дома, какой я знал. Фереште утешала меня так, как лишь одна измученная душа может утешать другую, и надолго вперед мне хотелось одного — оставаться в ее объятиях. Я проводил с ней все ночи, которые мог. То было время жестокой боли и наслаждений, и я не знал, что больше такого не будет.

После операции любое прикосновение вызывало боль во всем теле. Она стала необычным защитным доспехом, который отвергал даже легчайшие плотские касания и позволял моему телу исцеляться. Я жаждал прекращения боли, что казалось мне величайшим телесным даром. Однако, едва мое тело стало выздоравливать, начались муки душевные. Поутру я собрался помочиться, и рука встретила внезапную пустоту; мне показалось, что я падаю. Головокружение было таким сильным, что я боялся упасть в собственную отхожую яму. Я мужчина? Женщина? Кто я теперь?

Потом я вспомнил, ради чего сделал это, пришел в себя, выдернул затычку, совершил свои дела и вышел, все еще потрясенный своим измененным состоянием.

Я хотел рассказать Фереште, моей единственной любви, что случилось со мной. Попытался найти ее, но другая проститутка рассказала, что она покинула город. Шло время, и начало происходить странное. Мои губы вспоминали нежность языка Фереште, моя грудь жаждала биения ее ресниц, легких, как бабочкины крылья, мои бедра напрягались при мысли о том, как обхватывали ее. Я начал провожать глазами красавиц гарема. Они могли показывать друг другу свои прелести, почему нет? Вокруг не было мужчин, которых надо было стесняться. Тайком наслаждаясь каждым взглядом, я все равно не ощущал ответного вздымания в паху. Понемногу мною завладевало разочарование. Что проку мерину от желания?

Однажды в бане, намыливаясь, я вдруг осознал новые чувства. Я был словно человек, потерявший конечность, но на секунду

поверивший, что может подпрыгнуть и сесть на лошадь. Когда я вел киссэ по моей коже, в паху и внизу позвоночника будто взрывались маленькие молнии. Я задыхался, ощущения растекались по всему телу, но были острее, чем все испытанное прежде. Как будто свежезажившая рана возвращала себе способность чувствовать.

Я думал о крутом изгибе талии Фереште, такой тонкой в моих руках, о ее быстром языке. Я жаждал ее. Растирая губкой живот, я хрипел от радости и гортанно рычал. Другие евнухи, круглоплечие, с мягкими женственными бедрами, оборачивались в изумлении. Я чувствовал себя кипарисом, опаленным пожаром, считавшимся мертвым и однажды милостью Божией пустившим новые зеленые побеги из глубин обугленного сердца.

На первый день службы у Пери я совершил утреннюю молитву и вышел из своего жилья в гареме по направлению к ее дому рядом с Али-Капу — взаправду огромными воротами — сразу после рассвета. Только малому числу самых доверенных придворных были отведены дома в пределах главных врат дворца, и Пери была единственной женщиной, удостоенной этой чести. Большинство царственных жен были обречены жить в покоях за стенами гарема и выходили только по соизволению шаха.

Было еще рано. Я наверняка явился первым. Пожелал доброго утра страже, прятанной в тени массивных кирпичных ворот. Стражники зевали, пока не отворились громадные деревянные двери и не впустили поток желавших подать просьбу шаху или его слугам в одном из управительских зданий на дворцовой земле.

Дом Пери стоял за высокими стенами. Я постучал и, когда слуга отворил дверь, ступил во двор, благоухавший ободряющим ароматом сосен. Вдоль фонтана прошагал до маленького, но изысканного здания, украшенного желтыми и белыми изразцами, выложенными переплетенными шестиугольниками. Сквозь резные деревянные двери прошел в дом, а дальше меня проводили в бируни Пери — приемную, где она встречала посетителей. К моему удивлению, ее двор уже собрался. Десятки евнухов и мальчиков-посыльных стояли ровными рядами, ожидая приказаний, а прислужницы беззвучно сновали туда и сюда с подносами чая. Меня поразило и ощущение жесткой

дисциплины, так непохожее на то, что я испытал, служа при матушке Махмуда.

— Джавахир, ты опоздал, — сказала Пери. — Входи, и займемся делами. — Она указала на место, где мне назначалось стоять, и нахмурилась, сведя угольно-черные брови.

Бируни Пери был строже, чем у других женщин, зачастую соперничавших в роскоши при украшении своих покоев. Она сидела на подушке, брошенной поверх просторного темно-синего ковра, вместо золотых птиц или цветников затканного фигурами наездников, преследующих онагров, зебр, газелей, и лучников, целящихся во львов. В нишах виднелись аккуратно сложенные тростниковые перья, чернила, бумага и книги.

Решетка на другом конце комнаты позволяла Пери принимать посетителей-мужчин, не являвшихся ее родичами. По другую сторону решетки стоял молодой человек в синем бархатном халате. Мы могли видеть его сквозь решетку, а он нас — нет.

— Маджид, я рада представить тебе моего нового главу осведомительной службы Джавахир-агу, — сказала Пери, добавив титул, положенный евнухам.

До этого я порасспросил о ее визире и узнал, что Маджид молод, но уже удостоен высокого поста. Он был из старого ширазского рода, который, подобно моему, многие поколения служил двору.

— Маджид связывает меня с придворными, — добавила Пери. — Джавахир, ты свяжешь меня с миром женщин во дворце и за его стенами, а также с местами, куда родовитость Маджида не позволит ему проникнуть незамеченным.

Она могла бы сказать то же самое о моей собственной родовитости, не будь мой отец обвинен в измене и казнен. Давний стыд зажег огонь на моих щеках, и я ощутил злобу оттого, что придется доказывать, что я лучший слуга.

— Джавахир, посмотришь на меня за работой. Потом я растолкую тебе все, чтоб ты понял, как я это делаю.

— Чашм, горбон, — отвечал я кратким ответом от полного «Клянусь своими глазами, да буду я твоей жертвой».

Все оставшееся утро я наблюдал, как Пери занимается повседневными делами. Ее первой обязанностью было следить за ходом подготовки к ежегодному дворцовому празднеству в честь

Фатьме, возлюбленной дочери пророка. Следовало нанять женщин, сведущих в вере, приготовить еду, украсить помещения. Один из евнухов шаха прибыл, чтобы спросить Пери, как составить некий необычный документ, потому что никто более не мог вспомнить порядка. Царевна прямо-таки отбарабанила последовательность подписей и назвала всех, кто должен был их поставить, даже не отрываясь от бумаги, которую в тот момент писала. Затем Пери просмотрела целую стопу писем и вдруг расхохоталась.

— Вы только послушайте, — велела она нам.

Я сорок восемь строк о шахе изваял
Блистательных; и ваш визирь сказал,
Что вы восхищены. Царевна, вы в уме?
Но если да, тогда пролейте мне
В ладони дождь благого серебра,
Чтоб сыты дети были и жена добра.
Смиренно попрошу пнуть ваших казначеев,
И я тогда еще не то создать сумею!

— Ну кто устоит перед такой мольбой? Подите к казначею и удостоверьтесь, чтоб придворному поэту немедля заплатили, — приказала она Маджиду.

С полудня Пери вела свой обычный прием для женщин дворца, приходивших с разными просьбами: даяния на содержание храмов, места при дворе, выпрашиваемые для родственников, нужда в дополнительных наставницах. В конце долгого дня Пери согласилась принять просительницу издалека, хотя она уже устала и женщину ей описали как совсем неподходящую для двора царевны.

Женщина, которую проводили в приемную, несла ребенка; он хрипло дышал во сне. Лиловое полотняное платье было заношено за дни пути. Ступни были обмотаны грязным тряпьем. Мое сердце исполнилось жалости к этим двум позаброшенным.

Низко поклонившись, женщина села на подушке для посетителей. Она рассказала Пери, что ее зовут Рудабех и пришла она из Хоя, что невдалеке от границы с оттоманами. Муж развелся с нею и выгнал из

дому, унаследованного от отца, объявив его своим. Она хотела вернуть дом.

— Печально слышать о твоей беде, — сказала Пери, — но почему ты не пришла к одному из Совета справедливых, помогающего всем подданным в их спорах?

— Чтимая царевна, мы пришли в суд моего города, но члены его — друзья моего мужа, и мне ответили, что прав у меня нет. У меня не осталось выбора, кроме как обратиться к кому-то в столице. Я пришла к вам, ибо слышала, что вы защитница женщин.

Пери расспрашивала о подробностях ее утраты, пока не убедилась, что случай на самом деле таков.

— Что ж, хорошо. Джавахир-ага, ты сопроводишь нашу гостью в Совет справедливых, чтоб она могла изложить свою тяжбу, и скажешь им, что ее прислала я.

— Чашм, — отвечал я. — Следующее заседание через неделю.

— У тебя есть деньги или место, где остановиться? — спросила Пери.

— Несколько монет, — печально ответила женщина, — этого мне хватит... — Но она взглянула на личико спящего ребенка, и глаза ее наполнились страхом.

— Джавахир, отведи мать к моим девушкам и скажи, что я велела приютить ее, дать побольше свежей зелени, пусть молоко для ее младенца заструится изобильно.

— Благослови тебя Бог за твою щедрость! — воскликнула Рудабех. — Если я когда-либо смогу помочь тебе, да станут глаза мои ступенями для твоих ног!

— Это мне только в радость. Когда вернешься домой, пиши мне о ваших новостях.

— Обещаю быть верной твоей вестницей.

Когда я впервые заступил на дворцовую службу, меня обучал евнух с Малабарского берега Хиндустана. Баламани, угольно-черный, животастый, с темными кругами вокруг мудрых глаз, проводил весь день в разговорах со служанками, садовниками, лекарями и даже мальчишками-посыльными. У него был веселый смех и добродушное обхождение, отчего подчиненные чувствовали, что он о них радует. Так он узнавал все дневные новости дворца: кто кого ревнует, кто в

очереди на повышение, а кого вот-вот выгонят. Его известители сообщали ему даже о крови в ночном судне придворного прежде, чем становилось ведомо, что тот умирает. Товаром Баламани были сведения, и продавал он их на вес золота.

Баламани подсказал мне запомнить «Танассур», книгу, где перечислялись правильные титулы, с которыми следовало обращаться к каждому разряду людей. Мне пришлось заучить, что «мирза» ставится после имени, например Махмуд-мирза, и означает, что он является царевичем по крови, в то время как «мирза», поставленное перед именем, является просто чествованием. Когда я ошибался, Баламани отсылал меня к книге: «Иначе все благородные будут хлестать тебя по спине так, что она станет подобна красному ковру».

Когда я узнал, как обращаться к любому из обитателей дворца, Баламани стал учить меня искусству получать от них сведения таким разумным образом, чтоб казалось, будто я ими делюсь, и как платить за них, если нужно, и как использовать их в качестве политического капитала. «У тебя нет драгоценностей ни между ногами, ни на пальцах, — сказал он как-то, — так что обзаведись ими в голове».

Баламани так и называл каждый кусочек сведений — «драгоценность», «джавахир», и каждый день допрашивал меня, что я достал для него. Первый «алмаз», добытый для Баламани, принес мне и прозвище. Проследив за мальчиком-посыльным, служившим одному из министров шаха, я открыл, что он заносит письма и очень неприятному книготорговцу. Оказалось, что министр пытался продать бесценную рукописную книгу с рисунками золотом, которую он перехватил до того, как она попала в дворцовую сокровищницу. Когда Баламани сообщил шаху, министра сместили, книготорговца наказали, а я родился заново под новым именем. Обычно «Джавахир» называли женщин, но это стало моим знаком отличия.

Я любил и уважал Баламани, как родного дядю. Сейчас, когда он уже состарился, я вожусь с ним, у него сложности с мочевым пузырем, — скорее всего, оскотление сделало его уязвимым к болезненным заражениям. Работу его я тоже делаю сам, когда он слишком слаб для нее. Как помощнику Анвара, африканского евнуха, начальника над гаремом, ему достается множество забот.

Служа Пери, я пользовался всем, чему научился у Баламани, для установления более прочных связей с людьми, близкими к женщинам

шахского дома, — служанками, дамами свиты, евнухами. Особенно интересовали царевну те жены и наложницы шаха, у которых были взрослые сыновья. Ей хотелось знать о степени их привязанности к сыновьям, в особенности о намерениях возвести их на трон.

Как-то вечером я вернулся, выполнив поручение, и застал тихо разговаривающими Пери и ее дядю, черкеса Шамхал-султана. Шамхал был необыкновенно велик ростом, широк в плечах, с огромными руками и предплечьями, запястья его были шириной с мялку для шкур. Лицо стало темным от долгих скачек под солнцем, а шея бугрилась толстыми мышцами, даже когда он просто говорил. Громадный сине-белый тюрбан из двух полос ткани разного цвета, скрученных вместе, делал его еще выше. Рядом с ним Пери выглядела хрупкой, как ваза, сделанная другим мастером.

— ...готов к тому, что будет потом... — услышал я слова Пери.

Она называла родичей, а Шамхал отвечал: «С нами» или «Не с нами». Несколько раз он говорил: «Не знаю».

— Почему? — каждый раз спрашивала Пери, пока наконец не отступалась и не говорила тоном, не допускающим обсуждения: — Нам следует знать это, или мы проиграем.

— Обещаю, что к следующей встрече с тобой узнаю больше.

Его покорность ей поразила меня.

Несколько дней спустя я нашел способ поинтересоваться у Пери, кого она собиралась поддержать на троне. Я сказал царевне, что слышал сплетни о Султанам, первой жене шаха, искавшей подходящую жену своему сыну Исмаилу, хотя он был тогда в тюрьме. Она подозревала, что отсутствие у него мужского потомства было результатом порчи, насланной врагами, и советовалась с травниками, как отворить для него ворота удачи.

Пери жадно слушала новости.

— Отличная работа...

— Есть догадки, что она собирается поставить его следующим шахом, — добавил я.

— Как и каждая мать каждого царевича. Надо обождать и присмотреться. Но мы должны быть готовы.

— К чему?

— Ко всему, что может случиться, и мы должны поддержать любого, кого мой отец назначит преемником. Знать показала, что

разобщена, и мне хочется любой ценой избежать новой междоусобной войны.

— И как вы это сделаете?

— Уверившись, что преемник получит всю нужную помощь, какая нужна, чтоб мой отец успешно передал ему власть.

— И кто это будет?

— Мой отец еще не объявил о своем выборе.

— Говорят, что Хайдар — самый лучший, — сказал я, стараясь вызвать ее на ответ, — хотя и провел всю жизнь во дворце.

— Никто не видел его в деле.

— А другие думают, что лучше Исмаил, потому что он такой храбрый воин.

Глаза Пери погрузнели.

— Когда я была маленькой, он был моим героем. Сердце мое болело за него, сосланного. Никому из шахского рода, кроме матери, не позволялось писать ему или получать от него письма.

— Вы полагаете, он сможет успешно править после такого долгого отсутствия?

— Выбирать преемника — забота моего отца, — жестко ответила Пери. — Наша — обеспечить прочную сеть поддержки задолго до того, как она понадобится. Ты понимаешь?

— Да, высокочтимая повелительница, — сказал я, — но я думал, что вы на стороне вашего брата Сулеймана.

Губы Пери сжались.

— Я не слишком чувствительна. Он не ровня даже тем, кем должен править.

У меня взмокла спина, когда я понял, что Пери рассчитывает на решающую роль в этом наследовании. Подозревая, что толстая пачка писем, разосланная ею накануне, была требованиями поддержки, я не знал — для кого?

Мне-то было не только любопытно. Если звезда Пери всего лишь закатится со смертью шаха, то моя просто упадет.

Принятый на дворцовую службу, я стал обзаводиться друзьями и просить тех, что поближе, помочь узнать об отце. Мать Махмуда была тогда слишком юна, чтоб запомнить его, да и, как рабыня, не имела связи с правящими семьями, которые могли знать больше. Хадидже,

улучив предлог, спросила однажды Султанам, но Султанам ничего не знала о случившемся. Баламани и Анвар оправдывались незнанием.

Я пытался также получить доступ к дворцовым хроникам, чтоб изучить их на предмет сведений об убийстве моего отца. Каждый раз мне отвечали, что слуге моего положения не разрешено даже глянуть в секретные дворцовые документы. Годы шли впустую. Я рвался подняться выше по служебной лестнице, чтоб добиться связи с влиятельными людьми, обладавшими теми сведениями, которых я жаждал.

Когда Пери наняла меня, я отправился в управление шахских писцов, чтоб представиться как новый глава осведомительной службы шахской дочери. Писцы работали в огромной комнате, освещенной солнцем, струившимся из высоких окон. Они сидели выпрямившись на своих подушках, деревянные доски покоились на бедрах, или же они писали на высоких конторках инкрустированного дерева, где хранились и их принадлежности. Комната была тиха как могила. Их тростниковые перья-каламы не издавали звуков. Писцы, исполнявшие шахские письма, сидели бок о бок с придворными летописцами, заносившими на бумагу любое значащее событие в стране.

Я свел знакомство с главным из них, почтенным старым мастером Рашид-ханом, носившим черный тюрбан и длинную седую бороду; глаза его всегда были красными и усталыми от долгой кропотливой работы. Он был известен четкостью и красотой почерка и выучил множество людей, нынче работавших на него.

Рашиду я сказал, что у моей новой нанимательницы склонность к учености и время от времени мне может понадобится заглядывать в некоторые дворцовые хроники — возможно, даже в те, что были записаны о долгом правлении шаха Тахмасба. Это не очень трудно? Меня заверили, что ничуть, любые запросы любимой дочери шаха будут встречены с наивозможнейшим почтением. Все, что может понадобится, — это записка с разрешением от Пери. Если она пожелает, рукописи, когда над ними не работают, можно будет даже забирать для изучения.

Хвала Богу! Имя царевны действовало как магическое заклинание.

Посреди ночи полу моей рубахи настойчиво задергали, словно джинн или дурное знамение рвалось в мои сны. Оно было мало, большеглазо, с кривой улыбочкой и не отпускало меня. Дергало и дергало, а я во мраке отталкивал его руку, стараясь высвободиться. Но подергивание становилось все настойчивее, пока я не разомкнул веки и не разобрал в лунном свете, что это Масуд Али, девятилетний мальчишка-посыльный, которого мне назначила Пери. Неумытый, без тюрбанчика, обычно так гордо накрученного.

— Проснись! Проснись, ради всевышнего!

Я уселся, готовый отбиваться. Баламани, известный соня, только заворочался на тюфяке в углу нашей общей маленькой спальни.

— Что такое?

Масуд Али нагнулся к моему уху и шепотом, словно вслух это было сказать ужасно, просвистел:

— Увы, солнце вселенной угасло. Шах умер.

В его темных глазах был ужас.

— Баламани! — крикнул я.

Тот пробормотал, что я сукин сын, и отвернулся к стене.

— Разбуди его, но бережней, — велел я Масуду Али.

Сбросив ночную одежду, я сунул руки в рукава халата и обмотал волосы тюрбаном.

Тахмасб-шах, правивший больше пятидесяти лет, мертв? Переживший несколько попыток отравления, серьезную болезнь, тянувшуюся два года? Словно Канопус померк, оставив нас, мореходов, бороться с тьмой.

Всего несколько недель назад шах одарил меня счастьем служить его любимой дочери. «Помни, это дитя милее всех моим очам, — сказал он, рубя воздух указательным пальцем, чтоб придать вес словам. — Если тебя возьмут к ней, ты должен поклясться пожертвовать самой твоей жизнью ради нее, когда понадобится. Ты клянешься?»

Я выбежал через сады у моего жилья, безмятежно цветущие в полумраке раннего рассвета. Птицы чирикали в ветвях кедров, голубые и белые гиацинты полностью распустились. Голова кружилась: во дворце должно было измениться все — министры, женщины, евнухи и рабы, которым благоволил шах. Что будет с Пери? Останется ли она в той же роли, в том же фаворе? А что станет со мной? Кто выживет?

Пери была в темной комнате, едва освещенной мигающими светильниками. Глаза ее были красными от рыданий, а лицо казалось измученным и постаревшим. Две ее приближенные, Марьям и Азар, были рядом с нею, держа ее руки и промокая слезы на ее щеках шелковым платком.

— Салам алейкум, достойная повелительница моей жизни, — сказал я. — Мое сердце источает кровавые слезы по твоей потере. Если бы я только мог извлечь яд из твоих мук, то проглотил бы его с такой радостью, будто это халва.

Царевна подозвала меня:

— Это худшее из страданий моей жизни. С благодарностью принимаю твое соболезнование.

— Как все могло случиться так быстро?

Глаза Пери были словно мертвое стекло.

— Я прибежала на его половину вчера вечером, как только узнала, что у него жар, — отвечала она хриплым от горя голосом. — Он рассказал, что беда началась в хаммаме. Когда прислужник намазал ему ноги мазью, удаляющей волосы, отец ощутил жгучую боль, но терпел, пока не заметил, что кожа побагровела.

Шах так хотел, чтоб его тело было совершенно гладким ко времени молитвы.

— Он вскочил с постели и бросился в бассейн. Его слуга, принесший нарезанные огурцы, кинулся следом прямо в одежду, сорвал свой тюрбан и попытался стереть клейкий состав с ног отца. Но к тому времени ожог был слишком глубоким.

— Спаси нас бог от подобного! — сказал я.

Пери отпила глоток чая и прокашлялась.

— Разумеется, он сразу заподозрил яд и потребовал, чтоб составители лекарств проверили мазь. Врач наложил смягчающие бальзамы на ноги и пообещал, что все пройдет. Отец продолжил заниматься повседневными делами, хотя говорил, что вместо ног чувствует два пылающих шеста. К вечеру он уже не мог встать на них без мучений и лег. Тут он и позвал за мной.

Она глубоко и длинно вздохнула, пока ее дамы бормотали успокаивающие речи.

— Когда я прибыла, то положила ему на лоб холодную примочку с розмарином, но жар все усиливался. В самый темный час ночи его

мозг словно вскипел. Вскоре он утратил способность говорить или мыслить. Я молилась и старалась успокоить его, но его переход в лучший мир был омрачен муками.

— Всеблагая царевна, ни одна дочь не сделала бы больше! Да почитет его дух в мире.

— На это я надеюсь, за это молюсь. — Пери гневно вытерла слезы. — Если бы я могла просто горевать! — воскликнула она.

Между нами скользнуло понимание. Будь она кем-то другим, то сорок дней ходила бы на отцовскую могилу и поливала ее океаном слез. Но Пери лишена была роскоши скорби: ей надо было сделать всю работу по наследованию. Мне было жаль ее.

Вскоре после дневного намаза я отправился на траурную церемонию в покоях Султанам, где женщины царского рода собрались оплакать утрату шаха. Первая жена шаха звалась с почтительным прибавлением, означавшим «моя султанша». В ее дворце было открытое место на первом этаже, с прекрасным видом на розовые сады, а гостевые комнаты были отделаны розовыми шелковыми коврами, устланными розовыми и белыми вышитыми бархатными подушками. Сегодня комнаты наполнялись плачущими вскриками женщин.

Я вошел в большую гостиную и подставил руки струйке розовой воды из кувшина, поднесенного служанкой. Посредине комнаты на деревянном возвышении, скрестив ноги, сидела старуха, вслух читавшая Коран. Слова текли так свободно, что я догадался: она знает всю святую книгу наизусть. Женщины, сидевшие вокруг нее на подушках, были одеты в темно-синее или серое, а волосы их — непривычно распущены по плечам, не расчесаны и всклокочены. На веках не было сурьмы, на запястьях — браслетов, в ушах — серег. Украшения воспрещались в знак горя, а отсутствие их делало женщин более беззащитными, чем обычный придворный убор.

Султанам приветствовала новопривывших и приняла их соболезнования. Стоя она была величиной с двух женщин. Множество одежд делало ее шире, чем на самом деле, хотя ступни и щиколотки у нее были маленькие и, казалось, едва удерживали царицу. Кудрявые белые волосы вились башней над смуглым лицом и узкими глазами, легко позволяя вообразить гордую наездницу из племени мовселлу,

какой она и была давным-давно. Лицо не отекло от искренних рыданий, и слезы не набегали на глаза. Я представил себе, может ли для нее быть что-либо радостнее, чем возможность освобождения сына из тюрьмы, а то и даже коронования. Но чего еще ждать от матери? Вот кто скажет, годен ли Исмаил править после двадцати лет заточения?

Рядом стояла прислужница Султанам, пухленькая Хадидже, чье лицо светилось, точно луна. Мое сердце заколотилось, но я заставил себя отвернуться, будто она для меня ничего не значила.

В комнате толпились десятки женщин, возвышенные покойным шахом за долгое правление. Три остальных его жены, черкешенка Дака, Султан-заде, Зару-баджи, занимали лучшие места, рядом с чтицей. Дальше стояли восемь или девять взрослых дочерей шаха со своими детьми — не сосчитать числа, — несколько наложниц со своими и наконец куда более широкий круг женщин, которые никогда не делили с ним ложа.

Пери сидела рядом с матерью, черкешенкой Дакой. Женщины обнялись, прижавшись головой в знак сочувствия. Дака была известна своим мягким и кротким нравом, совершенно иным, чем у дочери, которую она часто безуспешно пыталась смирить. Обильные слезы бежали по ее щекам, и я подозревал, что смерть шаха означала для нее прежде всего перемены в будущем Пери.

Султан-заде, грузинка, мать Хайдара, принялась рвать свои прекрасные волосы цвета верблюжьей шерсти. Старшие женщины не любили ее, потому что она была одной из немногих, кто покорила сердце шаха, и они делали все, что могли, дабы помешать ей завоевать положение. Ничего странного, что слезы в ее зеленых глазах были настоящими.

Пери что-то прошептала на ухо матери, встала и скрылась в коридоре. Я последовал за нею в одну из боковых комнат, где женщины утешали друг друга. Кровь моя стыла при мысли, что шах лежит, безмолвный и холодный, в погребальной зале собственного дворца. В моей собственной груди что-то начало слабеть, и я, чтобы успокоиться, сосредоточился на наблюдении. Пери уселась рядом с Марьям. Ее несокрушимое молчание было куда ужаснее, чем визг и скорбные вопли других.

Я присел подле Пери и прошептал:

— Повелительница моей жизни, есть ли услуга, которую я могу оказать вам прямо сейчас?

— Следи за всеми в главной комнате, — ответила она, — и сообщи обо всем, что заметишь, когда этот страшный день закончится.

Женщины там не шевелились, только причитали. Но позади них слуги возбужденно шептались, будто их переполняли новости, а Баламани говорил с рабом, и глаза у него были встревоженные.

Голос чтицы стал выше и громче, женщины наполнили комнату жутким воем, и воздух сгустился от запаха розовой воды и пота.

Когда Баламани закончил говорить с рабом, я тихо подошел поближе. Баламани не заметил, и я дернул его за халат, чтоб привлечь внимание. Он подскочил, словно испуганный кот, его живот колыхнулся.

— Это я, — успокаивающе сказал я, — твой лекарь.

Серая кожа под глазами стала еще темнее. Он слабо улыбнулся и сказал:

— Если бы ты и в этот раз смог меня вылечить...

— Вижу, тебя что-то новое мучит, — ответил я.

— Ах, друг мой, знал бы ты, что знаю я.

Укол разочарования — он выиграл эту партию.

— И что это?

— Наследование.

— Ну и кто же наконец?

— Вот в этом все и дело, — прошептал Баламани, и в голосе его сквозил ужас, — никто не знает, как наследовать...

— А что говорит глава ритуала?

— Салим-хан? Ничего не говорит.

— Ничего?

Он нагнулся к моему уху:

— Нечего сказать, потому что завещания нет.

Вскрик сорвался с моих губ, и я тут же согнулся, притворяясь, что это приступ кашля. Нет завещания? Кто укротит свирепых сыновей шаха, каждый из которых наверняка мечтает стать правителем, не говоря уже о сыновьях шахского брата Бахрама? На миг вернулось головокружение.

— Да сохранит нас всех Господь! Как же выберут наследника?

— Если все пойдет хорошо, знать согласится насчет нового шаха, а другие отпрыски Сафавидов примут его.

— А если нет?

— Они объединятся вокруг других и ввергнут страну в хаос.

Я вернулся на свое место и принялся наблюдать за каждым движением, словно сокол в поисках добычи. Несколько женщин читали Коран по книгам, но большинство были так охвачены горем, что почти не двигались и не говорили. Время от времени они отпивали из чаш с дынным шербетом, стоявших на больших подносах, или брали щепотку халвы, чтоб поддержать силы. А силы им были нужны.

Чтица начала вспоминать истории из жизни благословенной семьи Пророка. Ее голос наливался болью, когда она описывала младенца Али-Асгара, чье горло пробила вражеская стрела и он захлебнулся кровью. Глаза мои защипало. Я вспомнил грязь, шлепавшуюся на тело отца, рыдания матери и мои мучения. Настал миг, когда я оправданно смог дать выход моему собственному горю по отцу, по судьбе матери и сестры, по мертвому шаху, по Пери и по нашему общему будущему. Глаза Пери встретились с моими, и я уловил в них сочувствие. Несколько часов подряд всех нас в этой комнате соединяла память о тех печалях, которые мы встретили и пережили на земле.

Поздно вечером старшая родственница шаха Фатемебегум совершила церемониальный выход, облаченная в подходящие одежды.

— Добрые женщины, — обратилась она к толпе, — вы до дна наполнили ваши сердца скорбью и излили все влаги ваших тел слезами. Теперь настало время остановить реку страдания и обратиться к своим горестям. Верим во Всевышнего и лишь у Бога просим защиты.

Старуха на возвышении принялась читать из суры «Милосердный»: «Милосердный — Он научил Корану, сотворил человека...»^[1] Сура, которую так хорошо знали мы все, оказала умиротворяющее действие. Когда Фатеме-бегум нараспев произнесла: «Всякий, кто на ней, исчезнет...» — раздались восклицания «Увы!» и горестные стоны. Мы продолжали за нею: «...и останется вечно лик Господа твоего со славой и достоинством...» — и успокоили нас слова эти и наши голоса, звучавшие согласно.

В комнате стало тихо. Женщины принялись понемногу утирать слезы, пригладили волосы и подобрали разбросанное, словно стараясь не расставаться с опорой разделенной скорби.

Когда женщины царского рода начали прощаться, вокруг Султанам собрался небольшой круг. Даже самая высокая из них казалась хрупкой рядом с ее мощным телом. Одной из первых отбыла наложница шаха, родившая ему двух младших сыновей и потому способная перевесить шансы взрослых наследников. Я смотрел, как Султанам благодарно расцеловала ее. Без сомнения, она уже начала собирать союзников для Исмаила.

Женщины столпились и вокруг Султан-заде, матери Хайдара, притворно утешая ее. Лицо ее покраснело от изнурения искренними рыданиями, но в глазах горело пламя. Грузинки стояли с нею; затем подошла Гаухар, старшая дочь покойного шаха, и расцеловала ее на прощание в обе щеки, что-то шепнув на ухо. Султан-заде просветлела. Гаухар должным образом попрощалась с Султанам, накинула свой темный чадор и отбыла.

Комната быстро пустела. Пери подошла отдать дань уважения Султан-заде, и обе женщины произнесли соболезнования о награде в раю за достойно прожитую жизнь.

— Теперь все изменится, — добавила Султан-заде, сложив губы, чтоб запечатлеть поцелуй на щеке Пери. — Могу я надеяться на вашу поддержку для моего сына Хайдара?

Я знал Хайдара только как испорченного сластолюбца, никогда всерьез не изучавшего искусство править. Но когда это могло разубедить царевича в том, что он достоин трона?

Пери отпрянула:

— Да как вы можете просить о таком, когда мой отец лишь едва!..

Верхняя губа Султан-заде слегка вздернулась, будто маленький голодный хищник собрался показать клыки.

— Я не хотела явить неуважение. Вы бы поняли меня, будь у вас свои собственные сыновья.

Пери не обратила внимания на попрек.

— Как бы страстно вы ни хотели продвижения своему сыну, традиции нарушать нельзя, — ответила она. — Есть закон, которому следуют, когда нет завещания. Вы знаете, в чем он?

— Нет.

— Старейшие встречаются, чтобы обсудить наилучшего преемника. Так было, когда избрали моего отца. Во времена неустойчивости закон — это все, что нам остается.

— Но скажите, Пери, отчего же моему сыну...

— Не сейчас, — отрезала Пери, отходя от нее.

Султан-заде нахмурилась, и ее прекрасные зеленые глаза словно заледенели.

Пери через всю огромную комнату подошла расцеловать Султанам. Женщины вежливо разговаривали несколько мгновений, хотя Султанам никогда не одобряла Пери — ведь та отнимала у нее внимание мужа.

Когда царевна собралась уходить, ее печальное, полное горя лицо, с которым она шла к Султанам, изменилось и вспыхнуло откровенно торжествующей улыбкой. Когда мы вышли из дворца, я рассказал ей, что видел.

— Как они наслаждаются мыслью, что лишат меня власти! — говорила она, пока мы шагали вдоль клумб алых и белых роз. — До сегодняшнего дня они не смели быть такими храбрыми. Теперь я собираюсь обрушить все их надежды. Матушка умоляет меня выйти замуж и обрести безопасность, но жизнь в безопасности — не то, чего я хочу.

Меня поразило, как Пери отличается от всех. Желание защитить ее охватило меня.

— Обещаю, что буду сражаться за вас.

— Благодарю тебя, — ответила Пери, на мгновение коснувшись моей руки.

Услышав шаги позади, я обернулся и увидел Масуда Али, мчавшегося к нам через кусты роз. Он запыхался, но очень хотел что-то сообщить.

— Что такое, малыш?

— Все знатные покинули погребальную церемонию и собираются в Зале сорока колонн, — сказал он, едва переводя дыхание.

— Говорить о наследовании?

— Да.

— Тебе следует пойти, — приказала Пери.

— Чашм, — отвечал я.

Так как даже царского рода женщина не смеет показаться на собрании мужчин, я буду глазами и ушами Пери. Масуду Али я велел ждать, пока я не провожу Пери домой. Когда мы подходили к ее воротам, она уже обдумывала другие планы:

— Как только ты вернешься со встречи, мы должны будем обсудить подробности погребальной церемонии моего...

Захлопнутая мною тяжелая дверь словно отсекала ее голос. Пери остановилась, ее плечи опасно обмякли. Один страшный миг я ждал, что она может рухнуть на землю.

— Царевна! — тихо позвал я, метнувшись к ней. — Я лучше других знаю, какие океаны печали захлестывают ваше сердце...

Ее глаза увлажнились. К моему изумлению, она вцепилась в мои плечи и приникла ко мне, словно ребенок, и голова ее была у моей груди. Рыдания сотрясли ее тело, и горячие слезы пропитали отвороты моей одежды. Я старался стоять прямо, словно знаменитый кипарис в Абаркухе, видевший тридцать веков людского горя.

Когда рыдания унялись, Пери попросила у меня платок. Глаза ее покраснели, она шмыгала носом. Я протянул ей полотняный платок, свисавший с моего кушака, и смотрел, как она вытирает глаза и лицо.

— У меня сердце разрывается, когда я думаю о смерти отца, — сказала она.

— Понимаю. Я проливал такие же горькие слезы.

— Знаю, что такие же. Спасибо, что позволил мне опереться о тебя... — и тут она заметила мой намокший халат, — и промочить тебя.

Мы были одни, и я решил рискнуть:

— Для меня честь быть вашим человеком-платком. Не опасайтесь, я словно омыт бриллиантовой рекой.

Пери сумела улыбнуться, потом не удержала короткого печального смешка, а затем принялась опять вытирать нос. Платок она сунула мне:

— Вот, он тебе нужен даже больше.

ГЛАВА 2

ОЗВЕРЕНИЕ

Заблуждения Джемшида открыли по всей стране врата алчности, разброду и отчаянию даже там, где прежде такого не было.

В крошечном уголке его державы жил вождь по имени Мирдаз, который был так благочестив, что каждый день вставал еще до рассвета помолиться в своем крохотном садике. Он владел тысячами овец и коз и делил между всеми их молоко, сыр и мясо так, что в его царстве никто никогда не голодал. Слабостью его было лишь то, что он слишком потворствовал своему единственному сыну Зоххаку. Однажды Зоххаку явился дьявол, который выразил удивление, что Зоххак столь терпеливо дожидается отцовского трона. Так как его уже провозгласили наследником, нет ничего плохого в том, чтоб слегка поторопить события. Чего это старику заниматься тем, чем должен распоряжаться такой юный и бодрый, как он?

Той же ночью дьявол вырыл глубокую яму на тропе, которой Мирдаз каждое утро шел к храму огня, чтобы произнести молитвы, и прикрыл ее листьями и ветвями. На рассвете, когда Мирдаз шел через сад, он упал в яму и сломал позвоночник. Бедняга стонал и звал, но никто его не слышал, и наконец в ужасных мучениях он скончался. Так справедливость была попорана несправедливостью, и началось время ужаса.

Мы с Масудом Али покинули женские покои, находившиеся глубоко за стенами дворца, через тяжкую окованную дверь посредине высокой стены. Поздоровались с Зэв-агой, старым евнухом, сторожившим выход наружу, в бируни.

— Совсем недалеко до отставки? — спросил я.

— Всего несколько месяцев, если Божьей волей переживу нынешнюю смуту!

Они с Баламани часто вспоминали бурный океан и свежую рыбу их детских лет на Малабарском берегу Хиндустана, до того как их

оскопили и продали в рабство. Теперь они жаждали вернуться туда свободными людьми.

Через извилистые коридоры, полные вооруженных стражников, мы с Масудом Али долго добирались до широкого двора возле ворот Али-Капу. Перейдя двор, мы миновали вторые ворота, тоже охранявшиеся, ибо они вели в казну, книгохранилище, лечебницу, зельеварню и холодный подвал для мертвых. Лицо Масуда Али так сжалось, что мне пришлось ободрить мальчика. Я спросил, в какие игры он любит играть с другими посыльными, но он только повел плечами. Он был худ и мал, и я подозревал, что его поколачивают даже мальчишки помладше.

— Как насчет нардов?

— Я не умею.

— Я тебя научу. Это игра царей.

Его улыбка была такой быстрой, словно он еще не успел к ней привыкнуть.

Сразу за перекрестком двух главных улиц, пересекавших дворцовые земли, мы свернули к Залу сорока колонн, главному месту важнейших встреч. Это было одно из моих любимых зданий, потому что высокий дверной проем оставался открытым в теплые месяцы и можно было разглядывать плодовые деревья и цветники. Придворный поэт однажды написал больше сотни строк об изысканности дынь, растущих у шахского дворца, и был прав.

Многоарочный свод зала был окрашен бледно-оранжевым, бирюзовым и зеленым и расписан орнаментом из золотых цветов, словно халат тончайшего шелка. Толстые ковры и плюшевые подушки скрывали пол.

Масуд Али встал у дальней стены с другими посыльными; я сел среди дворцовых евнухов рядом с Баламани. Мы хмуро взглянули друг на друга: новостей не было ни у кого. Обычно тихий, торжественный зал сегодня гудел разговорами — все гадали, кто будет следующим правителем. Люди из племен остаджлу и мосвеллу устроились рядом с возвышением, где всегда восседал шах, — это было их почестью, признанием заслуг воинов, поднявших Сафавидов на трон. Несколько грузинских и черкесских вождей, породнившихся с царствующей семьей, тоже добивались почетных мест. Все эти пришельцы начинали соперничество за власть с куда более именитыми племенами и куда

более могущественными людьми, чей калам ставил подпись под счетами и выводил царские письма, приказы и хроники. Мой отец был одним из них, и на миг я вообразил, как мы с ним сидим в самом начале зала и на нас одеяния темного шелка в знак скорби по шаху...

Салим-хан, распорядитель дворцового ритуала, вошел в зал. Он обладал голосом, способным укрощать толпы. Когда он возгласил: «Тишина и спокойствие!» — замолчала даже знать. Верховный мулла Казвина, в черной чалме и черных скорбных одеждах, медленно вышел, встал перед собранием и начал заупокойную молитву. Все головы склонились, будто не выдерживая тяжести непредставимого будущего.

После молитвы Салим-хан объявил, что к нам хочет обратиться представитель династии Сафави. Коричневый бархатный занавес в глубине возвышения сдвинулся, Хайдар-мирза шагнул вперед и остановился на месте шаха. Худощавый юнец, он время от времени часто мигал левым глазом. Черный зауженный халат делал его еще меньше.

— Приветствую всех достойных, на кого опирается двор Сафавидов, — начал он гнусавым голосом, слишком слабым, чтоб его можно было расслышать. — Я благодарю вас за то, что вы пришли к нам в этот ужасный день. Вместе мы оплачем кончину моего отца, оси вселенной, прежде чем должны будем уделить внимание грядущему. Призываю вас, о великие, помочь мне исполнить желание моего отца о будущем.

Ни единая складка на кушаках знати не шелохнулась от дыхания — они ждали, что он скажет, но Хайдар замялся.

— Прошу на секунду вашего снисхождения, — наконец промямлил он и скрылся за занавесом.

Мы расслышали тихое бормотание женщины.

— Похоже, там его матушка, — шепнул я Баламани.

— Если он на собрании не может без ее помощи, как он будет править? — проворчал Баламани.

Зал загудел, но снова прогремел голос Салим-хана, и все умолкли.

Хайдар выскочил из-за занавеса слишком быстро, едва не упав, будто его толкнули в спину. Рука сжимала великий золотой меч династии Сафави, прекрасно выкованное оружие, украшенное

изумрудами и рубинами. Пояс на его талии сверкал красными и зелеными лучами, когда Хайдар поворачивался.

— Итак, я провозглашаю себя вашим новым шахом и требую вашей верности до самой вашей смерти! — закричал Хайдар. — Кто будет служить мне, будет вознагражден; кто будет противиться мне, ответит за это. — Он попытался вздеть меч над головой, но клинок был для него слишком тяжел, и рука остановилась на полпути.

Зал будто взорвался. Сидевшие вскочили — некоторые вопили от неожиданности, а другие кричали, поддерживая царевича.

— Уймите свой шум! — громыхнул Салим-хан, и постепенно зал стих.

Дядю Хайдара по матери, Хакабери-хана, просили признать племянника; он встал, чтоб помочь ему:

— По какому праву ты заявляешь это?

Хайдар передал тяжелый меч Салим-хану. Из-за пазухи он достал свиток и поднял его, чтоб все могли видеть.

— По воле моего отца, — сказал он.

Глухой, но мощный ропот недоверия пронесся по залу.

Развернув документ, Хайдар прочел его вслух. В бумаге он именовался единственным законным наследником шаха Тахмасба и всех призывали явить ему верность как избранному его отцом.

— Я знаю руку шаха лучше своей собственной, — возразил мирза Шокролло, хранитель казны, чья длинная седая борода тряслась, когда он говорил. — Дайте мне взглянуть на свиток.

— Вот он! — отвечал Хайдар, взмахивая бумагой, но не выпуская ее из рук, так что Шокролло пришлось подойти к возвышению.

Через несколько минут он изумленно сказал:

— Готов поклясться — это написано шахом.

Дядя Пери, Шамхал-черкес, поднялся, чтоб высказаться:

— Всем известно, что во дворце есть женщина, чей почерк похож на шахский. — Его указательный палец устремился вверх для значительности. — Как можно быть уверенными, что это не ее рука?

— Пусть вы сомневаетесь в почерке, но печать моего отца знают все, — отвечал Хайдар, указывая на завещание. — Уж ты, конечно, не станешь отрицать, что это она?

— Любую печать можно подделать, — не уступал Шамхал.

— А эта подлинная, клянусь, — уверял Хайдар.

— В таком случае пусть принесут печать шаха для сравнения, — настаивал Шамхал.

Мне случалось видеть, как шах использовал печать для самых важных писем; он носил ее на цепочке вокруг шеи. Мирза Салман Джабири, глава всех дворцовых служб, включая и резчиков печатей, был отправлен казначеем в погребальные покои сделать оттиск шахской печати на чистом листе.

Тем временем Салим-хан приказал подавать угощение. Целая армия слуг вбежала с подносами горячего кардамонового чая, а другие несли блюда орехов, фиников и цукатов. Среди всей этой суматохи главный евнух Султанам, гигант с шеей борца, выскользнул из зала.

— И что ты думаешь? — спросил я Баламани.

— Думаю, Хайдар лжет. Если бы шах решил выбрать его, почему не провозгласил о выборе при жизни?

— Но тогда Хайдару пришлось бы опасаться покушения.

Баламани фыркнул:

— А сейчас ему опасаться нечего? Он точно ягненок, которого вот-вот прирежут.

Пока мы пили чай, мирза Салман вернулся в комнату с влажным оттиском печати на чистом листе. Он передал бумагу Салим-хану, который развернул ее.

— Я уверен, что это та же печать, что и на завещании, — объявил он и передал ее по кругу, чтобы все могли взглянуть.

Знать рассматривала оттиск, а тем временем евнух Султанам вернулся, чуть запыхавшись, и прошептал что-то на ухо ее брату Амир-хану-мовселлу. Глаза его расширились, и, прежде чем евнух договорил, он встал.

— Одна из скорбящих жен посетила шаха ранним утром после его кончины, — сказал он. — Причитая над его телом, она случайно наткнулась на печать у горла и нащупала на ней остатки мягкого воска. Это предполагает, что печать недавно использовали или, возможно, сняли с шеи шаха, а потом вернули на место.

Зал опять взорвался криками. Салим-хан потребовал тишины и велел привести стражников мертвого шаха. Первый, чьи ширина плеч и немалый рост были почти одинаковы, поклялся, что за ночь печать не снимали, а за ним поклялись остальные. Но все понимали, что

стражу можно было подкупить, и страсти в зале накалились, когда стало ясно, что ответа на вопрос о подлинности завещания нет.

Перебранка ширилась, и Баламани смотрел на это с отвращением:

— Этого я и боялся. Каждая кучка будет стоять за того, кто благодетельствует их племя, а не за человека, который станет лучшим шахом.

— И кто бы это мог быть?

— Великий визирь Низам аль-Мульк писал, что после смерти все правители будут приведены перед лицо Бога со связанными руками. Только тех, кто был справедлив, развяжут и введут в рай. Остальные будут ввергнуты прямо в ад и вечно бичуемы по рукам.

— Как верно!

Я подумал, что Махмуд был бы куда лучшим правителем, чем Хайдар, пусть и он тоже не слишком опытен, чтоб править самому. Но оставил свое мнение при себе: как слуга Пери, я должен поддержать ее выбор.

Салим-хану потребовалось время, чтоб восстановить порядок; он гремел так яростно, что его могли слышать за толстыми стенами дворца. Багровый от гнева и усталости, он смотрел на придворных, не желавших униматься.

Когда все стихло, Хайдар снова заговорил.

— Обещаю всем, что мое правление воссияет справедливостью для каждого народа и каждого человека, — возгласил он.

В доказательство созванные им слуги выкатили тележки, полные сокровищ. Он запускал туда руки и раздавал подарки. Амир-хан-мовселлу получил тяжелый серебряный самовар, так тонко изукрашенный, что нельзя было и вообразить в нем такую обыденную вещь, как чай. Мирза Салман стал обладателем двух огромных белоголубых фарфоровых ваз из самого Китая. Придворные помоложе получили парадные шелковые халаты, настолько драгоценные, что их можно будет носить лишь по самым торжественным случаям. Дары складывали возле каждого из знатных, пока зал не стал напоминать базар.

— Он грабит казну, еще не получив ее! — громким шепотом обличал Шамхал-черкес.

Но когда подарки были розданы, общее настроение смягчилось; все придворные задумались о своем грядущем благе.

— Благородные господа, спрашиваю вас опять: могу я ожидать вашей поддержки? — Хайдар выглядел куда увереннее, чем прежде.

Как печально, что даже богатых можно подкупить пустяками!

— Моей — можете, — сказал Хоссейн-бег, вождь остаджлу.

К нему присоединился хор голосов, чьи владельцы, однако, не спешили показаться. Все помнили о риске угодить не на ту сторону. Посланник, вбежавший в зал, шепнул что-то на ухо Салиму, и тот прервал речи остальных, чтоб возгласить:

— Добрые люди, командующий шахской стражей мне сообщает, что из-за нынешних событий караулы, расставленные за дворцовыми воротами, отказываются уходить, пока не будет решения о преемнике. Никому не будет разрешено покинуть дворец или войти в него.

Хайдар отступил назад на возвышение и огляделся, как онагр, завидевший цепь охотников. Левый глаз его замигал так отчаянно, что я отвернулся. Выслушав пронзительное бормотание из-за занавеса, он скомандовал:

— Открыть ворота!

— У меня нет полномочий приказывать армии, что делать, — ответил Салим. — Это право шаха.

Он будто сам изумлялся тому, что говорил. Разве Хайдар только что не объявил себя нашим повелителем?

Баламани придвинулся ко мне:

— Сегодня четверг, значит в карауле у ворот Али-Капу стоят воины племени таккалу. У Хайдара в голове мозги или рис?

Таккалу десятилетиями враждовали с остаджлу.

Хайдар, явно испуганный, тихо произнес:

— Я законный шах, и в это смутное время призываю в защиту Бога, как тень Его на земле. Собрание распущено.

Он сошел с возвышения и покинул зал, охраняемый стражей и евнухами. Салим-хан объявил совет закрытым, и знатные мужи тотчас принялись сбиваться в кучки, сговариваясь за или против Хайдара.

— Думаешь, он победит? — шепнул я Баламани.

Он развел руками.

— Что бы ни случилось, они еще могут оказаться на вертеле! — ответил он, глядя на разгневанных придворных, окружавших нас. — Некоторые из них сделают неверный выбор и будут изрублены в кебаб...

Я поморщился, услышав его жуткое предсказание. Наши глаза встретились и разошлись. Никому из нас не довелось за годы службы испытать такой угрозы.

Я поспешил назад в покои Пери, жаждая узнать, поддерживает ли она смелый ход Хайдара. Пери вышла вскоре, щеки ее горели, словно у танцовщицы после выступления; черные пряди беспорядочно выбивались из-под платка.

— Что случилось?

— Хайдар с матерью обратились ко мне, требуя поддержки. Когда я отказала, Хайдар пригрозил мне тюрьмой. Я низко поклонилась, поцеловала прах у его ног и притворилась, что признаю его истинным шахом. Только тогда он отпустил меня.

Ее глаза расширились, она судорожно вздохнула, будто лишь сейчас осознав, какой беды избежала.

— Повелительница, кому вы отдадите свою поддержку?

— Еще не знаю.

Я помедлил, обдумывая положение.

— Если у Хайдара много вооруженных сторонников за стенами дворца, он может взять верх.

— Ступай в город и вернись с новостями.

— Но как я выберусь? Все дворцовые ворота перекрыты стражей таккалу.

— Маджид подкупит одного из их начальников. Они знают, что я не на стороне Хайдара.

Я выскользнул через боковые ворота дворца — стражник помахал мне вслед — и зашагал к главному базару. Прежде в этот теплый солнечный день матери торговались бы с продавцами, а дети щебетали от удовольствия, что гуляют. Но сейчас улицы были пустынные. Когда я подошел к главному входу базара, то увидел, что огромные деревянные двери накрепко заперты. Клянусь Всевышним! Никогда в жизни я не видал базара, закрытого в середине недели.

Подбежав к старому заброшенному минарету, я вскарабкался по сбитым ступенькам. Через окошко, прежде служившее для оглашения молитвы, виден был весь город, позолоченный солнцем, глинобитные дома окружали мечети, базары и парки. Дворцовые земли выделялись посреди всего, напоминая огромные ковры, затканые цветами и

деревьями, или сады, чьи деревья и цветы соперничали в красоте. Северные врата были наглухо перекрыты стражей. Мой взгляд отыскал сине-белые изразцы врат Али-Капу, где толпились сотни воинов-таккалу из шахской стражи, а также множество их сторонников; они строились в боевые порядки, их сабли, кинжалы, луки и стрелы были наготове.

Где же приверженцы Хайдара? Почему они не вышли поддержать своего нового шаха? Я поспешил туда, где стоял дом его дяди, хана Хакабери, но не обнаружил никакого движения, потом безуспешно стучал в ворота нескольких других союзников, пока не добрался до дома Хоссейн-бега-остаджлу. Большой отряд людей, вооруженных саблями и луками, собрался у него во дворе. Я поклонился воину с алевшим на щеке шрамом, разглядев такой же алый колпак в его чалме, означавший кызылбаша, верного Сафавидам.

— Отчего задержка?

Он насупился:

— Ты кто такой?

— Я служу при гареме.

— Полумужик!

Он потер свой пах, будто уверяясь, что его мужское достоинство на месте. Сжимая рукоять сабли, он отошел к своим соратникам, будто опасаясь, что может заразиться моим состоянием. Хотел бы я посмотреть, как он поведет себя под кривым и длинным ножом оскопителя, — тогда мы бы узнали, кто храбрее.

Воин на улице рассказал сплетню, что Исмаил вошел в город с тысячью человек. Сторонники Хайдара отложили штурм дворца, боясь резни.

— Но как Исмаил мог добраться так быстро?

Он пожал плечами и ткнул пальцем в сторону Хоссейн-бега, взбиравшегося на лошадь:

— Бег решил, что это вранье.

Хоссейн-бег скомандовал сбор, и остаджлу зашагали к северным вратам дворца. Воины других племен выбегали на улицу из ближних домов, пока их не собралось больше тысячи. Пыль стояла такая, что вышедшие посмотреть начали кашлять и отхаркиваться. Схватка между сторонниками Хайдара и Исмаила была делом времени, и при

мысли, каковы могут быть в бою эти жестокие кызылбаши, моя кровь обратилась в уксус.

Марьям успокаивала Пери — это я увидел, входя. Волосы царевны расчесывались, пока не заблестели черным шелком под белой шалью, и она переделалась в черное шелковое платье, вышитое золотыми квадратами, сделавшее ее выше и стройнее. Серьги, золотые полумесяцы с бирюзой, были подарком отца. Пока меня не было, она написала несколько писем, на серебряном подносе ожидавших гонца. В глазах было больше тревоги, чем прежде.

— Наконец-то! — сказала она, когда меня ввели. — Какие новости?

— Повелительница, — прохрипел я, — тысячи воинов Хайдара двигаются ко дворцу, предводительствуемые Хоссейн-бегом...

— Да сохранит нас Бог! — испуганно ахнула Марьям.

— Их довольно, чтоб одолеть таккалу? — спросила Пери.

— Полагаю, да.

Пери вскочила:

— Мне надо попросить дядю задержать их.

Интересно, почему она так внезапно решила, что это следует сделать?

— Повелительница, что произошло?

— Незадолго до твоего прихода главный аптекарь моего отца сообщил, что мазь могла снять щетину с бычьей шкуры. Может быть, это случай. Но все равно — смогу ли я выжить при царствовании Хайдара?

— Да обрушит Бог возмездие на голову злодеев!

Пери протянула мне матерчатый кошелек.

— Это ключ от дверей из женской половины на Выгул шахских скакунов, — сказала она. — Передай моему дяде, что я дарю ему соизволение войти и устранить Хайдара, не причиняя ему вреда. Возвращайся как можно быстрее.

Я уставился на кошелек.

— Но мужчинам никогда не позволялось входить на женскую половину дворца, — возразил я.

— Разрешаю это.

Потрясенный, я упрятал кошелек в складки тюрбана и поспешил прочь. Когда я добрался до дома Шамхала, то сказал слугам, что имею

срочное известие, и меня тут же впустили. Шамхал развязал кошелек и впился глазами в ключ. Взгляд его засверкал, будто у ворона, завидевшего мешок сокровищ.

— Вот лучшая из наших надежд! — ликующе сказал он.

— Пери велела мне передать вам, что Хайдара следует удалить, не причиняя ему вреда. Еще повелительница просила о знаке, подтверждающем ваше согласие.

Мне нужно было доказательство, что я доставил эту, самую важную, часть сообщения.

Шамхал поднялся:

— Скажи ей вот что:

Муж, вставший против нас, повержен будет в прах,
Но избежит вреда, покуда он в Шамхаловых руках.
Взамен, молю, о Пери, кровь моя,
Держись вдали от мест, где ярится солдатня.

— Чашм, — отвечал я.

Уходя, я слышал, как Шамхал скликает слуг и велит бежать к домам своих сторонников, поднимать их на поддержку Исмаила.

Я отправился назад во дворец. Перед воротами Али-Капу все еще несли стражу никем пока не потревоженные воины-таккалу и их союзники. Один из командиров был мне знаком, и я, поговорив с ним о том, что бегал по делам целый день, получил разрешение войти, но лишь после обыска на предмет оружия. Когда меня наконец провели в покои Пери, она меня ждала.

— Не уставай!^[2] — пожелала она мне.

Я отер взмокшие руки.

— Что сказал дядя?

— Он обещал исполнить вашу просьбу, — сказал я и процитировал сложенные им стихи.

Она улыбнулась:

— Отлично исполнено.

— Повелительница, — взволнованно сказал я, — воины уже скорее всего начали бой. Может случиться что угодно.

— Вот и поторопись. Беги в бируни и разузнай что сможешь.

Прежде всего я решил наведаться в гаремные поварни, ибо кухарки всегда знают самые последние новости.

Огромный дом, обычно переполненный женами, служанками и рабами, был пуст. Мука и вода были смешаны и оставлены в больших мисках. Мята была промыта, но не вывешена для просушки, чеснок и лук накрошены и рассыпаны по столу. Глаза мои защипало.

Шагая по поварне, я чувствовал что-то странное, чему не находил имени. Когда я проходил мимо печи для хлебов, эхо моих шагов отдалось в ней глуше, чем вокруг. Вернувшись, я отодвинул заслонку. Внутри было полно остывших углей и пепла, но в дальнем углу я заметил краешек ярко-синего шелкового халата. Перебирая, кто же носит такую одежду, я наконец вспомнил: ведь это один из врачей, которого наверняка приводили в гарем во время последней болезни шаха.

— Врач Амин-хан Халаки, твой халат видно, — шепнул я.

Подол исчез, будто мышинный хвост в норе.

— Ты кто?

— Джавахир-ага, слуга Перихан-ханум.

— Мне можно выйти?

— Нет, если хочешь жить.

— Ну тогда брось мне хоть чуточку еды...

Подобрав несколько огурцов и гроздь винограда, я сунул их в печь и пожелал ему удачи. Затем отправился к дверям бируни и приветствовал Зэв-агу, чей лоб вечно бороздили морщины тревоги.

— Какие новости? — спросил я.

— Пока ник-к-каких, — пробормотал он, и уцелевшие зубы его стучали от страха. Отворив дверь, он впустил меня внутрь.

Я быстро дошел до Зала сорока колонн и заглянул туда, но там было пусто. Продолжая путь, я добрался до самой северной стены дворца, когда меня встревожили тяжкие глухие удары. Мне померещилось, что несколько воинов притащили пушку и бьют ею в деревянные створки ворот, стонавших, будто под пыткой.

— Хайдар-шах, отвори нам,пусти нас! — кричали снаружи. — Мы твои друзья!

Пренебрегая обычными дворцовыми приличиями, я помчался по двору через все проходы к гарему, обливаясь потом. Добежав до огромного платана, я ощутил, что земля содрогнулась, словно при

землетрясении, но тут же понял — это лошадиные копыта. Резко остановившись, я вдруг почувствовал себя словно муравей, зажатый между большим и указательным пальцем человека.

Мое сердце заколотилось быстрее, когда деревянная дверь из гарема на Выгул шахских скакунов закрипела, отворяясь. Воины хлынули в сад, обнажая клинки, выкрикивая имя Исмаила, топча розовые кусты и разметая дорожки. Небывалое прежде зрелище мужчин в женской половине, оскверненной армией, потрясло меня до глубины души.

Шамхал подъехал ко мне на своем боевом арабском вороном жеребце и натянул поводья.

— Где Хайдар? — крикнул он.

— Скорее всего, в материнских покоях. Вон тот дом, перед которым два кипариса. — Я показал.

Шамхал скомандовал воинам идти к воротам бируни и задержать сторонников Хайдара, если те попытаются ворваться в гарем. Затем пришпорил коня и помчался к дому Султан-заде. Один из его старших, Колафа-румлу, чей дорогой шлем украшала насечка в виде стихов Корана, что показывало его высокое положение, заметил что-то невдалеке и рывкнул:

— Кто там?

Я разглядел трех женщин в чадорах, чьи лица были скрыты пичехами, прячущихся среди высоких цветущих кустов. Самая высокая из них была обута в розовые шелковые туфли.

— Успокойся, мы просто вышли купить хлеба, — дрожащим голосом объяснила одна из них. — Поварня пуста, и нашим детям нечего есть.

— Шамхал-хан, вернись! — позвал Колафа.

Развернув коня, Шамхал с несколькими воинами поскакал к Колафе и женщинам. Они жались друг к дружке, словно испуганные газели в кольце загонщиков.

— Сбросьте пичехи! — прорычал Шамхал.

Женщина, укутанная в темный чадор, простерла руки, защищая остальных и оттесняя их за спину, отчего та, что в розовых туфлях, запнулась и едва не упала.

— Не место здесь требовать такого! — храбро возразила женщина в темном чадоре.

— Если вы невиновны, вам нечего бояться, — отвечал Колафа.

Он сорвал с нее чадор и пичех вместе с платком, покрывавшим голову, и она завопила, когда ее длинные темные волосы рассыпались по плечам и груди. Это была Эйюва, одна из старших на кухне. Я задохнулся от ужаса при виде такого посягательства.

Вторая выступила вперед сама, и капитан открыл ее лицо. И она зарыдала, когда мужчины плотоядно уставились на ее лицо и необычные рыжие волосы. Ее я не узнавал.

— Кто вы? — грозно спросил Шамхал.

— Мы служим господам шахского двора, — дерзко отвечала Эйюва, не объясняя ничего больше.

Они с подругой прикрывали собой третью женщину, стоя лицом к воинам, и для пущей защиты сцепили вокруг нее руки. Я уже собирался выйти и отстоять их, но в моем мозгу вдруг вспыхнуло подозрение, и я остановил свой порыв.

— Вы обесчестите весь дом Сафави, если откроете ее лицо! — кричала Эйюва. — Ваша жизнь станет вечным наказанием!

Колафа махнул воинам.

— Пусть идут, — велел он презрительно. — Это всего лишь женщины.

— Пусть докажут! — свирепо блеснул глазами Шамхал.

— Да ты обезумел. Хочешь, чтоб нас казнили? — ответил Колафа.

Я слышал, как палицы крушат дерево, и понимал, что люди Хайдара напали на заграждения и стражу перед бируни. Спаси нас Всевышний! Еще минута — и нас всех перережут.

Женщины попытались выскочить из кольца под ногами горячившихся коней. Воины сомкнулись, чтоб поймать их, и тогда Шамхал схватил третью женщину за чадор и сорвал все покровы с ее головы.

— Пощади! — взвизгнула она придушенным голосом.

Когда Колафа сдернул платок с ее коротких волос, мое подозрение подтвердилось: это был Хайдар. Он поднял руки, защищаясь, и левый глаз его дергался, словно в предсмертных судорогах.

Из-за ворот сторонники Хайдара вопили, подбадривая его:

— Хайдар, мы тут, мы защитим тебя! Помощь близка!

Хайдар повернулся на их голоса и закричал: «Скорее!..» — пытаюсь прорваться между всадниками. Шамхал и Колафа соскочили с

коней, оттолкнули женщин и бросились на него. Хайдар не устоял и грохнулся на землю. Розовые туфли слетели, он дрыгал ногами, пока мужчины пытались прижать его руки.

Вдалеке послышался грохот, и первые приверженцы Хайдара ворвались в гаремные ворота. Я узнал воина с широким багровым шрамом. Он издал такой свирепый боевой клич, что моя кровь заледенела, и занес клинок надо мной, топоча как слон. Я спасся лишь тем, что рухнул навзничь в грязь.

— Выбора нет. Кончай его! — услышал я крик Шамхала.

Подняв голову, я увидел, что он сумел наконец скрутить руки Хайдара за спиной. Колафа выхватил саблю и всадил ее в живот Хайдару. На серой рубахе возникло темное пятно. Оно расплывалось по его животу, и Хайдар, оскалившись, вцепился в рану. Булькающие кровью стоны рвались из его рта.

Эйюва и вторая женщина завизжали от ужаса, согнувшись, колотя себя по коленям и лицу. Эти вопли были ужаснее всего, что я слышал в жизни.

Воины Шамхала взвалили тело Хайдара на плечи и потащили к проходу, ведущему в бируни. Люди Хайдара уже прорвались к гарему, их вел Хоссейн-бег-остаджлу. Он уставился на безвольно повисшее тело в окровавленной серой рубахе.

— Увы, блистательная надежда наша жестоко погублена! Да будете вы прокляты до скончания вашего рода! — вскричал он и разразился грязной бранью.

Он и его люди недолго рубились с воинами Шамхала, но что значит горстка ратников без своего владыки? Вскоре за спиной Хоссейн-бега всадники пришпорили коней и помчались к бируни, страшась смерти. Охрана Хоссейн-бега сомкнулась вокруг него, и он тоже с позором бросился прочь.

Шамхал командовал отступить через ту самую дверь от Выгула и присоединиться к страже перед Али-Капу. Проезжая мимо, он швырнул мне большой железный ключ. Я захлопнул за ними тяжелую дверь и тщательно запер ее.

Розовые кусты были обезглавлены. Где-то в кронах кедров начал пробовать голос соловей, и я вспомнил плач. «Мои алые розы распахнули свои одежды перед тобой, но нынче лепестки их скрыли

землю, словно кровавые слезы...» Одежды мои покрывала пыль, во рту стоял вкус желчи.

Я добрел до дома Пери и рассказал ей, что произошло. Бледность покрыла ее лицо, когда я описал смерть Хайдара.

— Словно земля погребения моего сыплется мне на голову! — сказала повелительница. — Почему дядя не исполнил моей просьбы?

— На то была воля Бога, — примирительно ответил я.

Ее тонкое тело казалось хрупким, словно длинногорлый флакон с розовой водой. Хотя я и старался утешить ее, но знал, что Марьям уймет ее слезы лучше, чем кто-либо другой.

Я вернулся в спальню, отведенную евнухам, служившим в гареме. Наше жилье, примечательное разве что своей скромностью, сейчас казалось мне почти храмом. Рухнув на набитую шерстью подушку в гостиной, я стащил с себя грязную верхнюю одежду и велел слуге принести мне чаю послаще. Руки мои едва смогли поднести сосуд ко рту.

Вскоре ко мне присоединился Баламани. Глаза его покраснели, веки набухли.

— Оплакиваешь Хайдар-мирзу? — спросил я.

Глаза его выкатились от изумления.

— О чем ты?

Я не смог сдержаться: удовольствие, что узнал первым новость, которая может изменить мир, было слишком сильным.

В тот вечер я был измучен и нуждался в утешении. Некоторые прибегали к опиуму или бангу, питью, наводящему грезы, но я чувствовал, что и они не помогут. Я наполнил желудок хлебом, сыром и свежей зеленью, потом ушел к себе и долго слушал храп Баламани. Лежа на тюфяке, я заново созерцал события дня: красное пятно на серой рубаше Хайдара выросло перед моими глазами, пока не вытеснило ночной мрак, словно истекающая гноем рана. Когда луна встала в окне, на ее светлом лице горели кровавые пятна. Пятна росли, пока луна не стала ярко-красным диском, прокладывающим кровавый путь по небу, и я проснулся со сведенными судорогой конечностями и пересохшим горлом. Лежать я больше не мог. Встав, я оделся и пошел по тропе между платанами, пока не добрался до входа в невысокое здание, где помещались женщины дома Султанам. Дежурному евнуху

я шепнул, что у меня срочное послание к Хадидже, и сунул ему в ладонь монету.

Хадидже была одна, свою соседку она куда-то отослала. Глаза ее сияли в лунном свете, а концы длинных кудрявых волос словно плавали в серебре.

— Я не могла спать, — шептала она. — Все думала о том, что случилось нынче.

— Потому я и пришел.

— Ты это видел?

— От начала до конца, — шепнул я, не сумев скрыть ужаса. За время моей службы при дворе людей казнили, но никогда так грубо.

— Ты весь дрожишь! — Хадидже откинула шерстяное одеяло. — Иди сюда, согрейся.

Сняв тюрбан и верхнюю одежду, я растянулся рядом с Хадидже, не снимая остального. Она улеглась, прижавшись к моей спине и обвив меня руками. Чувствуя овалы ее груди под полотняной ночной рубашкой, я словно согревался перед открытым огнем.

— А-а кеш-ш!.. — благодарно сказал я, впитывая ее тепло. — Ты греешь меня снаружи и изнутри...

В ответ она поцеловала меня в шею. Губы ее пахли розами. Как потрясен был бы покойный шах, узнав, что одна из его женщин обнимает евнуха!

— Где ты сегодня была? — спросил я.

— Пряталась вместе с Султанам, когда люди Хайдара ворвались во дворец, — сказала она, и ее тело напряглось.

— Хорошо, что ты цела.

Ее темные глаза были серьезны.

— Расскажи мне, что видел ты.

— Правда? Мне бы не хотелось пугать тебя.

— Не сможешь, — коротко ответила Хадидже. — Я перестала бояться в тот день, когда работорговцы швырнули тело моей матери за борт.

Хадидже так преобразилась за время, проведенное при дворе, что легко было принять ее за рожденную в благородной семье. На деле же она и ее младший брат были привезены с восточного побережья Африки и куплены человеком Сафавидов. Девочкой она была уже прелестна: кожа цвета темной меди, иссиня-черные волосы, туго

кудрявые, словно гиацинт. Поначалу ее определили в ученицы к мастерице чая, постигать, как смешивать сорта, чтоб они благоухали и отдавали самые сокровенные ароматы. Затем она упростила перевести ее к главной поварихе, у которой служила и училась восемь лет. Обычное ореховое пирожное с корицей, кумином и щепоткой чего-то странного, но вкусного — секрет, который она таила (фенхель? пажитник?), каждый раз нежданно опалял мне язык. Однажды Хадидже добавила острейший перец в чашу с шафранным пирогом — она была проказница — и хихикала, глядя на выражение моего лица, когда я откусил первый кусок. Я съел все, и мой рот пылал благодарностью.

Хадидже и ее брат хорошо устроились. Султанам заметиластряпню Хадидже и пригласила ее к себе на службу, а брат ее стал одним из шахских конюхов.

Я накрыл ее ладони своими и рассказал обо всем, что видел, опуская самое страшное.

— Почему Пери пошла на такой риск? Если бы выиграл Хайдар, она и ее дядя лишились бы жизни, — произнесла Хадидже.

Я ощутил прилив гордости:

— Она отважная.

— Помни, ведь и тебя могли убить. — Луна высветила влагу в ее глазах.

— Такая была игра, — согласился я, — но Пери поменяла ход истории. Хайдар-шаха не будет.

Она фыркнула:

— Пери словно дикая кобыла. Тебе стоит задуматься, не швырнет ли она и тебя в пасть льву.

Я рассмеялся, зарычал, словно лев, и прижал ее к себе. Она унимала меня, но и сама не могла подавить смех. Никто не обращал внимания на то, как женщины в гареме забавляют сами себя, потому что лишь один шах мог лишить девушку невинности или обрюхатить ее. Мы с Хадидже были в безопасности лишь до тех пор, пока наша связь была тайной.

— И что теперь будет?

— Призовут Исмаила и посадят на трон.

— А скоро он появится?

— Никто не знает.

Она вздохнула:

— Все чудное спокойствие, которое у нас было, исчезло...

— Неужели? — поддразнил я.

Нежно прикусив уголок ее рта, я ощутил, как расцветают ее губы, мягко расходясь и впуская мой язык. Кожа моя натянулась, будто каждая пора стала чувствительной, и я стянул одежду сперва с себя, затем с нее.

Да не будет никогда сказано, что у евнухов нет желанья! Оскопленный поздно, я сохранил более вожделения к женщине, чем те евнухи, что потеряли свои части в детстве. Точнее, оно было иным, чем тогда, когда я был целостен, ибо не диктовалось восстанием или падением капризного инструмента. Вместо этого мне досталась утонченнейшая чувственность, не замутненная простой нуждой. Я отыскивал самые отзывчивые местечки Хадидже, заставляя действовать уголки и складочки, о которых не додумался бы ни один мужчина, от локотков до пальчиков ног. Я погружал свой нос в темные и скрытые места, куда ни один мужчина не догадался бы глянуть. Я вылизывал, высасывал и чмокал. Если какой-то лоскуток Хадидже томился ожиданием касанья — кожа под затылком, выгибы ступней, — я отыскивал его, словно мастер, ласкающий отзывчивые струны тара, чтобы породить сладчайшие звуки. Единственное, чего я не касался, была девственная плева Хадидже, но подлинному искуснику этого и не требуется.

Той ночью я играл на Хадидже пальцами обеих рук. Обнимая ее со спины, я странствовал по всему ее телу губами и дыханием, от солнечных пустынь до влажных оазисов. Я видел, как вспыхивали ее щеки, и слышал, как дыхание становится чаще и чаще, пока она уже не могла сдерживать себя. Мои труды вознаграждались поначалу тихими животными ворчаниями, затем пронзительными стонами и наконец дикими, неумными воплями, когда ее члены судорожно дергались во все пять сторон.

Отдыхая, она лежала на мне, и я чувствовал ее тонкие ребра на своей груди. Кожа сияла темным глубоким сиянием, будто плод тамаринда в лунном свете. Грудь ее источали крепкий аромат серой амбры, и я чувствовал себя котом, вынюхивающим кошку. Положив ладони на ее талию, я повел их ниже, туда, где полушария раздваивались, и ниже, и опять выше. Она забавлялась моим ртом,

вратами рая. Скользя по моей шее своим язычком, останавливалась где хотела и, поддразнивая, теребила кожу самым кончиком. Обхватив ладонью ее затылок, я подталкивал ее испить до дна, но она прижимала мои руки к полу — ей хотелось двигаться своим путем. Язык нашел мое ухо, оставил в раковине влагу и продолжил скольжение. Она доплыла до ровного места меж моих бедер, и язык нежно подразнил нагие края моего канала. Клянусь Богом! Неоскопленному не вообразить, что чувствуешь, когда ласкают бывшее прежде глубоко внутри, место, не предназначавшееся к тому, чтобы видеть свет. Такой человек никогда не узнает, как чувствительны эти ткани, как яростно откликаются они ее губам, будто листья, раскрывающиеся навстречу солнцу. Помедлив, она дождалась, пока я не приду в себя, но не прекратила. Дыхание ее вернулось к моему рту, и она побывала во всех местах, что зывали к ней. В этот раз я не вынес ее поддразнивания. Перекатившись и нависнув, я раздвинул свои бедра над ее губами, усевшись сверху. Язык ее бился, как маленький зверь. Она впивалась в мои бедра, пока я не начал корчиться от наслаждения. Когда я изведаль все, что мог вынести, она остановилась, и я испустил вздох удовлетворенного мужчины, которого ласкали снова и снова.

Натянул на себя одеяло не столько для тепла, сколько чтоб скрыть от Хадидже вид моего паха при брезжившем рассвете. Порой, когда я бывал с нею, мне снилось, будто ко мне вернулось мое мужское отличие, до того как я просыпался и снова видел горестное зрелище — свой пустой укороченный лобок.

На щеке я ощущал теплое дыхание Хадидже, кости мои тяжело наливались дремотой. Я позволил себе час успокоения в неге ее рук. Какой мир снизошел бы на меня, останься я с нею на целую ночь! Будучи ее тайным другом уже два года, я ни разу не смог проснуться рядом с нею.

Пока не рассвело совсем, я встал и оделся, чтоб нас не застигли вдвоем. Хадидже крепко спала, щекой на согнутой руке. Я подоткнул покрывало вокруг ее тела и шепнул: «Спи спокойно, и да сведет нас Бог поскорее снова...» Затем я заставил себя уйти.

Хамам для евнухов находился отдельно, чтобы вид наших пустых промежностей и зияющих трубок не тревожил мужей. Там были

небольшие кирпичные ниши для мытья и посредине большой бассейн, выложенный бирюзовыми изразцами. Над бассейном высился купол, окна которого струили солнечный и звездный свет. В этот ранний час хамам был пуст, и я заподозрил, что мое появление могло спугнуть парочку джиннов. После того, что случилось вчера, им разумнее было бояться нас, чем нам — их.

Для совершения Большого Омовения после плотской связи я произнес имя Бога, затем омыл свои ладони, руки, уши, ступни, ноги и сокровенные части, прополоскал горло и вымыл голову. Подбородок и щеки были шершавы, поэтому я попросил служителя побрить меня. Оскопленный очень поздно, я по-прежнему имел волосы на лице, хотя сейчас они росли куда медленнее.

Лежа в самой горячей ванне, я будто пытался отмыться от того ужасного, чему был свидетелем. Горячая вода всегда растворяла все мои печали, но не сейчас. Я не мог чувствовать себя в безопасности, пока новый шах не взойдет на трон, а это мог быть только повелевающий людьми. Как я хотел, чтоб это был провидец, наподобие Акбара Великого из Моголов, в правление которого держава возродилась заново, или Сулеймана-законодателя, записавшего все законы оттоманов. Как трепетало мое сердце при мысли о таком благе, однако насколько редким оно было!

Одевшись, я поспешил явиться в дом Пери. Облаченная в самые темные траурные одежды, она уже сидела в своей рабочей комнате и запечатывала письмо. Рядом лежала открытая книга изумительного письма с рисунками. Это была «Шахнаме».

— Доброе утро, повелительница жизни моей, — сказал я. — Как ваше здоровье?

— Поразительно, — отвечала она. — Я хожу по земле и дышу, в отличие от моего бедного отца и его несчастного сына. Едва могу осознать, что во дворце лежат трупы двух правителей, один — сына, который, возможно, убил своего отца, и второй — отца, чьи прежние союзники убили его сына. Я обратилась к Фирдоуси за наставлением, но нигде в «Шахнаме» не вспоминаются мне события, способные дать совет или утешить меня в моем горе.

— Повелительница, я помню, что где-то в середине был плач Фирдоуси на смерть его единственного сына. Припоминаете, как он перебивает свой рассказ, чтоб известить о своем несчастье?

— Помню. Это горчайшее изображение скорби, на которое способен человек такой личной сдержанности, но утешения тут никакого.

— Возможно, никакого и быть не может.

Она вздохнула:

— Нет, не может.

— Я полон надежды, что это ваша последняя печаль.

Она казалась такой юной и беззащитной, что я вспомнил ее брата Махмуда, когда он был совсем маленьким, и сердце заныло. Я скучал по нему.

В ее улыбке сквозила боль.

— Благодарю, но вряд ли это правда. Божьим соизволением Исмаил получит трон, однако какой ценой? Мой отец никогда не одобрил бы того, чтоб один из его сыновей был загнан и убит, словно кролик. Даже Исмаил, которого наш отец считал предателем, не был вышвырнут, как кусок гнилого мяса. Это позорное оскорбление, которое еще больше разбивает мое разбитое сердце.

— Повелительница, вы сделали все, что могли. То была воля Бога.

Она помедлила.

— Меня утешила твоя служба. Я хотела бы отблагодарить тебя за то, что ты сделал вчера.

Она протянула мне полотняный мешочек, в котором я обнаружил стопку синих шелковых платков с тончайшей вышивкой. Изображала та благородную госпожу на ковре под каштаном, углубленную в книгу. Мое сердце забилося: впервые Пери удостоила меня подарка из своих вещей. Отныне я мог носить с собой такой платок на случай, если он ей понадобится.

— Благодарю вас, повелительница. Ваше доверие переполняет меня радостью.

— Я слышала, тебя хотел убить один из людей Хайдара, но ты избежал покушения. Не знала, что ты так отважен.

Я поклонился, вспоминая, как беспощадно евнух Багой правил древней Иранской империей, сокрушившей даже могучий Египет.

— Мне может скоро понадобится человек твоих качеств. Пока не появится Исмаил, все зыбко. Этим утром я написала ему и посоветовала скорее прибыть, чтоб знатные люди, чьи надежды не

сбылись, не взбунтовались. Отнеси это послание моему главному гонцу и вели немедленно доставить.

В приемной Пери устроилась за решеткой. Перед нею толпился народ — от мальчишек-посыльных с письмами от хозяев до знатных людей вроде ее визиря Маджида, которого позвали первым. Он говорил пронзительно, задыхаясь, будто не мог успокоиться со вчерашнего дня.

— Достоянная повелительница, двор в разброде. Многие из знатных, кто поддерживал Хайдара, бежали в страхе за свою жизнь. Те, кто остался, не знают, с кем говорить. Повара оставили поварни.

Брови Пери изумленно взлетели.

— Ступай к Анвару и прикажи ему отыскать главного повара. Их первейшая обязанность — немедленно восстановить работу дворцовых кухонь.

— Да, высокая повелительница, — отвечал Маджид, — но Анвар может не знать, от кого нынче получать распоряжения, когда шах мертв.

— Скажи ему, что его судьба зависит от отдаваемых мною.

Лоб Маджида пошел складками, губы скривились, прежде чем он выдавил:

— А-а-а... где ему получать деньги?

— Разумеется, из шахской казны.

— Но главного казначея нигде нет, чиновники с нужными печатями исчезли.

— Я найду этих людей и потребую их помощи, — сказала Пери. — А пока скажи Анвару, что я плачу из собственного кошелька.

— Но потребуется много серебра!

— Мой добрый визирь, похоже, ты не сознаешь, что я унаследовала свою законную долю состояния моего отца.

Маджид казался таким же растерянным, как человек, от которого безвозвратно умчались все его лошади.

— Но лишь вашему сиятельному отцу разрешалось...

— Не задерживайся. Тебе придется быть убедительным.

— И что же мне говорить?

— «Это приказ властителей Сафави». Теперь иди.

Тон Пери был таким жестким, что все тело Маджида напряглось, как у полководца, получающего приказ на атаку. Затем он поклонился в знак покорности. Пери выглядела непреклонной, как военачальник, и я, потрясенный, смотрел на нее. Хвала Богу! Она только что взяла бразды правления!

Я вышел в приемную, чтоб ввести следующего, и заметил, что толпа растет. Вопросы и требования были нескончаемы. Скажет ли она молитвы на погребении отца? Где погребут тело Хайдара? Как она защитит тех знатных, кто не принял в споре ничью сторону? Что будет с вдовами тех, кто погиб в стычках, с ними и их детьми? Посоветует ли она сына близкого друга своего отца на высокий государственный пост при новом шахе? Один за другим люди просили о милостях.

К вечеру глаза Пери туманила усталость.

— Кто следующий? — со вздохом спросила меня она.

— Мирза Салман Джабири, глава шахских служб.

Он только что прибыл, но был одним из четырнадцати ближайших чиновников шаха, и потому я незамедлительно провел его к ней. Невысокий и худой, он тем не менее словно заставлял воздух вокруг себя твердеть от целеустремленности.

— А чего же хочешь ты? — фыркнула Пери. — Дела мастерских уж точно могут подождать.

Он был непоколебим:

— Точно. У мастеров все в порядке.

— Что же тогда?

— Ничего, достойная повелительница. Как верный слуга вашего покойного отца, я пришел спросить, могу ли я предложить свою помощь.

Пери недоверчиво подняла бровь:

— Так у тебя нет просьб?

— Никаких. Я просто желаю служить вам.

Пери шепнула мне: «Он единственный, кто остался мужчиной настолько, чтоб предложить свою помощь!» Заметив, как изменилось мое лицо, она тут же попросила извинения.

— С чего мне начинать? — спросила она у мирзы Салмана. — Всё в беспорядке. Где люди?

— Прячутся. Ждут. Тревожатся.

— Благородные мужи должны вернуться на свои посты, чтобы правительство действовало, пока не вернется Исмаил. Я желаю созвать собрание и отдать им распоряжения.

— Но только шах или великий визирь имеет право созывать собрание. Никто не может превысить их власти.

— Таких людей здесь нет. Что ты предлагаешь?

Шах Тахмасб так устал от великих визирей, что не позаботился назначить нового.

— Сказал бы, что высокородный член дома Сафавидов, но не знаю кто. Знатные сочли бы, что кто-то из царевичей. Если ваш дядя будет представлять вас, все будет в порядке.

На фарси нет различия между «он» и «она», что могло нас выручить в этом случае.

— Отличный совет.

— Кстати, у меня есть кое-что лишь для вашего слуха.

— Да?

— Чего бы вы ни задумали добиться на этом собрании, не полагайтесь на главного казначея. Я хорошо его знаю. Он склонится лишь перед силой нового шаха.

— Почему он так уверен, что мой брат сохранит его в этой должности?

Мирза Салман хмыкнул:

— Верно. Люди часто принимают намерения за судьбу.

— А ты?

Он помедлил.

— Нет. Я вижу свою судьбу в своих делах и в согласии с волей Божией.

— Отлично сказано. Нам нужны люди наподобие тебя. Тогда созывай собрание завтрашним утром в моем доме.

— Чашм.

Когда мирзу Салмана проводили к дверям, Пери сказала:

— Ну и подарок! Как хорошо ты его знаешь?

— Не слишком, — отвечал я.

Он входил скорее во второй круг ближних людей, служивших шаху. Такие держали рот на замке и редко снисходили до нижестоящих.

— Помню, что мирза Салман исполнял малоприятное поручение вашего покойного отца, приструнив заговорщиков-золоторговцев, пытавшихся обобрать страну. Его цеха с тех пор чисты, как хорошая баня. Он был бы отличным союзником, но таким же свирепым противником.

— Тогда за ним лучше понаблюдать и решить, насколько он искренен.

— Какова цель завтрашнего собрания?

Руки Пери слегка дрожали, когда она отводила с лица прядь волос.

— Предупредить переворот.

Ох, а я даже сплетен не слышал.

— Кого вы подозреваете?

— Грузины и остаджлу могут решить, что им лучше поддержать другого преемника.

— Я удвою свои усилия, собирая известия.

Но сперва Пери попросила меня доставить ее дяде Шамхалу просьбу назавтра возглавить собрание.

— Повелительница, я думал, вы разгневаны на него из-за смерти Хайдара.

Она вздохнула:

— Да, но он мне нужен.

За всю историю Сафавидов женщина никогда не брала на себя так прямо ответственность за мужчин. Мы ничего не оставили на волю случая. Я помог повелительнице выбрать ткань, которая отделит ее от знати, ибо такая знатная женщина никогда не должна показывать себя тем мужчинам, с которыми не состоит в родстве. Мы остановились на куске тяжелого синего бархата, затканного сценами охоты, где заметнее всего был царевич на коне, вонзающий меч в живот льва.

Пери скрылась за этим занавесом, а я по очереди обошел все углы зала, чтоб проверить, насколько хорошо ее будет слышно. Голос у нее был звучный: очень низкий для женщины, но приятного тембра, и ей не пришлось долго принаравливаться, чтоб легко быть услышанной в дальних углах комнаты.

— Только одно, повелительница. Ваш отец говорил медленно. Если вы поступите так же, вы заставите мужчин ожидать и

вслушиваться, как это делал он.

— Отлично. Я ничего не забыла?

— Так как вы не сможете видеть выражения их лиц, я буду сообщать вам обо всем важном.

— Ты будешь моими глазами, как и повсюду во дворце. — Она улыbnулась, и мое лицо словно пригрело солнце.

Следующим утром после ранней молитвы я пошел на свой пост в доме Пери. Так как уже рассвело, мне легко было среди являвшихся разглядеть как мужей пера, так и мужей меча. Они входили в ее комнату для встреч и устраивались на подушках согласно чинам, образуя полукруг на застланном коврами полу. Воздух казался тяжелым и зловещим, словно перед бурей.

С его широкими плечами и громадным тюрбаном, поднявшийся на возвышение Шамхал-хан был похож на великана. Он приветствовал собравшихся и просил их внимательно выслушать речь его племянницы, любимой дочери покойного шаха. Маджид стоял возле завесы Пери, готовый принять любое частное послание, которое она пожелает передать. Я сменил место на ту часть комнаты, откуда мог видеть все. Когда я глядел на этих закаленных в сражениях людей, до меня начала доходить вся огромность нашей задачи. Покойному шаху едва удавалось держать их в узде. Остаджлу и таккалу вели самую жестокую междоусобную войну, а помимо них, приходилось лавировать среди бесчисленной грызни и свар других племен. Мы обязаны были найти способ любой ценой укротить этих людей.

Голос Пери был ясен и громок:

— Высокородные, вы почтили память моего благословенного отца — да будет ему легок Божий суд! — своим появлением здесь. Вы блистающие звезды нашего времени, признанные моим отцом при его жизни. Но не забывайте, что недавно совершилось гнусное деяние: дворец был едва не захвачен теми, кто желал возвести на трон своего ставленника.

Несколько человек выглядели готовыми сбежать. Другие, подобно мирзе Шокролло, главному казначею, фальшиво улыбались.

— Несмотря на эти ужасы, на нас теперь легла ответственность за обеспечение безопасности государства. Каждый должен исполнять свою работу, но не каждый оставался на своем посту. Где был каждый из вас? — во всеуслышанье провозгласила она.

Никто не ответил.

— Дворец не может управлять собой сам. Все вы нужны здесь, пока не воцарится новый шах. Хочу услышать от вас, — продолжала она, — несмотря на то что случилось несколько дней назад, я намерена просить всех — всех вас — поддержать Исмаила. Итак?

Амир-хан-мосвеллу встал первым.

— Мы полностью поддерживаем вас, — ответил он рокочущим басом.

Так как его сестра Султанам была матерью Исмаилу, неудивительно было, что он со своими союзниками подхватил призыв Пери. Но некоторые из оставшихся не присоединились к ним и начали перешептываться, выражая свое недовольство взмахами рук, и это был тот самый разлад, которого мы так опасались.

Поднялся мирза Салман.

— Примите и мое обещание верности, — произнес он, — возможно, я помогу другим, задав такой вопрос. Благородная дочь Сафавидов, порой люди заблуждаются в своем выборе. Как можешь ты ожидать, что они поддержат Исмаила, если они боятся за свою жизнь, уже поддержав не того?

— Верно, верно! — раздался хор голосов.

— Порой люди и вправду следуют ложному совету, — ответила Пери. — Так как положение непростое, я не стану наказывать тех, кто принял неправильное решение, но намерением имел действовать во благо страны. Однако, если вы желаете заявить о своей верности Исмаилу, я обещаю заступиться за тех, кто встал на сторону Хайдара, и помочь отвести царственный гнев.

— Какова надежда, что он вас послушает? — спросил Садр-аль-дин-хан, вождь остаджлу, не побоявшийся показаться на совещании.

— Я снеслась с ним.

— А он предложил помилование? Покажите нам его письмо!

— Предложения о помиловании нет. Но я о нем попрошу.

Кто-то из мужчин задумался, понимая, как весомо способно оказаться заступничество Пери. Но Садр-аль-дин не согласился.

— Этого недостаточно, — отвечал он.

Пери молчала за занавесом. Вероятно, не знала, что еще пообещать во избежание мятежа. Маджид и Шамхал выглядели растерявшимися. Мое сердце затрепыхалось, как рыба на сухой земле.

Мне не случалось прежде участвовать по праву во встречах такой важности, и я не знал, что делать.

Поднялся двоюродный брат Пери, Ибрагим-мирза. Он был любимым племянником шаха Тахмасба, и ему разрешалось иметь свою лавку переписки и изготовления книг даже после того, как Тахмасб потерял к нему интерес. У него был облик настоящего древнего иранца: густые черные кудри, гладкая кожа цвета корицы, румяные щеки и тонко очерченные губы, но славная внешность не могла скрыть того, что он был за Хайдара.

— Минутку, — громко сказал он. — Помилование — это забота только для людей, оказавшихся на неверной стороне. Но это не самая серьезная забота, верно? Почти никто не видел сына шаха целых двадцать лет. Откуда мы знаем, что он не ослеп, не болен и не помешался?

— Это бред! Он был в юности героем всего Ирана! — крикнул Амир-хан-мосвеллу.

— Тогда — может быть, но нынче? Справедливый вождь — вот о чем мы должны думать сейчас, когда на кону будущее всей нашей страны! — отвечал Ибрагим.

По встревоженным лицам знати я понял, что согласны не все. Большинство высокородных желали прежде всего отстоять интересы своего племени. Как полукровка с примесью таджикской и тюркской крови, я хотел шаха, которого будет занимать не просто соперничество за трон.

— Исмаил станет таким вождем! — провозгласил Амир-хан-мосвеллу, но его слова встретило гробовое молчание.

— Откуда нам знать? — спросил Садр-аль-дин-хан. — Сына шаха тут даже нет. Почему он не прибыл и не заявил свои права на трон?

— Он может войти в город с минуты на минуту, — возразил Колафа-румлу.

— Тебе легко говорить — ты-то ждешь хорошей награды! — съязвил Садр-аль-дин-хан.

Колафа был главным распространителем слухов, что Исмаил и его войско уже прибыли и что поэтому остаджлу обречены. Он улыбнулся Садр-аль-дину:

— Потому что я вовремя воспользовался головой.

— Некоторые возразили бы, что тебе просто повезло.

Двое мужчин принялись выкрикивать взаимные оскорбления. Кое-кто из таккалу, смеясь, тыкал пальцем в сторону Садр-аль-дин-хана, радуясь позору своих извечных врагов, остаджлу.

— Умолкните! — скомандовал Шамхал, но его никто не слушал.

Я проскользнул между занавесями, чтоб взглянуть на Пери. Она светилась радостью, но щеки ее горели.

— Поменяйте направление, — посоветовал я. — Скажите, что вам нужна помощь в поддержании порядка во дворце. С этим все они согласятся.

В зале Шамхал пригрозил позвать стражу, если благородные господа не угомонятся.

— Мои добрые соратники, мне требуется ваша помощь, — обратилась к ним Пери. — У нас неотложные дела — разбитые ворота, отравленные стрелы на земле дворца, смута в Казвине, закрывшийся базар. Разве не поможете вы дочери шахского рода, когда она призывает вас?

— На все это потребуются деньги, — сказал мирза Шокролло.

— Вы можете прислать мне отчет казначейства.

Его тяжкие обвислые подбородки задвигались, как будто он собирался сказать — нет денег на то, чего вы требуете. Перечислял затруднения он до тех пор, пока она не потеряла терпение.

— Ты забыл, кто я, — ледяным тоном перебила она. — Еще несколько дней назад мой отец слушал меня во всем. Не смейте и на секунду подумать, что я не смогу защищать интересы династии так же беспощадно, как это делал он, — с вашей помощью или без нее. Вы все должны вернуться на свои посты. Завтра утром начнем с докладов от каждой службы, включая казначейство. Дело ваше — добиться, чтоб нового шаха не встретила сумятица и разброд. Мне не хотелось бы сказать ему, что вас не было, когда вы были особенно нужны.

Дальнейшие споры Шамхал-хан пресек:

— Вот слова лучшей из дочерей Сафавидов! Можете идти.

Он выставил всех мужчин, и Маджида тоже, чтоб Пери могла выйти. Я поднял завесу, и она вышла, отирая лицо платком. Выглядела она увядшей, словно базилик суточной давности.

— Я не добилась того, на что надеялась. Какие же они строптивые! Пошлю Исмаилу срочное письмо и объясню, какое здесь сложное положение...

— С Божьей волей он скоро будет тут, — ответил я и понял, что в моем собственном голосе была тревога.

— Надеюсь. Чувствую, словно удерживаю вес его трона на тонкой шелковинке.

Вернулся Шамхал и подошел к племяннице.

— Дитя мое, ты все сделала отлично, — сказал он, однако счастья в его темных глазах не было.

Тем вечером, когда мы с Пери начали работу, мать госпожи без предупреждения явилась повидать ее. Она вошла в комнату так тихо, что мы с Пери услышали ее лишь тогда, когда она приветствовала свою дочь, и мы оторвались от бумаг и увидели ее, стоящую рядом.

— Матушка, добро пожаловать, — сказала Пери. — Как ваше здоровье?

— Понемногу.

Пери подняла брови:

— Могу я предложить вам чаю? Засахаренных фруктов? Подушку, чтобы сесть? — Речь была учтивая, но я ощутил нетерпение царевны.

Мать отклонила угощение и с трудом уселась возле Пери, но на расстоянии, которое делало неразличимым любое сходство. Дака-черкес-ханум была женщиной лет пятидесяти, у которой, казалось, не оставалось сил передать дочери что-то свое. Она была тонкокостной, светлокожей, со светло-кариими глазами.

— Дочь моя, звезда моей вселенной, думаю, ты знаешь, зачем я пришла.

Улыбка Пери была такой напряженной, словно она предчувствовала дальнейшее. Дака взглянула ей в глаза, и, к моему изумлению, Пери отвела взгляд.

Я видел, что Пери сумела вынести за эти несколько недель, но я ни разу не видел ее чувствующей себя так неуютно.

— Ты отказывала мне в этом счастье годами, но пришло время и тебе подумать о замужестве.

Меня эта мысль встревожила. Если госпожу выдадут, я окажусь во власти ее мужа, а не под ее началом. А если это будет нудный старый дурак? С Пери я чувствовал себя живее, чем полный улей пчел.

— Разве ты не видишь, что я должна заниматься делами дворца?

— Мое милое дитя, как надолго это затянется?

— Знает лишь Бог.

— Ты всегда гордилась своим разумом. Исмаил вернется, сядет на трон, и что ты будешь делать тогда?

— Советовать ему.

Жалость светилась во взгляде матери.

— Ты не провела столько времени с Султанам, сколько я, — ответила она. — Сейчас она в необычайно хорошем настроении. Я слышала, как она поет — думала, что меня нет поблизости, — «Прощай, колдунья-неудачница!», и это было про тебя. Если кто и будет советовать ее сыну, то лишь она.

Губы Пери скривилась в отвращении.

— Она не знает того, что знаю я, и ее сын тоже. Когда назначают заместителя правителя области, какие четыре чиновника должны приложить свои печати к документу и в каком порядке? Все, что она сможет, — это шептать ему на ухо о своих приятнях и неприятнях. Он скоро устанет от этого.

— Не имеет значения. Она отравит его слух против тебя.

— Матушка, вы ее переоцениваете.

— Она мечтает похоронить тебя. Молю тебя, позволь мне найти тебе нового защитника в лице мужа. — Мать схватила руку Пери, глаза ее загорелись надеждой. — Мы найдем красивого мужчину, чье лицо будет как солнце восходить для тебя каждое утро. Сильного и свирепого, словно лев, и он будет держать тебя в объятьях.

Пери выдернула руку так резко, словно сама эта мысль породила желание не давать больше касаться себя.

— Матушка, ну кто это может быть? Кто может сравниться со мной в чистоте крови, кроме сына моего отца?

— Никто, но как насчет сына его брата?

— Ибрагим, Бади, Хоссейн — у всех есть первые жены. Я не выйду замуж второй женой.

Дака вцепилась в свою подушку, словно бы желая устоять перед доводами дочери:

— Пери, ты знаешь, что мы найдем кого нужно, если ты только пожелаешь.

— Какого-нибудь знатного отпрыска, назначенного в провинцию? Скука.

— Но, дочь моя, неужели ты не хочешь детей? — Мать была в отчаянии. — Внуков для меня? Я старею и не могу ждать вечно.

— Уверена, Сулейман со своей женой тебе их наделает.

— Пери, где твоя женственность? Говорю тебе, нет ничего умиротворительнее, чем держать на руках свое дитя. Ты пока не знаешь такого, но молю тебя, чтоб ты поскорее извела это.

— Много раз я отвечала тебе, что вполне довольна собой. Мой пример — Махин-бану, моя тетушка.

— У тебя все не так. Ты не пережила своего защитника, и тебе не пришлось быть такой осторожной.

Махин-бану всю свою жизнь служила шаху Тахмасбу одним из наиболее дальновидных советчиков.

Придворные то и дело вспоминали, как она убеждала его оказать военную помощь могольскому хану Хумаюну, когда тот просил. В благодарность он передал Ирану всю провинцию Кандагар.

Пери не ответила. Мать поправила шарф на волосах, и возле ее губ углубились решительные складки.

— Боюсь показаться неуважительной, но твой отец больше думал о себе. Он продержал твою тетку до ее смерти в невестах для Махди на случай, если Тайный Имам вернется из удаления, чтоб снова дать Ирану справедливость...

— ...и всегда держал заседанных лошадей — знаю, матушка, знаю, — чтоб можно было сбежать, когда потребуется.

— А вот тебя он держал для себя, — прибавила мать обвиняюще. — Не могу простить ему, что свою любовь он ставил выше твоего блага.

— Матушка, — сказала Пери, — то, что он делал, было благом и для меня.

— Правда, что ни одну женщину он не слушал так, как тебя, но именно потому столькие теперь жаждут твоего падения.

Яркие губы Пери сердито поджалась.

— Люди любят обсуждать страдания других, совать пальцы в раны и облизывать, словно это мед. Но я не позволю им есть из моего улья. И я не оставила дела моего отца по одной простой причине: что предпочла ему общество любого другого мужчины.

— Ты же не можешь верить, что сохранишь свое нынешнее положение.

— Позволь мне самой увидеть, что принесет судьба, — сказала Пери, и голос ее звенел раздражением.

Дака явно не собиралась сдаваться:

— Пери, мне не хочется говорить об этом, но я испугана. Позволь мне уберечь тебя. Ты же знаешь, я отдам за тебя жизнь!

Сорвав шелковый шарф с головы, она обнажила седеющие волосы. Склонившись, она выдернула несколько волосков из бледно-розовой кожи и бросила их перед дочерью.

— Как твоя мать, я требую, чтобы ты последовала моему совету!

Вцепившись еще в несколько прядей, она собралась вырвать и их. Смотреть на это было жутко.

— Ах-ах, матушка, прекратите! — вскрикнула Пери, хватая ее за руки и оттягивая их от головы.

Дака позволила отвести прочь свои пальцы:

— Дитя мое, на этот раз я не дам себя разубедить. Все, о чем я тебя прошу подумать, — это список женихов. Если никто не по сердцу, просто скажи. Но если попадешь в беду, срочное замужество может спасти тебя. Я не встану с этой подушки, пока не получу твое согласие.

Снаружи донесся призыв к полуденной молитве. День был на исходе.

— Пери, не будь такой упрямой. Времена меняются, должна измениться и ты.

— Наоборот, матушка. Другие женщины луноподобны, хнычущи и уступчивы. Но не я.

— Прошу тебя, дитя. Молю. Как женщина, давшая тебе твое первое молоко, я имею право заявить свою волю.

Пери тяжело вздохнула; мать выложила довод, который не сможет отклонить ни один ребенок.

— Ну хорошо, если тебе так нужно, однако не делай это публичным действием.

— Почему же нет?

— Потому что это мой последний выбор.

— Дитя мое, какая ты странная! — раздраженно протянула мать. — Что за женщина, которой не хочется замуж!

Пери отвернулась:

— Ты не поймешь — твоя кровь лишена этого.

— Ой-ой-ой! — сказала мать. — Я никогда не выдавала себя за особу царской крови, как ты. Но скорее всего, твоя кровь и виной всем твоим причудам по сравнению с другими женщинами.

— Возможно, — отвечала Пери тоном, означавшим конец, словно захлопнувшаяся дверь. — Матушка, я хотела бы просидеть с тобой весь день, но сейчас лучше позволь мне вернуться к моей работе.

— Тебе позволено, — отозвалась Дака, с усилием поднимаясь. — Но не забудь: защищать тебя — мое право. Сохраняй это в сердце, даже если тебе не нравится выбранный мною для этого способ.

— Конечно, матушка, — смягчилась Пери. — Остаюсь твоей преданной дочерью.

Дака прошествовала к дверям с гордостью старого израненного воина, наконец-то победившего в долгом сражении.

Пери покачала головой и вздохнула:

— Надежда вновь затрепетала в ее сердце!

— Повелительница, неужели вы никогда не выйдете замуж? — спросил я, надеясь, что так оно и есть.

— Только Бог это знает, — рассеянно отвечала она. — Правда в том, что я не слишком об этом задумываюсь, а вот моей матушке это дает занятие. Теперь давай вернемся к нашим планам, пока еще не слишком поздно.

Тем вечером я получил письмо от моей сестры Джалиле, которой уже было четырнадцать. Я нетерпеливо вскрыл послание, желая узнать новости. Джалиле сейчас жила с троюродной сестрой нашей матери в маленьком городишке на жарком и сыром побережье Южного Ирана. Она писала мне каждые два-три месяца, что позволяло следить за новостями ее жизни и успехами в учебе. Следить за ее обучением издалека было непросто, но я настоял, чтоб матушкина сестра наняла самую лучшую наставницу, и теперь, невзирая на тетушкины жалобы, посылал деньги наставнице напрямую.

Джалиле писала, что погода у залива становится все жарче и влажнее, все труднее сохранять голову свежей, но стоило ей приступить к изучению стихов Гургани, как все изменилось.

Его речь так прекрасна, что мне хочется прыгать и танцевать. Когда он советует следовать нашим

прекраснейшим желаниям, пока наша глина не рассыпалась, мне хочется попроситься к нему в ученики! Но тут моя наставница напоминает, что я должна учиться быть неуклонной, как солнце, и я смиряю мое бунтующее сердце и повинуюсь.

Дорогой брат, радуют ли вас мои письма? Не найдется ли у вас для меня какого-нибудь места? Я почти выросла, как непрестанно напоминает мне моя тетушка, и жажду быть полезной...

Если бы я только мог что-то сделать! Джалиле сейчас писала намного лучше дворцовых женщин. Я жаждал попросить Пери нанять и ее, но она только что взяла на службу меня, и было слишком рано просить о таком серьезном одолжении. Я не хотел разбивать сердце Джалиле — и мое собственное, — пообещав ей то, чего не смог бы исполнить. Память о том, какой я видел ее в последний раз, угнетала меня — малышка сползает с упрямящегося осла, ручки тянутся ко мне, залитое слезами лицо словно тает. Не мог я забыть и прощальных слов матушки: «Верни нашу честь. Не ради меня — ради своей сестры».

Я тут же ответил Джалиле, восхваляя красоту ее почерка, и попросил ее быть терпеливой.

Перед закатом я отправился пройтись по центру Казвина. Голуби возле базара уныло хлопали крыльями, не находя обычной поживы. Огромные деревянные ворота были все еще заперты, и на улицах не было даже попрошайек. Я свернул к ближней харчевне, где обычно собирался базарный люд, заказал кальян и назвал соседям торговцем из Тавриза. Лица их были вытянуты от тревоги, беседа текла вяло, пока я не заказал несколько кувшинов вина, а для самых благочестивых — чай.

— Надеюсь, что с голоду не умрем, — сказал я, стараясь растворить шлюзы их красноречия.

— А что лучше — умереть от голода или быть убитым на улице? — спросил старик с умными глазами.

Смех вспыхивал в комнате, люди шутили насчет лучшего способа умереть.

— Ты прав, брат, — сказал я, словно понимал, о чем он говорит. — Можно тебе налить еще?

Вскоре я узнал, что базар оставался закрытым из-за многочисленных убийств. Слухи были, что таккалу убивали оstadжлу в отmщение за все те годы, когда они были в милости у шаха Тахмасба, а затем и остальные воспользовались случаем свести счеты с людьми, которых они не любили или которым завидовали.

— Должен же кто-то сказать этим ишакам во дворце, чтоб сделали хоть что-нибудь! — проворчал старик.

Следующим утром на совете после краткого наставления от Пери и меня Анвар поднял тревогу из-за неработающего базара. Дворец не дождался своих обычных поставок, кухни простаивали, урожай загнивал в полях, и скоро беда ожидала всю торговлю.

— Сердце страны вот-вот остановится, — заключил он.

Люди слушали внимательно, потому что Анвар, неукоснительно молившийся трижды в день, был известен благочестием и честностью. Покойный шах отличил его, сделав начальником над всеми делами гарема и снабжением деньгами мечетей, колодцев и дворов для паломников.

— Торговцы отказались открыться, потому что простых горожан убивают, — добавила Пери из-за занавеса. Она не могла открыто упрекнуть таккалу, не вызвав раздора в стране.

Поднялся ее дядя:

— Думаю, нам следует послать стражу арестовать злоумышленников и предать их смерти. Это даст урок, который никто не захочет повторить.

— Разве это не крайняя мера? — спросила Пери.

Я помнил, что случилось с Хайдаром, и забеспокоился из-за Шамхаловой кровожадности.

— Нет, если мы сначала честно предупредим жителей, — ответил он.

Халил-хан-афшар, командующий личной гвардией покойного шаха, назначенный охранителем Пери еще в ее младенчестве, решил вмешаться.

— Нам следует выделить отряд стражников для объезда города и оповещения о том, что каждый, уличенный в участии в заговорах или

насилии, будет наказан, — сказал он. — Мы разнесем эту весть повсюду.

— Сделай это, — сказала Пери, — и напомни им, что суд над другим человеком есть лишь дело шаха и его Совета справедливых. Мой брат, когда взойдет на трон, станет преследовать убийц.

— Если он взойдет на трон, — вставил Садр-аль-дин-хан-остаджлу издалека. — Ему ведь сперва надо приехать?

— Он в пути, — отрезала Пери.

— Достойная правительница, мы завтра же вышлем отряд, — сказал Халил-хан. — Чего еще ты желаешь от нас?

— Вот чего, — сказала она. — Всем таккалу следует отправляться в лагерь моего брата и как можно скорее изъявить ему свое почтение.

Я чуть не расхохотался: Пери училась быстро! Если таккалу покинут город, остаджлу не будут чувствовать себя в опасности и вероятность мятежа резко уменьшится.

— Остальным следует вернуться к своим обязанностям и докладывать мне каждый день, что они совершили.

— Чашм.

— Не вижу, почему мы должны следовать этим приказам, — запротестовал мирза Шокролло. — Вы не шах.

— Вы сомневаетесь в чистоте моей крови? — резко спросила Пери.

— Дело не в крови, — отвечал он. — Мы склоняемся перед вашей связью с династией Сафави.

— В отсутствие коронованного шаха я буду исполнять мои обязанности по управлению дворцом и всеми, кто в нем есть, включая вас.

Мирза Шокролло не сказал ничего, но всем своим видом дал понять, что не принимает ее всерьез, и начал цитировать:

Мозгов, и чувств, и веры у женщин не ищи;
Им следуя, ты станешь презренной жалкой вши:
О да, они годятся дарить нам сыновей,
А в прочем сторонись их — держись тех, кто умней.

Мирза Шокролло оглянулся, словно ожидая поддержки, но встретил только тягостное молчание. Без сомнения, некоторые в зале соглашались с этим мнением, но звучало оно оскорбительно, если не сказать — изменнически, принижая наследницу шахских кровей. Мне хотелось затолкать мирзе Шокролло в глотку его длинную седую бороду.

— Следил бы ты получше за своим блудливым языком, — посоветовал Шамхал, раздуваясь, точно кобра перед броском.

Маджид рядом с ним выглядел мышью в поисках норы. Как он боялся своих старших! Будь у меня его пост, я бы ходил от одного к другому, добиваясь от них поддержки для Пери.

Я прошел за занавес глянуть, как себя чувствует повелительница.

— Этот поэт вряд ли величайший из мыслителей, — звонко и отчетливо возразила Пери.

Минуту она молчала, прикрыв глаза, и казалось, будто на ее жемчужном лбу возникают строки стихотворения. Повелительным голосом, которым она обычно читала вслух, Пери ответила мирзе Шокролло своим собственным сочинением:

Халат атласный годен, чтоб сокрыть
В себе осла, что мужем хочет слыть.
Но правды, в дар назначенной нам Богом,
Не спрятать ни в роскошном, ни в убогом.
За толстой кожей, если заглянуть,
И то не спрятать истинную суть,
Не поддавайся роскоши обману —
Ведь можно нарядить и обезьяну;
Там вышит дивный истины узор,
Куда уже не всяк достигнет взор.
Спроси: «Где к правде путь без ям и перекосов?»
Пусть свиньи жрут отбросы без вопросов.

Мирза Салман расхохотался, а следом за ним и все остальные. Туча набежала на лоб мирзы Шокролло.

Мирза Салман встал:

— Владычица, я буду счастлив помочь главному казначею представить доклад. Мои люди в вашем распоряжении.

Я вовремя высунулся, чтоб увидеть, как посмотрел на него мирза Шокролло.

— В этом нет нужды.

— Я к вашим услугам, — сказал мирза Салман с насмешливой улыбкой.

— Нет, благодарю, — повторил главный казначей. — Мне не нужна ваша помощь.

— В таком случае как скоро мы можем ожидать отчета? — спросила Пери из-за занавеса, и в ее голосе звучала нота торжества.

Мирза Шокролло помедлил.

— Не могу сказать.

— В самом деле? Все знают, как четко работают службы мирзы Салмана и как подробны его отчеты. Наверняка и ваши станут такими нынче, когда он вам поможет.

Мирза Шокролло уставился на мирзу Салмана, который не сморгнув встретил его взгляд. Разве что его худое тело стало еще прямее.

— Посмотрю, что могу сделать. — Мирза Шокролло скривился, будто Пери была сборщиком нечистот, осмелившимся ему приказывать.

Шамхал-черкес встал и коротко сказал:

— Ты слышал слова любимой дочери нашего покойного, всеми оплакиваемого шаха. Отныне ты смещен.

Люди сбивались в группы сторонников Исмаила и Хайдара — их расхождение было явным. Я надеялся, что Исмаил поторопится. Рано или поздно знать решит выбирать собственный путь, это лишь вопрос времени, — так и случилось, когда шах Тахмасб мальчиком получил власть. Того-то я больше всего и опасался: они соберутся, поддержат одного из претендентов и протолкнут его на престол. Затем власть Пери сократится — и все мои надежды снова пойдут прахом.

Когда у меня наконец случилась минута для себя, я отправился в здание, где размещались шахские писцы, и попросил о беседе с Рашидханом.

— Его сегодня нет, — ответил помощник. Эбтин-ага был евнухом с круглощекой жирной физиономией и высоким женским голосом.

— Мне надо заглянуть в «Историю славного правления шаха Тахмасба», — объяснил я. — Властительница попросила меня кое-что найти.

Это была выдумка, но неопасная.

— А где твое письменное соизволение?

— Она его послала несколько дней назад.

Эбтин-ага отправился проверить наличие книги.

Когда я попросил Пери о письме, я хотел довериться ей в истории с моим отцом, но не посмел. Побоялся, что, открыв мое стремление, заставлю подозревать себя в неполной преданности. Вместо этого я сказал ей, что это облегчит мне добычу сведений для нее.

Эбтин скоро вернулся с кислым видом:

— Что именно ты хочешь посмотреть? В рукописи больше тысячи страниц, повествующих о почти вечном правлении шаха. Я не собираюсь тащить их все для тебя.

Следовало позже задобрить его подарком. Но сейчас я просто сказал:

— Мне нужно прочесть о главных чиновниках, служивших шаху Тахмасбу.

— Ладно. Приходи завтра, я отберу для тебя эти страницы.

— Завтра?.. — Я притворился нетерпеливым.

— Да что за спешка? У тебя черви в кишках?

Эбтин был из тех служителей, которые заставляют всех ждать, чтобы внушить представление о своей важности. Но так как осторожность для меня была важнее срочности, я сказал, что приду завтра.

На следующий день я вернулся, взяв с собой бронзовую чашу тонкой работы, украшенную серебряными гравированными цветами и пожеланиями удачи. Эбтин принял подарок без громких восторгов и ушел за страницами. Принеся, положил их передо мной на низкий столик, инкрустированный перламутром и черным деревом.

— Помни, страницы нельзя сгибать или пачкать, — сказал он.

— Я уже работал с хорошей бумагой.

— Ладно.

Бумага была окрашена чем-то вроде луковой шелухи, отчего имела приятный цвет слоновой кости, облегчавший чтение. Все страницы содержали краткие жизнеописания. Сначала шел длинный список служителей Бога, бывших при шахе вероучителями, затем знати, ведшей свой род от Пророка. Потом — списки губернаторов, визирей, чиновников, евнухов, отвечавших за шахское хозяйство, звездочетов, лекарей, каллиграфов, художников, поэтов и музыкантов.

Кому-то досталась благая доля и награды в виде земель или губернаторства, но прочие испытали падение. Одних обвинили в причастности к богохульной или еретической секте и казнили. Другой воспылил страстью к любимому слуге шаха и был убит. Еще один проворовался и был позорно изгнан. Пока я читал эту историю людских злоключений, мое сердце плакало кровью от сочувствия. Сколь многие ушли дорогой моего отца!

Наконец я добрался до списков счетоводов, писцов и историков. Руки мои дрожали, когда я изучал этот лист. Заслужил ли мой отец внесения в летопись, мне не было известно. Летописцы очень часто завершают списки фразой «Никто из прочих не стоит упоминания» или чем-то сходным.

Но вот мое сердце словно замерло в груди.

Мохаммад Амир-и-Ширази: Родился в Казвине, служил шаху двадцать лет, стал одним из его главных счетоводов. Многие сослуживцы отмечали точность его счетов и спорое исполнение дворцовых дел. Казалось, ему было суждено подняться высоко в ряду чиновных людей, но однажды он был обвинен в преступлениях против шаха и казнен. Позже возникали сомнения в справедливости обвинений. В своей мироозаряющей милости шах не казнил обвинителя, но на такое его решение могло повлиять обстоятельство, что у того человека были могущественные союзники, которых шах не пожелал оскорбить. Лишь Богу ведомо точное состояние дела.

Почему, о почему летописец не упомянул имени того придворного? Каково было его положение, если даже шах его не наказал?

Я решил рискнуть и спросить Эбтина. Поманил его, и он приблизился с недовольным вздохом.

— Видишь это описание?

Он взгляделся и поднял глаза. Я никогда не видел, чтоб человек читал так быстро.

— Ну и что из того?

— Как имя придворного?

— Откуда мне знать?

— Бога ради, ты же историк!

— Если оно не записано, это значит, нам неизвестно. Где взять время бегать и выяснять подробности о второразрядном чиновнике? Потом всем будет наплевать на этого Мохаммада Амира.

Я встал так резко, что толкнул столик и лист рукописи скользнул на пол.

— Мне не наплевать!

Историк нагнулся подобрать страницу и, выпрямляясь, наступил на край длинного халата.

— Да ты его помял, ишак! Говорил я тебе, аккуратнее!

— Так же, как ты с подробностями?

Он обругал меня, и я ушел, с изумлением видя, что концы пальцев у меня окрашены красным, словно я окунул их в кровь моего отца.

Исмаил написал Пери, что получил ее письмо и что незамедлительно отбудет из Кахкахи для восстановления своего полноправного положения в столице. Когда он впервые услышал о смерти отца и Хайдара, то приказал запереть дверь крепостной тюрьмы, уверенный, что это обман, и ждал, пока перед воротами крепости не собралась преданная ему знать. Когда они подтвердили это известие, он разрешил отпереть двери. Он писал, что жаждет увидеть сестру после многолетнего отсутствия и что благодарит Пери за поддержку. Письмо было подписано: «Твой любящий брат».

Пери была тронута этим ласковым приветствием.

— Он кажется тем же львом, которого я помню! — сказала она, и глаза ее налились слезами облегчения.

Но это было все, что мы получили от Исмаила за много дней, пока Султанам не сообщила нам, что он решил задержаться в Кахкахе, дабы знать могла нанести ему визиты. Когда он опять не появился, мы

выяснили, что он заехал в Ардебиль, на родину своих предков, посетить их гробницы и задержался дольше, чем рассчитывал, не давая знать, когда же наконец приедет.

У Пери не оставалось выбора: она взвалила на себя всю ответственность за управление дворцом. По ее приказу кухни были вновь открыты, и обитатели дворца благодарно наполняли свои желудки. Дворцовая лечебница возобновила прием, больные получали утешение от священнослужителей, а мертвых погребали по обычаю. Таккалу уехали из города навстречу Исмаилу, и убийства в городе прекратились.

Несмотря на то что дворец снова ожил, нам не было покоя, потому что он кишел сплетнями. Мать Хайдара, Султан-заде, разъяренная убийством единственного сына, всеми силами старалась через своих сторонников отыскать достойного противника Исмаилу, в том числе и затем, чтоб расстроить планы Султанам. А группа знати прикидывала возможности сплочения вокруг Мустафа-мирзы, пятого сына покойного шаха, чтобы возвести его на престол.

Когда я проходил мимо людей в садах, они отводили глаза, не зная, кто будет следующим повелителем и не ответят ли на их доверие новым предательством. Однажды утром, еще до рассвета, я наткнулся в бане на Анвара. Он подскочил в воде — черные колени согнуты, мускулистые руки готовы отразить нападение — и испустил боевой клич такой свирепости, что моя кровь заледенела. Осознав, что это всего лишь я, он плюхнулся обратно, расплескав добрую половину воды.

— Только идиот мог так подкрадываться ко мне, — проворчал он.

Когда я пересказывал Пери дворцовые слухи, тень горя легла на ее лицо.

— Почему Исмаил не торопится? Я снова написала ему, что он должен заявить права на престол, а он все шляется по стране! Отчего он так упрям?

— Владычица моей жизни, вы должны преодолеть сплетни, — сказал я. — Люди заподозрят, что никто не имеет власти, и отдадут свою поддержку другому.

Пери вздохнула:

— Немыслимо потерять трон сейчас, именно тогда, когда он в наших руках...

— Тогда мы должны убедить знатных мужей, что выбора нет.

На следующем собрании Пери поклялась всем, что ее брат на пути в Казвин с армией в двадцать тысяч воинов.

— «Сестра моего сердца, — громко читала она письмо, которое мы вместе сочинили накануне, — дарую тебе право повелевать, как считаешь нужным, пока я не явлюсь взойти на трон. Не допускай никакого противостояния тех, кто захочет попытаться остановить мое восшествие, заповеданное Богом. — Она сделала паузу для внушительности. — Если пожелаешь не верить мне, можешь объяснить свои причины новому шаху и узнать, чем он ответит на твое неподчинение».

Голос ее полнился властью, как у великих ораторов, заставлявших слушателей признавать справедливость их доводов. Его мощь бушевала в моем сердце, я готов был сражаться за все, что прикажет она. И не только я. Ибрагим-мирза тихо сказал Шокролло:

— У нее это есть — *фарр* царей. Не перечь ей.

Шамхал-хан и Маджид обменялись восторженными взглядами; Маджид вскочил, его лицо светилось торжеством, и повторил вслух сказанное Ибрагимом другому знатному мужу, и слова переходили из уст в уста. Я не мог сдержаться — эти же слова я повторил эмирам, что сидели. Их лица смягчились: они глядели на бархатный занавес и славу за ним.

— Шокролло-мирза, хочу услышать вас.

— Все понятно, — сбавив тон, отвечал Шокролло.

— Прекрасно. Завтра я ожидаю полного отчета от казначейства, даже если на его подготовку уйдет вся ночь. Что до остальных, то скоро вы увидите собственными глазами, что Исмаил получит одобрение. Итак, сейчас я спрашиваю вас, обещаете ли вы снова сделать эту страну цельной, поддержав Исмаила? Хочу слышать ответ каждого.

Сторонники Исмаила откликнулись немедля.

— Алла! Алла! Алла! — выкрикивали они, словно верные воины на марше; даже остаджлу добавили свои голоса к нашему единству.

К этому времени я уже был за занавесом, где сидела Пери, и, когда она услышала, как кричат мужчины, она и сама ликующе вскочила на ноги, словно только что собрала армию. Султан Шамхал встал и провозгласил собрание оконченным. Салман и Маджид принялись

договариваться о чем-то, изумленные, словно на их глазах неизвестный игрок в чоуган забил решающий мяч. Сомнений не оставалось: Пери наделена *фарром*, царственным сиянием, столь непреодолимым, что и мужи откликались на него, словно подсолнухи, поворачивающиеся за солнцем.

Несколькими днями позже Пери получила письмо от Исмаила, дающего ей всю власть над дворцом, какую она сочтет нужным в его отсутствие. Он благодарил ее за все усилия и добавлял, что не дождется дня, когда увидит ее своими глазами, «жену истинной сафавидской крови, сестру по оружию, яростную защитницу нашей семьи и нашего венца». Награда, которую он жаждет ей вручить, ожидает ее после его возвращения.

Пери читала мне письмо, и глаза ее светились надеждой.

ГЛАВА 3

МУЖ СПРАВЕДЛИВЫЙ

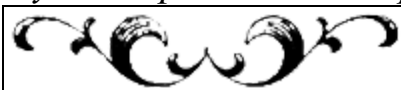
После того как Зоxxак стал царем, дьявол назначил себя его кухарем и продолжал приучать его к вкусу крови. В первый день он приготовил жареных куропаток, на второй — кебаб из ягненка, на третий — потушил телятину в вине. Зоxxак был удивлен и польщен, ибо люди тогда не ели мяса, и он радостно погрузил язык свой в кровь и плоть. Когда Зоxxак спросил, чего он желает в награду за свою превосходную кухню, дьявол отвечал: «Лишь одну честь, о повелитель вселенной, — хочу поцеловать царские плечи».

Зоxxак подумал, что это малая милость, и позволил дьяволу. С охотой подставил он свои плечи и разрешил дьяволу прижать черные губы к каждому плечу.

На следующее утро Зоxxак проснулся от шипения, раздававшегося возле его лица. Стянул покрывало с тела и вскрикнул при виде змей, выросших из каждого плеча. В ужасе Зоxxак схватил нож и срубил одну, потом другую, но пока обезглавленные змеи корчились в смертных муках, новые змеи выросли на его плечах. Они шипели, и кусали друг друга, и грызлись перед его лицом, пока он не почувствовал, что сходит с ума.

Когда вечером неспешно явился дьявол, Зоxxак взмолился об исцелении. «Друг мой, единственный способ обрести покой, — сказал ему дьявол, — это успокоить их пищей. А корм простой: человеческий мозг».

Зоxxак приказал своим слугам на следующее утро доставить ему двух юношей. Их убили, раскололи черепа и вычерпали мозг, чтоб накормить змей. Потом изуродованные тела отдали семьям для погребения. На следующее утро то же зло повторилось, и на следующее. Каждый день самые разумные и многообещающие юноши вырывались из их семей и приносились в жертву трону. Мало-помалу были истреблены лучшие умы страны, а зло порождало новое зло.

В самом начале лета Исмаил наконец объявился на подступах к Казвину. Разбив стоянку и натянув расшитые пологи, разложив мягкие шелковые ковры, он со своими людьми дожидался, пока звездочеты не сообщат ему о наиболее благоприятном дне для входа в столицу. В тюрьме он годами изучал звезды и не покидал шатра, пока предсказания не стали благоприятными. Пери была довольна, что он проявлял такую осторожность, но я втайне надеялся, что звезды поторопятся.

К тому времени Пери справилась со многим. Убийства в городе прекратились, торговцы открыли базар. Дворец отремонтировали, следы вторжения были почти незаметны. Вельможи усердно трудились на своих постах. Пери продолжала собирать их по утрам, и теперь они беспрекословно подчинялись ей. Шокролло наконец предоставил отчет казначейства и отпустил требуемые для честной работы суммы. Оставалось сделать многое, но Пери добилась, чтоб Исмаил не унаследовал хаос.

Пери отправила меня в лагерь своего брата с приветственным письмом и подарком — астролябией тонкой работы, инкрустированной серебром. Жарким утром я поскакал туда на одном из шахских скакунов, надеясь увидеть будущего шаха, чтоб рассказать потом, как он выглядит, и, может быть, услышать от него доброе слово для Пери. Лагерь был огромен, множество людей привезли туда свои дары, так что было уже поздно, когда астролябию приняли и занесли в списки, и я поехал обратно с пустыми руками.

Пятнадцать дней спустя звездочеты наконец определили, что расположение светил благоприятно, и Исмаил назначил на следующее утро отбытие в Казвин. У нас появилось множество забот. Я собрался к Пери после полуденной трапезы, чтоб помочь расписать план его встречи, и был удивлен, когда меня провели в одну из ее собственных комнат рядом со спальней.

Я ожидал чего-то похожего на ее строгие приемные и рабочие залы, но тут были ковры цвета персика, огромные бархатные подушки, а вся стена была расписана фреской, где легендарная Ширин купается в реке и высокие груди ее словно гранаты; Ширин входила в воду так томно, что мне казалось, она зовет меня на свои белоснежные бедра, и я отвернулся в смятении.

Раздался смех Пери, громкий, искренний и такой редкий, что казался незнакомым. Она крикнула:

— Иди сюда, Джавахир! Мне нужна твоя помощь в важном государственном деле.

Они с Марьям сидели на одной подушке, а любимая придворная Пери, Азар-хатун, рылась в сундуке.

Азар вытащила из сундука ярко-алое платье и подняла его, чтоб нам было видно, а ее прелестное лицо замерло от удовольствия.

— Одно из моих любимых, — сказала Пери, дотрагиваясь до плотного шелка.

На нем был выткан молодой вельможа в цветущем саду: на его руке сидел сокол. Перья сокола повторяли в рисунке складки тюрбана юноши, создавая чудесное единство между птицей и человеком. Такая любовь была бы счастьем любому из людей.

— В самый раз для шаха! — воскликнула Марьям.

— Да, но слишком яркое для первой встречи с моим братом, — отвечала Пери. — Ведь я еще в трауре.

Азар вытянула другое облачение, с повторяющимся узором из оранжевых маков и нежных голубок. Нити, крученые с золотом, наполняли платье сиянием, когда на него падал солнечный свет.

— Ба-а, ба-а, вот это прекрасно, — сказала Марьям, и ее медового цвета глаза сверкнули.

Марьям была одной из десятков хорошеньких деревенских девочек, взятых во дворец служить шаху Тахмасбу, но становившихся прислужницами знатных дам, если он не высказывал желания разделить с ними ложе. Семье, наверное, доставалась взамен коза или немного денег.

Пери взяла у Азар платье и приложила его к Марьям, растянув широкие рукава по ее рукам. Золотые волосы Марьям рассыпались по золоту платья и будто слились с ним в одно.

— Голубка с хорошеньким личиком напоминает о тебе, — поддразнила ее Пери. — Можешь забрать его себе.

Глаза Марьям расширились от недоверия. Ее повседневная одежда была милой, но ничто не могло сравниться с прелестью одежды шахской дочери. Она прижала платье к груди и погладила рукав кончиками пальцев.

— Мягче кожи... — сказала она, и Пери улыбнулась.

— Мне нужно самое темное платье, — велела Пери Азар, которая послушно запустила обе руки в сундук, хотя ее рот выгнулся обидой.

Через некоторое время она вытянула темно-коричневое платье из шелковой тафты, его поверхность словно бы мерцала. Пери погладила платье кончиками пальцев.

— Потрогай это, — сказала она Марьям, и та потянулась ощупать шелк.

— Кто соткал его? — спросила прислужница.

— Глава гильдии, лучший ткач тафты мастер Борзу.

Его шелка даже венецианцы признавали более тонкими, чем любые из производимых в их городе. Я бережно держал платье. Нежное настолько, что его можно было сложить в пригоршню, однако при этом для взгляда пышное, как бархат. Тонкий узор из золотых парчовых пионов, казалось раскачивавшихся под легким ветерком. Белые розы тянулись по бледно-оранжевой кайме, края которой были затканы полосками коричневого, оранжевого и голубого.

Марьям упрашивала ее примерить, и Азар опустила платье по вытянутым рукам Пери. Оно облегло ее лиф и скользнуло к тонкой талии, затем, расширяясь, сладостно поплыло по ее ногам. Коричневый цвет сделал ее черные волосы ярче, чем обычно, а щеки словно зарумянились.

— Просто царственно! — восхитилась Марьям.

Я смотрел на Пери и испытывал странное чувство, будто вижу покойного шаха.

— Вы прямо портрет вашего отца, — вырвалось у меня.

Для другой женщины это вряд ли было бы похвалой, но Пери улыбнулась в ответ.

— Теперь мне нужно помочь подобрать к нему остальные уборы. Марьям, у тебя самый лучший глаз на это.

Марьям нагнулась над другим сундуком и отобрала бледно-голубой камзол, бежевые шальвары с вышитыми вокруг щиколоток цветами, шелковый шарф с золотыми, оранжевыми и бежевыми полосами и нитку темных рубинов и жемчуга — Пери на лоб. Тут же Пери велела Азар убрать прочие наряды, которые та сложила и убрала так бережно, словно это были драгоценные камни. Затем Пери послала за чаем, фруктами в сахаре и за своей шкатулкой с серьгами. Масуд Али принес медное блюдо с маленькими печеньями из нута,

испеченными в форме клеверного листа, и круглыми ореховыми пирожными, заставившими меня сладостно вспомнить о Хадидже.

Марьям положила себе в чай поразительно много сахара. Только придворные могли быть так расточительны с этим дорогим лакомством.

— Ваш брат будет рад увидеть вас в этих дивных одеждах, — сказала она.

— Надеюсь, он меня узнает. Мне было восемь, когда его услали.

Пери наблюдала за Марьям, перебиравшей ее серьги; глаза девушки вспыхивали от удовольствия, когда ей попадалась особенно красивая пара. Марьям оглянулась, заметив, что мы смотрим, и улыбка тронула ее губы.

— Что вы о нем помните?

Пери поставила свой стаканчик, исходивший паром, и ответила:

— Он всегда был в хорошем настроении, его громкий хохот был слышен от одного конца двора до другого. Мое сердце вздрагивало при мысли о встрече с ним.

— Как часто он приезжал?

— Часто, — тихо сказала Пери. — Он дал мне первые уроки стрельбы из лука. Он даже стоял позади меня и помогал мне натягивать лук. Ему проще было разрешить мастерам-лучникам наставлять меня, но он знал, что я его обожала. Когда он отправился в поход, я занималась каждый день. Мне нравилось воображать, как я скачу рядом с ним, выпускаю стрелы и поражаю мишени. — Она коротко улыбнулась. — Я хотела быть такой, как он.

— Почему его услали? — спросила Марьям. Она откусила от крупного финика и запила чаем.

Пери кликнула евнуха, отнести сундук с нарядами, и велела Азар идти с ним. Лишь когда они скрылись, она заговорила снова. С глазами, полными тревоги, она пояснила, что была слишком мала, чтобы осознать случившееся. Хотя все соглашались, что Исмаил храбро сражался против оттоманов на севере, но то, что он собрал собственную армию без отцовского разрешения, толковали по-разному. Некоторые считали, это для того, чтоб навсегда уничтожить оттоманов, некоторые — что он повинен в намерении свергнуть отца. Незадолго до этого шах Тахмасб едва сумел подавить мятежи, поднятые его матерью и братом Алкасом, и раздор был для него нетерпим.

— Однако возможно, что мой отец просто завидовал. Не первый случай, когда отец желал быть столь же блистательным, как его сын-воин.

— Какая печаль — семья, разлученная так надолго! — вздохнула Марьям.

— Это был кинжал в наших сердцах.

Марьям взяла ее руку:

— Когда Исмаил увидит вас в этом платье цвета газели, он будет доволен тем, как вы являете красоту вашей семьи.

Глаза Пери засияли.

— Люди всегда говорили, что мы похожи больше, чем другие дети нашего отца.

— Верю, что он будет принимать ваши мудрые советы, — сказала Марьям.

— Иначе ему будет нелегко. Двор моего отца изобилует союзами и тяжбами, которые тянутся поколениями. Все, что Исмаил знал до заключения в тюрьму, — как командовать воинами-тюрьками, а не как справляться с таджиками-распорядителями, евреями-торговцами, армянами-поставщиками, жрецами-зороастрийцами, муллами-арабами, христианскими посланниками, индийскими и оттоманскими послами и остальными просителями, являющимися каждый день. Я ему нужна.

— Счастлив будет Исмаил с таким могущественным союзником, — сказала Марьям.

— Не просто союзником.

Пораженная Марьям взглянула на нее:

— А чего же больше?..

Пери натянулась, как тетива, затем выдернула руку, словно спуская стрелу.

— Я хочу быть его самым близким советником, таким, каким моя тетя была моему отцу.

— А он согласится на это?

Пери посмотрела в сторону:

— Почему же нет? В наших жилах течет одна кровь царей.

— Достоянная повелительница, — сказал я, — мне кажется, мы должны обдумать, что вы скажете новому шаху, дабы заручиться его расположением.

— Заручиться расположением? Да я единственная причина того, что его коронуют!

— Воистину так, но осторожность не помешает.

— Нет сомнений, он прольет на нее дождь любви, — вмешалась Марьям; ее теплый взгляд горел таким восхищением, что мне было неудобно это видеть.

Она вернулась к своему занятию — перебирать драгоценности Пери. Спустя минуту она сказала:

— Похоже, я нашла самое нужное сочетание. Попробуйте это. — И она протянула Пери золотые серьги-полумесяцы с подвесками из рубинов и жемчуга.

— Подойди и надень их на меня.

Марьям нагнулась над Пери и осторожно вдела каждую серьгу в проколотую мочку.

— Ба-а, ба-а! Как вы прекрасны!..

Пери заглянула в ее глаза, бывшие сейчас на расстоянии одного вздоха, и щеки Марьям вспыхнули, подобно розам. Затем Пери тронула ее за подбородок и задержала руку; теперь ее глаза налились звериным огнем. Марьям опустила взгляд, легкая усмешка заиграла на ее губах. Миг затянулся так, что я почувствовал стеснение и притворился, что меня одолевает кашель. Наконец Пери оглянулась и велела мне уйти.

— Скажи слугам, чтоб не беспокоили меня, — сказала она, не сводя глаз с Марьям.

Неудивительно, что Пери так мало волновалась насчет замужества! С чего ей желать союза с мужчиной, который присвоит все ее наслаждения? Голод, вспыхнувший в глазах Пери, обессиляюще напомнил мне обо мне самом, каким я был до оскопления. С Фереште я был словно лев, вонзающий клыки в бедро онагра, моя жажда была свирепой. Насколько я теперь иной...

Я радовался, что Пери нашла, кого любить, и даже больше — тому, что она доверяла мне настолько, что позволила видеть, как она чувствует. Женщины шахского двора, не выходявшие замуж по случаю или по выбору, должны были искать любви среди подобных им или оставаться томящимися и обездоленными навеки. Когда Марьям расчесывала волосы Пери или наносила сурьму на веки, обожание словно лилось искрами с ее пальцев. Женщины дворца терли друг

другу спину, расписывали друг другу тело хной, помогали друг другу в раздирающих родовых муках, омывали друг друга после смерти и держали друг друга за руки в минуты радости или горя. Иногда я им завидовал. Они жили в таком глубоком сочувствии друг другу, будь то любовь или ненависть, что оно окружало их, словно погода.

Выходя из покоев Пери, я дал взгляду задержаться на нарисованных бедрах Ширин и с мукой подумал о Хадидже. Она созрела, как плод, вот-вот лопнет. Похоже, ее могут скоро выдать замуж, и я не могу предложить ей того, что даст любой неоскопленный мужчина. Но это не значит, что я смогу запретить себе любить ее.

На следующее утро Исмаил въехал в Казвин на прекрасной арабской кобыле, чье седло и поводья были усеяны драгоценными камнями, в сопровождении большой пешей свиты, включавшей воинов в боевом доспехе и десятки разодетых в бархат юношей, державших на руке соколов. По улицам города выстроились жители, явившиеся поглазеть на его прибытие. Каждый уголок города был украшен цветами, а улицы в знак приветствия устланы яркими коврами. Все надели свои лучшие одежды и распевали хвалы, когда он проезжал мимо, а музыканты на каждом углу наполняли воздух сладкими звуками, чествуя сына шаха.

Люди Исмаила остались ждать его у дома Колафа-румлу. Того наверняка ожидала немалая награда за помощь в убийстве Хайдара. Первой ее частью было то, что Исмаил оказал ему честь, остановившись в его доме. Там он и останется, пока его звездочеты не решат, что наступил подходящий момент для переезда во дворец, где еще большее число предсказателей будет решать, когда ему короноваться.

Как только Исмаил обосновался в доме Колафы, он тут же начал принимать посетителей. Первой из призванных была небольшая группа женщин дворца, включавшая мою повелительницу. Она попросила меня сопровождать ее, и когда я рано утром явился вести ее к дому Колафы, то едва не задохнулся, увидев ее в том самом роскошном коричневом платье; на лбу ее горели рубины. Марьям, уже ставшая мастером семи способов украшения лица, которые завершают одевание женщины, растирала ее кожу, пока та не засияла, затем

искусно нанесла черную сурьму на ее веки, подкрасила губы и скулы мареной, сиренью и миррой.

— Вы прекраснее царевны, нарисованной мастером Бехзодом!

— Благодарю, — ответила Пери. — Наконец-то я снова увижу моего дорогого брата, заново переживу одну из Любостей моей юности! Ведь я думала, что этот день никогда не наступит.

Ее глаза сверкали радостью.

Покрывшись чадором, она вошла в высокий паланкин, обитый оранжевым бархатом. Евнухи из низших служб понесли ее через ворота к дому Колафы на северном конце города, а я шагал рядом с ними. День был жаркий, но наш путь лежал под кронами огромных каштанов, в изобилии посаженных в этой части столицы. Есть ли на свете дерево лучше? Величавые бугристые стволы кронами смыкались над нами в одно щедрое зеленое поле.

Когда мы шли мимо больших домов с воротами, горожане на улице уступали путь и останавливались, разглядывая кортеж Пери.

— Какой богатый бархат! — вздыхала оборванная женщина.

Я тоже завидовал Пери, но по другому поводу. Как колотилось бы от восторга мое сердце, если бы я готовился встретиться со своей собственной сестрой, моей Джалиле, после такого долгого отсутствия. Будет ли она похожа на матушку? На меня? Поймет ли она, если я откроюсь ей, что стал евнухом? Я не сказал этого матушке до самой ее смерти, не хотел я доверять это и письму к Джалиле. Наполнятся ли ее глаза нежностью, когда я расскажу ей правду, или...

Споткнувшись о камень, я получил в спину окрик начальника стражи, пролаявшего, что мне следует быть уважительнее к властительнице и внимательнее к дороге.

Когда мы добрались до дома Колафы, то воспользовались дверным молотком для женщин — большим медным кольцом, и сперва нас встретила жена Колафы, которая проводила нас в комнату андаруни — части дома, предназначенной только для женщин и близких семьи. Андаруни украшали тонкой работы ковры из синей шерсти и шелка на полу, расшитые подушки, высокие серебряные вазы, полные свежих цветов, подносы с пирамидами винограда, груш, фисташек, цукатов и фруктового шербета в больших сосудах.

Пери приветствовала женщин, которые уже собрались, четырех жен покойного шаха — Султанам и Султан-заде, матушку Пери —

Даку-черкес, и Зару-баджи, все со своими прислужницами и провожатыми. Глаза Султанам и морщинистые щеки горели материнской гордостью. Хадидже сидела рядом, чтобы услужать ей, брови ее были чудесны, словно темный бархат. Я подумал о донбалах, яйцах барана, которые ел вчера, и ощутил, как жар поднимается в моих чреслах. Несмотря на серьезность момента, я вообразил, чем мы с Хадидже займемся в следующий раз. Все замечательно выглядели в своих траурных одеяниях, исключая разве Султан-заде, чей небрежно повязанный шарф и покрасневшие глаза выдавали ее горе по сыну. Она не поднимала головы и старалась быть незаметной.

Вскоре Исмаил вошел в комнату в сопровождении небольшой свиты из свирепого вида евнухов. Благородные жены встали и принялись радостно причитать и выкрикивать хвалу Богу. Исмаил стоял перед ними в сером шелковом халате и принимал эти приношения, а когда он уселся на прекрасно вышитую подушку, положенную для него на лучший из ковров, жены покойного шаха снова уселись на свои места. Вместе с другими слугами я стоял наготове в дальнем конце комнаты.

Он был среднего роста, с маленькими глазами и негустой седеющей бородой. Выглядел он уверенно и властно, совсем не как мальчик Хайдар, стоявший с мечом перед старшими. Исмаил занял лучшее место в комнате как муж, уверенный, что наконец получает то, что заслужил.

Но возраст не пошел ему на пользу. Он казался скорее пятидесятилетним, чем тридцативосьмилетним. Казалось, кости у него жидкие, словно плавающие в бурдюке со студнем, а не скрепленные мышцами. Пристально взглядываясь в его лицо, я видел нездоровую одутловатость, словно в нем что-то гнило. Никто и никогда больше не примет этого дряблого человека за того свирепого воина, которым он когда-то был.

— Добро пожаловать, благородные жены, — начал он. — Этим утром я имел встречу со своей матушкой и выразил ей свою благодарность. Все те годы, что я отсутствовал, ее никогда не оставляла надежда, что я вернусь. Она пастырь моей жизни — жизни мужчины, моих будущих жен, моего будущего. Матушка, они твои, все хвалы моей жизни и моей короне, которую я скоро надену!

Я не мог не подумать, что похвалы за корону должны бы достаться Пери, но, может быть, он просто слегка преувеличивает.

Не смогла удержаться и Султанам:

— Иншалла! Благодарю Бога за сбережение моего сына. Чтоб явить мою глубочайшую признательность, я клянусь перед всеми построить мечеть и медресе в Казвине.

Раздался дружный вздох — все знали, сколько стоит нанять зодчего, строителей, гончаров и артель рабочих на несколько лет. Но все жены и дети покойного шаха недавно были извещены казначейством о состоянии, которое унаследовали после его смерти, а для самых любимых, подобно Пери, туда входил доход с целых городов.

— Ваше благочестие — пример всем женщинам, — ответил он.

Исмаил приветствовал жен своего отца в порядке старшинства, включая и Султан-заде, пока наконец его внимания не удостоилась и Пери.

— Сестра моя, когда я последний раз видел тебя, ты была маленькой девочкой, — сказал он. — Как все меняется! Во время моего путешествия меня просто забрасывали сообщениями о твоих свершениях во дворце. Уважение к тебе больше, чем ты могла бы представить.

Пери склонила голову, принимая похвалу. Я все дожидался, когда он разразится речью вроде той, что адресовал своей матушке.

— Скажи мне, я сильно изменился?

Пери изумленно подняла голову. Она, похоже, не знала, что сказать.

— Я хочу знать правду.

На мгновение дымка заволокла ее взгляд.

— Я вижу перед собой брата, который был так добр, что учил меня, когда я была еще ребенком, а он уже великим воином, — вежливо отвечала она.

— Учил чему?

— Искусству лучника.

— И посмотри на меня теперь! — сказал он с неприятным смехом.

Судя по его худым рукам, теперь он не смог бы даже натянуть тетиву.

— Мое самое заветное желание для нас обоих — поскорее снова начать стрелять вместе, — тихо сказала Пери. — Я к вашим услугам.

— Полагаю, на этот раз меня будешь учить ты, — отвечал он.

Хотя тон у него был шутливый, по моему заливку пробежал холод.

— Я навечно останусь вашей ученицей, — сказала она. — Я никогда не забуду, как вы учили меня держать лук и учили найти цель прежде всего сознанием. «Найди слабое место, — говорили вы, — уязвимое телесно, и ударь туда, где ошибки не будет». Я сохранила эти наставления в сердце. После вашего отъезда я часто занималась и, когда вы не вернулись, спрашивала о вас. Один из полководцев отца сжалился надо мной и называл мне те места, где вы тогда сражались. Я потребовала карту этой части страны, шахский картограф нарисовал мне ее, а я отмечала на ней ваше продвижение кусочками бирюзы.

Тут она умолкла, без сомнения не желая напоминать ему об унижительном заключении.

— И что же было потом?

— Однажды карта исчезла, а с нею и ваше имя, — ответила она. — Я так благодарна Богу, что Он вернул вас сюда!

— Должно быть, это как увидеть воскресшего из мертвых, — сказал он.

Желтизна его лица не позволяла возразить.

— Я вижу благородного шаха, чьи щеки румянее гранатов, — запротестовала Пери.

Он отмахнулся, предупреждая речи, которым не верил.

— К слову, сегодня рано утром я посетил могилу нашего отца.

Пери напряглась. Отец был похоронен во временной могиле, в ближнем храме, ожидая решения Исмаила о постоянном месте погребения. Остальные женщины запричитали, как делали каждый раз, когда упоминалось имя усопшего. Слезы покатались по щекам Пери, но глаза Исмаила остались сухими.

Миг был настолько неловким, что я просто был рад, что могу выдернуть из пояса один из подаренных Пери платков и предложить ей. Она вытерла глаза и сказала:

— Теперь мы будем плакать вместе, брат мой.

Он рассмеялся снова, и это был омерзительный смех.

— Все мои слезы высохли, — ответил он.

Держать себя он не умел.

— Велики были ваши страдания. Мое самое большое желание — посвятить себя вам, дорогой брат, — быстро сказала Пери. — Обещаю быть полезной.

— Да, полагаю, ты сможешь, тебя столько лет согревало сияние нашего отца... О, какая утрата!

Пери выпрямилась на подушке:

— Я очень благодарна ему за счастье питаться его мудростью.

— О дорогая сестрица, я не хотел тебя обидеть. Я только хотел сказать, что его знания большегодились бы ребенку, который мог стать шахом.

Пери выглядела пораженной.

— Да ладно, — сказал он. — Мне было не суждено. И все же смотри, какие великие дары Бог уготовал мне. В благодарность за твою службу я выбрал тебе караван-сарай в Ардебиле.

— Благодарю вас за вашу щедрость, — ответила Пери.

Это был щедрый подарок — караван-сарай обеспечит немалый ежегодный доход, — однако я был уверен, что она предпочла бы более скромный дар, врученный с искренней благодарностью.

— Пожалуйста.

— Брат мой, — сказала Пери, — может быть, вы захотите узнать о делах дворца? Есть срочные вещи, требующие обсуждения.

— Все мое время. — Он сменил позу. — Есть только одно, что я хочу знать немедленно. Как вели себя наши вельможи?

— Колебались.

— Но нашу семью они почитали?

— Да, большей частью.

— А кто в меньшей?

— Мне неприятно кого-то обличать. Они были сбиты с толку.

— Но я настаиваю, чтоб ты сказала.

— Возможно, вы уже слышали, что несколько знатных персон проявили строптивость. Однако стоило прочитать им ваше письмо, и они одумались.

— Кто? Ты не должна ничего скрывать от меня.

— Ну, главным образом мирза Шокролло, главный казначей, и его приверженцы.

— Понятно. Я это учту.

— Благодарю вас. Брат, могу ли я теперь говорить о делах дворца? Пери была чуть слишком настойчива, но никто не мог сказать, когда он снова позволит ей встретиться с ним. Глаза Исмаила без конца оглядывали комнату, словно что-то искали.

— Что такое, сын мой? — спросила Султанам.

— Ничего, — ответил он. — Я должен идти.

Резко поднявшись, он дал понять, что прием окончен. Удивленные, встали и мы.

— Благодарю вас за посещение. Оставляю вас, угощайтесь, а я пока займусь неотложным делом.

Он даже не даровал благородным женам милость своего присутствия на трапезе! В замешательстве они глядели друг на дружку, и только Султан-заде явно испытывала облегчение. Мать Пери и Зарубаджи нарушили неловкое молчание шумными поздравлениями Султанам.

Я принял у Пери сырой платок.

— Что с ним? — тихо спросила она.

— Боюсь, что он забылся, — шепнул я. — Если бы не вы, не видать ему власти.

— Да, признаёт он это или нет.

— Возможно, ему требуется время, чтоб освоиться. Должно быть, трудно сегодня быть узником, а завтра стать шахом.

— Я словно говорила с отшельником, отбросившим всякую учтивость, — сказала она, побледнев.

Вошли слуги со скатертями и первыми блюдами трапезы, жареным и тушеным мясом, но Пери сказала, что у нее нет аппетита и она не останется. Когда она просталась, ссылаясь на женские недомогания, Хадидже обеими руками поправила платок, скрывавший ее волосы, и поймала мой взгляд, а я поправил свой пояс — это был наш сигнал, что попозже вечером я появлюсь, и она глянула через правое плечо, что означало согласие.

Совсем поздно, когда уже вошла луна и слышался лишь вой шакалов, я встал с постели, чтоб повидать Хадидже. Облако скрыло луну, и мне пришлось считать шаги в поисках тропинки, что вела к ее жилью. Когда я добрался, караульный евнух спал прямо на земле головой к двери, рот открыт, обмякшая рука едва держала оружие. Тем

лучше для меня: сберегу монету. Перешагнув через него, я вошел в здание, тихо прокрался по коридору к двери Хадидже и открыл ее. Несмотря на поздний час, она была одета и сидела в темном углу комнаты. Я сел рядом и взял маленькую смуглую руку в свои.

— Как мне надо было увидеть тебя! — сказала она. — Стража прошел без осложнений?

— Он спал как мертвый.

Хадидже улыбнулась.

— Я добавила сонного зелья в кувшин вина и предложила ему, — призналась она.

— Зачем?

— Чтобы он не узнал, что ты здесь был. Никто не должен знать, — страстно шепнула она, обвила руками мою шею и уткнулась мне в грудь.

Щека ее оказалась мокрой от слез.

— Хадидже, душа моя, что тебя мучит? — озадаченно спросил я.

Тело ее вздрагивало.

— Я должна достаться другому.

У меня перехватило дыхание. Крепко обняв, я гладил ее волосы и вдыхал запах розового масла, которым она мазала виски.

— Увы, я надеялся, что это будет не так скоро.

Она все прижималась ко мне, и я ощущал закругления ее груди и думал о том, что вот-вот она так же будет прижиматься к кому-то другому.

— Возлюбленная моя, как я буду тосковать по тебе!

— И я, — сказала она; слезы струились по ее щекам.

— Кто твой суженый — воин из провинции?

— Намного лучше.

— Вельможа двора?

— Снова ошибка.

— Но что может быть лучше?

— Ты не поверишь. Сам новый шах.

— Ах! — вскрикнул я от неожиданности.

— Правда.

— Как дивна твоя судьба! Когда ты болела на борту невольничьего судна, когда тебя и твоего брата палило солнце, когда вас пинали и бранили, могла ли ты подумать, что станешь царицей?

— Никогда, — сказала она, — разве что в мечтах. Конечно, это временный брак.

Шах сбережет свои четыре законных брака для жен из хороших родов, с которыми он пожелает заключить союз.

— Пускай! Однажды ты станешь матерью его ребенка, у тебя будет свой дом и свои слуги. А если ты родишь сына, который будет жить и процветет, ты станешь могущественной, как Султанам.

Я бормотал ерунду, чтоб не думать об ужасной правде: единственная улада, остававшаяся мне в этом мире, будет отобрана и отдана человеку, который ничем ее не заслужил.

— Рада буду иметь свое хозяйство, а не служить чужим прихотям.

— Как это все произошло?

— Как только Исмаила освободили из тюрьмы, Султанам начала говорить, что ищет ему жену. В своих письмах он беспокоился, что сумел зачать лишь одну дочь. Султанам думает, что кто-то навел на него порчу, и полна решимости снять заклятье. Он женится на нескольких благородных девах, чтоб укрепить единство родов, но я должна стать первой женщиной, которая придет на его ложе. Султанам советовалась с предсказателями и думает, что я рожу ему сына. Она приказала мне носить амулеты и сообщать обо всех наших делах — какая она назойливая!

— Она не сможет получить такую власть над родовитой женой, которую он возьмет, так как у той будет собственная мать-советчица, — сказал я. — А отдать тебя своему сыну она будет просто счастлива, потому что сама убедилась в твоём чудесном нраве.

— Я всегда старалась, даже когда мне было неохота служить.

— Ты воистину заслужила эту награду. — И печаль снова стиснула мне горло.

— Иншалла, Джавахир, ты так добр. Ты всегда был добр.

Голос мой осекся, горе было таким острым, что я не смог продолжать. Хадидже прижалась своим лицом к моему, и слезы, что текли по ее щеке, стали моими. Мы приникли друг к другу, словно могли навсегда остаться соединенными.

Хадидже дотянулась до моего кушака и развязала его. Съеденные днем бараньи яйца, казалось, взбурлили мою кровь, и я положил ладони на ее ключицы, а потом стянул с нее платье через голову. Я снял камзол, рубаху, шаровары и тюрбан, а потом нежно потянул ее на

подушки. Начал с легчайших покусываний ягодиц, поддразнивания мягкой щедрой плоти. Пропутешествовал до ушек и покрыл поцелуями, затем позабавил ее губы кончиком языка. Ненадолго оставив те части, что уже взывали ко мне, спустился к подошвам. Я вылизывал и теребил, я слышал, как учащается дыхание Хадидже, пока оно не зазвучало так, словно она готова забыть себя прямо сейчас. Я взошел обратно по икрам и бедрам, чтоб вернуться к ее грудям, таким круглым и крепким, и поцеловал рубины, венчавшие их. Она медленно перекатывалась с бока на бок, подставляя мне сперва одну грудь, затем вторую.

Насытившись, я двинулся вниз; встав перед нею на колени, я положил ее ноги себе на плечи и начал впивать ее верность. Сначала дразнящими, скользящими движеньями, от которых она становилась все неистовее, и я все медленнее скользил в ней всем языком, вжимаясь лицом в исходящую пылом пещеру, и наконец, когда ее глаза остекленели, как после чаши крепкого банга, вновь дотянулся до ее сосков и с величайшей нежностью огладил их. Она взмокла, словно плодородный оазис, и я ощутил, будто пью млеко и мед рая. Потом я застал ее врасплох, снова вонзив в нее язык, и вскоре ноги Хадидже задрожали и напряглись так, что едва не отбросили меня. Глаза закатились, пальцы впились в подушки. Я нежно держал ее, пока она не оттрепетала.

Некоторое время она оставалась неподвижной, и мне слышно было лишь ее тихое дыхание. Затем она перекатилась на меня и обняла.

— Никто не заменит тебя, — сказала она.

Глубокая печаль захлестнула меня, когда я представил, сколько женщин встречу лишь для того, чтоб сказать им потом «прощай», когда они найдут кого-то в мужья. Многие женщины жаждут детей, а это именно то, чего я не дам им. Но ведь я все равно мужчина, верно?

Отдохнув, Хадидже занялась мною. В ее объятьях, окутанный ароматом франкских благовоний от ее волос, захваченный всем, что выделял ее рот, я смог на мгновения забыть о том, что готов был потерять.

К рассвету — очень близко к рассвету — мы наконец унялись. Я поспешил натянуть шаровары и остальную одежду. Потом встал и, коснувшись ее гиацинтовых кудрей, нежно попрощался.

— Когда ты придешь? — спросила она.

— Никогда.

— Никогда?

В ее глазах мелькнула боль. Хадидже, обещанная шаху, не побоялась рискнуть всем, чтоб увидеть меня. Я чувствовал благодарность за то, что еще был ей нужен.

— Слишком опасно, в первую очередь для тебя. Не стоит навлекать подозрений сейчас, когда тебя уже выбрали.

Нагнувшись, я ласково погладил ее шею, чувствуя, как бьется ее сердце.

— Я всегда буду думать о тебе, — сказал я, — и надеяться, что ты счастлива.

— А я — что ты! — ответила она, но я услышал в ее голосе отзвук печали.

Караульный евнух все еще спал, хотя птицы уже чирикали вовсю. Когда я отошел на приличное расстояние и скрылся за деревьями, то подобрал пригоршню гальки и швырнул в его сторону, чтоб разбудить. Он будет наказан, если его застанут храпящим; ему положено охранять женщин, в том числе и рабыню, которая скоро обретет благосклонность самого шаха. Но швырнул я сильнее, чем хотел, и попал ему в икру и ступню. Испустив громкое проклятие, он вскочил и занял свое место. Я пустился наутек. Резкий порыв ветра пронесся по саду, гася звук моих шагов и завывая в сорванной с веток листве.

У себя в комнате я заснул на час. Мне приснилось, что мой мужской член отвердел до боли. Все, чего мне хотелось, — это вонзиться в женщину и избавиться от этой муки. Черноглазая Фереште явилась в моем сне как избавительница, мягкими руками нашла моего мучителя, а он становился все больше и наливался новой болью. Измученный, я накинулся на нее и скользнул внутрь. Глаза Фереште наполнились разочарованием.

— Кто ты? — обвиняюще спросила она, и мой член съезжился.

Я проснулся весь в поту. Зашарив обеими руками в паху, я нашел только тошнотворную пустоту и обхватил себя руками, чтоб не дать вырваться стону.

Следующим днем была пятница. Пери отправила Масуда Али сообщить мне, что я могу отдохнуть до следующего утра, когда она

соберет обычный ежедневный совет с вельможами. Свободный впервые за несколько недель, я отправился в пятничную мечеть за стенами дворца, совершить намаз. Мечеть находилась в конце Выгула шахских скакунов и была заложена в правление Гарун аль-Рашида. Бирюзовый купол ее был украшен завитками белых изразцов, словно она плыла среди облаков.

Позже днем я взял Масуда Али в город с Баламани и несколькими другими евнухами, и мы купили на базаре шампуры свежего бараньего кебаба. Мы ушли к реке неподалеку от дворца, зажарили кебаб над жарким огнем и съели обугленное мясо с лепешками, запивая чаем с финиками.

Когда замерцали звезды, мы принялись по очереди рассказывать истории, и Масуд Али спросил, может ли он рассказать кое-что мне?

— Мой юный Фирдоуси, начинай!

Масуд Али заправил локон в тюрбан, который он только что выучился правильно закручивать, и зашептал мне на ухо, пока глаза его не набухли и его не потребовалось убаюкивать, как младенца. Я отвел его назад во дворец, чтобы он мог поспать, а евнухи отправились в кофейню, где могли глотнуть опиума, пока не ощутят себя полностью в ладу с собой же.

Когда я присоединился к ним, кофейня была полна людей, разговаривавших и смеявшихся. Баламани растянулся на подушках и курил кальян на двоих с другим евнухом, Метин-агой.

— Уложил его? — поинтересовался Баламани.

— Сначала пришлось утереть ему слезы.

Он встревоженно сел:

— Что случилось?

— Поведал мне длинную историю о мальчике, поработанном джинном. Джинн убил его отца, насильно женился на его матери и заставлял мальчика делать за себя грязную работу.

Баламани изумился.

— Мать Масуда Али снова вышла замуж, когда ему было шесть, и оставила его при дворе. Джинн — единственное, чем он это все может объяснить.

Баламани выпустил облако гневного дыма:

— Бедное создание! Какая мать способна на такое!

Он сунул чубук Метину, который затягивался, пока вода не забурлила.

— Как только уйду на покой, — добавил Баламани, — хочу жениться на вдове с парой мальчишек вроде Масуда Али. Хвала богу, я могу завести семью.

— Иди ты, папочка! — фыркнул Метин. — А с чего твоя вдовушка перестанет мечтать о хорошей палке?

Баламани смущенно хохотнул:

— Ну, надеюсь, Джавахир мне расскажет, что...

Его речь пресеклась, когда он взглянул на меня. Я выпил банга, потом еще и еще. Затем наступил счастливый миг, когда то, что Хадидже больше не моя, уже почти ничего не значило, а другие евнухи дразнили меня, потому что я пел один, и сорванным голосом.

Пери продолжала ежедневно собирать вельмож, но некоторые из них перестали появляться. Шамхал прислал нам письмо, что он тяжело болен и не может посещать собрания. Отсутствие Шокролло никак не объяснялось, пока мирза Салман не принес потрясающую новость, что того назначили великим визирем. Мы с Пери были просто вне себя, что ее брат выбрал Шокролло, хотя она сообщила ему, как тот себя вел.

Почти тогда же Пери получила письмо от Рудабех — женщины, которая приходила к ней за помощью в возвращении своего дома. Рудабех вернулась в Хой и ждала, пока местный Совет справедливых вновь не займется ее делом. Она написала, что там ходят разговоры о восстании в азербайджанских провинциях, поддерживающих оттоманов, и попытках набрать горожан для участия в мятеже. «Я каждый день молюсь за нашу безопасность, но умоляю — пришлите помощь!» — писала она рукой, дрожавшей от страха.

Пери послала Маджида просить нового великого визиря дать средства на подавление бунта в Азербайджане. Когда ему не удалось добиться ответа, несмотря на неоднократные попытки, Пери решила сама посетить Исмаила и привлечь его внимание к происходящему. Мирный договор шаха Тахмасба с оттоманами продержался двадцать лет, и Пери была в ужасе, что он может нарушиться.

Я посоветовал идти к брату с приношением, так как в наш первый приход он не выказал ей своего полного благоволения.

— Приношение? В шахскую сокровищницу и без того сыплется столько даров, что хранители не успевают заносить их в свои книги.

— Знаю, — сказал я. — Вместо обычного подарка почему бы вам не написать для брата поэму, восхваляющую его воинские подвиги? Так вы смягчите его сердце и сделаете уступчивым к вашим просьбам.

Пери минуту поразмыслила и затем признала:

— А ты прав. Нам нужно орудие получше разума.

Потребовав перо, чернила и столик для письма, она села на подушки и принялась сочинять на фарси. Время от времени она поднимала голову и просила меня достать книгу или уточнить в дворцовых хрониках подробности битв, где участвовал Исмаил. Когда она отыскивала наконец тему, я стал помогать ей отыскивать звучные рифмы.

За полдня Пери сумела написать длинную поэму, прославлявшую доблесть юного воина Исмаила и предсказывавшую его блестящее царствование. Когда она закончила сочинять, то потребовала бумаги изо льна и конопля. Бумага была так хороша, что я про себя возблагодарил китайского евнуха Кай Луна, первого, кто начал делать здесь настоящую бумагу.

Я читал Пери вслух ее стихи, а она неторопливо заносила слова на бумагу самым изысканным из своих почерков.

На следующий день я сопровождал ее к дому Колафы. Жена его встретила нас и учтиво проводила в андаруни, где нам предложили угощение, но ждать, пока нас не удостоят встречи, пришлось очень долго. Неловкое молчание царило в комнате, а Пери обрывала бахрому своего шарфа. Для шахской дочери, еще недавно по первой просьбе достаивавшейся внимания самого шаха, это было унижительное переживание.

Наконец Исмаил соблаговолил увидеть свою сестру. Он был по-прежнему изжелта-бледен, как и в первую встречу. Они с матушкой уселись так тесно, будто их снова соединяла пуповина.

— Брат мой, благодарю вас за согласие принять меня, — начала Пери. — Я здесь, чтобы преподнести вам мой малый дар, хотя боюсь, что он вас недостоин...

Пери подала свою поэму, переплетенную в твердый кожаный переплет, не дававший листам свернуться. Исмаил дал понять, что готов принять ее, и слуга подбежал с серебряным подносом, на

котором унес книгу. Открыв ее, Исмаил начал читать, и я, затаив дыхание, ждал, пока несколькими минутами позже на его лице не проступила улыбка.

— Посмотрите, матушка, — сказал он. — Прошу вас, читайте вслух, чтоб вы тоже могли этим насладиться.

Султанам принялась читать, а Исмаил откинулся на подушки, наслаждаясь плавными стихами Пери. Там он представал юным воителем, летящим на скакуне, пылающим верностью своей державе, натягивающим тетиву и без промаха поражающим цель. В голосе его матушки, по мере того как она вчитывалась в поэму, росло восхищение, и мне тоже он грезился на поле битвы, где сверкал его меч, а будущее было таким же ясным, как его сердце.

— Ба-а, ба-а, просто прекрасно! — воскликнул он, когда Султанам дочитала. — Кто написал такое? Хочу увидеть этого человека и вознаградить его.

— Это я, — скромно ответила Пери.

— Неужели? Тогда ты очень талантлива. А ты знаешь, что я тоже сочиняю стихи?

— Нет, я не знала.

— Подозреваю, что ты многого обо мне не знаешь. Я пишу под именем Адили.

Имя, выбранное им, означало «Справедливый».

— Воистину, справедливость с вами, — сказала Пери.

— Я бы послушал и другие твои стихи.

— Благодарю. Наверное, вы хотели бы также услышать стихи, которые я посвятила нашему отцу.

— Да, мы должны подумать о совместном вечере, и поскорее. Будем читать друг другу.

— Огромная честь для меня, — сказала Пери.

Исмаил велел подать освежающие напитки, а я тем временем шепнул Пери, что нам пора уходить. Но она снова сделала попытку еще до того, как принесли шербет:

— Брат мой, могу я поговорить с вами о государственном деле?

Глаза его немедленно стали настороженными, тон похолодел.

— Что такое?

Она тут же сменила намерение и сказала:

— Я только подумала... Я хотела поинтересоваться, могу ли я помочь вам с назначением на свободные государственные посты? Я могла бы предложить достойных людей.

— Все хотят предложить своих людей, — ответил он. — Вопрос в том, кому из них могу доверять я?

— Я могу дать вам совет, — доверительно сказала Пери.

— Всюду змеи, — ответил он, и глаза его потемнели. — Но раз за разом я милостью Божией избегаю их яда.

Госпожа моя выглядела изумленной.

— Знаешь, почему я так долго добирался до Казвина? Я избежал нескольких покушений, изменяя свои планы в последнюю минуту. Чудом я добрался невредимым.

— Хвала Богу за Его благую защиту, — сказала Султанам, не сводя бдительных глаз с сына.

— А теперь, когда я здесь, я вижу, что двор разделился на тех, кто поддерживает меня, и тех, кто нет. Не затем я сберегал себя двадцать лет в тюрьме, чтоб на свободе меня убили предатели!

— Конечно нет. Да сохранит вас Бог, — подтвердила Пери.

— Однако враги повсюду, — продолжал он. — Я не буду чувствовать себя в безопасности до самой коронации, когда каждому мужчине и каждой женщине придется поклясться перед Богом в покорности мне и запомнить, что кара за неповиновение — смерть.

— И у тебя будет много легче на сердце, — сказала его мать.

Недавно звездочеты решили, что сочетание светил наконец благоприятно, и коронацию назначили на следующую неделю.

— Но и тогда мне придется быть бдительным, ибо сердца людские чернее грязи. Моим величайшим желанием остается, чтоб содержимое ума любого человека открывалось мне, как страницы книги, и ни одна измена не ускользала бы от моих глаз. Тогда, и только тогда я буду чувствовать себя в безопасности.

Волосы у меня на предплечьях встали дыбом.

— Через некоторое время я узнаю, для кого мои интересы прежде всего, — добавил он, взглянув на мать.

— Брат мой, располагайте моими услугами, когда понадобится. Как вам известно, вельможи встречаются со мной каждое утро, так что жизнь дворца не останавливается.

Я обрадовался, что Пери упомянула о встречах. Теперь Исмаил не мог заявить, что она занимается чем-то за его спиной, и должен был сказать, как он оценивает ее действия. С нетерпением я дожидался его ответа.

— Да, я знаю про вельмож, которые приходят к тебе, — ответил он. — Время покажет, кто из них мне верен.

Станный ответ — ни осуждающий, ни одобряющий, и я задумался: не причислил ли он свою сестру к тем, в чьей верности следует усомниться?

— Я бы не назвала вам человека, в ком не была бы уверена, — сказала Пери. — Однако есть тот, кто вызывает у меня сомнения: мирза Шокролло.

— Я помню о твоих сомнениях, — отвечал Исмаил, — но его колебания, служить ли женщине, вполне понятны.

— Я шахской крови, — сказала Пери. — Тут не может быть колебаний.

— Верно. Тем не менее мне нужны люди, подобные мирзе Шокролло. Он разбирается в денежных делах двора лучше, чем кто-либо еще.

Пери не удалось скрыть гримасу.

— Мой сын, — вмешалась Султанам, — пришло время послеполуденного отдыха. Ты должен понемногу восстанавливать свои силы.

— Только один миг, у меня очень важное дело, — ответила Пери.

— Да, матушка, — отозвался Исмаил, не обратив внимания на мою госпожу. — Как я счастлив, что есть кто-то заботящийся о моем благе! Пойду-ка прилягу.

Спать, когда надо столько всего сделать?

— Спасибо за стихи. Скоро встретимся и поговорим.

Он поднялся и пошел прочь, а матушка следовала в полушаге за ним.

Когда мы возвращались во дворец, Пери словно смотрела внутрь себя. Я спросил ее, могу ли чем-нибудь помочь, но она печально ответила:

— Все это время я воображала, как вернется мой брат, и даже не подозревала, что буду разговаривать с чужаком. Я могу лишь надеяться, что время снова обратит его в моего брата.

— Достоянная повелительница, я полагаю, что он просто боится. Он весь — одно мрачное предчувствие и смятение, а вы — солнце разума.

— А это значит, что мне день за днем придется доказывать ему, что мои стремления полны верности.

— Это мудро.

Мы разбирали наилучшие способы доказать ее преданность, но, прежде чем мы сумели воплотить наши замыслы, Исмаил объявил, что не будет встречаться ни с кем, кроме своих ближайших советников, пока не завершится коронация. Когда Пери получила это известие, в ее глазах засветилась боль. Как мог Исмаил отстранить свою собственную сестру, столько сделавшую для того, чтоб он взошел на трон? Неужели кто-то близкий к нему очернил ее имя?

Рано утром я отправился к дому Шамхала с мешочком серебра в рукаве. Когда слуга отворил мне, я попросил позвать знакомого евнуха, служившего при дворе посыльным. Расцеловав его в обе щеки, я опустил серебро ему в рукав и поинтересовался, вправду ли его хозяин болеет. Он сказал, что нет. Когда я попросил подробностей, он шепнул, что Шамхал-хана каждый день приглашают к Исмаилу.

Вернувшись к Пери, я сказал, что могу открыть ей нечто, но сама мысль об этом лишает меня дыхания. К счастью, она пресекла пространные изъявления сожаления, обычные в таких случаях:

— Говори.

— Возможно ли, что ваш дядя попал в милость к Исмаилу?

— Конечно нет. Он бы сказал мне.

Я принял озабоченный вид, словно беспокоясь о его здоровье:

— Но мы не видели его уже давно. Вы думаете, что он все еще болен?

— Скорее всего.

— Тогда его наверняка обрадует ваше посещение.

Глаза Пери нашли мои.

— Что именно ты узнал? Говори!

— Исмаил пригласил его бывать там ежедневно.

— Вот как — не меня? Откуда ты это знаешь?

— Заплатил кое-кому.

— А деньги чьи?

— Мои собственные.

— Когда я тебе позволила сделать это?

— Вы не позволяли.

Ее брови сошлись, и я испугался бури.

— Ты намекаешь, что мой дядя предает меня?

— Конечно нет, достойная повелительница. Я просто думал, что вы захотите узнать о его действиях.

Мне приходилось быть дипломатичным.

— Но как ты посмел? Если мой дядя проведает, что ты следил за ним, тебя затопчут насмерть.

— Мой долг — защищать вас, несмотря ни на что.

— Так говорят все слуги, чтоб оправдать свое содержание, — фыркнула Пери.

Слуги нередко рисковали собой, дабы заслужить доверие своих хозяев, но мои побуждения были серьезнее. С недавнего времени я начал испытывать к Пери что-то похожее на нежность. Ее уязвимость пробудила все мои защитные инстинкты, словно это была моя сестра, которую я никогда не видел взрослеющей. Глядя, как Пери сражается с выпавшей ей судьбой, я не мог не думать о Джалиле, и страстно хотелось смягчить обрушивающиеся на сестру удары. Наверное, мои глаза слишком явно отразили мои чувства, потому что гроза сошла с лица Пери.

— Я не собираюсь судить о твоих действиях, пока не разберусь в этом деле. Ты доказываешь свою верность каждый день.

Я наконец смог выдохнуть. Появилась надежда, что Пери задумается над тем, как предстать в глазах Исмаила верной служгой, а не докучливой просительницей.

— Достойная повелительница, соловью легко быть верным розе, — сказал я. — Ваш путь куда тернистее, чем мой.

ГЛАВА 4

РОЗА БЕССЕРДЕЧНА

В правление Зоххака родился благородный отрок именем Ферейдун. Судьба этого отрока была столь могучей, что рождение его проникло в сон шаха и встревожило его. Зоххаку приснилось, что этот Ферейдун станет отважным воителем и лишит его трона. В ужасе он пробудился, испуганный настолько, что отдал приказ найти ребенка.

Когда матушка Ферейдуна, Фаранак, прослышала об указе шаха, то стала мучительно искать способ уберечь дитя. Где место, чтоб укрыть его и куда никто не заглянет? Однажды шла она мимо великолепной коровы, чья шкура сияла тысячью цветов. Приблизилась она к пастуху и спросила, не позволит ли он своему дивному животному Пормаие вынянчить ее единственного сына. Он согласился, и Фаранак доверила ему своего младенца. Каждый день Пормаие питала Ферейдуна своим сладостным молоком, пока он не стал сильным мальчиком. И все равно Фаранак чувствовала угрозу. Когда его отлучили от сосцов, она тайно перевезла его в Индию, где отыскала мудреца, пообещавшего научить его всему, что знал сам.

Зоххак не отставал. Узнав, что Ферейдуна вскормила корова, он послал своих людей осмотреть всех коров страны, пока они не отыскали Пормаие, чья шкура до сих пор сияла тысячью цветов, и он зарезал ее собственными руками. Когда свершилось это зло, крестьяне собрались вокруг и смотрели на мертвую корову, ужасаясь тому, что жизнедающее существо было так бессмысленно убито. Какая жестокая утрата, стонали они, слезы струились, нутро выворачивалось. Найдется ли царь, что покарает убийцу людей?

Коронация была назначена в самый жаркий месяц года, так что все празднества должны были происходить для народа на Выгуле шахских скакунов и в дворцовых шатрах для придворных. Во дворце приготовления начались с той минуты, когда Исмаила встречали в доме Колафы. Все покои проветривались, убирались и окуривались

йеменским ладаном. Розы срезались и расставлялись в огромных вазах по всему дворцу. Готовился великий праздник: все повара дворцовых кухонь работали без остановки. Одними только засахаренными фруктами можно было накормить все население Казвина.

В день коронации дворец бурлил уже задолго до рассвета. Мы надели наше лучшее платье и тюрбаны и направились к большому двору у самых врат Али-Капу. Все державные лица — шахская семья, чиновники, военачальники, священнослужители, евнухи, посыльные, рабы — собрались тут согласно своим чинам. Я занял свое место среди евнухов, далеко позади Анвара, чье положение блюстителя шахского хозяйства делало его одним из самых высокопоставленных слуг, но намного ближе тех, кто прислуживал женщинам, стоявшим ниже Пери.

Вскоре мы услышали топот лошадиных копыт и мощный рокот шахских барабанов. Тысячи людей встали, чтоб приветствовать Исмаила. Дворцовые врата отворили; мы увидели толпы горожан, стоящих вдоль Выгула шахских скакунов и готовых славить нового шаха. Исмаил выехал на арабской кобылице, серой в яблоках, отчего ее шкура казалась затянутой снежно-белым кружевом. Седло было покрыто алым бархатом, затканым серебром. Оглушительные приветственные крики раздались вокруг нас: «Хвала Богу!», «Звезда вселенной вошла!», «Да будем мы твоей жертвой!»

За Исмаилом следовала многочисленная пешая свита, включавшая тяжеловооруженных воинов. Когда он ехал по проходу, расчищенному для него, все мы пали наземь и прижались лбом к плитам двора, дрожавшим в лад ударам копыт. Салим-хан скомандовал всем встать, и мы поднялись, дабы почтить нашего нового вождя. Исмаил был в зеленом бархатном халате, строгом, но красивом, опоясанном белым в серую полоску шелковым кушаком, и в тюрбане того же шелка, увенчанном золотым султаном с изумрудом величиной с мой глаз. На талии сверкал пояс, усеянный драгоценными камнями, а на нем изогнутый дамасский клинок. Камни под утренним солнцем вспыхивали яркими искрами, способными, казалось, испепелить любого, на кого попадут. Шах проследовал через дворцовую площадь к Залу сорока колонн, и все мы шагали следом. Толпа была так велика, что многим пришлось разместиться в садах перед залом. Высокий фонтан был усеян придворными, а открытые шатры были набиты

битком. Только знати и самым высокопоставленным вельможам отвели место в зале.

Когда все заняли положенные места, Исмаил уселся на трон, тоже инкрустированный драгоценными камнями. Затем Салим-хан провозгласил его родословную, начав с мистика Сахиб-ад-Дина, давшего династии Сафавидов первое предназначение, и продолжив деяниями его деда Исмаила, провозгласившего шиизм государственной религией Ирана, описанием долгого правления его отца Тахмасба и его собственными воинскими подвигами.

Корону высотой с руку взрослого мужчины поднесли Исмаилу на узорном серебряном подносе. Ее украшали крохотные жемчужины и бусины чистого золота, а на самой вершине сиял, окруженный алмазами, рубин величиной с мой кулак. Исмаил снял тюрбан, обнажив бледные залысины в густых черных волосах. Подняв корону, он твердо водрузил ее на голову. Никто не мог венчать взрослого шаха, кроме него самого, ибо никто не превосходил его, кроме Бога.

Салим-хан обратился к собранию:

— Я призываю вас всех принести клятву верности Исмаилу Второму, нашему новому шаху. Отныне вы клянетесь повиноваться его приказам, защищать его любой ценой и отдать свою жизнь за него. Помните, ваша клятва есть следование закону: наказание за его нарушение — смерть.

Голоса наши прогремели таким громом, что я верю — он был слышен на небесах. Вот наконец после месяцев ожиданий у нас есть новый повелитель! Во дворец вернется порядок, что был при покойном шахе, а мир и процветание станут нашей каждодневной наградой.

Любимый спутник Исмаила, Хассан-бег Халваши-оглы, встал на колени, чтоб стянуть с шаха пыльные сапоги для верховой езды и заменить их на положенные серые шелковые туфли без задников. Хассан-бег добровольно выдержал пять лет заключения в Кахкахе вместе с Исмаилом, завоевав доверие своего господина. Анвар называл его «ручная обезьянка»; теперь обезьянка спала под одеялами, расшитыми золотом.

Салим-хан призвал первого сына Султанам, Мохаммада Ходабанде, приблизиться к шаху. Мохаммад шел из-за слабого зрения очень медленно, поддерживаемый своим старшим сыном, красавцем

Султаном Хассан-мирзой. Как старший из братьев, Мохаммад мог бы претендовать на трон, но почти полная слепота делала его непригодным. Я слышал, что у него и не было такого желания, да и сил повелевать другими, в любом случае он предпочитал общество книг. Он склонился, нащупывая кончиками пальцев ступню брата. Когда наконец он нашарил ее, то поцеловал подъем шахской стопы и поздравил брата с высоким титулом. Затем шли сыновья шаха от других жен, наложниц или рабынь: среди них бездельник Сулейман-мирза, брат Пери, чью глину Бог не благословил тем, что досталось царевне. Он проковылял к трону. Совсем еще юный Махмуд, наоборот, уверенно шагал к шаху, и его осанка была укреплена боем на мечях и верховой ездой. Я ощутил прилив гордости. Он поцеловал стопу шаха с покорностью, но без услужливости.

После того как все братья Исмаила облобызали его ступни, пошли сыновья его дяди Бахрама и их дети. Затем вперед вышли все высшие священнослужители в черных одеждах; шах отныне был их духовным вождем. Далее шла знать-мовселлу из рода Султанам, их алые султаны свирепы торчали из тюрбанов, когда они наклонялись для поцелуя. Другие кызылбаши тоже были удостоены чести: румлу, шамлу, каджары, афшары, за которыми подходили грузины, курды и черкесы. Когда Шамхал наклонился для поцелуя, Исмаил поощрил его улыбкой.

Зачитаны были приветствия послов оттоманского султана Мурада III, повелителя Моголов Акбара Великого, Чжоу Ючжэня из династии Мин, владыки узбеков хана Абдуллы, высочайших и сильнейших повелителей мира, а также послов от властителей мелких христианских царств на западе — Филиппа Второго Испанского и Елизаветы Английской, ныне сошедшихся в смертельной схватке. Все великие империи прислали многочисленные посольства и десятки вьючных животных с драгоценными дарами. Богатейшие приношения раскрывались перед нами, включая прекрасную копию Корана, исполненную лучшими из каллиграфов оттоманского двора, огромные голубые фарфоровые вазы от китайского императора и золотые сосуды от узбеков. Тишина опустилась на толпу, когда махаут, присланный с посольством от Моголов, провел перед нами слона. Я никогда не видел ни такого создания, ни такой дорогой сбруи. На умной голове животного была шапочка, украшенная жемчугом, а бивни его были обернуты листьями золота.

Когда церемония была почти завершена, я покинул зал, миновал караулы и вошел в гарем. Женщины уже принесли клятву Исмаилу раньше и теперь по очереди разглядывали церемонию из занавешенных мест на крыше новой резиденции Исмаила. Он не пожалел расходов на отделку здания. Самая большая гостиная гарема была наполнена нежным ароматом жасмина и успокоительным журчанием фонтана. Я скинул туфли: ковры соткали из такого толстого шелка, что они, казалось, ласкали мои ступни. Стена, украшенная боевыми щитами, привлекла мой взгляд. Один был сделан из черной лакированной кожи, в центре — золотое навершие, украшенное бледной бирюзой и жемчугом; другой сверкал открытым серебряным плетением и россыпью изумрудов, подобных каплям росы в паутине.

Женщины убралась в одежды счастливых цветов и щеголяли драгоценными ожерельями. Как прелестны они были, от золотоволосых жен Кавказа до южанок, черные кудри которых сверкали, как нефть! Они не отрывали взглядов от сцен коронации там, внизу, и комната загудела от восторга, когда появился слон.

— Вы посмотрите на его украшения!

— Да тебе и половины хватило бы, чтоб разбогатеть!

Слон извергнул курящуюся гору навоза, и в комнате раздался хохот. Месяцы прошли с того дня, когда можно было свободно отпраздновать что-нибудь, и общий восторг был почти истерическим.

Хотя Пери сказала мне, что будет там, она уже ушла. Я притворился, что она приказала мне ждать ее, и смог понаблюдать за другими женщинами.

Султанам сидела рядом с Хадидже, своей новой невесткой, и держала ее руку — в день своего материнского торжества. Она словно бы разрослась настолько, что все в комнате казались рядом с нею несущественными. Хадидже, сидевшая подле нее на подушке, выглядела как спелый персик. Я не мог не признать, что замужество ей на пользу. Когда она увидела меня, ее губы сложились в нежную улыбку.

Прежде я не встречал Хайр аль-Ниса-бегум, жену Мохаммада Ходабанде, жившую вместе с ним в Ширазе. У нее были мелкие, острые черты и только рот был велик и словно заслонял все остальные черты лица. Наблюдая церемонию, она продолжала устраивать свои ноги на подушке, словно не могла найти удобную позу.

— Как у меня болит голова! — пожаловалась она громким и пронзительным голосом.

Султанам предложила ей розовой воды, трав, прохладную примочку, но Хайр аль-Ниса отвергла все.

— Глядите! — воскликнула Хадидже. — Он встает, чтоб уйти.

Через ставень окна я увидел, как Исмаил садится в седло и легким галопом скачет в нашем направлении, а за ним спешит вся свита.

Султанам нагнулась к Хадидже, словно заговорщица:

— Теперь все законно. Почти сорок лет ожидания, и птица надежды шевельнулась в пепле моего сердца и взлетела! Как сладко биение ее крыльев! Как воспаряет мое сердце!

Губы Хайр аль-Нисы искривились, но она тщательно отводила глаза от взгляда Султанам. Если бы не слепота ее мужа, она стала бы владычицей Ирана.

Султанам, казалось, не замечала ее состояния. Она легко коснулась плоского живота Хадидже:

— Разве много будет просить стать и бабушкой следующего шаха? Да простит меня Бог за то, что я лелею такую надежду в день, когда сбылись мои другие надежды, — но, может быть, Он благосклонно взглянет и на это мое желание.

Плечи Хайр аль-Нисы дернулись, будто от удара. В этот момент служанка поднесла ей запеканку из риса с шафраном на серебряном подносе. Протянув руку словно бы для того, чтоб взять, она почти неуловимым поворотом запястья сбросила несколько чаш на пол. С громким стуком они обрушились на ковер, вышитые подушки... и на нее: желто-белый клейкий рис налипал большими вязкими комьями.

— О, простите меня! — вскрикнула служанка, лицо ее задергалось от ужаса.

Хайр аль-Ниса сверкнула на нее глазами. Прислуга кинулась вытирать расплесканное.

— Ах-ах, какая ты неуклюжая! Мне надо пойти переодеться.

— Да, я думаю, тебе надо.

С сочувственным видом Султанам проводила Хайр аль-Нису к выходу.

— Испорченное дитя! — сказала она Хадидже после того, как Хайр аль-Ниса ушла. — Счастье для всех, что она не стала владычицей.

Два больших празднества должны были состояться этим вечером в бируни и андаруни. Пери была обязана участвовать в торжестве для женщин, устраиваемом Султанам, и потому послала меня на праздник в Зале сорока колонн. Мой желудок урчал в предвкушении богатого угощения — первого знакомства с щедростью нового шаха. Но больше того, я надеялся, что и Махмуд-мирза будет там. С тех пор как он уехал, я приучал свое сердце терпеть. Я говорил себя, что никаких других прав на этого мальчика, кроме учительских, у меня нет. Однако трудно провести восемь лет с ребенком и не считать его членом своей собственной семьи. Махмуд был всего на два года старше Джалиле, а я знал его лучше родной сестры. Я тосковал по нему и хотел узнать, по нраву ли ему новая жизнь.

Зал сорока колонн сиял во мраке. Слуги украсили его множеством светильников, отчего арки и расписные потолки сверкали, а сам зал словно был наполнен золотыми лучами. Букеты свежесрезанных цветов украшали его по углам, струя благоухание. Двери отворялись в огромный сад, освещенный факелами так, что сама природа казалась частью празднества. Горы фруктов и орехов предвещали изобилие скорого пира. Баламани отыскал меня, так что мы могли угощаться вместе, и мы нашли место на одном из дастар-ханов, разостланных в саду, под густозвездным небом.

Когда Исмаил вошел в Зал сорока колонн, все встали. На нем был халат цвета шафрана, цвета самого веселья, а в тюрбане — беспечное синее перо, несмотря на недавнюю смерть отца.

— Сегодня я приготовил вам особую милость, — сказал Исмаил.

Он уселся на трон, инкрустированный драгоценными камнями, и все тоже сели. Затем он поднял руку, и слуга по его приказу выбежал из зала. Через минуту воздух наполнили высокие нежные звуки трехструнной кяманчи, шедшие из ближней комнаты. Изумленный, я повернулся к Баламани. За двенадцать лет службы при дворе я ни разу не слышал во дворце праздничной музыки. После того как шах Тахмасб сделался благочестивым, он уволил всех придворных музыкантов и танцовщиц. Двор стал оплотом серьезности, где предпочтение отдавалось учению, истовости и преданности вере.

Музыканты вошли в зал и уселись на подушки рядом с шахом. В оркестре была кяманча, тростниковая флейта, шестиструнный тар и

даф, большой бубен из кожи осетра с металлическими кольцами, издававший красивый и яркий звук.

Внезапно из другой комнаты донесся голос, будто льющийся из самого сердца певца. Я сидел словно зачарованный. Голос! Пение! Оно наполняло весь дворец глубокой страстью и, минуя все препятствия, оставалось прямо в душе. Певец вошел в зал, простирая руки к шаху и распевая строки о сердце, взыскающем врат духа, и о том, как он радостно пожертвует собой ради света в этих вратах.

Когда песня смолкла, музыканты заиграли другую. Даф мощно и ясно задавал ритм, а затем вступил живой и нежный звон кяманчи. Певец запел о радости вечной любви. Я почувствовал, что мои ноги притопывают в такт, и по трепету складок одежды Баламани различал, что мелодия покорила и его. Понятно, что во дворце нельзя танцевать, но мое тело рвалось из одежных пут, словно лев из клетки. Вокруг будто прилив прокатился по телам людей, и они задвигались — сдерживаясь, но жаждая.

Шах склонил голову набок, будто вслушиваясь. Я видел, как его босая ступня начала отбивать такт, сперва тихо, затем все сильнее, пока он не начал прямо-таки топтать по ковру. Внезапно он вскочил и воздел руки к небу. Притопывая в лад, держа руки поднятыми, он искусно вращал кистями. Ему нужно было сделать только это, прежде чем к нему подбежали два маленьких мальчика, которым его величие словно помогло снять запреты. Дети закружились под музыку, а с их лиц не сходили восторженные улыбки. Некоторые из знатных придворных вскочили и воздели руки, также вращая кистями в лад бубну. Наконец-то и мне можно было не сдерживаться! Вскочив, я потянул за собой Баламани, топая, словно хотел проломить пол, и щелкая пальцами так, что звук разрывал воздух. Добрые стариковские глаза Баламани сияли, он торжественно поводил толстым животом, и я мог легко вообразить его проказливым мальчуганом, полным жизни. Мы, евнухи, не похожи на женщин, когда пляшем, — скорее на гордые кипарисы, чем на вьющиеся розы, но наши руки легко и высоко взлетают в воздух, а наши сердца раскрываются.

— Не только музыка, но и танцы! Покойный шах снял бы ему голову за это! — шепнул Баламани, с сияющим лицом притопывая рядом.

— Какой от этого вред? — отвечал я. — Лишь нечестивцы не могут слушать музыку из страха, что она может повредить им.

— А тебе шах и яйца бы отхватил!

Я расхохотался так искренне, словно еще обладал этими сокровищами.

Песня умолкла, и мы, как и остальные, уселись отдохнуть. Все выглядели так, словно не могли поверить в случившееся, и по залу проносилось тихое изумление.

Пока музыканты отдыхали, гости вернулись на свои места, отдуваясь и утирая лоб шелковыми платками. Исмаил упал на подушки, схватил конфету из деревянной шкатулки, что всегда была с ним, и проглотил ее не разжевывая. Я поискал глазами Махмуд-мирзу, но в толпе его было не разглядеть.

Поздно вечером был накрыт гигантский дастархан, и мы вдоволь поели с серебряных блюд, полных всяческого жареного мяса, тушеных овощей, риса, окрашенного шафраном, свежей зеленью, овечьей простоквашей, а также с подносов, заваленных финиками, халвой и сладостями, запивая из кувшинов, полных разного питья. Веселье лишь нарастало, когда вечер продолжился танцами девушек, развлекших мужчин. Впервые с того дня, когда Исмаил был коронован в Казвине, удовольствие наполняло каждую душу и надежда прорастала в каждом сердце.

Прежде чем я успел об этом подумать, донесся первый призыв к молитве, означавший приближение рассвета. Казалось, я только что сомкнул веки, когда Масуд Али задержал мое одеяло и сказал, что меня требует посетитель. Я поднялся — мое сердце колотилось. Мы пошли к одному из зданий дворца ближе к Али-Капу, где обычно принимали посетителей. Человек, стоявший спиной ко мне, рассматривал росписи на стене. Когда он повернулся, я увидел, что это был Махмуд-мирза.

— Достойный, — вскричал я, — ваш приход наполнил ликованием сердце евнуха! Что я могу сделать, чтоб вам было удобнее? Масуд Али, неси чай и фрукты для нашего высокого гостя!

Мальчик выскользнул из комнаты.

— В город я приехал на коронацию, — ответил Махмуд, — и уже совсем было собрался возвращаться, но решил сперва навестить моего остода...

— Благословение на тебя, дитя мое! Сердце у тебя драгоценное, помнишь своего старого наставника. Как ты меня обрадовал своим чудесным появлением!

Махмуд опустился на подушку, предложив мне сесть рядом и чувствовать себя как дома. Я стал расспрашивать о новостях с такой радостью, словно был его старшим братом.

— Как дела в Ширване?

— Назначение не из высоких, но мне нравится. Несколько доверенных слуг отца советуют мне, как править. Любуюсь широкими степями и животными, столь изобильными, что они бродят целыми караванами. Там зверя больше, чем людей в провинции, и это меня устраивает.

Глаза его сверкнули, он наклонился вперед, придавая выразительности словам:

— Знаешь, в провинции полно диких лошадей. Иногда мне удается отловить одну из них, и потом я делаю опыты по скрещиванию их с нашими кобылами. Я никогда не думал, что буду наслаждаться жизнью вне дворцовых стен. Там только я, мои люди, звери и небо над головой. Чудесная жизнь. — Он взмахнул руками, словно обнимая дикие просторы, которые так любил.

Я впервые понял, как стесняла его дворцовая жизнь, и порадовался, что он освободился от нее.

— Мой славный повелитель, вы всегда были добры к животным. Вы еще мальчиком удивляли всех своим даром обращения с лошадьми. Хвала Богу в вышних, вы нашли свое призвание! Но я уверен, что ваше предназначение гораздо выше.

— Выше? — переспросил он. — По мне, превыше всего Бог и те дары, что Он дает человеку. Мне дано все, что мне нужно. Я никогда не отличался по части книг. Хотя ты сделал для меня все, что мог, и я благодарен за то, как упорно ты работал, чтоб придать этому скудному сосуду более благородную форму. — Он улыбнулся широкой мальчишеской улыбкой, и мое сердце растаяло.

— Розу нельзя улучшить, пока у нее не будет сердца розы.

Он принял мою лесть и потянулся к седельной сумке:

— Я привез тебе кое-что.

Махмуд протянул мне сверток, который я медленно развернул. В нем была копия «Шахнаме», переписанная замечательным почерком, а

поля были украшены золотыми листьями. Хотя я изучал эту книгу и знал наизусть отрывки из нее, я никогда не мог позволить себе иметь свою, чтоб читать, когда захочется.

— Маленький подарок за все годы, что ты работал со мной, — сказал он. — Когда я уехал, то наконец понял, как много ты сделал. Без твоего неотступного научения меня бы никогда не признали достойным губернаторства. Ты вложил в меня понимание ценности знания, как бы я ни противился, и за это я буду всегда любить и уважать тебя.

Я не мог говорить. Я понимал, что это для меня чрезмерно самонадеянно, и все же он был ближе всего к тому, что суждено мне было вместо сына. Я любил его.

— Мой высокочтимый, — наконец вымолвил я, стараясь не дать воли слезам, — какой радостью вы наполнили сердце вашего старого учителя!.. Я горжусь вами. Да будут благословенны ваши пути, да уготовает вам Бог лучшую из судеб, и да будет ваше время всегда легким.

— Иншалла, — отвечал Махмуд, отводя глаза.

Он поднялся, и я заметил, что он одет для верховой езды.

— Мне предстоит долгое путешествие, и я должен отправляться, — сказал он. — Встретимся в мой следующий приезд в Казвин.

Он попрощался и обещал скоро приехать.

Масуд Али зашел спросить, не нужно ли мне чего. Он выглядел непривычно довольным.

— С чего ты такой радостный, моя морковка?

— Я никогда не видел прежде, как ты улыбаешься.

Отослав его спать, я решил пойти доложить Пери, что готов служить, раз уж я проснулся. В одной из ее передних я встретил двух старух, без всякого присмотра дожидавшихся Пери. Как беспечны стали слуги Пери во время празднеств! Одна из женщин была морщиниста, со складками у глаз и рта, на спине — горб. Волосы и брови другой словно заиндевели сединой. Обе были в простой полотняной одежде, но держались весьма дерзко.

— Вы кто? — сурово спросил я.

— Хотим видеть госпожу, — угрюмо сказала горбатая. — Только она сможет расплатиться по нашим долгам.

— Нам нужны деньги, ночлег, поесть и ее благословение. Немного драгоценностей тоже подойдет, — прибавила седая.

Тут они обе расхохотались, и я понял, что меня одурачили. Та, с седыми волосами, и была Пери.

— Госпожа, какое преображение!..

— Это все Марьям. Она подобрала одежду, раскрасила наши лица и волосы. Потом мы пошли в цыганский поселок и смотрели на танцовщиц. Какие у них чудные голоса, какие яркие наряды!

Цыганский поселок? Если Исмаил узнает, что они ускользнули, им это может стоить головы. Но как же они выбрались из дворца? Все двери гарема строго охраняются.

— В другой раз я сделаю вам цыганский убор с бусами и монетами, — пообещала Марьям с проказливой искрой в глазах.

— Если он мне понравится, я для тебя станцую, — ответно поддразнила ее Пери.

— Вас не узнали? — спросил я, обдумывая алиби на случай необходимости.

— Ни в коем случае! — Пери захлебывалась удовольствием. — Мы подошли к самым цыганским шатрам и как следует поторговались за несколько ожерелий.

— Если бы не торговались, они бы сразу поняли, что что-то не так, — добавила Марьям.

— Насколько иная жизнь у цыганок; они по сравнению с нами словно птицы, — сказала Пери.

Их щеки разругались. Я никогда не видел их такими беззаботными и счастливыми.

— А дворцовая стража смотрела в другую сторону? — недоверчиво поинтересовался я, стараясь догадаться, как же они выбрались.

Женщинам запрещено покидать гарем, кроме как при строго определенных обстоятельствах. Они могут сопровождать шаха, куда он пожелает их взять, — в один из его дворцов, на охоту, пирушку на воздухе. С разрешения и в сопровождении им можно путешествовать, чтоб навестить дома своих сыновей. Другие случаи рассматриваются по мере нужды.

— Ах, Джавахир, не жди, что я выдам тебе все мои секреты, — отвечала Пери, встряхнув седыми волосами.

Выражение моего лица заставило Марьям вновь залиться хохотом.

Празднества по случаю коронации были мастерским ходом шаха. Он как бы наконец швырнул нам корку радости, а мы проглотили ее, словно это была вся большая трапеза. Затем последовали три дня досуга, в которые Султанам пригласила своего сына и весь гарем отдохнуть в деревне. Женщины тут же принялись собираться и укладываться, готовя игры и роскошные лакомства, восторженно предвкушая редкий выезд. Весь дом хлопотал до самого утра пятницы, когда мы наконец тронулись прямо после утренней молитвы. Я выехал из дворца с передовым отрядом — группой евнухов, вооруженных кинжалами и мечами; ехали мы около часа, пока не добрались до любимого места отдыха дворцовых жителей, около реки, и стража из евнухов была расставлена широким кругом, так чтобы никто из мужчин не мог случайно забрести во владения женщин.

Стоял ясный и жаркий день, соколы вились в небе, словно охотясь на облака, горы синели в утреннем солнце. Днем раньше слуги натянули большие навесы для тени и настлали матрасы и подушки. Расставили мишени для стрельбы из лука, а на безопасном удалении поставили игры для детей, шахматы, нарды и остальное. Развели огонь для жаровен и котлов с рисом, а в землю вкопали печь для хлеба.

Облако пыли возвестило о приближении тех царственных жен, которые умели ездить верхом. Целая армия арабских скакунов великолепных мастей всех оттенков белого, гнедого и каракового несла сотни женщин в чадорах на расшитых седлах с красной, желтой и серебряной бахромой. Некоторые скакали по-женски, но Пери мчалась как мужчина, с ловкостью воина во главе кавалькады.

Женщины постарше и дети следовали за ними в резных деревянных носилках; они отбыли из дворца еще раньше. Исмаил ехал отдельно со своей собственной стражей, и когда он приблизился к площадке, то отослал охрану подальше. Тогда женщины сбросили покрывала с головы и лица, открыв яркие платья с короткими рукавами, широкие шаровары и легкую обувь.

Мы позавтракали чаем, сыром, орехами, фруктами и пухлыми лепешками прямо из печи. Пери и ее матушка спешили и, оживленно

разговаривая, стали рука об руку прогуливаться вдоль реки. За ними следовали другие женщины, волоча своих дочерей, а травницы собирали растения. Мальчишки сбросили туфли и подзуживали друг друга залезть в воду; другие играли в мяч или боролись. Масуд Али наблюдал за ними, и плечи его поникли. Я позвал его туда, где играли, и стал учить основам нардов. Он быстро ухватил суть, и когда я похвалил его, то был вознагражден застенчивой улыбкой. Я нашел ему другого игрока-новичка на пробу и вскоре наблюдал, как их детские лбы сосредоточенно морщились, когда игра набирала ход.

Хадидже и Исмаил ехали на своих арабских кобылах; они пришпорили их и скрылись вдаль, изображая погоню.

Все незамужние женщины не отрываясь следили, как лошадь Исмаила одерживает верх. Когда ускакавшая пара вернулась, щеки Хадидже сияли, как лунный лик, и на одно горькое мгновение я пожелал, чтоб его мужское отличие не принесло ей радости.

Перед обедом Исмаил пригласил Пери пострелять вместе, и все мы собрались у рубежа для лучников. Женщины болтали так возбужденно, что Баламани и Анвару пришлось зайти с разных концов поля и призвать к молчанию. Наконец все было готово, и на черту встала Пери. Я жаждал увидеть, насколько хорошо она стреляет. Коричневое полотняное платье изысканно колыхалось, когда она — высокая, стройная — захватила стрелу между пальцами, уперла хвостовик в тетиву, натянула ту до щеки и спустила. Стрела покорно вонзилась в мишень, и свита Пери заголосила так оглушительно, что воздух дрожал от их пронзительных криков. Один голос был выше и громче остальных — Марьям.

Пери взмахнула рукой, показывая, что дальше можно не ликовать. Затем она принялась пускать стрелу за стрелой в ближние и дальние мишени. Стрелы со стуком вонзались в центры мишеней с таким постоянством, словно бил барабан, и тонкая пленка пота заблестела на ее лбу.

Пери отступила в сторону, и на рубеж вышел Исмаил. Лучники выдернули ее стрелы из мишеней и отбежали. Исмаил нерешительно потянулся за своим луком. Он с усилием натянул тетиву. Руки его дрожали, и несколько выпущенных стрел ушли мимо. Обильно вспотев, шах выстрелил еще несколько раз. Я азартно переминался с ноги на ногу, пока наконец одна из стрел не зацепила край мишени.

Женщины заголосили так громко, и Султанам первая, что птицы, кружившие над нами, разлетелись прочь.

Исмаил уступил место Пери. Вместо того чтоб прикинуться уставшей, она показала ему на пустую мишень, а затем пробила ее стрелами, обозначившими север, юг, восток и запад. Ее свита не смогла удержаться: они снова заулюлюкали, и языки их бились чаще, чем мог различить глаз, но мне вдруг стало не по себе.

Пери наложила новую стрелу на тетиву и сосредоточилась так глубоко и надолго, что вся толпа затаила дыхание. Ни один шелковый шарф не дрогнул, пока мы ждали, что сделает Пери. Наконец, когда напряжение стало уже почти невыносимым, она пустила стрелу. Та полетела прямо и точно, вонзившись так, чтоб отметить Мекку, начало всех вещей. Все изумленно выдохнули, увидев такую меткость.

Углы губ Исмаила поползли вниз.

— Хочу услышать ваши голоса, чествующие мою талантливую сестру, — выдавил он.

Пери сияла гордостью. Исмаил подошел к матери и несколько минут совещался с нею.

— Моя мать говорит, что пора поесть, — объявил он и зашагал прочь, не сделав очередного выстрела.

Баламани обменялся со мной понимающим взглядом.

Слуги принялись разносить блюда с мясом, жаренным над угольями. Мы с Баламани пошли к дастархану возле воды и уселись там.

— Пери стреляет лучше, — сказал я. — Почему бы ей этого не скрыть?

— Для тех, кто близок к шаху, это величайшее искусство — помочь ему выглядеть лучше.

— Ты думаешь, он такой беспомощный?

— Он же мужчина, так? — Баламани неприлично согнул указательный палец, и я смешливо фыркнул.

Масуд Али подбежал к нам, глаза его восторженно горели.

— Я выиграл! Я выиграл! — сказал он с улыбкой во все лицо. — Я побил Ардалана!

— Ну конечно, морковь моя, — ответил я. — Машалла!

Краем глаза я заметил, что мальчик-посыльный хмуро косится на нас. Ардалан слыл известным забиякой. Я уставился на него и

смотрел, пока он не отвернулся.

Анвар и несколько других евнухов присоединились к нам. Принесли блюдо кебаба из ягненка, сок его медленно пропитывал лепешку, на которой он лежал. Мы ждали, пока Анвар не начнет. Завернув кусок мяса в лаваш, он завел рассказ о своем отце, который был вождем в Судане и должен был разрешить спор о барашке. В конце обе стороны поверили, что каждой досталось лучшее решение.

— Вот что такое искусство убеждать! — заключил он, и все расхохотались.

— Хотел бы я помнить своего отца получше, — грустно сказал Баламани. — Я был младше Масуда Али, когда меня сюда привезли.

— И я тоже, — поддержали его сразу несколько евнухов.

Масуд Али был потрясен:

— Ваши родители отдали вас во дворец?

— Нет, дитя мое. Отец мой был очень болен, и я все время проводил на берегу, стараясь поймать рыбу или найти какую-нибудь работу. Однажды причалила дхоу, и шкипер спросил, не хочу ли я выучиться на юнгу. Я получил благословение от семьи и вошел в команду, но удивился, найдя на борту еще восемь или девять мальчиков. Прежде чем мы добрались до следующего порта, моряки связали нас и отхватили нам наши органы. Один мальчик, Виджайян, заразился и умер. Он был там моим единственным другом. — Баламани вытер глаза. — Несколько недель спустя мы прибыли в порт. Когда у нас все зажило, человек из дворца купил нас и привез сюда.

Масуд Али смотрел на Баламани округлившимися глазами, словно не мог поверить, что исполин в блестящей шелковой одежде, чьи приказания — закон, когда-то был мальчишкой-рабом.

— А вы как? — спросил меня Масуд Али, явно без всякого умысла.

Станный шепот прокатился между сидевшими. Некоторые евнухи отвернулись или занервничали.

— Я хорошо помню своего отца; он был придворным, пока его не убили, — пробормотал я, надеясь, что кто-то поможет. — До сих пор пытаюсь узнать, как это случилось.

Лоб Масуда Али пошел такими морщинами, что лучше бы он ни о чем не спрашивал.

— Даст Бог, узнаешь, — ответил Анвар.

Неподалеку я разглядел старый лопнувший мяч, которым всадники играли в чоуган. Я встал, пошел к нему и пинал его до тех пор, пока из него не вылезла вся набивка, а потом настало время собираться и отправляться домой.

После коронации Исмаила многие, кто прежде был в немилости у его отца, почувствовали, что можно возвращаться в Казвин и попытаться государевой милости. Один из них, бывший придворный звездочет по имени Лулу, неожиданно прислал мне письмо, где писал, что знал моего отца и хотел бы увидеть меня.

Поздно вечером я направился к дому Лулу в южной части города. Мой путь лежал через врата Али-Капу, мимо высоких красивых домов, выстроившихся вдоль Выгула шахских скакунов; дома эти в большинстве своем принадлежали знати или их родичам. Поблизости располагался городской базар, а за ним река, полная холодной горной воды, пересекавшая середину города. Семьи горожан отдыхали на ее берегах, дети радостно бегали меж деревьев, и дым от углей поднимался к небу.

Я выбрал длинную дорогу через город просто ради удовольствия, захватив ту часть базара, где торговали скотом. Иногда тут были редкие звери вроде гепардов, продававшихся для охоты, или странные животные издалека, из Индии или Китая. Здоровый запах овец и коз наполнял воздух. Толпы покупателей осматривали их зубы и бока и торговались за лучших.

Крики мальчишек остановили меня. Окруженный ребятней, склонив голову, стоял некрупный козел. Посреди лба его желтел единственный глаз. Ноздрей у него не было, и по этой причине он шумно дышал ртом.

Один из мальчишек ткнул его палкой. Другой швырнул камень. Животное попятилось, хотя скрыться было негде, и перепуганный глаз вращался в ужасе. Гнев обуял меня.

— Разошлись, негодяи! Оставьте козла в покое, иначе я отхлещу каждого до крови!

Я схватил вожака и вырвал у него палку. Когда я занес ее над головой, шайка рассыпалась, оставив его одного. Глаза его затуманил страх.

— А теперь ты боишься, как этот козел. Имей уважение, невежда!

— Пусти меня! — проскулил он.

Я выпустил его и сопровождал здоровым тычком в спину.

Созерцание бирюзового купола пятничной мечети вернуло мне душевный покой: его плавно изгибавшиеся очертания словно уносили надежды рода людского прямо в небеса. За мечетью лежали плоские плиты городского кладбища. С тяжелым сердцем я ускорил шаг. Там был похоронен мой отец. Как давно я последний раз был у него на могиле! Я знал, что должен приносить дань уважения чаще, но каждый раз, когда я об этом думал, у меня все внутри горело оттого, что придется идти с пустыми руками. Я хотел прийти лишь тогда, когда смогу гордиться, что справедливость восстановлена, и шепну духу моей матушки, погребенной на юге, что я внял ее плачу об отмщении.

За кладбищем лежало скопление небольших домиков, где жили люди скромного достатка. Квартал был небогатый, но опрятный и ухоженный. Дом Лулу состоял, похоже, всего из трех-четырёх комнат. Как придворный звездочет мог дойти до такого? Таких люди обычно щедро вознаграждают.

Я нашел Лулу в его бируни с двумя сыновьями, моими ровесниками. Стены там давно не перекрашивали, но они были очень чистыми, а пол застлан коврами. Сидели трое на скромных подушках, передавая друг другу чубук кальяна и прихлебывая чай. С сожалением я подумал, что никогда уже не смогу разделить со своим отцом такие простые радости взрослого мужчины.

— Добро пожаловать, друг мой! — сказал Лулу. Черный колпак покрывал его голову, морщины вокруг глаз были как лучи солнца; белая борода и усы были коротко подстрижены и словно светились на темной, как каштан, коже лица. — Твой приход умножит радость нашего праздника. Выпей с нами чаю.

Звездочет до моего прихода рассказывал, как однажды сопровождал шаха Тахмасба на рыбную ловлю в реке, полной мелкой, но вкусной форели. Поскользнувшись, он упал в воду и промок до самой бороды. Когда он поднялся, мокрый и сконфуженный, шах разразился хохотом, и звездочет, хотя и смущенный, от всего сердца присоединился к нему.

— Сыновья мои, обязательно принимайте с юмором любую посадку в лужу, даже в самую большую, — заключил он.

Когда они покончили с чаем, сыновья ушли, а Лулу обратился ко мне:

— Спасибо, что навестил. Меня уволили с шахской службы вскоре после того, как ты был принят. Я вернулся, чтобы узнать, можно ли получить место у нового шаха, и надеюсь на твою помощь. А еще мне хотелось узнать, как ты провел эти годы.

— Простите, но я не могу припомнить вашего имени. Вы хорошо знали моего отца?

— Только беглое знакомство. Как печально для тебя, что его жизнь прервалась, когда ты был еще так юн.

— Верно, — отвечал я. — Много лет я пытался в точности выяснить, что с ним случилось. Знаете ли вы что-нибудь о его убийстве?

Лулу натянул поглубже свой черный колпак.

— Да, но должен предостеречь тебя, что всю жизнь говорю людям вещи, которых они на самом деле не хотят слышать. Причина, по которой я был отставлен от двора шаха Тахмасба, в том, что одно мое предсказание разъярило его.

— Хочу слышать все. Я всегда желал обелить имя моего отца.

Глаза его потемнели.

— Тут я тебе не помощник.

Я был сбит с толку:

— Почему?

— Каждому человеку хочется считать своего отца невиновным, — ответил он.

— Но мой и был невиновен.

— А что бы ты почувствовал, узнав обратное?

— Я бы не поверил.

— Сынок, позволь рассказать мне то, что я помню. Твой отец был хорошим человеком, хвала Господу. Но убили его за то, что он попался на отводе денег из казны.

— Но это чушь! У нас было много денег. Мой отец не мог оказаться заурядным вором!

— Нет, не мог, — согласился Лулу. — Он брал деньги не для своей собственной поживы, а для поддержки мятежников.

— Да мой отец был верноподданным до мозга костей! Он никогда бы не сделал такого.

— Иногда быть верноподданным означает именно быть мятежником, — ответил он. — Это одна из причуд службы при дворе. Я не удивился бы, измени он ради тебя с мыслью оставить тебе плоды своих усилий.

— Я натыкаюсь на подобную клевету о моем отце с юношеских лет, — сказал я куда озлобленнее, чем хотел. — Меня от нее тошнит!

Взгляд звездочета был сочувственным.

— Да, могу себе представить.

— Кто обвинил его в этом? — спросил я, чувствуя, как гневная испарина выступает на шее.

— Полагаю, что другой счетовод.

— Но почему?

— Скорее всего, потому, что обнаружил несходящиеся счета и сообщил об этом, или, если он был ревностен, мог свершить суд собственными руками, убив твоего отца и оправдавшись после перед шахом.

Что-то в искреннем поведении Лулу заставило меня выслушать его. Когда я попытался заговорить, голос едва слушался меня.

— Твои слова ранят меня. Я пытаюсь вернуть моей семье доброе имя. Как я могу делать это, особенно в собственной душе, если мой отец не был верен?

— Некоторые считают, что твой отец поступил справедливо, пытаюсь исправить положение, которое считал дурным. Для такого нужна отвага.

Могло ли это быть правдой? Мог ли я любить отца-мятежника? Эта мысль словно распарывала мне живот.

— Ты и твоя матушка были ему наверняка дороже всего на свете. Он очень серьезно обдумал бы такой риск.

— Но вы же не думаете, что у него были причины? Какие могут быть справедливые причины, чтоб сместить шаха?

— Если шах ты, то никаких, — засмеялся Лулу. — Но с точки зрения подданных, причиной может стать болезнь, делающая непригодным к правлению, глупость, неспособность давать потомство и наследовать или безумие.

— А как насчет дурного поведения?

— И это, — сказал звездочет. — Вопрос в том, какое зло чрезмерно. Вот тут люди, подобные твоему отцу, берут закон в свои

руки. При удаче все славили бы его имя.

Мой отец стал бы одним из ближайших сподвижников нового шаха, а я, как его сын, мгновенно взлетел бы очень высоко. Смог бы жениться на одной из шахских дочерей. Это, конечно, правда, но вот все остальное просто бессмыслица.

— Если шах счел моего отца виновным, почему он позволил мне служить ему?

— По двум причинам. Первая — ты поразил его, сделавшись евнухом, чтоб пойти к нему на службу. Кто еще решился на такое?

Он помолчал, с любопытством разглядывая меня. Я безмолвствовал, не желая снова объясняться.

— Вторая причина: прежде чем встретиться с тобой, он попросил меня составить твой гороскоп. Ты знал об этом?

— Нет.

— Я обнаружил кое-что, чего не могу забыть. Сочетание планет на момент твоего рождения означало, что твоя судьба и судьба династии связаны, как основа и уток.

— И это такая неожиданность? Я же служу ей.

Лулу засмеялся:

— Нет, сынок, ты не понимаешь. Гороскоп — причина того, что тебя взяли на службу.

— Почему?

— Твои звезды предсказали, что ты сможешь ускорить восхождение величайшего из сафавидских властителей.

— Я?!

— Да.

— Как?

Лулу хихикнул, морщины у глаз лукаво сжались.

— Звезды не отвечают так подробно. Я предположил, что шаху следует быть внимательнее к тому, что может открыться ему во сне, который всегда был отличным руководством его жизни. Но это почти все, что я знаю, потому что вскоре я получил отставку.

— Чем вы провинились?

— Шах велел мне составить гороскопы для всех его сыновей, чтоб выяснить, кто этот величайший из будущих властителей. Результат ему не понравился.

— И что вышло?

— Никому из них не было суждено величия, а я отказался притворяться, будто считаю иначе.

— Поэтому он перед смертью и не назвал преемника?

— Возможно. Это также может объяснить, почему он нанял тебя и держал тебя на службе.

— Как неожиданно! — сказал я, не справляясь с путаницей мыслей. — Но вот что еще тревожит меня в истории с отцом. Дворцовые записи говорят, что шах решил не наказывать его убийцу, ибо тот был высокопоставленным, но не называют его. А вы его знали?

— Нет, но подозреваю, что, когда шаху сообщили об убийстве, он обсудил случившееся с одним-двумя из самых доверенных советчиков. Решив не наказывать убийцу, они по той же самой причине, по какой и шах, скрыли его имя.

— А почему его имя не внесено в дворцовые летописи?

— Ты спрашивал историков?

— Один из них заявил, что не знает.

— Тогда есть другая возможность. Что, если этот человек могуществен и все еще жив?

Секунду я размышлял.

— И они утаивают его имя?

— Зачем рисковать и навлекать его гнев?

— Во имя Всевышнего! Вы, возможно, правы. Спасибо вам, отец.

— Пожалуйста. Обязательно приходи выпить чаю со мной и моими сыновьями когда захочешь. Мы будем рады твоему обществу.

— Конечно. И я буду рад рекомендовать вас для службы во дворце.

— Я глубоко благодарен. Как видишь, работа мне пригодилась бы. — Он обвел рукой протертые ковры и скудную мебель.

Я вспомнил дворцовых звездочетов, которых знал, проводивших большую часть времени за наблюдением звезд где-нибудь в деревне. Они выезжали туда на самых дивных арабских конях и не жалели денег ни на сбрую, ни на шатры, ни на инструменты. Как дорого стоит лишиться милости!

Баламани уже спал, когда я вернулся в наше жилище. Улегшись на тюфяк, я задумался об отце, вспоминая, как он каждый день

возвращался домой к вечернему чаю, рассказывал о дворцовой жизни, а мое сердце трепетало от сознания причастности к ней. Но теперь я вырос и понял, что мой отец выбирал для меня только ее сверкающее начищенное серебро, а не тусклые исцарапанные самовары.

Был ли мой отец изменником? Чем глубже я закапывался, тем дальше правда ускользала от моих рук.

Я решил снова заглянуть в «Историю славного правления шаха Тахмасба» и выписать имена всех счетоводов казначейства, служивших шаху во времена моего отца, а также тех знатных людей, которые были самыми доверенными советниками шаха. Я не смел приблизиться к ним, картину предстояло собирать из тех крохотных обрывков сведений, какие смогу найти.

На следующий день я встал пораньше, но обнаружил, что Баламани уже исчез.

Когда я одевался, вбежал Масуд Али с письмом для меня. Рукав его халата сдвинулся — под ним были крупные багровые и уже пожелтевшие синяки.

— Что случилось?

Он пожал плечами и отвернулся. Не сразу, но он все же признался, что Ардалан, другой мальчик-посыльный, отлупил его за новую победу в нардах. Я сделал мысленную зарубку отчитать того и сказал Масуду Али, что пошлю его к наставнику на уроки борьбы.

— Но сейчас, — добавил я, — хочу рассказать тебе самую важную историю из всех, какие тебе доводилось слышать. Она длинная, поэтому я расскажу ее тебе по частям. В конце ты поймешь, как противостоять задирам вроде Ардалана.

Пальцы Масуда Али потянулись к синякам, словно унимая боль.

Я уселся на постель, хотя у меня была куча дел.

— Давным-давно жил правитель по имени Зоухак, чьему злу не было пределов. Фирдоуси рассказывал об этом так: все несчастья мира начались, когда он решил свергнуть отца, который был справедливым царем. Однажды при помощи дьявола ему...

Масуд Али впивал каждое слово, глаза его словно разучились мигать. Когда я добрался до того, как Зоухак убивает Пормае, он гневно подскочил, словно пытаюсь спасти ее. Я пообещал, что научу его защищать тех, кому нужна будет его помощь.

Было поздно, и я отослал Масуда Али к его обязанностям, а сам поспешил в хаммам. Там уже собралось множество других евнухов, чтоб омыться перед пятничной молитвой, и гул их голосов отдавался во всех углах зала. Баламани занял самую большую ванну, поливая свою лысую угольно-черную голову чашами теплой воды.

— О-о-о кеш-ш... — довольно приговаривал он, пока вода струилась по его широкому гладкому телу.

Поздоровавшись, я намылился, ополоснулся несколькими ведрами воды и опустил в ту же ванну, где он оттирал мозоль на большом пальце. Прежде чем я успел привыкнуть к горячей воде или рассказать ему, что узнал прошлым вечером, он спросил:

— Как твое здоровье?

— Хвала Господу, — ответил я. — А твое?

— По твоему благодушию вижу, что ты не слышал последних новостей.

Я пожал плечами, признавая поражение, и его глаза весело заморгали. В деле собирания известий Баламани по-прежнему был мастером, а я только подмастерьем. А пока было неизвестно, когда пустяк окажется ценным, он собирал их все. Если подобрать несколько осколков цветного изразца, объяснял он, когда я только попал во дворец, у тебя не будет ничего, но собери побольше, и ты можешь составить мозаику.

Баламани вылил на голову еще кувшин воды и отер лицо.

— Хоссейн-бег-остаджлу был схвачен вчера при попытке бежать из города. Узнав об этом, я решил сходить в дом одного из вельмож-остаджлу и порасспрашивать евнухов о нынешнем положении племени. Неподалеку от дворцовых ворот я заметил множество красивых шатров, порванных, втоптаных в землю и перепачканных. Под одним из них рылся человек, пытаясь собрать брошенные вещи. Он и сказал мне, что несколько дней назад шах послал остаджлу извещение — их стрелу. Она вонзилась в одну из дворцовых чинар, когда они туда ворвались, и ее присылка в лагерь остаджлу означала кару для них за вторжение на землю дворца и покушение на царское достоинство... В утро коронации остаджлу свернули свои шатры и послали письмо с ответом. «Признаем, что навлекли на себя немилость, — говорилось там. — Мы более не посмеем и вдохнуть, не моля о прощении. Мы просим вас объявить нам наше наказание, чтоб

однажды мы снова могли наполнить наши легкие сладчайшим воздухом шахского милосердия».

— И каков был ответ шаха?

Баламани приподнял бровь:

— Он послал отряд всадников сорвать шатры, а мародеры убегали с серебряными блюдами, расшитыми подушками, шелковой одеждой и даже коврами.

— Какое унижение! Неужели остаджлу не позовут обратно?

Баламани, морщась, оттирал нежную кожу под мозолью.

— Посмотрим, — сказал он. — Им сегодня приказали явиться лично.

— В пятницу? — недоверчиво переспросил я. Покойный шах никогда не вершил дел в святой день.

Баламани закончил скрести.

— Собрание будет в Зале сорока колонн. Не посмотреть ли нам на это вместе?

— Конечно, — ответил я.

Когда мы пришли туда, зал был уже полон людей, сидевших скрестив ноги. Жара от разогретых тел стояла удушающая, едкий запах пота наполнял воздух.

Теперь я не мог не взглянуть на них по-новому. Если догадка Лулу верна и убийца моего отца жив, здесь ли он? Я рассматривал этих седобородых морщинистых мужчин и тех черноусых, с гладкими смуглыми лицами, в расцвете молодости. Вдруг я смотрю на него?

Возле переносного трона, означавшего место шаха, сидело большинство кызылбашских вождей, а также черкесы, включая Шамхала, дядю Пери, выглядевшего неожиданно румяным и здоровым. Мирза Шокролло сидел ближе всех к тому месту, где должен был появиться Исмаил. Вожди остаджлу, грузин и курдов униженно сбились в кучку за спиной тех, кто поддерживал Хайдара. Хоссейн-бег-остаджлу выглядел таким испуганным, словно это был последний день его жизни.

Мы с Баламани заняли подушки в конце зала. Салим-хан призвал собрание к тишине угрюмее, чем обычно. Шах вошел и сел перед росписью, изображавшей его деда верхом на скакуне, вонзающего копьё во врага, противившегося его воцарению. Исмаил был одет в светло-синий халат и оливково-зеленые шальвары — цвета, почти

полностью сходные с теми, на росписи, будто он шагнул в зал прямо из сцены битвы. Рот его изгибала гневная гримаса, мешки под глазами наводили на мысль, что он не спал всю ночь.

— Можешь изложить свое дело, — сказал он хану Садраль-дину.

— О великий свет времени, — заговорил тот, — мы, остаджлу, с ликованием отдавали свои жизни в сражениях вашего деда и отца, поддерживая их власть как могли. И вашу мы поддержим тоже. Но бывали перекрестки, где слуги ваши выбирали неверный путь. Виновны в том, что встали не за того человека, но умоляем понять, что исходило это единственно из желания сохранить трон Сафавидов. Молим о прощении и готовы принять любую кару, чтоб вернуть ваше благоволение.

— Вот как ты заговорил, — ответил шах, — но совсем другим голосом ты пел всего несколько недель назад. Хоссейн-бег, встань.

Хоссейн-бег поднялся и взглянул в лицо шаху. Я вспомнил, как свиреп он был, ведя людей на битву, но сейчас он словно уменьшался внутри собственного платья.

— В любом случае ты возглавил отряд, напавший на дворец. Правда ли это?

— Да, защитник веры, правда.

— Как посмел ты поддержать моего противника?

— О милосердный шах, ведь не я один. Было много тех, кто не понял, что восходит ваша звезда. Если вы арестуете меня, то можете арестовать и почти весь ваш двор.

— Верно, — ответил шах, — но ты был тем, кто возглавил нападение и осквернил святость женской половины. Как ты можешь рассчитывать на прощение такого проступка?

— О свет вселенной, — сказал Хоссейн-бег с тем яростным огнем в глазах, что появляется у человека, знающего, что сражается за свою жизнь, — это было время беззакония и неустойчивости. Мы поступили так в намерении защитить дворец, и были в этом не единственными. Большой отряд из...

— Умолкни! — крикнул шах. — Человек без конца может оправдывать свои земные деяния. Почему я должен верить, что ты останешься предан мне?

Хоссейн-бег чуть склонил голову.

— Милосердие порождает преданность, — тихо сказал он. — На добро отвечают большим добром.

— Слова твои пусты, они не убеждают меня, — ответил шах. — Разве я не должен тебя казнить? Ты предатель и заговорщик.

Хоссейн-бег уважительно поклонился:

— Ваш собственный отец не раз сталкивался с неподчинением. И являл милосердие, заключая врагов в тюрьму — даже членов собственной семьи, заподозренных в мятеже.

Другой бы упал на колени, дрожа и умоляя. Храбрость Хоссейн-бега поистине восхищала.

— Не смей сравнивать себя со мной! — ответил шах. — Ничто из сказанного тобою не умаляет сделанного. При твоей удаче меня тут не было бы, и не вижу причин тебе доверять. Поэтому я приговариваю тебя к казни, и будет это завтра утром. — Он подал знак страже. — Убрать его с глаз моих.

Стража схватила Хоссейн-бега и поволокла к задней двери. Он повернулся к собранию и уставился прямо в глаза шаха, нарушая все правила поведения. У меня волосы по всему телу встали дыбом: он посмел вести себя так, словно ровен шаху! Лица стоявших вокруг окаменели от ужаса.

— Да покарает тебя Бог за этот первый твой грех! — выкрикнул Хоссейн-бег, и слова его падали в зал словно проклятие. — Да будешь ты бояться за свою жизнь каждый день, пока ты шах! Да убьют твоих детей безо всякого снисхождения, так, как ты приговорил меня. Мужики двора, одумайтесь! Вы станете следующими, если не вырвете эту гадину из ваших рядов!

Стражники ударили его в лицо и грудь с такой силой, что он рухнул на пол. Вздернув его на ноги, они выталкивали его из зала, но на лице его оставалось то же выражение — упорное и гордое.

Я онемел. Хоссейн-бег изложил свое дело перед человеком, который всего несколько недель назад сам был узником. Мне подумалось, что шах мог быть к нему и милостивее.

Когда его увели, в зале было так тихо, что доносилось хлопанье птичьих крыльев с улицы. Оно больше не казалось нежнейшим из звуков — это было словно порка.

— Садр-аль-дин, твои люди — причина этого беспорядка, — добавил шах Исмаил. — Ты ничем не искупишь содеянного вами.

Однако я воистину милостив и потому приказываю всего лишь заключить тебя с твоими приспешниками в тюрьму.

Он назвал пять имен, в том числе правителей провинций; стражники подняли каждого на ноги и погнали к двери.

Я подумал о страшной западне — дворцовой тюрьме с ее крохотными камерами, провонявшими плесенью и горем. Там всегда было жутко холодно, даже в самые жаркие летние дни.

Шах нахмурился, когда несчастных увели, и беспокойно заворочался на своей подушке.

— Вы, оставшиеся в зале, оглянитесь вокруг. Заметили ли вы что-то отсутствие?

Я посмотрел в зал, злясь на себя, что не догадался сделать это раньше. Баламани понимающе глянул туда же.

— Колафа-румлу, — шепнул он.

Баламани мог оглядеть присутствовавших и увидеть больше других. Ему было нипочем называть всех членов каждой знатной семьи и их полные титулы, пока день не превратится в ночь.

— Возможно, вы заметили отсутствие Колафы и сочли это удивительным, ибо он один из моих первых сторонников. Известия о нем оледенят вашу кровь.

Сторонника вернее у него не было!

— Недавно я предложил Колафе новый пост в правительстве, при котором ему надо было бы оставить прежний. Он отказался сложить полномочия. Тогда я предложил ему стать начальником шахского зверинца.

Я едва подавил смешок ужаса. Присмотр за зверинцем был оскорблением для человека ранга Колафы.

— Колафа отказался внять моему властительному приказу. За гордыню и неповиновение он тоже заплатит жизнью.

Я услышал тихое протестующее ворчание Баламани. Мое сердце словно остановилось.

— Когда вы будете размышлять о судьбах Колафы и Хоссейн-бега, не забывайте, что ваша судьба может быть точно такой же. Скажи им, Салим-хан.

— Бог велик, и шах Его наместник на земле. Кара заслушание — смерть, — подтвердил Салим-хан.

Мы ответили хором:

— Клянемся повиноваться свету вселенной.

Но шах еще не закончил:

— И вот еще что, раз уж я говорю об оскорблении величия царственной особы и дворца. Мое внимание привлекло, что многие придворные продолжают домогаться внимания тех, кто дорог моему сердцу. Я уверен, что вы согласитесь: нет ничего важнее чести — ничего. Посещение их настрого запрещается.

Если он и действительно против, почему не сказал об этом раньше? Без сомнения, он опасается власти Пери.

Никто из придворных и слова не посмел вымолвить; все склонили голову, надеясь, что Исмаил не потребует от них объяснений. Я смотрел на хана Шамхала, но не заметил в его лице ни следа изумления, и в поддержку своей племянницы он тоже не сказал ни слова.

Мирза Салман попросил разрешения высказаться, что я расценил при таких обстоятельствах как храбрость.

— О повелитель всего чистого, в ваше отсутствие многие из нас пеклись о безопасности и сохранности дворца. Мы полагали, что никто не сможет руководить нами лучше, чем ближайший последователь вашего досточтимого отца. Мы искренне надеемся, что не ошиблись.

Исмаил казался удовлетворенным этой маленькой речью.

— В таком положении, когда во дворце развал и нет ни единого из Сафави, чтобы принять решение, вы поступили верно, слушаясь члена семьи, — отвечал он. — Но теперь все иначе. Я здесь, чтоб вести вас, и потому такого служения больше не требуется — и не разрешается. Вам понятно?

— Совершенно, — поклонился мирза Салман.

Шах дал Салим-хану знак, что собрание закончено. Во времена шаха Тахмасба кары злоумышленникам сопровождалась вознаграждением тех, кто хорошо служил, или чем-то еще, что смягчало бы скорбь от смерти и заключения тех, кого мы знали. Как все изменилось!

Когда шах поднялся, мы стояли смирно, дожидаясь, пока он не дойдет к двери, сопровождаемый столпами государства и стражей. Он вышел, и придворные, пережившие это испытание, тотчас заговорили тихими, но возбужденными голосами. Некоторые утирали лоб, другие

бормотали благодарственные молитвы, что их не забрали. Я слышал, как мирза Ибрагим говорил, не понижая голоса, с одним из своих друзей.

— Я думаю, что это повод отпраздновать, — ядовито соглашался он, — для тех из нас, кто еще дышит. Почему бы не освежиться у меня дома? Я как раз сторговал новую книгу, хочу показать вам рисунки из нее.

Ибрагима любили художники и каллиграфы за то, что он тратил свое состояние на книги. Должно быть, он трясся на своей подушке из-за того, что поддержал Хайдара, пусть сейчас и старается обратить все в шутку. Интересно, почему шах его не тронул?

Друг его не рвался праздновать.

— Может быть, позже, — сказал он. — А прямо сейчас я иду в мечеть возблагодарить Бога.

Баламани повернулся ко мне и шепнул:

— Могло быть и хуже.

— Это как?

— Исмаилу пришлось показать камень в руке. Не покарай он своих врагов, после собрания кучки придворных тут же принялись бы строить против него заговоры. А теперь они хорошенько задумаются о последствиях.

— Но почему Колафа? Разве не чересчур убивать своего союзника, когда тому не по нраву новое назначение?

— Р-р-р-р... — Баламани изобразил свирепого пса. — Все это лишь повод. Колафе Исмаил был обязан тем, что сделался шахом. Никакой правитель не хочет быть настолько обязанным простому человеку.

Слова его кинжалами вонзались в мое сердце. Я подозревал, что шах, подобный Исмаилу, захочет быть обязанным женщине еще меньше.

Когда я вошел в комнаты Пери, она сидела с каламом в руке и письмом на коленях, которое тут же отложила.

— Ты словно джинна повстречал, — сказала она. — Что случилось?

— Шах явил свой гнев, приказав казнить Колафу и Хоссейнбега, — торопливо сообщил я, — а также заключить в тюрьму хана

Садр-аль-дина и других, поддержавших Хайдара.

— Ого! — сказала Пери. — Не слишком ли сурово?

— Дстойная повелительница, он также потребовал, чтобы придворные прекратили встречаться с женщинами царского рода.

— По какой причине?

— Он сказал, что это оскорбление чести Сафавидов.

— Он должен был это сказать! — гневно отозвалась Пери. — Легче всего сказать так, потому что ни один придворный не запротестует против такого обвинения. Не сказать же ему, что его сестра лучше управляет, чем он. Я не могу промолчать, когда этих людей вот-вот казнят, особенно Колафу. Пойдем немедленно умолять его.

Пери схватила свой калам и написала письмо Султанам, требуя разговора с Исмаилом. Там было сказано:

Вы — царственная мать всего Ирана ныне.

Откройте же добра сокровищницу в сыне:

Пускай в пустыне бед благая бьет струя,

И знайте: помощь может стать нужна моя.

Султанам ответила письмом, где приглашала прибыть к вечеру в ее покои, когда она будет готовить чай для сына. Когда мы прибыли, нас проводили в маленькую гостиную, украшенную дивными коврами. Султанам и Исмаил сидели, прижавшись друг к другу, пили чай, заправленный кардамоном, и грызли сахар-нобат с шафраном. Султанам, ширококостная, с венцом кудрявых седых волос, выглядела вдвое крупнее Исмаила, все еще худого, несмотря на изобильную дворцовую еду. Пери приветствовала Исмаила как повелителя вселенной, спросила его о здоровье. Покончив с условностями, Исмаил не стал медлить.

— Я знаю, почему ты здесь, — начал он. — И ответом будет «нет». Больше никаких утренних советов.

У этого шаха, подумал я, вежливости как у разделочного тесака.

— Свет мира, не за этим я пришла, — сказала Пери. — Я здесь в великом смирении прошу вас о милости.

— Какой?

— Я слышала о вашем решении казнить Колафа-румлу и Хоссейн-бега. Как ваша сестра и член властвующей семьи, много лет знающая двор, я прошу вас явить им милость.

— Хоссейн — предатель, а Колафа — неблагодарная рвань. Они не заслуживают милости.

— Возможно, и нет, но вопрос в том, как знатные люди расценят эти казни, — возразила Пери. — Если вы убьете Колафу, то они задумаются, почему человека мудрого и высокопоставленного, сделавшего все, чтоб вы получили власть, приносят в жертву. Страх такой же судьбы сделает их опасными. Если вы убьете Хоссейн-бега, они поймут, но явите милосердие — и они запомнят вас милосердным.

— Чего ты хлопочешь? Кто эти люди для тебя?

— Они мне никто, но тут вопрос в милосердии. Колафа был вашим вернейшим сторонником. Я думаю, мы должны быть благодарны ему за поддержку.

— А Хоссейн-бег?

— Верность остаджлу стоит дорого.

— Даже если он предатель?

— Он не был предателем: он просто выбрал проигравшую сторону.

Исмаил повернулся к Султанам:

— Матушка, что ты думаешь?

Пери ожидающе взглянула на нее: Султанам часто удавалось добиваться милости от шаха Тахмасба, и, без сомнения, в том числе для самого Исмаила.

— Думаю, твоя сестра права насчет Колафы, — сказала Султанам. — Зачем терять отличного полководца?

— Показать, что неповиновение будет караться.

— Но это не было неповиновением: это просто расхождение в мнениях, — вмешалась Пери.

— Какая разница?

Неужели этот шах не способен увидеть различие?

Пери была ошеломлена:

— Но ведь вы позволите своим подданным временами не соглашаться с вами?

— Конечно, — сказал он. — Ведь я тебя слушаю сейчас, не так ли? Но Хоссейн-бег — проигранное дело. Сопrotивляясь моему

воцарению, он всегда оставался бы опорой для недовольных. Что же до Колафы, его казнь создаст важный пример того, какого поведения я ожидаю от других. Мертвым он послужит мне лучше, чем живой.

— Но брат мой...

— Я принял решение.

— Я молю вас пересмотреть его. Когда наш отец был жив, его брат несколько раз восставал против него, но, пока он не объединился с оттоманами и не был взят в плен, его не казнили. Без сомнения, высокородные заслуживают пощады.

— Я не Тахмасб, — сказал Исмаил, — и я намерен быть совсем другим шахом.

Пери начала выходить из себя:

— Но если б не его великодушие, вас бы самого не было в живых!

Лицо Исмаила побагровело от гнева.

— Я жив, потому что волей Божией должен был стать шахом.

С этим никто не стал бы спорить.

— Колафа не единственный, кому следует преподать урок, — продолжал он. — Кое-кто хочет отнять у меня власть, но им не видать успеха.

При этом намеке госпожа сумела остаться спокойной.

— Я предлагаю свое мнение с единственной целью — укрепить ваше правление, брат мой.

Исмаил фыркнул:

— В следующий раз тебе лучше подождать и спросить, жажду ли я твоего мнения.

Оскорбленная, Пери отшатнулась и взглянула на Султанам, ища поддержки.

— Тебе следует принять слова моего сына, — тихо сказала Султанам.

— Но вы лишаете человека жизни, единственного настоящего сокровища, что у него есть! Разумеется, вы должны ожидать протеста.

— Напротив, я ожидаю, что меня поблагодарят за внимание, — ответил он.

Кинув в рот поджаренное тыквенное семя, Исмаил громко разгрыз его. Я ждал, что Пери скажет что-нибудь вразумляющее, но она лишь поморщилась, будто в комнате дурно запахло.

Исмаил выплюнул шелуху:

— Обсуждать больше нечего. Можешь идти.

Пери тяжело поднялась и пошла к дверям, не поблагодарив его за встречу. Я спросил разрешения уйти и вышел следом, корчась от неуважения, выказанного ею.

— Мне следовало сражаться тверже, — сказала она, когда мы шли через сады.

Розы поникли от жары.

— Что это дало бы?

— Может, и ничего, но я в долгу перед Колафой. Он заслуживает жизни.

— Да смилуется Бог завтра над его душой, — ответил я. — Однако я думаю, что вам сейчас важнее всего вернуть доверие Исмаила.

— Он не заслуживает честности.

— Разве не нужно во что бы то ни стало убедить его, что вы ему — союзник?

— Нет, если это означает поступиться правдой! — гневно отвечала она.

Этих людей казнят завтра на рассвете. Я жалел их жен и родных, потому что знал, какая мука исказит их лица, когда они увидят вынесенные им тела, замотанные белыми окровавленными пеленами. Их дети тоже будут страдать: я вспомнил, как Джалиле визжала от ужаса, хотя она была слишком мала, чтобы до конца понять происшедшее. И все же Пери, вместо того чтобы попытаться смягчить участь приговоренных, утратила остатки расположения Исмаила.

Пери пристально смотрела на меня:

— Что такое, Джавахир? Если бы твой лоб мог собирать грозовые тучи, уже давно хлынуло бы.

Я тяжело вздохнул:

— Повелительница, вы ведь знаете старую поговорку «Роза бессердечна, однако соловей поет о ней всю ночь».

— С чего я должна петь пруту с колючками? — фыркнула она.

— Потому что вы хотите победить.

Ее лицо потемнело.

— Дерьмоед!

Оскорбленный, я замедлил шаг, чтоб она это поняла.

Пери подождала, пока я не поравняюсь с нею.

— Джавахир, я понимаю, что ты советуешь от всего сердца, но тебе не понять, какая ярость охватывает меня в присутствии этого мула.

— Повелительница, неужели вы не боитесь за свою жизнь? Посмотрите, как легко он разделался со своими соратниками.

Смеясь, Пери вскинула голову:

— В моих жилах ревет кровь сафавийских львов!

Спустя несколько вечеров Пери вызвала меня к себе отнести ее самую личную переписку и доставить ее особому нарочному. Я прибыл одновременно с Маджидом, которого сопровождал за занавес. Лицо его было желтым от страха. Нетвердым голосом он поведал нам, что, когда он этим вечером возвращался домой, ему не дал войти в собственную дверь отряд стражников, сказавших ему, что все его имущество арестовано по приказу шаха.

— Достойная повелительница, разве я чем-то вас оскорбил?

— Нет, мой добрый слуга.

— Но тогда...

Я внимательно следил за Маджидом. Человек, желающий преуспеть при дворе, не должен падать, когда земля сотрясается, потому что, когда она дрожит, вздымается и переворачивается, он разлетится на семьсот семьдесят семь кусков. Родник надежды забил в моем сердце, потому что Маджид явно распадался.

— Полагаешь ли ты, что будешь по-прежнему полезен мне в качестве визиря? Будь честен. Что бы ты ни ответил, я поступлю с тобой по справедливости.

— Боюсь, что мое лицо при дворе сможет лишь раздражать. Наверное, лучше назначить другого. — Голос его затухал, будто он ненавидел себя за это признание, а его молодое лицо обмякло, как рисовая запеканка.

— Хорошо. Не будь на виду, и я призову тебя на службу, когда при дворе станет безопаснее.

— Как вам будет угодно.

Пери взяла с него обещание, что он повсюду будет говорить, будто отобранный дом понадобился ей. Затем она освободила его от службы, наградив основательным мешочком серебра на расходы и пообещав

поселить в новом доме. Я проводил его к выходу и присоединился к Пери по другую сторону занавеса.

— Как я тоскую по отцу! — хрипло сказала она.

Склонив голову, царица постаралась успокоиться, и в комнате царило молчание, лишь ветер выл за окнами. Потом она удивленно спросила:

— Как ты выносил свое горе все эти годы?

Мне пришлось на миг задуматься: никто прежде не задавал мне такого вопроса.

— Повелительница, мне хотелось бы дать ответ в медовой глазури. Лучшее, что я могу посоветовать, — это согреться памятью о его любви, сладчайшим из бальзамов для вашего сердца.

Она вздохнула:

— Я постараюсь.

— Как вы думаете, почему Маджид лишился дома?

Я был уверен, что это связано с ее поведением у шаха, но лучше было знать точную причину.

— Я послала его к мирзе Шокролло просить денег на армию для защиты нашей северо-западной границы. Великий визирь, должно быть, пожаловался на меня, — ответила она, хотя и без особой уверенности.

— Возможно ли, что шах так ответил на вашу просьбу о милосердии?

— Если так, то это жестокий ответ, — сказала она. — Каждый подданный имеет право на ухо шаха.

Пери провела рукой по виску, словно убирая выпавшую прядь, но ее там не было. Когда она бывала расстроена, то искала спасения в аккуратности. Что-то в ее жесте заставило меня задуматься, всю ли правду она мне говорит.

— Не можете ли вы предположить другой причины этого наказания?

— Нет. В случаях, когда я разочаровывала моего отца, он говорил мне чем и разрешал мне заслужить прощение. Он не наказывал моего визиря. Какой отвратительный способ намекнуть!

— Достоянная повелительница, как мы можем сломать жезл шахской немилости?

— Не знаю.

Я решил, что рискну нанести визит Хадидже, — может, она скажет мне, что у Исмаила на душе.

— Посмотрю, что смогу сделать, разумеется очень осторожно.

— Хорошо, — сказала она. — Прежде чем идти, я хочу, чтобы ты обдумал вот что. Нынче, когда Маджид временно отстранен, я желаю назначить тебя своим временным визирем. Должность оплачивается лучше, ты будешь связным между мной и вельможами шахского двора.

Пана бар Хода! Я был потрясен неожиданным известием: Пери доверяет мне настолько, что делает меня своим самым доверенным чиновником. Мне-то казалось, что придется прослужить много лет, прежде чем я получу такое назначение. Озноб восторга опалил мою спину, и мне не сразу удалось овладеть голосом.

— Благодарю, высокочтимая царевна. Какая большая честь! Могу я подумать до завтра?

— Ответ мне нужен утром. Но помни, Джавахир, я рассчитываю на тебя.

Она произнесла это так ласково, что я ощутил готовность немедля отдать за нее жизнь.

Хадидже перебралась в один из тех домов, которые покойный шах отводил своим любимым женщинам. Сказав стражнику-евнуху, что хочу увидеть ее по делам Перихан-ханум, я получил разрешение пройти.

Хадидже приняла меня в оранжевом шелковом платье, казавшемся еще ярче на ее гвоздично-черной коже. Видеть ее, такую непохожую на других, закутанных в темные ткани, было словно оказаться перед полем цветущих маков. Золотые браслеты пели на ее запястьях. Она улыбнулась мне, но, поскольку рядом были другие жены, соблюдала приличия. Я сообщил, что должен обсудить деликатный вопрос, касающийся женского расстройств. Хадидже отослала свою старшую служанку Насрин-хатун в дальний угол комнаты, где та могла наблюдать, но не подслушивать. Черты Насрин были резкими и красивыми, но я не сводил глаз с Хадидже.

— Со всем уважением к вашему новому положению должен сказать, что вы еще восхитительнее, — тихо проговорил я. — Вам к лицу ваше новое место.

Улыбка ее была ослепительной.

— Я рада быть хозяйкой самой себе.

— Уверен, что многие теперь ищут вашей благосклонности, — ответил я, чувствуя, как теснит сердце, — но я тут по непростому делу.

— Что такое?

Вполголоса я рассказал Хадидже о доме Маджида и спросил ее, не слышала ли она от Исмаила что-то, чем можно объяснить жестокость его гнева.

Казалось, Хадидже ищет ответ.

— Я пока не знаю его так хорошо, — призналась она. — Он призывает меня ночью и наслаждается моим обществом, но почти не разговаривает.

— А вы — его обществом? — не удержался я от вопроса.

— Это не то, что с тобой... — мягко ответила она.

Я был рад услышать такое, но заставил себя вернуться к долгу:

— Он что-нибудь говорил о Пери?

— Ты вряд ли захочешь это услышать.

— Я должен.

— Он назвал ее притворным шахом.

— А причина?

— Не помню. Это было замечание вскользь.

Я подумал.

— Ну, она ведь возглавляла амуров на советах и, полагаю, тем напоминала шаха.

— Шахи — мужчины, — заметила она.

— Весьма верно, — согласился я, — но в ней есть *фарр* царей.

— И у него тоже, — сказала она. — И он требует большего поклонения, чем можно ожидать. Думаю, это последствия жизни в застенке. Когда он говорит со мной о том, как жестоко отец разрушил его молодость, боль проступает на его лице, словно пламя. Царевне лучше ни в чем ему не перечить.

— Для нее это суровое испытание, — проговорил я.

— Очень жаль. Ведь он шах, и она поклялась ему в верности, как все мы.

— Не случилось ли чего-то, в чем он может обвинить ее?

— Я слышала такое... — прошептала Хадидже. — Кто-то послал отряд на подавление восстания в Хой. Шах разгневан, что это было сделано без его ведома.

О Али!

— Это Пери?

— Он не сказал.

Я припомнил свою последнюю встречу с Пери: теперь ее ответы казались мне намеренно туманными. От гнева у меня вспыхнуло лицо. И мне нельзя было сказать о военных действиях такого размаха? И моей жизнью надо было рисковать без моего ведома? Да мне проще было оставаться при Пери одним из разносчиков чая.

Стараясь побороть свои чувства, я ощутил взгляд Насрин-хатун, однако, повернувшись к ней, увидел лишь, как она разглядывает ковер на дальней стене комнаты.

— Кстати, — сказал я Хадидже погромче и повеселее, — цвет платья очень вам к лицу.

— Я держу под рукой одежду более строгих красок, чтоб накинуть, если заглянет кто-то важный. — Она хихикнула над собственной смелостью.

— Ваш дух поднимает и мою душу. Вы счастливы?

— У меня есть все, что может хотеть женщина, — сказала она, обведя рукой комнату; я увидел новые мягкие ковры на полу, бархатные занавеси в цвет и богатый набор голубых и белых фарфоровых блюд в нишах. — И что самое лучшее, у меня полно времени, чтоб готовить. Вот попробуй.

Она протянула мне тарелку палуде — длинных тонких рисовых соломок, приправленных сахаром, корицей, розовой водой и странной новой специей, ввергшей мой язык в неведомое прежде ликование.

Я ел в дикой спешке, как с голодного острова, облизывая губы. Снова отведав лакомств Хадидже, я отчетливо понял, о чем тосковал последние недели. Я не смел поднять на нее глаза.

— Не знал он, какое сокровище обретет, женившись на вас.

Она улыбнулась:

— Есть еще одна радость, что связывает нас с тобой. Шах назначил моего брата главой кавалерии Махмуд-мирзы. Он любит свою новую службу.

— Поздравляю. Что он говорит о царевиче?

— Брат говорит, что они друг другу словно родные.

— Как меня это радует!

— А ты, как у тебя дела?

Она не пыталась скрыть нежность в своем голосе, и это царапало мое сердце. Коже моей хотелось ее жара, мои ноздри требовали аромата ее розового масла, соединившегося с ее плотью, мои пальцы ломило от желания ее...

— Джавахир?

Я сцепил пальцы перед собой, чтоб унять их дрожь.

— Царевна спросила, не хочу ли я стать исполняющим обязанности ее визиря.

Она была потрясена:

— Какая огромная честь и как скоро!

— Но если шах не любит ее, это может оказаться трудной работой — и опасной.

— Обещаю передавать тебе, что услышу.

— Благодарю.

— Представляю, как твое новое положение даст тебе возможность помогать сестре больше, чем прежде.

— Непременно, хотя мое главное желание — забрать ее в столицу. У меня до сих пор мало средств, чтоб заботиться о ней здесь или снабдить ее богатым приданым.

— Да прольет Бог дождь серебра на твою голову!

Память о длинных ресницах Джалиле, мерцавших слезами, когда я прощался с нею, пронзила мое сердце.

— Я даже не знаю, какая она сейчас. За все эти годы у меня не было случая навестить ее.

— А как бы ты смог, ведь ты отсылал все свои деньги на ее содержание! Я уверена, что ты — свет ее глаз.

— Надеюсь.

Хадидже заметила, что Насрин-хатун разглядывает нас:

— Думаю, тебе пора.

— Можно мне прийти снова?

— Да. Но позаботься о поводе, связанном с дворцовыми делами, — ответила она и позвала своих служанок. — Насрин-хатун, приготовь платье и несколько рубашек с шароварами для благотворительности, — велела она. — Отнесешь их Джавахир-аге, когда будет готово.

Для Насрин я сказал деловым тоном:

— Моя госпожа будет рада узнать, что вы жертвуете одежду женщине, потерявшей дом. Я сообщу вам, как доберется Рудабех.

— Для меня это удовольствие, — улыбнулась Хадидже.

В томлении я вспоминал сладость ее бедер под моим языком. Рубец на моем сердце, начавший заживать, открылся и закровоточил. Помочь было нечем: в гареме не избежать встреч с прежней любовью и не избавиться от неутолимого желания. Хадидже, так хорошо знавшая меня, притворилась, что возится с палуде, так что я смог соблюсти достоинство и откланяться.

Пери пила чай, когда я мрачно приветствовал ее.

— Джавахир, ты принес плохие новости?

— Да. Мне пришлось очень серьезно подумать о вашем предложении стать визирем. Сожалею, но вынужден отказаться.

Пери, казалось, была потрясена моей глупостью. Только дурак мог отвергнуть такое продвижение.

— Ты шутишь?

— Ничуть.

— Дело в плате?

— Нет.

— Ты боишься?

— Нет.

— Что же тогда?

Я огляделся, медля, чтоб она слушала со всем вниманием.

— Госпожа, игры в этом дворце так же сложны, как узор ковра, на котором вы сидите. Визирь и его господин должны работать вместе, словно муж и жена, иначе они могут потерять все.

— Верно. И?..

— Лучшие браки, по моим наблюдениям, основаны на доверии.

— Джавахир, ты что, делаешь мне предложение? — шутливо спросила она.

— В определенной мере.

Выждав для пущего эффекта, я увидел, как посерьезнели ее глаза.

— Итак?

— Мое предложение — назовем его так — касается большего, чем обычный полусердечный союз, где муж требует от жены рассказывать

ему все, в то время как сам наслаждается своей тайной жизнью. Вы понимаете, о чем я?

— Конечно. И кто же из нас муж?

— Вы.

Она рассмеялась:

— Это устраивает меня больше, чем любое другое положение.

— Я знаю.

— Буду носить тюрбан, тратить серебро, принимать решения.

— О да.

— А ты что будешь делать?

— Я — давать отличные советы и удерживать вас от ошибок, что могут погубить нас обоих.

Пери явно стало неудобно.

— И каких же?

— Я узнал из надежного источника, что Исмаил перехватил деньги, отправленные на содержание армии у наших северо-западных границ, и он вне себя от ярости.

— Ох, — сказала она и побледнела. Руки ее начали оглаживать платок в поисках выбившихся прядей.

— Почему вы не сказали мне?

— Джавахир, — страстно ответила она, — ты не хуже меня знаешь, что во дворце шпионы повсюду. Я должна быть крайне осторожна в том, кому доверять.

— Знаю, — сказал я. — Поэтому, прося вашего доверия, предложил отдать за вас жизнь, если понадобится. Но если вы не можете доверять мне, я лучше буду заведовать вашими носовыми платками, чем притворяться вашим главным полководцем.

Я ждал, но решимость моя была тверда.

— Что-нибудь еще?

— Дозволено ли мне говорить честно?

— Да.

— Чтоб победить шаха, надо запереть на замок свои чувства.

— Но он ничего не делает! — закричала она, и щеки ее вспыхнули. — Как я могу стоять и смотреть на разрушение тяжелого труда моего отца? Как я могу позволить народу вокруг Хоя взбунтоваться — я, куда лучше самого шаха знающая, что делать?

— Но, царевна, мы должны попытаться убедить шаха делать то, что верно.

— А я не хочу! Я хочу управлять сама! — выпалила она и вдруг стала похожа на человека, по неосторожности выпустившего злобного джинна из сосуда.

Наконец она призналась! Накал ее страсти отозвался в самых моих костях. Она была словно гора, высящаяся надо всем и останавливающая любое движение. Теперь мы могли обсудить, чего она жаждет и что может.

— Даже ваш отец не позволял таких вольностей, — ответил я. — Чтобы править, вам нужен согласный партнер. Нынче вы перед шахом, который помешал вам и наказал вас.

Пери вскочила, ее темное платье взлетело так, словно хотело спастись от ее ярости.

— Ты намекаешь, будто я что-то сделала неправильно? Да как ты смеешь!

Я стоял на своем.

— Я сын благородного человека, — спокойно ответил я. — И потому считаю, что служил вам верно. Я почитаю вашу царскую кровь каждой каплей своей крови, но, царевна, когда я вижу вас на пути к гибели, то говорю об этом. Никогда я не буду подобен псу, выказывающему преданность лишь в ожидании объедков, даже если вы уволите меня от службы вам, — никогда! Ибо я лучше скажу вам правду ценой моих потерь, чем предам вас ложной угодливостью. Так я поклялся вашему отцу, и так я буду поступать всегда.

Кровь стучала в моих висках, но я не отрывал от нее взгляда.

— Ты из тех, кто легко ныряет в океан слов, — сердито возразила она. — Что ты предлагаешь?

— Как ваш визирь, я сделаю все, что могу, дабы утишить бурю, — сказал я, — но это невозможно, если вы и дальше будете дразнить шаха.

Она снова уселась, разгладила платье вокруг себя.

— Я желаю, чтоб ты был осведомленнее в моих планах, — нехотя согласилась она, — и все же я не обещаю каждый раз следовать твоему совету.

По ее нахмуренным бровям я видел, что больше она ни на какие уступки не пойдет.

— Согласен.

— Ну а теперь ты согласен стать исполняющим обязанности моего визиря?

— Принимаю эту величайшую в моей жизни честь, — ответил я. Сердце мое взлетало, как у воина, готового умереть за предводителя. — Я клянусь вечно окружать изумруд вашего доверия золотом моей верности.

— Это лучше любого брака, о каком доводилось слышать! — сказала она, и в голосе ее звучала дразнящая нотка. — Но я полагаю, что это такая фигура речи.

— Конечно же.

— В таком случае я согласна.

Глаза Пери, чуть повлажневшие, отыскивали мои. Я чувствовал себя так, словно заключал договор, связывающий нас навеки.

Пери позвала Азар-хатун и приказала ей что-то принести. Та вернулась со свертком, обернутым шелком, и вручила его мне. Внутри был кинжал в черных кожаных ножнах. Грозную сталь клинка покрывали защитные слова Корана, насеченные в золоте рукой мастера.

— Да сохранит он тебя от беды, — сказала Пери, и голос ее был нежен, как никогда прежде.

Там же я и пристегнул оружие к своему поясу:

— Я буду носить его всегда.

На следующий день мы узнали, что Исмаил без особого шума женился на двух женщинах. Одна из них — остаджлу, что означало прощение всему племени и возвращение многих его мужей в круг приближенных, кроме тех, кто казнен или заключен в тюрьму. Вторая была полной неожиданностью: дочь хана Шамхал-черкеса, Куденет-черкес, выросшая вдалеке от двора.

Пери была в ярости. Она вызвала дядю, и он пришел, когда стемнело, словно вор. Пери велела мне сесть в уголок одной из ее внутренних комнат и скрытно наблюдать за встречаей, чтоб я мог запомнить в точности его слова и убедиться, что он говорит правду. Я подозревал, что она собирается его как следует отчитать, но избавит от унижения вытерпеть это при слуге.

Когда Шамхал вошел в малую комнату, он словно занял ее целиком — его мускулистые ручки и грудь задевали стены.

— Салам, дочь сестры моей! — гулко произнес он, усаживаясь на подушку напротив. — Рад видеть, что ты прекрасна, как луна. Что за срочность?

— Тебе уже лучше, дорогой дядя? — сладко поинтересовалась Пери.

— Лучше?

— Ну ты же болел, помнишь?

Он помедлил.

— Ах да, конечно! Я теперь здоров.

— Приятно слышать. Я так давно тебя не видела из-за твоего недомогания... А теперь узнала, что твоя дочь стала одной из новых жен шаха! Какая честь!

Шамхал пристально взглянул на нее:

— Ну да.

— Я слышала, шах пригласил тебя приходить к нему каждый день.

— Кто тебе сказал?

Пери улыбнулась, довольная точностью сведений:

— Короче, шах решил, что тебя лучше обласкать, а меня тем временем наказать. Но почему? Разве мы не одной крови?

— Одной.

— Что же тогда?

— Думаю, это судьба.

— Дядя, — жестко сказала Пери, — шах не женится на дочери человека и не привязывает его к линии царской крови навечно, если только человек не оказал ему большую услугу или не пообещал ее оказать.

Наступило долгое молчание. Шамхал выглядел багровым и взмокшим рядом со своей ледяной племянницей. В маленькой комнатке ей легко было пересчитать все капли пота, выступившие на его лбу у края тюрбана.

— Кто-то навредил мне в глазах шаха. Видя твой недавний успех, я не могу не поинтересоваться, ценой ли ему все мои трудности?

Шамхал расхохотался:

— Конечно нет! Тебе удастся самой создавать себе трудности.

— Какие же?

— А ты не поняла, что нынешний шах не позволяет заносчивого поведения? С мятежом ты, может, и права, но повела себя как дура.

Пери была уязвлена, а я втайне порадовался. Дяде можно было говорить с нею так, как мне было нельзя.

— И как ты рассчитываешь теперь его завоевать?

— Не знаю, — горестно ответила она. — Вот сейчас ответь мне на мой вопрос: что ты сделал для Исмаила?

— Решил с Хайдаром, помнишь?

— Другие тоже помогали одолеть его, но теперь умалились.

— Я делаю то, что он просит.

Пери наклонилась к нему всем своим стройным телом:

— Ты говорил обо мне с ним?

— Нет.

— Почему нет?

— Слишком опасно.

— Все это время ты думаешь только о своем собственном успехе!

— Разумеется, нет, — ответил Шамхал, устраивая ноги поудобнее под полами халата. — Не забывай, что я представляю тысячи черкесов. Если ко мне благосклонны при дворе, всему нашему народу лучше. Мы не можем этого упускать.

Пери ответила понимающим взглядом:

— А ты сам станешь очень богат.

— И это тоже. Помни, черкесы стали силой при дворе только тридцать лет назад. Мы пока не получали ни земель, ни золота, которыми шах дарил кызылбашей. Черкесам нужен человек, продвигающий их интересы.

Он был по-своему прав, но презрение в глазах Пери невозможно было скрыть.

— Ты не понимаешь намерения шаха? Он предложил тебе союз, чтоб ослабить мою власть.

— Верно.

— Я-то думала, ты мой соратник.

— Я твой соратник навек, — искренне отвечал Шамхал. — Ты дитя моей любимой сестры, и нет во всем Иране женщины, подобной тебе. Но твое желание править — не единственное, что имеет значение.

Пери отодвинулась, оскорбленная обвинением, что ищет власти лишь для себя.

— Разве ты не замечаешь, что при дворе ничего не делается?

— Замечаю. Исмаил не знает, как надо править. Он отдает приказ, а потом отменяет его. Он не представляет, кому доверять. Поэтому его правление — бедствие.

— Тогда как ты рассчитываешь помочь?

— Я знаю, что ты могла бы сделать эту работу лучше, и вступлюсь за тебя, когда шах приучится доверять мне, но ни одно заступничество не подействует, пока ты не сменишь поведение. Исмаил ни в чем не чувствует себя обязанным тебе. Ему подозрительна твоя власть. Если ты не склонишься перед ним, ты ничего не добьешься.

— Но он же невежда!

— Ты поняла? Твое дело сейчас вернуть его расположение. — Он говорил покровительственно, словно с ребенком.

Как быстро они обменялись властью! Сперва приказы отдавала она, а теперь это был он, и все потому, что светился отраженным светом нового шаха.

Пери молчала так долго, что стало ясно: она признает свою неудачу. В глазах ее засветилось отчаяние. Пусть даже ее дядя и был прав, мне было тяжело видеть, как она страдает. Из всех сил я подавлял порыв вмешаться в их разговор.

— Дядя, мой отец облагодетельствовал тебя, когда я вступилась за тебя. Сейчас ты должен помочь мне, как я помогла тебе.

— Я это сделаю, — сказал он, — но не сейчас. Наш шах чувствует себя неуверенно. Поэтому я навещаю его каждый день и делаю все, о чем он просит. И потому же я предложил ему моих лучших черкесских воинов в личную стражу.

— Почему ты не защитил меня на совете? — Спина Пери вжалась в край сиденья, словно она старалась опереться на него.

— Потому что он был словно готовый порох — не стоило его поджигать.

Шамхал потянулся к ее руке и сжал ее в своих медвежьих лапах.

— Я помогу тебе, как только смогу, — пообещал он. — Верь мне.

Все говорили Пери именно это, но кому она могла верить на самом деле?

— Дочь сестры моей, я рискнул прийти повидать тебя. Узнай об этом Исмаил, возражал бы, хоть мы и родня. Поэтому я не собираюсь приходить снова, пока это не будет совершенно необходимо. Глупо сейчас лить масло в огонь его гнева.

Пери, казалось, пала духом. Ее высокая тонкая фигура выглядела хрупкой рядом с его массивным костяком.

— Значит, и ты меня бросаешь?

— Нет, не бросаю, — сказал он. — Спокойно выжидаю, пока у нас не появится случай нанести удар.

— Иншалла, — тихо сказала она, но когда подняла глаза, ища утешения, то он отвел взгляд.

Мы обсудили совет Шамхала, и Пери наконец признала необходимость восстановить отношения с шахом Исмаилом. Вместе с нею мы набросали письмо, где она просила прощения за любую оплошность и умоляла о встрече, чтоб явить свое раскаяние. Это был тонкий документ, полный цветистых речей и глубокого повиновения. Когда Пери записывала его начисто своим прекрасным почерком, она то и дело кривилась. Но он возымел действие: спустя несколько дней шах пригласил нас на встречу.

Я оделся с ног до головы в то, что прислала мне Пери сразу после того, как я принял новое назначение. Хотя такие одежды всегда прилагаются к новому посту, эти были куда роскошнее, чем я ожидал. Темно-синий шелковый халат, расшитый маленькими бледно-голубыми ирисами на золотых стеблях. Строгость его смягчала розовая рубашка, сине-золотой пояс и золотой тюрбан в розовую, черную и синюю полоску. Черные кожаные туфли с тисненными золотыми арабесками завершали наряд. Утонченность его прямо-таки вопила о моей новой должности.

— Как ваш новый исполняющий обязанности визиря, — сказал я, упиваясь самым звучанием слов, — должен напомнить вам, что лишь величайшая скромность вернет вам место в сердце Исмаила.

— Знаю-знаю, — нетерпеливо сказала она.

Пройдя через сады, мы оказались в изысканном дворе с большим прямоугольным прудом, чьи берега были уставлены клетками с яркими попугаями, наполнявшими воздух своими криками. Мы стояли у пруда, пока вышедший евнух не проводил нас в более уединенную

приемную. Вскоре нас позвали в святая святых Исмаила — комнату, где, как я вообразил, он встречался с Хадидже и насыщался ее прелестью, прежде чем отвести ее в спальню для исполнения ночных дел. Я оторвал взгляд от резной двери, что вела в его личные покои, и постарался не думать, как слуги внемлют музыке их вздохов и стонов. Горечь этих мыслей сводила мне нутро, и я гадал, смогу ли когда-нибудь полюбить другую женщину. Как — помня, что и она однажды оттолкнет меня?

Когда Пери и меня впустили в комнату, я поклонился, прижав руку к сердцу. Султанам уже выходила, но, когда царевна представила меня как своего визиря, она поздравила меня и приветствовала как «сверкающий меч мудрости Пери». Я подумал о своем отце. Как я надеялся, что он сможет с гордостью взглянуть на меня!

Потолок и стены были выложены узорами из крохотных зеркал. Свет шел из окна в потолке и сотни раз отражался во всех зеркальцах, отчего комната словно была налита сиянием. Вглядевшись, я заметил темное пятнышко в каждом и вообразил, что это глаз шаха, преломленный призмами тьмы и тысячи раз отраженный вокруг нас, будто наблюдая за каждой нашей порой.

Шах возлежал, откинувшись на шелковые подушки, вытянув ноги; усеянный жемчужинами тюрбан сполз. Лысеющая голова открылась, отчего он выглядел обычным человеком, таким же беззащитным перед угрозами природы. Перед ним на серебряном подносе источали пар стаканы горячего чая, а рядом стояла шестигранная инкрустированная шкатулка слоновой кости.

— Войдите и сядьте, — сказал он гораздо мягче, чем во время нашей последней встречи.

Царевна повиновалась, а я остался поодаль, опершись о стенку, на случай, если ей что-то понадобится.

— Свет вселенной, я здесь, чтоб склониться перед вами как ваша преданная сестра, — сказала она тихо, потупив глаза.

Он предложил ей стакан чая, который она приняла, а второй взял сам. Открыв шкатулку, он достал конфету, положил в рот, но Пери не угостил.

— Надеюсь, что ты искренна в этом желании, — ответил он. — Однако подтверждения пока не вижу.

Пери напряглась, но сделала усилие, чтоб остаться вежливой:

— Брат мой, может быть, вам просто неизвестны подробности того, что я сделала ради вас. Это я убедила Хайдара позволить мне покинуть пределы дворца после того, как он провозгласил себя шахом. Это я дала своему дяде ключи от гарема, чтоб он смог ввести сюда своих людей и разгромить тех, кто поддержал Хайдара.

— Я слышал, — ответил он, — но это, конечно, прежде всего воля Бога, что я пришел к власти.

— А я была Его орудием, — сказала она тихо и мягко. — Я сделала то, чем могла вам помочь, и с тех пор хотела одного — стать вашей союзницей.

— Моей союзницей? — повторил он. — Ты не можешь быть моей союзницей, потому что хочешь идти своим путем. Твои действия доказали мне, что ты своевольна.

— Какие действия?

— Оплата армии.

Я тревожно напрягся. Пери не опровергла обвинения, что могло быть опасно. Ее щеки порозовели, но голос не дрожал.

— Вы думаете, я могла спокойно сидеть и наблюдать нарушение важнейшего договора, за который сражался наш отец? Какая же я после этого дочь Сафавидов?

Исмаил отвел глаза.

— Я решил эту задачу назначением нового заместителя правителя Азербайджана, который будет отвечать за расследование положения в Хое.

— Кто это?

— Подожди, пока я не объявлю это всем.

Он уселся на подушке, спина гневно выпрямлена, словно отвечая на невысказанное обвинение. Я заподозрил, что шах просто никого еще не выбрал, и Пери явно думала так же.

— Может быть, назначить Бахрам-хана? Он верен, — нажимала она.

— Пери, ты понимаешь столь же хорошо, как и я, что у нас не может быть двух правителей. Даже наш отец, который тебя так любил, не позволил бы такого.

Пери выпрямлялась, пока не стала одного роста с Исмаилом.

— Я не хочу двух правителей, — сказала она. — Я лишь хочу быть уверенной в успехе нашего правления. Брат мой, когда-то и вы

были молоды и, полагаю, думали так же. Когда вас отослали в крепость Кахкаха, это случилось из-за вашего великого усердия. Ваша матушка рассказала мне, что вы хотели одержать решающую победу над оттоманами, такую, чтоб они на века оставили нас в покое. Вы решили сами создать армию ради блага страны, пусть это и назвали мятежом.

— Это правда.

— С той же страстью наставляла я Бахрам-хана крепить договор, заключенный в Амасийе, и потратила собственные деньги с единственной целью — защитить нашу землю. Разве это не почти то же, что совершили вы? Разве мы не одной царской крови?

Она воздела ладони к потолку, чтоб подчеркнуть значение сказанного, и это было словно она предлагала свое открытое сердце.

— Кровь одна — цели разные.

— Брат, я разделяю ваши цели и прошу вас разрешить помочь вам, — умоляюще сказала она, и я вдруг понадеялся на лучшее. — Я годами советовала нашему отцу и могу быть полезной вам, как была ему.

— Да ты бы и пальцем не шевельнула без его одобрения, — ответил он. — Однако двинуть полки попыталась без моего разрешения. Я воин, а ты никогда не была на поле битвы. То, что ты посмела распорядиться такими огромными силами, может быть объяснено лишь одним — гордостью. — Он стукнул двумя пальцами по своей шкатулке с конфетами, подчеркивая значение последних слов.

— Гордость? Но ведь это и есть то, чему меня учили всю мою жизнь, — возразила Пери. — Я не могу не усвоить это за столько лет рядом с нашим отцом.

— Тут я отличаюсь от нашего отца, — ответил Исмаил. — Он не хотел, чтоб ты вышла замуж и покинула его.

— Этого не хочу и я.

— Подозреваю, что ты не догадывалась, кого получишь, когда я стану шахом, — сказал он. — Если тебе хотелось править через кого-то, следовало спрятаться за Хайдара.

— У Хайдара не было качеств шаха, — сказала Пери. — Но если бы по каким-то причинам он и его воины одержали победу, я погибла бы от его руки, поскольку поддерживала вас. Вы явили храбрость в

бою, а я постаралась показать свое рвение во дворце. Я думала... я надеялась, что вы будете довольны моей верностью.

Края шелкового платья Пери вздрагивали.

— Твоей верностью? — Его хохот был омерзителен, как лай шакалов во мраке. — О чем ты? Ты сказала однажды, что в детстве любила меня, но было ли это правдой?

Измученная Пери уставилась на него:

— Вы сомневаетесь в любви маленькой девочки? Нельзя было не почувствовать, что я просто разрывалась от счастья, когда вы проводили со мной время.

— И я любил тебя, словно ты мое собственное дитя, — сказал он, и правда этих слов затуманила его взгляд. — Я сделал бы для тебя все.

— А я для вас, — отвечала Пери.

Он снова рассмеялся:

— Если бы я только мог в это поверить...

— Что заставляет вас сомневаться?

— Если ты меня так любила, то что ты сделала, чтоб освободить меня из тюрьмы, когда шах прислушивался к тебе?

— Освободить вас из тюрьмы? Мне было восемь лет, когда вас увезли!

— Ты не всегда оставалась ребенком. Могла бы потом настоять, чтоб наш отец меня освободил. Ты когда-нибудь просила его за меня?

— Вы не понимаете. Наш отец багровел при одном упоминании вашего имени, даже когда речь шла не о вас, а о каком-нибудь другом Исмаиле. Помню, как один вельможа обозвал своего родителя ослом, а шах повернулся и дал ему пощечину. Тот был рад, что ушел живым. В другой раз он попросил своих детей почитать ему стихи, и я начала читать из «Шахнаме» о том, как двое сыновей легендарного царя Ферейдуна восстали на него и попытались его уничтожить, хотя он отдал им большую часть своего царства. Отцу вдруг стало очень плохо, и, прежде чем он успел что-то сказать, его стошнило перед всеми. Я не поняла почему, пока не повзрослела, ведь ваше послушание терзало его постоянно. Даже ваша матушка не могла изменить его решение, хотя просила его так часто, что он отказался видаться с нею или разделять ложе. Как могла я, ребенок, утишить его гнев?

— Ты когда-нибудь пыталась? — повторил он, не отводя свирепеющих маленьких черных глаз.

Пери молчала.

— Так я и думал, — сказал он. — Зачем тебе это? Когда тебе исполнилось четырнадцать, ты говорила с ним для себя. Если бы тебе удалось вернуть меня домой, я бы свергнул его. Я был золотым сыночком, любимым более всех, и воином, ведущим страну к победе. Как бы ты смогла соперничать со мной? Ты вышла бы за Бади аль-Замана и жила бы в какой-нибудь глухой провинции всю оставшуюся жизнь.

— У меня никогда не было таких намерений, — ответила она. — Это никогда не приходило мне в голову — преуспеть за счет вашего унижения.

— Однако стало так, — сказал он. — Ты была соратником моего отца, пока я терял свою молодость. По этой причине я уже старым пытаюсь зачать сына, а тело мое и разум мой одряхлели. Чудо, что я не обезумел там, взаперти! Но и то, что случилось со мной, — уродство.

Глаза его пылали гневом, словно Пери была виновна во всем, что он перенес. Впервые за все время я осознал, до какой степени тюрьма Кахкаха изувечила душу Исмаила, наполнила мглой его сердце и затемнила его зрение. Мое собственное сердце похолодело, когда его чувства так явственно обнажились.

— Я не была шахом, принимающим такие решения о вашей судьбе, — непоколебимо отвечала Пери. — Наш отец изгнал собственную мать и покарал собственного брата, когда они восстали. Могла ли я после этого убедить его в вашей невинности?

Исмаил фыркнул:

— Султанам рассказала мне, что ты делала все, дабы лишить ее возможности высказаться. Ты вытеснила всех жен царского рода и заняла место, принадлежавшее мне.

— Я никогда не могла надеяться стать вами, брат мой, — сказала она.

Исмаил нетерпеливо заворочался на своем сиденье, и крохотные зеркала отразили это движение тысячи раз, прежде чем успокоиться.

— Почему же ты пыталась?

Лицо Пери разругалось, но я все равно видел гусиную кожу на ее запястьях. Подбородок ее воинственно вздернулся.

— В ту минуту, когда это было возможно, я завоевала для вас дворец.

Исмаил выпрямился на подушке — теперь он сумел выглядеть выше царевны.

— Ты свирепа, как мужчина. Вскоре после того, как я прибыл во дворец, мирза Шокролло поведал мне: ты заставила людей провозгласить, что наделена *фарром* древних царей. Что может быть оскорбительнее для нового шаха? Как ты смеешь утверждать это? Но теперь *фарр* перешел ко мне. Ты больше не любимица шаха и не можешь принимать государственные решения. Если ты сделаешь это, я расценю их как неповиновение. Тебе понятно?

Мышцы на шее Пери напряглись, будто она задохнулась. Затем она склонила голову и молчала так долго, что он должен был понять, что ее ответ будет вынужденным.

— Чашм, горбон, — сказала она голосом, хриплым от гнева.

Теперь было ясно: Исмаил думал, что Пери вытесняла его еще с детских лет, и я догадался, что все ее последующие действия он воспринимал как ту же борьбу за власть. Как ее новый визирь, я обязан был вмешаться:

— Свет вселенной, могу ли я иметь соизволение говорить?

Шах взглянул на меня, словно был рад, что его перебили:

— Можешь.

— Мы столь поражены царственным сиянием, что не можем выговорить, как оно владеет всем нашим сердцем, — начал я, говоря и за себя, и за Пери. — Если в нашем прошлом и были ошибки, мы глубоко сожалеем о них и жаждем лишь искупить их во властительных глазах.

— Ничего необычного в том, что вы поражены моим присутствием.

— Как мы можем служить свету вселенной, чтоб доставить ему удовольствие? Ведь это единственное оправдание нашей жизни и дыхания. Мы сделаем все... — я взглянул на царевну для подтверждения, — все, что удовлетворит тень Бога на земле.

Исмаил посмотрел на Пери. Стиснув зубы, она поклонилась, усмиряя себя, насколько могла.

— Брат мой, клянусь, что это заветнейшее из желаний, — сказала она.

— Как я могу знать, что ты будешь служить мне, а не себе?

— Я желала бы оправдать себя перед вами, стать вашим доверенным лицом, использовать все, чему я научилась, чтоб продвигать ваши интересы.

Наконец Пери вышла на верную дорогу. «Поцелуй его стопу!» — кричал я мысленно.

— Ведь я могу очень многое, — продолжала Пери, и я опять забеспокоился.

Почему она не остановилась?

— Я смогу посоветовать вам лучших правителей провинций, перечислить деяния всех ханов, служивших нашему отцу, пока вас не было, или обеспечить вам предложения по части жен — и это только начало.

Шах снова заподозрил что-то, и его желание поверить ей увяло так же быстро, как расцвело.

— У меня множество советников, — ответил он.

— Что я тогда могу сделать?

Он растерялся, но быстро выправился:

— Если хочешь, я устрою твое замужество, чтоб тебе было чем заняться. Маленькие дети очень требовательны к матерям.

Пери содрогнулась, как от лихорадки, а я вспомнил клен, догола облетевший под ледяным осенним ветром.

— Как это чудесно, — холодно ответила она. — И все же я предпочитаю остаться одна и посвятить себя памяти нашего отца.

— Дело твое, — равнодушно сказал он.

И снова меня просто взбесила его бездарность как правителя. Если пинаешь верного пса, даже если он и провинился, то лучше брось ему потом кость. Иначе не удивляйся, когда он вонзит клыки тебе в горло. Но приручить его было делом Пери, так как ей было что терять, а вместо этого она просто добилась от него рычания.

Когда мы уходили, Пери выглядела так, словно в ней бушевал огонь, готовый пожрать всех, кто рядом. Щеки ее и обычно жемчужно-ясный лоб сейчас алели, словно ее била лихорадка, от ее тела исходили волны жара. Я не смел дотронуться до нее даже случайно, из страха, что ярость ее обратится на меня.

Когда мы уже шли садами, вдалеке от злобных сплетников, Пери заговорила, путаясь в словах:

— Как он смеет заявлять о своем царственном *фарре!* *Фарр* остается с тем, кто заслуживает его больше всех! — выдавливала она сквозь стиснутые зубы. — И мы еще увидим, кто это...

— Мы уже знаем — это вы.

Пери вздохнула:

— Мне даны все орудия правителя — кроме слепого и тупого орудия, которое, оказывается, значит все, — и никаких возможностей. Когда я читаю хроники, мои желания выглядят вовсе не исключительными. Чингисхан возводил своих дочерей на трон во всех уголках империи, и они правили его именем. Наши предки-кызылбаши давали женщинам куда больше свободы, потому что жили кочевой жизнью. Эти обычаи, увы, погребены, и наши женщины с ними.

— Во многих местах то же самое, — ответил я. — Однако Британией двадцать лет правила женщина, ибо ее отец не оставил мужского потомства.

— Не совсем так, — поправила Пери. — У короля Генриха был один или два сына, но родились они не от той женщины, на которой ему позволено было жениться. Что за дурацкое обыкновение — отрицать отцовство собственного ребенка!

— Это очень стесняет, — согласился я.

— Но для Елизаветы это было преимуществом. Мы тут буквально тонем в наследниках; десятки жен, побывавших в постели моего отца, времени зря не теряли. Моя единственная возможность — быть советницей при одном из его взрослых сыновей или править до его совершеннолетия, что меня бы устроило больше.

— Вы были бы замечательным правителем, — вздохнул я, — но должен признаться, что узнал это, лишь служа вам. Достойная повелительница, я привык считать, что мой отец значительнее матушки. Когда я начал бывать при женщинах царского рода, я увидел, что они превосходят мужчин в уме и изобретательности.

— Как ты хорошо это понимаешь! Иногда я чувствую себя единственным существом своего вида, ропщущим из-за того, как создан мир и каково мое место в нем. Но ведь я то, что было создано окружающими!

Черные глаза стали прозрачными, как пруды, и я почувствовал, что могу заглянуть прямо в темное одиночество ее души, напомнившее мне мое собственное.

— Госпожа моей жизни, — тихо ответил я, — принимаю все ваши трудности всем моим сердцем.

Ладонь ее легла на мою руку.

— Знаю, — сказала она. — Как интересно, что мне прислали тебя: я никогда не ожидала бы встретить такое сродство в евнухе.

Нежный бутон в моем сердце распустился, лепестки его развернулись так быстро, что груди стало больно.

— Помнишь, когда месяцы назад я спросила тебя, как тебя оскопили? Я знаю, что ты тяжело страдал. Однако в себялюбии своем я рада, что судьба твоя такова, ведь иначе я никогда не узнала бы тебя так, как смогла. Каким бесценным алмазом ты оказался! Как ясно сияешь!

знаком величайшей щедрости было то, что она одарила меня этой хвалой после того, как была жестоко унижена шахом. Чувства, которые я никогда не смел явить, обожгли мои глаза. Не осуждая или унижая меня за то, чего я больше не имел, она впервые оценила меня за все, что я знал и мог. Понимание, бездонное, словно колодец, возникло между нами.

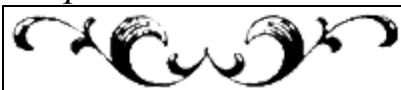
Очень ласково Пери предложила мне вернуться в мое жилье и подкрепиться вечерним чаем.

ГЛАВА 5

КРОВАВЫЕ СЛЕЗЫ

Одним из подданных Зохлака был кузнец по имени Каве, каждый день усердно работавший в кузнице, дабы прокормить семью из восемнадцати сыновей. Каве был счастлив, пока Зохлак не принялся требовать от каждой семьи дань в виде молодых мужчин, чтоб кормить голодных змей на своих плечах. Сокровища Каве, его сыновья, теперь делали его несчастнее других. Он смотрел, как их уводят одного за другим, и каждый раз им дробили голову, а мозг отдавали змеям. Кипела кровь Каве, но что он мог сделать? Никто не смел ослушаться приказа царя.

А во дворце покой Зохлака не переставали тревожить страшные сны о Ферейдуне и чувство, что его правление несправедливо. Однажды он решил написать историю своего царствования, которая обелила бы его раз и навсегда. Приказал он своим писцам составить воззвание, описывающее его как образец справедливости во всем. Затем повелел вельможам своего двора подписать его. И снова никто не посмел ослушаться его приказа.

Дни становились темнее, холоднее и короче, а в гареме установился новый порядок. Султанам, отныне говорившая в ухо шаха, была главной, а его новые жены делили власть следом. Пери, которая теперь прочно отождествлялась со своим покойным отцом и прошлым, не принималась в расчет. Больше не советница шаха и не защитница династии, она была отодвинута на роль женщины в немилости, обреченной сражаться за значимость хоть в чем-нибудь. Теперь она не отличалась от множества придворных, жаждавших вернуть себе расположение после изгнания. Но если Исмаилу суждено было править долго, ожидание могло затянуться.

Когда кто-то терял благоволение шаха, обычным делом было искать союзников, которые помогут это благоволение вернуть. Союзники могли донести о раскаянии оскорбителя и попросить о снисхождении, или молить о милости, или подсказать способ

умиротворить шаха. Они могли подметить минуты, когда его можно было бы смягчить, во времена везения или религиозных празднеств, возрождавших чувство щедрости. Ждать ответа на такие прошения можно было месяцами и годами, и требовалось умение терпеть наказания. Но я не терял надежды. Остаджлу снова стали лучшими друзьями шаха. Значит, и нам может повезти, главное — терпение.

— Повелительница, будьте терпеливы, — объяснял я Пери. — Я сношу ту же холодную зиму. Лучшее, что мы можем делать, — это вербовать помощников, чтоб создать оттепель.

Отчасти я говорил это, чтоб утешить и себя. Пока Пери настолько неблагополучна, моя новая служба в качестве ее визиря не дает мне доступа, на который я рассчитывал, оставляя в неведении и неустойчивости.

Тогда Пери проводила долгие часы за письмами, связываясь с родственниками и придворными по всей стране, чтоб знать о тамошних событиях, и посылая прошения тем, кто мог помочь. После того как она попросила поддержки у сводной сестры Гаухар, вышедшей замуж за мирзу Ибрагима, та открыла ей, что, несмотря на поддержку Ибрагимом Хайдара, его пригласили ко двору с ежедневным посещением шаха и назначили хранителем Драгоценнейшей из печатей. Она обещала поговорить с Ибрагимом и дать знать Пери, если появится какая-то возможность смягчить шахское сердце. Гаухар была очаровательно непочтительна: навещая Пери, она спела ей песенку, сочиненную Ибрагимом, про Шамхала-Подлизу, Шокролло-Сказал-Нет и Шаха-Колебало. Пери хохотала, как она сказала мне, до того, что чуть не подавилась ломтиком айвы.

Царевна и я пришли к согласию, что Шокролло-мирза как великий визирь — большое препятствие. Вдобавок к тому, что он порицал ее в присутствии шаха, он не был ни полезен, ни умен. Исмаилу нужен был умный помощник, чтобы возместить его собственную слабость. Пери начала делать то, что всегда делали женщины двора: тихо подготавливать смещение чиновника, не нравящегося ей, и замену его своим человеком.

Мы решили, что разумно будет продолжать двигать мирзу Салмана. Пери попросила меня навестить его и узнать его мнение, но, прежде чем я успел, он прислал записку с просьбой о встрече, несмотря на то что шах недвусмысленно запретил знати посещать

царевну. Только ее братья и дяди были исключением, потому что были ближайшими родственниками.

По свою сторону занавеса мирза Салман рассказал нам, что он был вновь утвержден главой шахских мастерских.

Мы все чувствовали, что он заслуживает лучшего. Он также рассказал нам, что дворцовые дела в застое: многие управители провинций так и не назначены, Советы справедливых почти бездействуют, мятеж в Хое оставлен без внимания. Около часа мы втроем прикидывали, с кем связаться и что именно им следует сделать, дабы бросить сомнения на деятельность Шокролло.

— Ах, повелительница, я тоскую по вашему замечательному управлению, — сказал мирза Салман, собираясь уходить.

— Благодарю вас, — отвечала она. — Я мечтаю преобразить двор, сделать его не тем жестким и сверхблагочестивым, как при моем отце, не той вялой площадкой для игр, которую предпочитает Исмаил, но тем, где возродится славный век, давший столько великих поэтов и мыслителей — Хафиза и Руми, Авиценну и Хайяма. Такой век требует процветания, мира и терпимости. Все это возможно, клянусь.

Она говорила, а мышцы моих рук сводило ознобом — воздух был колюч и холоден.

— Это равно обещанию рая. — Глаза мирзы Салмана заблестели.

— За это стоит умереть, — добавил я.

Покои Пери всегда были полны людей, но после того, как она попала в немилость, они были жутковато тихи. Я мог проводить больше времени на ее половине, помогая ей сочинять письма и обсуждая действия по ее возвращению. Иногда в холодные дни мы делали корей — набрасывали одеяла на столик и согревали пространство под ним жаровней с тлеющими углями. Потом засовывали ноги под одеяла — о-о-о, джоон! — и читали друг другу стихи, в том числе и наши собственные. Пери открывалась мне больше, чем прежде, рассказывая о главных печалях своей юности — гибели любимой кобылы, смерти обожаемой тетушки Махин-бану, но более всего о своем страстном желании вернуть Ирану былое величие. Я начинал чувствовать, когда мы оставались одни, что здесь не просто хозяйка и слуга, — мы были хомра, спутники на одной дороге.

Однажды Пери призналась в страхе, что Исмаил может потребовать Марьям, ее лучшее сокровище, дабы наказать еще сильнее. Ее глаза смягчились, когда она говорила о Марьям, и это дало мне смелость спросить о ней.

— Как она впервые удостоилась вашей милости, повелительница?

— Отец ее предложил девочку двору, потому что их у него было восемь и никакого приданого. Мне тогда было пятнадцать, и я уговорила моего отца взять ее. Пять лет ее учили причесывать, а после Марьям поступила ко мне на службу. Прежде чем я поняла это, она меня околдовала.

— А вы ее.

Прелестный румянец выступил на щеках Пери.

— Я сделала ее богатой, но она говорит, что все богатства мира — подле меня.

Она светилась от удовольствия, произнося это, а я подумал, как часто ей приходится встречать лжецов, притворяющихся, будто любят ее. Я радовался, что она не слепа, как множество других придворных, и различает подлинные чувства.

— А что с ее сестрами?

Пери с любопытством взглянула на меня:

— Хвала Господу, она обеспечила шесть из них отличным приданым.

— Повелительница, сознаюсь, что есть кое-кто, кому я мечтаю помочь точно так же, — пробормотал я.

Мое сердце изнемогало, когда я рассказывал ей о Джалиле и показывал одно из писем сестры, которые держал во внутреннем кармане. Пери проглядела письмо и достаточно заинтересовалась, чтобы зачитать вслух ту часть, где Джалиле восторженно описывает свои чувства от стихов Гургани.

— Какое разумное дитя! Конечно, для тебя в мире нет никого важнее.

— Кроме вас, повелительница моей жизни.

Она не обратила внимания на мою лесть, что меня даже обрадовало.

— Как странно, что и тебе тоже приходится жить вдалеке от любимого ребенка.

— Это кинжал в моем сердце. Мое наизаветнейшее желание привезти Джалиле сюда, на службу в гарем, если вы считаете, что когда-нибудь найдется подходящее место...

Я ждал с трепетом, понимая, что прошу о величайшем одолжении. Глаза Пери исполнились сочувствия.

— Я постараюсь исполнить твою просьбу, но не сейчас. Это будет неразумно, пока я не верну расположение шаха.

Мое сердце воспрянуло с новой надеждой, и я написал двоюродной сестре матушки немедля, сообщая новость. Я волновался, что это письмо слегка преждевременно, и все же мне так хотелось хоть чуточку скрасить долгое изгнание Джалиле, что я послал его. Теперь я удвою свою усилия, помогая восстанавливать репутацию Пери.

В самую долгую ночь года женщины гарема допоздна остаются вместе, рассказывают истории, едят суп, угощаются зернами граната и сладостями, празднуя скорое возвращение света. После того как все наконец укладывались, я обычно прокрадывался в теплую постель Хадидже. Даже теперь, когда мне это уже было недоступно, наступление самого короткого дня года заставляло меня жаждать ее.

Вымывшись, я надел шапку, обшитую мехом, и теплый халат, чтобы не замерзнуть. В дворцовых садах мое дыхание клубилось перед лицом белым облачком, и все прохожие выглядели так же. Чтобы согреться, я засунул руки глубоко в рукава. Голые деревья покрывал снег, цветы давно исчезли, кусты обрезали. С дорожек снег был сметен, обнажившаяся земля промерзла, и вскоре я почувствовал, как холод пробирается в мои кожаные туфли.

По пути к Хадидже я миновал женщину, напомнившую мне Фереште, мою исчезнувшую любовь. У нее были огромные темные глаза и рот словно крупный бутон розы — рот, которым я так восхищался в юности. Меня охватила тоска по нашим дням вместе и мысли о том, что же с нею стало.

Тогда это было откровением — показывать Фереште все мое тело и изучать с восторгом кочевника, пробирающегося новым перевалом, каждый уголок ее тела. Это она мне первой объяснила все таинства женского цикла. Без всякого стыда она показала мне свою кровь. Без всякого стыда она бралась за мой *кирр*. От слов соитий, которыми она пользовалась, мои непривычные уши багровели, а потом я отвердевал,

словно палаточный шест. Я никогда больше не знал женщины, которая была бы так же откровенна. Я все еще надеялся когда-нибудь встретить ее и рассказать ей о моей странной судьбе.

Я вошел в дом Хадидже, поздоровавшись с евнухом-стражем. Толстые стены почти не пропускали холод, а комнаты обогревались жаровнями на древесном угле. Даже при этом я не снял верхней одежды и быстро выпил горячий чай с кардамоном, который подали, как только я вошел.

Пряности разогнали мою кровь, и сердце в груди застучало быстрее. Через некоторое время из комнаты Хадидже вышла швея, неся на вытянутых руках новые шелковые платья, сколотые булавками, чтоб обозначить изменения. Меня впустили, и Хадидже церемонно поздоровалась со мной. На ней было лиловое платье, оттенявшее ее кожу так, что та казалась темным атласом. Ее скуластая прислужница Насрин-хатун смерила меня оценивающим взглядом.

— Твой приход к счастью, Джавахир-ага, — так же церемонно сказала Хадидже.

— Благодарю вас, — ответил я. — Мне хотелось бы рассказать вам о судьбе Рудабех, женщины, которой я просил вас помочь в прошлый раз. Она написала моей госпоже из Хоя и сообщает, что ее случай наконец рассмотрели в суде.

— Прекрасная новость, — сказала Хадидже.

Я потерял руки и вздрогнул, словно все еще мерз. Хадидже повернулась к своей прислужнице и сказала:

— Присмотри, чтоб нашему гостю сварили горячий кофе.

— Чашм.

Насрин отправилась выполнять свои обязанности, оставив нас одних, — евнуха можно было не считать, он сидел вне пределов слуха, у дверей. Кофе, в отличие от чая, всегда булькавшего в самоваре, следовало подавать только что сваренным. Это давало нам больше времени.

Когда мы наконец остались одни, Хадидже вздохнула с облегчением. Я подумал о ее тамариндовой коже — как она когда-то была словно теплый мед под моими пальцами.

— Как ваши дела? Вы прекрасны, как луна.

— Я в порядке, — тихо ответила она, — но не так, как была.

— Новые жены?

— Не просто это, — сказала она. — Я остаюсь с ним реже, потому что у него все новые женщины, и мои возможности зачать его ребенка уменьшаются...

— Но вы же едва начали!

— Да, но чем больше его отвлекают, тем реже он появляется и тем слабее мои надежды.

Я не мог спорить с ее доводами, но все же сказал:

— Ваши, моя лунолика? Вам нет равных.

— Ах, есть, — вздохнула она. — Ты не поверишь, что уже случилось и почему я так боюсь.

Она потерла нос таким милым жестом, что мне захотелось тут же обнять ее.

— Хадидже, душа моя, что такое? — У меня просто вырвались эти ласковые слова.

— Она беременна!

— Кто?

— Махасти, рабыня, которую он взял, как и меня, во временные жены. Она из этих, соломенноволосях с Кавказа, чью красоту так превозносят.

— Так у нее уже ребенок?

Недавняя мука снова наполнила ее глаза.

— Откуда вы знаете?

— Мои прислужницы говорили с ее девушками. Ее тошнит каждое утро, но в обед она ест, как голодный зверь. У нее совершенно явно растет живот, в хаммаме она жалуется на боли в грудях, а служанка ее хвастается так, что непонятно, как она еще не сглазила это дитя.

— Это очень рискованно с ее стороны.

— Но почему не я? Я же была с ним дольше всех!

— Запомните: когда другие жены забеременеют, он будет ваш целыми ночами.

Мое сердце плакало кровью, когда я утешал ее, стараясь притворяться, будто говорю искренне. Я был вознагражден слабой улыбкой, засветившейся на ее лице.

— Об этом я не подумала, — призналась она.

— Хадидже, кто же не захочет вас?

Она снова улыбнулась, но печальнее:

— А о беременности он вам что-нибудь сказал?

— Ни слова, но он без конца говорит, как жаждет наследника, подобно всем мужчинам.

Я постарался сохранить лицо невозмутимым, но слышать это от Хадидже было словно получать кинжал в сердце. На секунду представил себе, как выглядело бы дитя наших чресел, и кудрявый малыш с проказливым смехом заплясал в моей голове, муча меня.

— Прости меня, пожалуйста, — поспешно добавила она.

— О, что вы. — Вряд ли стоило обсуждать это с нею, и следовало поторопиться, пока ее прислужницы нет.

— И это не единственная новость. Звездочеты говорят, что дитя будет мальчиком.

— Вам надо сделать себе амулет — вы ведь в этом разбираетесь.

— Я ежедневно встаю лицом к Мекке и лью воду на голову. Составляю лекарства в помощь плодовитости, добавляю туда толченый рог носорога. Все равно молись за меня. Если тебе случится быть в храме, непременно шепни святому о моем деле.

Мне стоило всех остатков доброты сказать: «Я обещаю». Она светилась такой надеждой, что я и сам был рад поднять ее дух.

— Пока не вернулась ваша прислужница, я должен спросить — не говорил ли он чего-нибудь о царице?

— Нет, он не упоминал ее имени, — ответила она, — но он все время боится, что кто-нибудь его свергнет. Раздеваясь на ночь, он отстегивает саблю и кинжал, кладет их на расстояние вытянутой руки у постели, чтоб сразу найти в темноте.

— Не могу его винить.

Хадидже пододвинулась и зашептала:

— Однажды среди ночи я встала попить, а когда вернулась, он бросился на меня, нащупывая кинжал и крича: «Убийца!» Ворвалась стража, но тут он наткнулся на мои груди под рубашкой и понял свою ошибку. Его глаза были безумными, как у бешеного пса, и он отругал меня за то, что я ввела его в заблуждение. Испугалась я так, что, когда он заснул, я просто вжалась в него, чтобы он не забыл, что я тут, и не сомкнула глаз весь остаток ночи. — Она содрогнулась.

Исмаил все еще так боялся за свою безопасность, что едва не убил мою милую Хадидже! Мне пришлось спрятать руки поглубже в рукава, чтобы подавить жажду придушить его.

— Бедная моя! — выдохнул я. — Если с вами что-то случится, то мне...

Хадидже взглядом сдержала меня.

— Все это очень странно, — добавил я. — Служащие казначейства считают и пересчитывают серебро, боятся, что одной монеты не хватит. Некогда лихие разбойники так его боятся, что перестали грабить путников. Даже вожди кызылбашей не бунтуют.

— Каждый день, пока Исмаил был в тюрьме, он ждал, что его казнят. Ничего не изменилось. Полагаю, что собственной родни он боится больше всего.

— Но вас-то он не боится. Иначе не оставлял бы кинжал так близко.

Через секунду вошла Насрин с кофе на серебряном подносе. Я поблагодарил ее, сказав, что буду рад наконец изгнать стужу из крови, и выпил кофе несколькими глотками.

— Да не заболят никогда твои руки! — пожелал ей я.

Кофе у Хадидже подавали прекрасный. Я поел сластей из рисовой муки и фисташек — приготовленных самой Хадидже, судя по тому, как они щипали язык, — а затем притворился, что мы продолжаем говорить о Рудабех.

— Ну и в завершение истории, ей вернули в собственность дом. И она так рада, что прислала вам подарок.

Я развернул ткань, украшенную маками и розами. Они были вышиты на светлом полотне, работа была очень тонкая, настолько, что невозможно было различить отдельные стежки.

Хадидже тронула материю:

— Какие искусные пальцы! Пожалуйста, передай мою благодарность Рудабех и скажи своей повелительнице, что я всегда рада помочь женщине в трудностях.

— Непременно, — сказал я. Затем, сославшись на то, что и так отнял у нее много времени, распрощался.

Теперь меня терзали заботы о Хадидже. Что, если бы шах напал на нее прежде, чем опомнился? Разум его еще более пострадал, чем мне казалось, и его ночные страхи тому доказательством.

Когда я впервые вошел в приемную мирзы Салмана как визирь Пери, то осознал, что подбираюсь к вершине своей карьеры. Комната

была полна кызылбашской знатью и прочими высокопоставленными придворными. Люди входили и выходили из его комнат безо всякой спешки, с деловитостью, понравившейся мне. В силу моего нового положения меня провели туда почти сразу.

Мирза Салман работал в маленькой, изящно убранной комнате с двумя арочными нишами по бокам, где сидели двое писцов с досками на коленях. Один из них заканчивал бумагу, а второй ждал своей очереди. Мирза Салман поздравил меня с назначением, а я поблагодарил его за прием. Потом сказал, что Пери велела передать ему грустное известие: двоюродный брат Ибрагима, Хоссейн, скончался неожиданно в Кандагаре, оставив провинцию без губернатора. Шах удостоил чести Ибрагима и Гаухар, посетив их и выразив соболезнования, но запретил им носить черное.

Мирза Салма нахмурился:

— И дальше?

— Хоссейн правил Кандагаром как единоличный властитель. Были слухи, что он может взбунтоваться, пойдя на союз с узбеками.

— А теперь Хоссейн мертв, — проговорил он, — и у шаха нет никаких причин быть добрым к Ибрагиму...

Мирза Салман имел быстрый разум.

— Этого царевна и боится. Она написала Ибрагиму и Гаухар, что советует им оставить город особенно потому, что они поддерживали Хайдара. Она хочет знать, поможете ли вы им.

— Я постараюсь.

— Одновременно Пери попросила дядю поспособствовать вам. Он пока в силе у шаха и поищет возможностей как-то вас продвинуть.

— Спасибо.

— Мне всегда приятно услужить.

Мирза Салман пристально разглядывал меня. Вероятно, прикидывал, что я теперь значу как визирь Пери.

— Ты говоришь так, будто так и думаешь.

— Так и думаю.

— Твое самопожертвование все еще обсуждают при дворе как образцовый поступок. Необычно значительного дара ты удостоил трон.

— Куда большего, чем вы могли бы вообразить, — пошутил я.

Мирза Салман рассмеялся, но и слегка вздрогнул. Он смотрел на меня как на непредсказуемого хищника с острыми клыками, взглядом, смешавшим любопытство и ужас.

— С такими яйцами тебе, наверное, следовало стать воином.

— Эта работа мне больше по вкусу.

— А я всегда мечтал стать полководцем, — сказал он, и я вдруг заметил, что одну из стен он украсил старыми боевыми знаменами. — Но чиновники вроде меня всегда сливуют мягкотелыми.

Я издал приличествующие звуки несогласия.

— Ну, теперь, когда твоя звезда восходит, я за тобой присмотрю, — добавил он.

— Благодарю вас, — поклонился я, соображая, смогу ли разжиться у него какими-нибудь сведениями. — Мне всегда хотелось сделать былью мечты моего отца, особенно после того, что с ним случилось.

— Помню твоего отца, — откликнулся мирза Салман. — Хороший человек, верный престолу. Я полагаю, что его сбили с пути скверные люди.

Я почувствовал, как под мышками собирается испарина. Сердце забилось быстрее, в голову хлынули вопросы, но я скрыл свои чувства.

— Наверное, вы правы, — кивнул я. — Вам известно, кто его сбил с пути?

— Нет.

— Само собой, мне всегда хотелось знать больше о том, как он погиб. Нам никогда не говорили.

Изо всех сил я старался не показать чрезмерного интереса.

— А в дворцовых летописях ты смотрел?

Очень быстро я прикинул, как заставить его разговориться.

— Там лишь беглое упоминание о счетоводе, который убил его, — солгал я. — Я много раз слышал, что ваша память превосходит память обычного человека.

Мирза Салман был явно польщен и задумался на миг.

— Такая обычная фамилия... Исфакхани? Кермани? Погоди чуточку... Ах да! Кофрани, вот как. Если я не ошибаюсь, имя его было Камийяр.

Наконец-то есть имя! Я продолжал игру:

— Какая у вас память! А как вы узнали о его участии?

— Дворцовые слухи, кажется. Все было так давно, не помню от кого.

— Его отправили в отставку?

Мирза Салман пристально взглянул на меня:

— Увы, он отошел к богу через несколько лет после ухода с дворцовой службы.

Я уже поздравлял себя с тем, что заманил мирзу Салмана в ловушку, но теперь понял, что он слишком старался не ошибиться: вряд ли он назвал бы имя убийцы, будь тот жив.

— Да обретет он свою истинную награду.

— А ты хотел бы отомстить за себя, не умри он прежде? — поинтересовался он. — Он был прекрасным человеком. Я бы не удивился, если бы он думал, что прежде всего защищает шаха.

Мгновение я решал, что лучше — предстать перед ним свирепым или смиренным. Ради безопасности Пери я избрал первое.

— Но я бы его зарезал.

Мирза Салман не был наивен, однако тут он уставился на меня, словно на бешеного пса, что может напасть без причины.

— Но если он убил моего отца по ошибке, я отсекаю бы ему его мужское достоинство и сказал бы, что мы квиты, — пошутил я.

Мирза Салман принужденно рассмеялся:

— А знаешь, почему его не наказали?

— Нет.

Глаза его метнулись в сторону, и я почувствовал, что он знает больше, чем говорит.

Поблагодарив его, я вышел, а во мне гремело имя, которое он вонзил в мое сознание. Камийяр Кофрани. Убийца моего отца. Уродливое имя, и человек наверняка был такой же. Но хуже всего, что он мертв, а мирза Салман подтвердил вину моего отца. Теперь я не мог ни требовать его оправдания, ни отомстить его убийце. Спустя столько лет я наконец отыскал недостающий камешек в мозаике моего собственного прошлого, но слишком поздно для того, чтоб что-то сделать.

В тот вечер я с нетерпением дожидался, когда Баламани закончит работу, чтоб рассказать ему узнанное. Я жаждал сладостного

облегчения довериться другу и надеялся, что он сможет добавить ясности в происшедшее. Но в обычное время он не появился.

Проходили часы, луна взошла, а Баламани все не было. Я принялся читать «Шахнаме», подаренную Махмудом, и ее точные рифмы долго помогали мне бодрствовать, пока наконец сон не победил и книга не упала на грудь. Когда Баламани вошел в нашу комнату, рассветало. Он снял верхнюю одежду и уселся на постель. Его лицо было измученным.

— Что случилось?

— Одна из беременных шахских женщин потеряла ребенка несколько часов назад. Она больна от горя.

— Махасты?

— Нет, другая рабыня. Потеряла и много крови. Мы посылали за врачом и женщиной, просвещенной в религии, чтоб ее утешить.

— Ужасное известие.

— Потом мне пришлось отправиться в покои шаха и ждать, пока он не проснется, чтоб сообщить ему о случившемся.

Баламани выглядел печальнее, чем можно было ожидать.

— Что тебя так тревожит?

Он повалился на одеяло.

— Пока женщина мучилась, меня охватили воспоминания о смерти моей матери. Мне было года четыре. В дом вошли несколько женщин и выставили меня из ее комнаты: я помню ее ужасающие вопли. Никто мне не рассказывал, что случилось тогда, но теперь я полагаю, что моя мать умерла родами. Сегодня у меня было странное ощущение, будто я один из стоявших рядом с ее смертным ложем. Иногда я чувствую, что все мгновения моей жизни существуют одновременно: будто я живу сразу и в прошлом и в настоящем.

— Да сохранит Бог души твоих родных в своих нежных дланях.

Он вздохнул:

— Тебе повезло иметь сестру. Вспоминая о моих потерянных родичах, я удваиваю жертвования на сирот Казвина. Теперь расскажи мне о своих делах. Почему ты так рано проснулся?

Я уселся:

— Баламани, я наконец узнал имя убийцы моего отца. Его звали Камийяр Кофрани.

— Ты говоришь о том счетоводе? Но как ты узнал? — Похоже, он не слишком удивился.

— Мне сказал мирза Салман.

— А ты уверен, что это именно тот человек?

— Ты считаешь, что мирза Салман может лгать?

— Лгать может любой.

Ответ показался мне очень странным.

— А что же Кофрани — он был верным слугой?

— Да. Одним из лучших.

Мне это не понравилось.

— А его дети?

— У него было три мальчика. Один умер, но я совершенно уверен, что двое других служат правителю Ширази, имеют жен и детей.

— Которых у меня никогда не будет. Надеюсь, они сгорят в аду. — Я подозрительно взглянул на него. — Откуда у тебя столько сведений о них?

— Джавахир, ты же помнишь, что я знаю почти все семьи, служившие при дворе за последние пятьдесят лет.

Я сдернул одеяло с такой яростью, что оно слетело на пол.

Баламани стянул с плеч остальную одежду и забрался в постель.

— Друг мой, мне понятно, что ты разгневан. Но раз человек мертв, что ты сделаешь?

Я смотрел на него из своего угла:

— Отличный совет, если твой отец не убит и тебе не надо ничего с этим делать.

— Вспомни, я ведь тоже потерял отца. Или это он меня потерял из-за охотника за рабами. Но я не трачу время, пытаюсь выследить торговца, отсекавшего мой восьмилетний членник и продавшего меня во дворец.

— Это было неправильно?

Он фыркнул:

— Если было бы правильно, мусульмане кастрировали бы собственных сыновей вместо покупки оскотенных индусов и христиан.

— И ты не злишься?

— Все не так просто. Если бы я не потерял свой *кирр*, я бы никогда не лакомился кебабом, не жил во дворце и не носил бы шелк.

Моя семья была беднее грязи.

— Баламани, перестань наводить тень.

Сочувствие наполнило его взгляд.

— Мой юный друг, тебе придется простить не убийцу твоего отца.

— А кого же тогда?

— Себя самого.

— За что?

— За то, что ты сделал.

Ярость поднялась во мне.

— Все эти годы я думал, что ты хочешь мне помочь!

— Я и хочу, — ответил он, и впервые за то время, что я мог припомнить, он говорил не то, что думал.

Гневное молчание охватило меня. Баламани повернулся к стене и захрапел прежде, чем я придумал, что сказать.

Несколько суфиев встречались по четвергам, чтобы через кружение сделаться ближе к Богу. Время от времени я посещал их *сама*, чтобы насытиться умиротворенностью обряда. После того, что узнал о своем отце, я решил обойтись без обычного вечернего досуга, к которому у меня не было расположения, и отправиться на *сама*. Отправив известие Пери, что болен, я выбрался из дворца через боковой вход.

Суфии собирались в большом здании с окнами высоко под крышей, отчего в зале царил полумрак, словно под огромным каштаном. Поздним вечером я добрался туда после начала церемонии. Мучительные звуки флейты рождали желание тростника соединиться со своим творцом, а меня погружали все глубже в воспоминания об отце.

Я уселся на подушку и наблюдал, как кружатся суфии. На них были длинные белые рубахи, подпоясанные по талии, белые шаровары и высокие темные колпаки, а их наставники создавали музыку, помогавшую им искать путь в духовном странствии. С поразительной скоростью вращались суфии на одной ноге, как на оси. Чтоб не терять равновесия и впивать Божественную силу, одну руку они воздевали и держали к небу ладонью, а другую обращали к земле ладонью вниз. Кружились они очень долго, вращаясь легко, словно лист в осеннем

ветре. Глаза их будто смотрели внутрь, они как бы ненадолго покидали мир. Белые рубахи плыли вокруг них, как белые розы в шахских садах.

Я взвешивал все тяжести своего сердца. Отец, чья душа взывала о справедливости. Матушка, умершая, не дождавшись восстановления чести семьи. Сестра, лишённая обычного счастья — вырасти с любящими родителями и сородичами. Я думал о своем утраченном мужском достоинстве, о сыновьях, которых у меня никогда не будет. Правильный ли я сделал выбор, если не смог отомстить за отца? Неужели моя жертва была напрасной? Я смотрел на кружащихся суфиев, и мне хотелось кружиться с ними, очищая свое сердце от всех мучений.

Наконец музыка стала медленнее, а люди кружились все тише и понемногу останавливались. Остановившись, приходили в себя и двигались к подушкам, сесть и освежиться чаем и засахаренными фруктами. Выглядели они умиротворенными и счастливыми. Я завидовал их успокоенности. Под бременем ежедневной службы у Пери было так легко забыть, что такое единство между тобой и Богом всегда рядом.

Мужчина постарше, с лицом, изрытым складками, точно каштановая скорлупа, сел рядом. Я поздоровался и спросил его о здоровье.

— Что беспокоиться обо мне! — сказал он. — Мир идет к концу! А все из-за овцы.

— Правда, отец? И как это?

— Овца заболела, — ответил сосед. — Она упала, выпрямив ноги, заострившие настолько, что не смогла больше стоять.

— Ваши загадки слишком глубоки для этого скромного разгадчика. Как это предсказывает конец света?

— Никаких загадок, сынок! Не для тех, кто знает правду.

Я сделал вид, что слежу за мальчиком, разносившим чай.

— Мы все в ничтожестве, — настаивал старик, и его морщинистое лицо было печально-сосредоточенным. — Все мы.

— Отец, могу я предложить вам чаю?

Привстав, я хотел подозвать мальчика с подносом.

— Мне не нужен чай. Мне нужно исцеление.

Я молча согласился с ним.

— Могу я вам чем-то помочь?

— Остаджлу... — пробормотал он, и я удивленно сел обратно.

— А что с ними?

— Суфии продали им больную овцу, — сказал он, — и теперь они в гневе.

Это было уже проще.

— Почему же знаток не осмотрел ее и почему не выплатить возмещение, если надо?

— Слишком поздно, — ответил он. — Кинжалы вынуты, кровь с обеих сторон пролита.

Я вздохнул:

— Если это была просто стычка, отец, положитесь на Бога, судию всех вещей.

— Бог был на нашей стороне, — прошептал он, склоняясь ко мне, словно к заговорщику. — Наши люди победили остаджлу, которые нам не простили.

— А ваши люди, должно быть, отчаянны, — сказал я, чтоб разговорить его.

— Отчаянны, только их мало. Теперь они скрываются, боясь за свою жизнь. Увы, свету конец!

Он издал жуткий стон после этих слов, но никто вокруг не обратил внимания. Я не отставал:

— И отчего же свету конец?

— Они хотят нас уничтожить! — Он повысил голос, словно впадая в неистовство. — Кто может надеяться выстоять против совместных усилий всех кызылбашей?

— Всех кызылбашей? Но разве это не спор с остаджлу?

— Так, сын мой, но против нас послали всех воинов.

— Неужели? Но кто?

Мальчик с чаем подошел. Старик положил в рот финик и отхлебнул глоток. Я смотрел на него, не зная, правду ли он говорит.

— Великий и единственный, — ответил он, видимо слишком боясь назвать имя шаха Исмаила.

— Но почему он послал их против суфиев?

Пока старик прихлебывал чай, я вспомнил, что суфии считали Колафу своим духовным вождем.

— Они боятся нашей силы, — ответил он.

— Да сохранит Бог ваших соратников.

— Иншалла.

Я допил чай, поблагодарил старика за беседу и быстро ушел. Почему шах счел необходимым воспользоваться ссорой из-за больной овцы как поводом наказать суфиев? Он мог бы наказать кого угодно. И если шах желал, чтоб остаджлу отомстили суфиям в качестве доказательства своей верности, с чего он решил послать кызылбашей? Мне надо было придумать, как собрать эти непонятные и разрозненные осколки в ясную и четкую картину.

Поспешив во дворец, я рассказал Пери все, что узнал от суфия, с удовольствием отмечая по ее глазам, как она впивает новости. Но затем она нахмурилась:

— Я думала, ты болен.

— Был, — поспешно ответил я. — Я пошел на *сама* за целебной силой.

Пери недоверчиво прищурилась:

— Ради твоей же собственной безопасности лучше сообщай мне, чем ты занят.

— Непременно.

Прежде чем мы смогли перейти к обсуждению моего поведения или значения узнанного мною, явилась ее матушка со своими спутницами. Я произнес все приветствия и отступил к дверям в ожидании приказаний.

Царевна поздоровалась с матерью и велела подать угощение, но так ерзала на подушке, что ее недовольство было очевидно.

— Дитя мое, я принесла новости. Помнишь, я обещала тебе вернуться со списком подходящих женихов?

— Помню, но сегодня я занята, — ответила Пери, поморщившись. — У меня сразу несколько дел, куда серьезнее, чем выбор мужа.

— Нет, слушай меня, — сказала мать, устраивая на подушке свои бедра. — Нынче утром я получила письмо от родственницы из Систана, которой я писала насчет твоего двоюродного брата Бади аль-Замана.

Пери вздохнула, и я безмолвно откликнулся ее нетерпению.

— Не беспокойся, я не собираюсь тебе его предлагать, — продолжала мать. — Бади аль-Заман мертв. Его нашли в постели с

кинжалом в сердце.

Глаза Пери затуманились, будто она мгновенно ослепла.

— Боже милостивый!

— И не он один, — добавила мать. — У него был сын, годовалый младенец. Найден задушенным в детской.

Мы все потрясенно молчали. Плечи Азар-хатун поникли, словно на них обрушился удар. Я почувствовал, что мое лицо кривится от невозможности поверить, как и лица стоявших вокруг.

— Какой ужас! — выдохнула Пери. — Что может быть нежнее, любимее и драгоценнее младенца? Что омерзительнее убийства дитяти, через великие страдания подаренного матерью миру? Это невообразимо.

— Да смилуется Бог над его душенькой, — прошептала Дака-черкес.

— Нам нельзя терять способность мыслить, особенно сейчас, когда она нам так нужна, — сказала Пери. — Убийство ребенка подтверждает, что это удар, призванный уничтожить весь род Бади аль-Замана. Кто ответит за это?

— В письме не сказано. Однако ясно, что народ провинции возненавидел правителей-кызылбашей и намерен выдвинуть своего правителя.

— Значит, нам придется разбираться еще одним бунтом.

— Боюсь, что так.

Взгляд Пери встретился с моим, и я мгновенно понял, чего она боится.

— У кого есть известия от других царевичей за последние дни?

— У меня нет, — сказала Дака.

— Джавахир, немедленно отправляйся проведать Ибрагима и Гаухар.

Я поспешно выбрался из дворца и зашагал вниз по Выгулу шахских скакунов к дому Ибрагима и Гаухар. Оставалось надеяться, что найду их целыми и невредимыми. Наверное, мне окажут честь краешком глаза увидеть их знаменитую библиотеку, включавшую тысячи книг, в том числе и бесценную рукопись стихов Джами, создававшуюся десять лет.

Мне не позволили даже войти во двор. Вооруженные люди остановили меня и сказали, что Ибрагим под домашним арестом.

Задыхаясь, я вернулся в дом Пери, где меня встретили громкие рыдания. Мать Пери прильнула к ней, заливаясь слезами. Пери обнимала ее, стараясь успокоить.

— Что случилось? — спросил я Масуда Али, чьи зеленые глаза совсем потемнели от страха.

— Сулейман, брат Пери, мертв, — прошептал он.

Я в ужасе отшатнулся.

— Сводные братья, Имамкули-мирза и Ахмад-мирза, тоже найдены мертвыми в своих покоях.

Им было всего тринадцать или четырнадцать. Я сполз на подушку, и вдруг у меня в мозгу прояснилось, будто крохотные разноцветные черепки сложились в мозаичную картину. Пока кызылбаши занимались войной с суфиями, царевичей некому было защитить и Исмаил без труда мог приказать остальным вельможам казнить, кого ему хотелось. Я был благодарен Богу, что Махмуд жил в далекой провинции, в самом сердце Кавказа, но эти новости переполнили меня ужасом, и я решил немедленно его предупредить.

— Отчего Бог посылает мне столько горя? — в слезах причитала Дака. — Сначала муж, затем мой единственный сын. Я не выдержу следующего. Какая женщина утратила больше?

— Или какая из дочерей? — ответила Пери. — Сколько смертей еще надо увидеть?

— Дитя мое, ты еще так молода и уже столько перенесла! — Дака провела пальцами по сухим векам Пери, нащупывая влагу. — Почему ты не скорбишь?..

— Ливень из черных туч льет в моем сердце, — прошептала Пери. — Погода во мне такая, какой никто еще не видел. Но я не позволю себе сломиться, когда могу помочь царевичам, которые пока живы.

— Мое бедное дитя! — Ее мать согнулась в рыданиях.

— Матушка, я должна выстоять.

Глаза Пери нашли меня, без слов умоляя о целебном бальзаме хороших вестей.

— Что ты узнал?

У меня свело внутренности от желания утешить ее.

— Шахская стража стоит перед домом Ибрагима, но я думаю, что он еще жив.

— Так, Джавахир, мы должны найти кого-то, кто поможет нам защитить его.

— Да, и остальных детей шаха, — быстро добавил я, — например Махмуда.

Я поперхнулся, выговаривая его имя.

Пери велела принести свои покрывала, и я поспешил за нею к высоким деревянным дверям, пока спутницы вели матушку в ее покои.

— Я виновата в том, что думала недостаточно быстро, — говорила мне Пери. — Я же вчера видела, как собирается отряд на Выгуле. Когда ты сказал мне о суфиях, я должна была немедля высчитать. Кто из приближенных шаха может знать все о его намерениях?

— Наверное, никто. Подозреваю, что свои приказы о казнях он отдавал исполнителям по одному.

— Нам надо встретиться с Султанам. Надеюсь, материнское сердце угадывает больше.

Когда мы шли садами, полил тяжелый ледяной дождь, стегавший, словно плеть. Лицо Пери казалось покрытым слезами. Она вытерла покрасневшие глаза, и лишь тогда я понял, что она никак не может запрудить реки своей скорби.

Когда мы вошли в покои Султанам, Пери велела евнуху провести нас к госпоже. Он ответил, что спросит, принимает ли она.

— Это срочно, — сказала Пери. — Мы не уйдем, пока не увидим ее.

— Как пожелаете.

Вскоре нас пригласили. Сошвырнув с ног мокрую обувь перед дверями Султанам, Пери вошла. Я аккуратно составил ее черные, тисненые золотом туфли и оставил рядом свои.

Султанам сидела на подушке, облаченная в черные траурные одежды. Глаза ее покраснели, великолепные седые кудри беспорядочно разбросаны по плечам. Пери поздоровалась с Султанам со всем уважением, полагающимся «первой жене моего почитаемого отца». После ответного приветствия Султанам Пери опустилась на подушку рядом с нею и начала говорить очень тихо и серьезно.

— Знай, что я смирю себя как угодно, лишь бы заручиться твоей помощью, — сказала она. — Пятеро царевичей мертвы, среди них мой

брат, второй под домашним арестом, судьба остальных неизвестна. Твой сын решил уничтожить всю династию?

Глаза Султанам наполнили слезы, а рот искривился — она признавала поражение.

— Хотела бы я знать, что у него на душе, — ответила она. — Этим утром, когда услышала про царевичей, я пошла к нему. Я бросилась перед ним на колени, рвала волосы и умоляла пощадить моего сына Мохаммада Ходабанде и пятерых его детей. Исмаил ответил, что мятеж повсюду и что я должна предоставить ему вырывать злодеев с корнями.

Две женщины обменялись взглядами.

— Я глубоко сочувствую твоей утрате, — добавила Султанам.

— А я твоей. Все ли наследники под угрозой?

— Не все, — ответила Султанам. — После того как я поклялась, что умру от горя, Исмаил обещал пощадить Мохаммада и его детей, пока они вне Казвина. Тогда я послала гонца к Мохаммаду и его старшему сыну Султану Хассанмирзе, предупреждая, что любого незнакомца они должны воспринимать как возможного убийцу.

— Но Мохаммад непригоден для трона, — возразила Пери. — С чего Исмаилу преследовать человека, уже ослепшего?

Султанам вздохнула.

— Ты и не представляешь, как меняются дети, — ответила она. — Они начинают жизнь, присоединенные к твоему телу, а вырастают в совершенных чужаков.

Никто ничего не сказал. А что было говорить, если даже мать шаха не могла найти объяснение его поведению?

— Досточтимая госпожа, — сказал я, — могу я спросить, рискуют ли сестры шаха также пасть жертвами его гнева?

Султанам взглянула на Пери.

— Я не думаю, что он способен повредить женщинам, — сказала она. — Прежде всего потому, что даже самая мудрая из них не может занять его трон.

— Не будем говорить об этом, — прервала Пери, как всегда безразличная к своей собственной безопасности. — Что с другими царевичами?

— Не знаю, — беспомощно отвечала Султанам.

— Но Ибрагим под домашним арестом. Он цвет нашей династии, вы же знаете. Со всем смирением спрашиваю вас: можете ли вы упросить своего сына спасти его?

— Нет.

— Почему «нет»?

— Я уже вырвала уступку у своего сына. Остальное в руках Господа.

Казалось, Пери думает, что Султанам не понимает ее слов.

— Вы видите, что остальным моим братьям и сестрам угрожает смерть?

— Я буду молиться за их безопасность.

— Этого мало.

Султанам оставалась неподвижной и бесстрастной.

— Я сделала все, что могла.

Пери выглядела так, словно в мозгу у нее лопнул сосуд и выбросил всю кровь ей в лицо.

— Мне понадобится более серьезная помощь. Вы царица всех женщин, несущая ответ за здоровье всей династии.

— Длань этого шаха сильнее материнской.

— Мать-царица должна сделать больше, чем только защищать свои интересы, — настаивала Пери. — Подумайте, что сказал бы мой отец, если б узнал, что вы обрекли других его детей могиле!

Султанам была уязвлена:

— Прекрасные слова от женщины, которая отстаивает лишь себя!

— Забудем пока обо мне. Встаньте и исполните свой долг!

— Похоже, ты считаешь, что женщина может все, но это не так. Не забывай, и ты женщина. Невзирая на все твои уловки, женщине трона не получить.

— Кому какое дело, болтается ли что у меня между ногами? — возвысила голос Пери, яростно напрягшись. Она резко встала, прошла к дверям и схватила свои черные туфли. — По крайней мере, я была бы лучшим шахом, чем убийца.

— Но ты не царевич и не его мать, какая от тебя польза? Лучше бы выбрала более подходящую роль, чем та, которой ты никогда не получишь.

Пери споткнулась, будто ее ударили.

Повернувшись, она швырнула туфлю в Султанам так молниеносно, что та не успела даже прикрыться. У меня перехватило дыхание, когда черная кожаная туфля скользнула по волосам Султанам, ударилась в стену и оставила на ней мокрое пятно.

Пери уже исчезла в коридоре, оставив меня ярости Султанам.

— Тысяча извинений за мою госпожу, — торопливо сказал я. — Тяжесть горя помутила ее рассудок. Пожалуйста, простите ее.

Скулы Султанам багровели от гнева.

— Она никогда не научится владеть собой. Ей придется расстаться с головой, если она будет продолжать это.

— Умоляю о прощении, — мертвея, выговорил я. — Могу я устранить оскорбительную обувь с ваших глаз?

Султанам сделала отвращающий жест. Я подобрал туфлю и спросил, могу ли последовать за царевной. Получив разрешение, я метнулся из покоев Султанам. Пери обула лишь правую ногу и так шагала домой через мокрые сады. Земля кое-где уже замерзла, обнаженная нога посинела, но Пери, казалось, не замечала холода. Я протянул ей туфлю, и она надела ее, будто ничего не случилось.

— Что она сказала?

— Что у вас дурные манеры.

— Лучше быть невежей, чем трусом.

Пери была права. Обязанностью Султанам было защитить всех детей и внуков своего мужа, даже тех, что не были плодом ее чресел.

— Мы должны известить вождей кызылбашей, если кто-то из них в городе, и спросить, вступятся ли они за Ибрагима, — сказала Пери. — Надо также разослать самых быстрых гонцов к тем царевичам, что еще живы, и к их охране, рассказать им, что случилось, и призвать их скрыться. Спасем, кого сможем.

Дома она принялась действовать.

— Азар-хатун! — свирепо крикнула она, и главная прислужница вбежала в комнату. Ее проворный шаг был среди тех качеств, которые Пери любила в слугах. — Бумаги, свежих чернил, два калама, вторую доску для письма и горячий кофе, именно в таком порядке, — сказала она. — Бегом!

Азар-хатун с готовностью исчезла, и до нас донеслись ее тихие, но твердые приказания другим слугам.

— Повелительница, мы должны быть осторожными в письмах на случай, если они попадут во враждебные руки. Попробуем написать о царевичах так, словно наша цель — сообщить, что те, кто лишился шахской милости, неминуемо плохо кончат. Так мы не будем выглядеть противостоящими его воле, если письма перехватят.

— Очень разумно, — согласилась она. — Мы будем писать вместе, а потом я подпишу все послания. Мы должны суметь известить столько членов моей семьи, сколько сможем.

Азар внесла серебряный поднос с кофе, и мы выпили его, чтоб укрепить свою стойкость. Я установил доску на бедрах, разгладил лист бумаги и погрузил тростниковое перо в чернила, слегка обтерев о край во избежание клякс. Написав первое письмо как можно быстрее, я отдал его на подпись Пери, затем набросал второе. К полуночи я сложил первые несколько писем к ее братьям в холщовый мешок, отдал его самому надежному гонцу и велел немедля раздать своим людям для доставки.

Всю эту долгую ночь мы писали письма ее родным, прерываясь только на засахаренные фрукты или очередную чашку кофе. Азар следила за тем, чтоб масляные светильники ярко горели, а растопленный воск был наготове, — Пери вдавливала в него свою печать, как только чернила на письме высыхали. Когда у нас уставали руки от писания, Азар усердно растирала их. Она разминала мои кисти, а я, откинувшись на подушку, любовался крошечной родинкой у ее губ. Я чувствовал себя смертельно уставшим и одиноким. Думал я и о том, не пустит ли Азар-хатун меня в свою постель, но ее безразличие говорило, что ей это не нужно.

Первый призыв к молитве донесся до нас, когда запечатывалось последнее письмо. Я быстро написал добавочную короткую записку Махмуду, хотя Пери уже написала ему; я молил его быть осторожным во всем и подписался «Твой любящий учитель».

Глаза Пери глубоко ввалились, и я был уверен, что они — отражение моих собственных.

— Буду молиться, чтоб нам удалось спасти вашу семью, — сказал я.

Восемь ее родных и двоюродных братьев были, как мы полагали, еще живы.

— Иншалла, — отвечала она и затем взглянула на меня с новым сочувствием. — Теперь я узнала больше о мучительной печали, которую ты изведаль еще юным. Смерть всегда уродлива, но убийство члена семьи просто ужасно. О, мое разбитое сердце!

— Повелительница, мне очень жаль, — тихо сказал я. — Поверьте, я понимаю, что утешения не существует.

Я сложил письма в сумку и отправился в очередной поход к начальнику ее гонцов, молясь про себя, чтоб эти послания пришли вовремя и возымели действие.

Несколько часов спустя Пери велела мне снова идти к дому Ибрагима и проверить, что там. Утро было холодное, гололед покрыл землю, я шел по главной улице среди облетевших деревьев. Оставалось надеяться, что шах Исмаил решит явить Ибрагиму свое великодушие. Может быть, в этот раз меня впустят в его дом и я смогу взглянуть на него, чтоб донести до Пери этот подарок.

Когда я подошел, мне стало легче оттого, что стражников-черкесов уже не было. Я постучал тяжелым кольцом, предназначенным для женщин, и одна из служанок Гаухар открыла дверь. Она сказала, что ее госпожа во внутреннем дворе.

— Я не могу тебя проводить, — грубо добавила она. — У меня полно работы.

Я решил, что ее грубость оттого, что стражники перевернули весь дом. Пройдя по коридору через просторную комнату, я увидел множество полок, таких пустых, что в свете раннего утра они казались печальными. Без сомнения, тут и была знаменитая библиотека, но где же книги? Мое сердце сдавило, когда я увидел выпавшие страницы рукописей, на которых остались отпечатки сапог.

Подходя ко двору, я учуял огонь, что было странно для такого времени. Там пылал большой, до самого неба, костер, который поддерживал пожилой мужчина. Гаухар сидела на промерзшей земле, словно последняя служанка, ее спина горбилась под черной накидкой, а печальное лицо освещало скачущее пламя.

— Салам алейкум. Я принес привет от Перихан-ханум, — сказал я.

Гаухар продолжала смотреть в огонь, молчаливая как могила. Меня охватила тревога.

— Моя повелительница спрашивает о вашем здоровье и желает знать, не может ли она чем-нибудь помочь вам.

Гаухар сомкнула веки, и две больших слезы покатались по ее скулам.

— Пери была права. Нам следовало бежать.

Она забилась в таких безутешных рыданиях, которые смягчили бы даже сердце Исмаила.

— Его убили нынче утром, — сказала она, — и у них не нашлось милосердия убить меня вместе с ним.

Какие могли быть слова для такого случая? Можно было только молчать.

Слуга ворошил костер, и к небу взлетали клочки горящей бумаги. Я подумал, что Гаухар пыталась сжечь уличающие документы, но тут я заметил несколько обугленных книг стихов, их страницы уже потемнели и закручивались.

— Ах! — в тревоге крикнул я слуге. — Туда по ошибке попали книги!

Он отвернулся. Гаухар запрокинула голову и жутко захохотала:

— Никакой ошибки.

Я уставился на нее.

— Исмаил не получит их! — закричала Гаухар. Она раскинула руки и замахала ими. — Наконец-то они в безопасности!

— Вы хотите... вы хотите сказать... — Я не мог найти в себе сил задать вопрос. — Где они?

— Я сожгла их.

— Все?

— Все. Кроме этих. — Она указала на обугленные остатки в золе.

Тысячи книг — труд бесчисленных писцов, позолотчиков, художников — стали дымом в одно-единственное утро! Утрата была слишком огромной, чтоб измерить ее.

Ликование Гаухар стихло, когда она увидела выражение моего лица. Рыдания снова сотрясли ее тело с такой силой, что она задохнулась и раскашлялась. Я помчался назад, в дом Пери, и привел несколько евнухов и женщину-лекаря. Она дала Гаухар снотворное питье; выпив его, та сказала:

— Молюсь, чтоб никогда больше не просыпаться.

Среди всей этой сумятицы мирза Салман позвал меня в свое управление, чтоб рассказать, как Салман-черкеса назначили хранителем Драгоценнейшей из печатей шаха, то есть на место Ибрагима. А ведь Ибрагима еще и не похоронили, когда было сделано это назначение. Как быстро меняют любимцев, как быстро стирают все их следы!

Пери вознамерилась посетить своего дядю, чтоб попросить его помочь ей с остальными наследниками. Как хранитель печати, он был теперь одним из самых высокопоставленных чиновников державы.

— Мы не можем думать только о себе или о своем достоянии, — упорно твердила Пери.

Я не понимал, что она имеет в виду, пока она не достала из сундука и не протянула мне часть женского наряда: темный чадор и пичех, чтоб закрыть лицо.

— Когда мы выйдем из дворца, ты должен будешь снять чалму и облачиться в это.

— Выйдем из дворца?

— Мы тайно пойдем встретиться с Шамхалом у него дома. Это даст ему возможность отрицать наш приход.

— Но это же запрещено!

— Джавахир, — сурово сказала Пери, — у нас нет выбора.

Если нас поймают, меня накажут за то, что я дал ей выйти. Я рисковал своим положением и, возможно, самой своей жизнью. Но Пери была права: что толку от наших жизней, если Исмаил убьет всех своих братьев, а может, и сестер?..

— Повелительница, как вы рассчитываете выйти наружу?

— Следуй за мной.

Мы прошли через гарем так быстро, что воздух, казалось, расступался перед Пери. Я шагал за нею до самого дальнего конца двора, где возвышались стены, слишком гладкие и высокие, чтоб на них можно было взобраться. К моему удивлению, она исчезла в густых кустах. За ними стоял старый садовый домик, где прежде устраивали завтраки на воздухе, но сейчас он обветшал и зарос. Пери вошла туда; пол был выложен зелеными и желтыми изразцами, кое-где вывалившимися. Нагнувшись, Пери, задыхаясь от натуги, сдвинула большую тяжелую плитку. Открылся проход, ведущий вниз.

— Аджаб! — воскликнул я.

Так вот как они с Марьям сумели побывать у цыган! С царевной ничего нельзя было предсказать.

Мы спустились в темный подвал, и я задвинул за нами изразец. В темноте мы добрались до высокой деревянной двери, которую Пери отперла ключом величиной с мой кулак.

— Светильника у меня нет, — сказала она, — но я знаю дорогу наизусть. Держись за угол моего платка, чтоб не потеряться.

Пери заперла дверь. В подземном ходе было холодно и тихо, как в могиле.

— Никому и никогда не говори об этом, — сказала Пери.

— Обещаю, — ответил я, радуясь такому ее доверию.

Мы долго шли и наконец наткнулись на вторую дверь.

Пери отперла и ее, и мы попали во второй проход, затем поднялись по ступенькам и пробирались по грязи, пока не вышли в другое полуразрушенное здание в гуще деревьев одного из заброшенных садов рядом с Выгулом шахских скакунов.

Завернувшись в пичех и чадор, я поплотнее собрал темную ткань у подбородка. Сквозь редкое переплетение нитей можно было видеть, но я чувствовал себя ослепленным. Когда мы пересекали сад, я старался подражать легкой походке Пери.

— Ты идешь как мужчина, — упрекнула она. — Семени, а не шагай. Будто тень от облака.

Я сдвинул ноги и засеменял, как видел у женщин.

Мы быстро дошли до боковой улочки, где жил Шамхал. Мужчины оглядывали нас и отпускали грубые предложения, от которых я ощущал себя вывалинным в грязи. Это и значит — быть женщиной, всегда на виду? Мне не хватало моей обычной уютной незаметности.

Пери представила нас слугам как сестер Шамхала, отказавшись открыть лицо, пока нас не провели к ее дяде.

Шамхал пил свой вечерний чай. Он изумленно уставился на представшие перед ним фигуры, но когда Пери заговорила, он тотчас узнал ее голос. Отослав слугу, Шамхал велел ему не входить, пока не позовут. Как только дверь закрылась, Пери отодвинула свой пичех, а я свой.

— Во имя Всевышнего! — сказал Шамхал; его обычно цветущее лицо бледнело. — Как ты получила разрешение покинуть дворец? —

Он поспешил к двери удостовериться, что она прочно закрыта, и даже после этого не перестал оглядываться. — Тебя что, по голове стукнули? Подумай, что с тобой сделают, если Исмаил дознается.

— Я вынуждена была прийти.

— Такой риск!

Пери села, а я остался стоять у дальней стены.

— Я тут из-за царевичей, которых убили, — ответила она сдавленным голосом. — Но я пришла не за соболезнованиями. Я пришла спросить, когда знатные люди сафавидского двора собираются остановить эту бойню?

Шамхал отступил:

— Что мы можем сделать? Убийства были по прямому приказу твоего брата, света вселенной.

— Дядя, оставь дворцовые витиеватости. Шах уничтожил половину династии. Собираются ли высокородные что-нибудь сделать?

— А что мы можем?

— Шах, впавший в безумие, может быть смещен законным образом.

— Но этот не безумен, не болен и не слеп. У нас нет веских оснований.

— Несправедливость — не основание?

— Нет несправедливости в том, что исходит от шаха.

— Опять дворцовое пустословие, — сказала Пери. — Разве знатым все равно, что происходит?

— Конечно нет. Все удручены положением дел.

— Ты просил кызылбашей о помощи?

— Нет, ведь их отправили громить суфиев.

— Почему? Они же этого не заслужили.

— Знаю.

— Придворные мужчины или нет?

Его плечи напряглись.

— Повсюду шпионы Исмаила. Никтодохнуть не может без того, чтоб он не услышал.

— О Всемогущий! Я безоружная женщина, просящая о помощи, — никто не решается встать за верное дело?

— Что такое «верное дело»?

— Когда правители других царств обнаруживали признаки умственного нездоровья, знатные придворные просили старейшую из женщин-родственниц о разрешении сместить его, и когда получали, то смещали безумца. Похоже, те люди были храбрее наших.

Он чувствовал себя так неудобно, словно она держала у его глаза раскаленную кочергу.

— Я хотел бы помочь.

— Разве ты и другие не боятся, что он не прекратит убивать своих единокровных?

— Конечно. Все надеются, что, проявив верность, они останутся невредимы. Любое проявление неверности карается так быстро, что мы и подумать об этом не смеем.

— Мой отец был прав, заперев его в тюрьму, — сказала она. — Мне надо было быть осторожнее. Он разглядел в Исмаиле то, чего никто из нас не знал.

— Верно.

— Ты можешь, по крайней мере, защитить внуков Султанам?

— Если шах потребует их смерти — нет.

— Шамхал, что с тобой стало?

— Я пытаюсь выжить как могу. Это все, что человек может при таких обстоятельствах.

— Так жить — мерзко.

Его широкое лицо набухло от гнева.

— Ты так считаешь? Другие возможности куда мерзостнее.

— А именно?

— А именно то, что я, по крайней мере, советую Исмаилу каждый день, стараясь добиться милосердия и благости. Я пытаюсь повлиять на его решения, приводя примеры доброты. Что делаешь ты?

— Он не оставил мне ни единой попытки что-нибудь сделать.

— В точности как мне. Ты обошлась с ним пренебрежительно. Ты отвергала его приказы. Ты не воспользовалась временем, за которое могла стать доверенным слугой. Вот итог — у тебя не осталось никакого влияния.

Лицо Пери сверкнуло темным пламенем.

— Я заслужила лучшего.

— Почему?

— Потому что я столько знаю. Потому что я дочь своего отца. Потому что я искуснее правлю, чем он.

— Все правда, но сейчас это нам не поможет. Я умолял тебя склониться перед ним, явить свою покорность. Но ты не пошла на соглашение и потому осталась бессильной.

— По крайней мере, я не струсила. Я стою за то, во что верю.

— Красивые слова, — сказал он. — Они могут стать еще красивее, когда ты претворишь их в стихи. Но что пользы от слов? Сейчас, когда тебе это нужнее всего, ты не можешь даже добиться приема у своего брата.

— Я не склонюсь перед его нелепыми приказами, как ты. Сколько людей ты еще оставишь и увидишь мертвыми?

— Столько, сколько надо, пока я могу влиять на него настолько, насколько могу, и приспособливаться, когда не могу.

— А если ты проснешься и увидишь над собой его слуг с удавкой в руках?

— Я буду исполнять свой долг.

Пери была так потрясена, что ударила себя кулаками в виски:

— Словно крысу уговариваешь не есть из отхожих ям!

— Ты сама жрешь дерьмо! — взревел Шамхал так, что у меня отдалось в зубах. — А если ты попытаешься сбросить его и увидишь тех же слуг, но над собой?!

— По крайней мере, умру, зная, что сделала все, что могла, противясь ему!

Пери вскочила и набросила чадор.

— Дочь моей сестры, погоди минуту. Все благодарили бы тебя, если б ты его укротила.

— Как мне теперь это сделать? — ответила она. — Все вы, мужчины, были просто счастливы, позволив ему отстранить меня от дворцовых дел. И как быстро!

— То был прямой приказ.

— Но возрази вы ему, я бы сохранила хоть какое-то влияние. Да, я бессильна, но ты помогаешь Исмаилу держать меня в этом положении. Как и кто остановит его теперь?

Широкобородый, широкоплечий, Шамхал в этот миг выглядел беспомощным.

— Я не знаю. Придется ждать, когда кызылбаши вернутся с охоты на суфиев, и мы узнаем, помогут ли они.

— Но в их отсутствие наш род могут истребить!

Шамхал воздел ладони к небу, словно говоря, что все в руках Божьих.

Губы Пери искривило отвращение, и она дернула пичех, скрывая лицо.

— И говорят, что женщины трусихи! — воскликнула она, стискивая чадор под подбородком на пути к двери.

Дядя не сделал попытки остановить ее. Я неумело прикрыл лицо и туловище.

Снаружи царевна дала волю чувствам.

— О великий Бог! — взывала она, пока мы шли по улице. — Молю Тебя, снизойди до нас! Вразуми меня, как поступить, ибо я в растерянности. Темны времена эти, как никогда. Газзали писал, что без справедливости нет ничего — ни верности, ни верноподданничества, ни процветания, ни, наконец, самой страны. Нам грозит потерять все. О Боже, яви своим слугам луч света в этой тьме!

Я вторил ее молитве, когда мы шли садами, спускались в потайной ход и спешили в холоде и мраке. Но здесь я вздохнул с облегчением оттого, что мы не на улице, где нас могли узнать. Мы проникли без всяких сложностей в разрушающийся садовый домик, сбросили покровы и ушли домой через гаремный сад. В своих покоях царевна вдруг села, словно ей отказали ноги. Ее родной дядя! Это был жесточайший из ударов.

— К кому нам теперь обратиться? К мирзе Салману? — Ее улыбка была усталой и горестной. — Он всего лишь второразрядный чиновник. Кызылбаши его не слушают.

Глаза Пери впервые за много месяцев потухли. Это напомнило мне взгляд узника, идущего на казнь. Руки ее лежали на коленях ладонями кверху, маленькие, нежные, роспись хной стерлась. Минуту она смотрела на них.

— Я боюсь, — вдруг шепнула она.

Меня словно громом поразила простота этого признания — и породила решимость пожертвовать собой ради царевны. Моего боевого задора хватило бы на троих, и я поклялся сделать все, что могу, дабы уберечь ее.

ГЛАВА 6

БОЕВОЙ КЛИЧ

Каве получил весть, что его восемнадцатому, и последнему сыну велено явиться к Зоххаку и его змеям. Услышав это, он бросил кузницу и отправился к дворцу, могучие мышцы его рук вздувались узлами от гнева, и так велик был его гнев, что прошел он сквозь стражу и прервал Зоххака, державшего совет.

«Пресветлый шах, — прорычал он, и глаза его сверкали, как искры из горна, — ты правишь семью пределами, и казна твоя ломится от золота. Почему ты отнимаешь у меня мое единственное достояние? Если ты так справедлив, как это утверждают, ты оставишь в покое моего единственного сына и не будешь поддерживать этого зла.»

Зоххак ощутил медь на языке. Как он сможет оправдать свои поступки? Ему хотелось выглядеть чистым в глазах всего мира.

«Я отпущу твоего сына, — ответил он и отдал такой приказ. — А теперь ты должен подписать такую бумагу, подтверждающую справедливость моего правления. Это нетрудно?»

Когда Каве прочитал бумагу и увидел там имена всех сановников, его скулы побагровели, глаза выкатились, а мышцы шеи вздулись.

«Вы все просто шайка трусов! — закричал он на придворных. — Как вы можете ставить свои имена под такой ложью и называть себя мужчинами?»

С ревом он изорвал свидетельство в клочья и растоптал их, пока сановники глазели на него, словно он был бешеным псом. Затем он в ярости бросился вон из дворца. На главной площади города он сорвал с себя черный фартук кузнеца и на острие копья поднял в небо, чтобы люди видели его издали и отовсюду. Хлынули они со всей страны и присоединились к его делу.

«Справедливости! — кричали они. — Справедливости!»

Женская половина дворца была тиха, словно кладбище, и лица большинства ее обитательниц были печальны. Страх висел в каждой

комнате, будто густой, неизгоняемый туман. Кончилось ли все? Или кто-то будет следующим?

Двоюродная сестра матушки написала мне, спрашивая, когда можно будет отправить Джалиле в Казвин, и я исполнился облегчения, когда Пери велела мне повременить. Никогда я не стал бы подвергать Джалиле, неискушенную в сложностях дворцовой политики, такому риску. Я ответил, постаравшись объяснить все как можно более внятно, хотя не вдаваясь в подробности, что положение серьезное.

После завершения траурных обрядов по мертвым царевичам Пери вызвала меня к себе. Азар-хатун проводила меня в ее самый потаенный покой, тот, где она встречалась с матерью или Марьям. Именно там была роспись с нагой Ширин, изысканные шелковые ковры персикового цвета и подушки в цвет им. Пери читала «Шахнаме» в копии, которой я прежде не видел. Книга была открыта на странице прекрасного письма, украшенного иллюстрациями с позолотой и красками из драгоценных камней.

— Салам алейкум, — сказала она, когда я вошел. — Рада тебя видеть. Никогда и подумать не могла, что буду испытывать благодарность просто за то, что те, кем дорожу, все еще живы и дышат...

— Благодарю, добрая госпожа. — Мое сердце расцвело под теплом ее слов.

— Какие горести мы пережили вместе! Знай я, что они будут так тяжки, я не обременила бы тебя постом моего визиря.

— Повелительница, величайшей честью моей жизни стало служить вам. Я делал бы это в любом положении, — отвечал я, и то была правда.

— Я рада слышать это, — сказала она. — Надеюсь, ты все еще желаешь быть моим соратником.

— Всей душой.

— Хотела бы я, чтоб ты говорил это не так легко. Впереди нелегкие дела.

Я ждал.

Пери была задумчива.

— Странно, как много предвестий вокруг, а мы не хотим их видеть. Я перечитала «Шахнаме», там, где говорится, как Зоухак требовал раскалывать черепа юношей, словно каштаны, чтобы

кормить их мозгом своих змей. Раньше для меня это была не больше чем история, но теперь я увидела ее внове. Разве мы не переживаем то же самое бедствие? Наш повелитель уничтожил самые яркие звезды своего двора, от молодых светил, сыздетства обучавшихся наукам царствования, до блистающих светил, подобных Ибрагиму, какие рождаются однажды в поколение. Наш правитель стал истинным Зохлаком.

Во мне все было приучено быть верным шаху. Я машинально оглянулся проверить, не слушает ли кто нас.

— Пока что он щадит Мохаммада Ходабанде и его детей, но, возможно, он подойдет кого-нибудь и к ним. Если Мохаммад и его семья будут убиты — храни нас Бог от этого, — кто останется, чтоб возглавить династию?

— Махмуд-мирза? Или нерожденный ребенок Исмаила?

— Я не знаю, кто выживет. Я отвечаю в данном случае за то, чтоб защитить всех царевичей, которые могут в будущем возглавить династию. Я должна сделать все, чтоб защитить их.

— Это будет нелегко.

— По нынешним меркам просто невозможно. Я не больше могу помешать Исмаилу посылать убийц, чем приказывать солнцу, когда восходить. Есть такие, кто верит, что способны управлять движением планет, но я не из их числа.

Суровость ее речей и скрытность нашей встречи заставили меня очень внимательно ждать того, что последует.

— Во времена смуты я обращаюсь к «Шахнаме», потому что мой отец так ценил ее. Я читаю ее и ради наставления Фирдоуси, как правильно поступать с ущербным правителем. Он очень осторожен в этом предмете. Кроме того, он надеялся на вознаграждение от султана из Газневидов и не хотел, чтоб его уличили в осуждении правителя, даже косвенном.

Я тоже продолжал читать свою «Шахнаме» почти каждый вечер и бережно хранил ее, потому что это был подарок Махмуда.

— Но посмотри, что случилось с прозорливым Зохлаком: Каве начинает восстание. Значит, даже Фирдоуси, который обычно так сдержан и не хочет оскорбить власть, полагает, что воистину злобному шаху следует противостоять.

Пери затягивала на моем горле петлю логики, а я не хотел, чтоб на ней оказался узел, который нельзя развязать. Лицо мое наверняка отразило мои чувства, потому что Пери смягчилась.

— Иногда один человек должен пожертвовать собой ради блага других, — добавила она. — Каве был таким человеком. Как он вдохновлял всех, кто страдал от угнетения! Я больше не могу сидеть сложа руки, когда огонь пожирает дом нашего будущего. Слишком часто я действовала в надежде получить что-то для себя. Теперь я должна сделать это для других, не думая о своей судьбе.

Она сказала это с такой тонкостью и с таким пониманием своих недостатков, что я был тронут до глубины души.

— Спасибо, Джавахир. Но скажи мне: чувствуешь ли ты так же остро, что наш правитель болен?

— Да, конечно. Ваш досточтимый отец никогда не убивал своих родных без причины.

— Я знаю, какую жертву ты принес, чтобы служить ему. Ныне я собираюсь попросить от тебя еще большей, но требовать ее не буду. Она должна быть добровольной.

Ужас наполнил меня.

— Чего же вы просите?

— Твоей верности.

— Она всегда ваша. Чего еще?

— Твоей помощи.

Волосы на моем затылке встали, будто часовые.

— В чем?

Пери понизила голос:

— Он должен быть остановлен.

Сердце мое забилося, как военный барабан. Как я могу согласиться на то, чего она требует от меня? Для человека, поднявшего руку на повелителя, для сестры, наносящей удар своему родному брату, — смертный приговор, если все раскроется, и вечное проклятие, если Бог сочтет деяние несправедливым.

Но мы не сможем совершить это, подобно Каве; наш шах не герой поэмы — он просто казнит нас, если мы открыто воспротивимся его власти.

Пери вглядывалась в мое лицо:

— Джавахир, ты сможешь мне вернуть справедливость на нашу землю?

— Во имя Всевышнего! — взорвался я. — Я отдал все до последнего дыхания этой династии, даже возможность вырастить собственных сыновей! А теперь я должен стать предателем, чтоб услужить тому же роду? Что я буду за слуга? Сочту ли потом хоть какую правду незыблемой?

— Твои вопросы честны, — сказала Пери, — но я полагаю, что ты будешь служить делу справедливости. Это будет единственной причиной согласиться на такую просьбу. Ты получишь мое разрешение помочь мне, только если сочтешь это дело правым.

Если бы она сказала что-нибудь еще — о выгоде или славе, я бы отказал ей. Но ей удалось затронуть во мне единственную струну, которая отозвалась ей. Исмаил стал подлинным отражением Зоххака: отрицать это было нельзя. Могли мы оставаться безмолвными и позволить ему уничтожить нас из своей прихоти? Или мы будем отважными, словно Каве?

— Что вы предназначили ему?

— Удел, который он назначил другим.

Кровь моя обратилась в колкие красные кристаллы.

— Даже ваш отец, да упокоится его душа, оставил его жить, — возразил я.

— У моего отца была власть заключить его в тюрьму и лишиться всякой силы. У нас ее нет. Недавно я спросила Султанам, позволит ли она кызылбашам сместить его по причине безумия, но она не согласилась. Остался лишь один способ избавиться от этого мерзавца, точно так же как был один способ свергнуть Зоххака.

— Это оскверняет все, чему меня учили с детства. Как вы можете просить меня об этом?

— Почему же не могу, если это единственная справедливая возможность? Он уничтожит нас всех, если мы смиримся с ним.

В моей голове словно поселился пчелиный рой.

— Всю мою жизнь меня учили быть верным трону. После того как был убит мой отец, я решил стать безупречным примером.

— Тебе это удалось.

— Благодарю. А теперь я должен отбросить все заповеди и взбунтоваться?

— Иногда другого выбора нет.

— Я не могу сейчас ответить: мне надо подумать.

— Понимаю, — сказала она, — и уважаю твою нужду в раздумье. Возвращайся, как примешь решение.

Когда я уходил, то оглянулся — и был потрясен красотой всей картины. Сидя на подушке, в красном платье, расшитом изображениями воробьев, окруженная изящными рукописями, среди прекрасных шелковых ковров цвета персика, она словно излучала женственность и знание. Роскошь ее вещей, изысканность одеяния, ее округлый царственный лоб — все делало ее особенной и утонченной. Но в ее высоком стройном теле таилось что-то куда более твердое, чем даже в ее отце, тверже, чем было нынче в воинах-кызылбашах, чьи тюрбаны обматывали высоченные красные колпаки, делавшие их похожими на великанов. Она пришла к намерению столь ужасному, что обратило бы в бегство многих воинов, но она — она не отступит.

Просьба Пери лишила меня покоя, а добавило беспокойства незнание о судьбе Махмуда. До сих пор от него не было ни письма, ни вестей. Была надежда, что Хадидже расскажет мне о намерениях шаха и о том, утих ли его смертоносный гнев. Я отправился к ее покоям и попросил встречи с нею, сказав, что принес новости от царевны. Дальше объяснять было незачем, потому что дворец и так был полон посетителей: женщины шли одна к другой утешить скорбящих.

Когда я вошел и был допущен, я изумился, увидев Хадидже в черном, черный шелковый платок покрывал ее волосы, отчего ее тамариндовая кожа казалась бледнее.

— Мои соболезнования, — сказал я, когда мы сели на подушки друг против друга.

— Спасибо. И мои тебе...

Я не был в родстве ни с кем из убитых, но оделся в соответствии с положением дел во дворце.

— Я зашел поговорить с вами о частном деле, касающемся моей повелительницы, — сказал я.

Хадидже повернулась к Насрин и попросила горячего кофе для меня.

Та ушла, и Хадидже тут же сказала:

— Ты выглядишь, словно наткнулся на мертвого.

— Я и чувствую себя так же, — ответил я. — Шестеро сыновей шаха убиты, а Гаухар словно сошла с ума. Она больна от горя, и я не уверен, что у нее хватит сил жить. Ужасно видеть это.

— Да изольет Бог на нас свою милость! — отозвалась Хадидже, и слеза скатилась по ее щеке.

Я не смог удержаться. Вскочив с подушки, схватил ее руку, страстно желая обнять и соединить тепло наших тел.

— Говорил он что-нибудь о том, когда прекратится резня? Я боюсь за Махмуда!

Хадидже была так потрясена, что я мгновенно пожалел о сказанном. Она оглянулась на дверь, и я быстро убрал свою руку и снова сел в дальнем углу комнаты.

— Бедный Джавахир, так у тебя есть причины страшиться, — тихо сказала она, и глаза ее были колодцами горя.

— Знаю, знаю, — ответил я. — Почему вы так печальны?

— Я тоже понесла тяжкую утрату.

— Но вы же не в родстве ни с кем из царевичей, разве что в браке?

— Верно, — сказала она. — Так и скорблю я не по ним. Этим утром я узнала, что мой брат мертв.

— Хадидже, милая, что случилось?

Она обхватила себя руками:

— Пытался кого-то защитить, как всегда. Как меня, когда мы были маленькими.

Глаза ее переполнились слезами, и скоро они заблестели на ее скулах.

— Когда я потеряла родителей, мне казалось, это все, что может потерять женщина. Но это новое горе, пронзившее мое сердце, не уйдет, сколько бы мне ни осталось жить.

— Как бы мне хотелось обнять тебя и утешить!

— Ш-ш-ш! — предостерегла она и оглянулась, будто услышала что-то.

Тут же вошла Насрин-хатун с кофе, двигаясь так бесшумно, что я подумал, не пыталась ли она подслушивать. Я тут же сменил предмет разговора:

— Достоянная царица хотела бы узнать, нет ли у вас особого снадобья, которое поможет Гаухар избыть худшую часть ее горя.

— Составлю, — сказала Хадидже. — В эти дни у меня много просьб о таких снадобьях, и мне оно тоже понадобится. Насрин-хатун, пожалуйста, собери еще тех трав, которые я тебе показывала, и принеси для нашего гостя.

Насрин-хатун поставила поднос и ушла исполнить ее просьбу. Теперь я понимал, отчего Хадидже так спокойна. Снадобья ее были так сильны, что унимали всякую боль.

— Джавахир... — начала было Хадидже, но я перебил ее:

— Как мы можем его остановить?

Ее рот искривило отвращение.

— Я только надеюсь, что он не придет за мной. Как я смогу лежать под ним, зная, что случилось с моим братом?

Я не понял:

— Что общего между шахом и смертью твоего брата?

Хадидже вздохнула:

— Джавахир, мне больно оттого, что ты должен узнать правду. Мой брат умер, защищая Махмуда.

Словно железный кулак стиснул мое сердце.

— Да будет он всегда невредим! — сказал я, но в моих словах звучал гнев.

Она поглядела на меня с таким сочувствием, что мой гнев смутил меня.

— Если ты не хочешь узнать, что случилось, я не скажу.

Выбора не было — я попросил.

— Брат был с Махмудом в охотничьем лагере. Люди шаха выследили их по дыму костра и напали. Друг моего брата, который был с ними, бежал и уцелел. Он написал, что Махмуда задушили, а брата убили кинжалом. Тела отвезли в дом Махмуда приготовить к погребению. Несколько часов спустя Махмуд вдруг застонал и очнулся. Шея его была жестоко изувечена, но он был жив.

Ярость отхлынула, и я вдохнул сладкий воздух жизни, наверное, совсем как Махмуд. Впервые за все эти дни воздух так легко проникал в мою гортань и дальше в легкие.

— Прости, я не хотел так гневаться, — сказал я. — Мне непосильна сама мысль потерять его.

Думаю, я даже улыбался, пока не осознал, что прелестное личико Хадидже искажено горем.

— Хотела бы я не рассказывать конец этой истории, — продолжила она. — Убийцы спросили своего старшего, что им делать с Махмудом, и он приказал им отнять у того жизнь. На этот раз им удалось.

Я вскочил на ноги и пнул поднос с кофе, словно мяч в игре. Стаканы разлетелись вдребезги, и кофе испятнал весь синий шелковый ковер, собственность шаха.

— Он был мне как сын! — прохрипел я.

— Знаю, — прошептала она.

— Нами правит бешеный пес! Я плюю ему в лицо, я проклинаяю его глаза! Да упадет его звезда! Да сгорит он в аду!

Хадидже дернулась в ужасе, оглядываясь, кто может услышать. Мне было все равно, даже если бы мои изменнические слова повлекли смерть. Я выбежал из комнаты, не слушая Хадидже, умолявшую взять снадобье и для меня. В тот миг я ненавидел весь мир. Яростно шагая к укромной части сада, я вдруг с размаху всем телом ударяюсь о ствол кедра, еще и еще, видя, как содрогаются ветви, когда я врезаюсь в него. Падает темная хвоя, на плечи осыпаются сухие веточки. Я бью дерево, словно забиваю насмерть шаха. Потом иду исполнить свою обязанность — передать известие Пери.

В глубочайшей скорбной муке я потянулся за своей «Шахнаме», единственным, что осталось у меня от Махмуда, и открыл ее наудачу. Слезы стояли в моих глазах, и я не мог разобрать слов. Когда я закрыл книгу и положил ее рядом с постелью, строки Саади всплыли в памяти.

Тиран, что подданных намерен угнетать,
И в том упорен ты, не хочешь уступать!
Ты недостойн власти.
Смерти — да!

Бог требует от государей править справедливо, но если они не исполняют завета? Должны ли мы просто терпеть угнетение? Должны ли позволять убивать детей? Должны ли бояться дышать?

«Нет! Нет!» — кричал мой внутренний голос. Если я ничего не сделаю с Исмаилом, умрут и другие. Но если я попытаюсь остановить его, не обречет ли Бог меня на преисподнюю? Этого я не знал. Все, что я мог сделать, — это постараться улучшить мир для тех, кто еще жив. Поэтому я пошел к Пери и поклялся помочь ей достигнуть ее цели, и мы договорились работать вместе, даже если это будет стоить нам жизни.

Но как выследить такую скрытную добычу? Все было устроено так, чтоб разрушить наш замысел. Сам дворец с его высокой оградой, разбросанные, охраняемые стражей здания, укрытые деревьями, путаница дворов и переходов — все было создано, чтоб скрыть тех, кто жил внутри. Исмаил окружил себя армией слуг, чья жизнь и состояние зависели от его защищенности. Он не просто избегал появляться на люди — он прятал себя еще дальше, и невозможно было расспросить о его местопребывании, чтоб не возбудить подозрений. Нам следовало быть умнее шаха, одновременно могущественного и испуганного, умнее всех стен, и ловушек, и стражи, призванной охранять его. Нам следовало опрокинуть весь порядок, созданный, чтоб помешать нам.

Мы решили собрать побольше сведений о мельчайших привычках Исмаила, а это означало большую близость к людям, знавшим его лучше всех. Пери сказала, что сойдется с Куденет, его черкесской женой, выяснить, что ей может быть известно, а также с Махасте, его беременной рабыней. На помощь Султанам вряд ли можно было рассчитывать, но я сказал Пери, что сдружусь с женами из ее круга, которые могут знать о его перемещениях. Я боролся с искушением открыть Пери, что один из моих источников очень близок к самому шаху, но решил все же не упоминать Хадидже, дабы уберечь ее.

Интереснее всех был ближайший друг шаха, Хассан-бег Халваши-оглы, имевший особое положение, ведь ему, хотя он мужчина, разрешалось оставаться с шахом в его личных покоях. Пери дала мне почти невозможное задание: проследить за ним, выяснить, с кем он еще дружен и знают ли эти люди что-нибудь, делающее его уязвимым. Она также велела другим слугам сообщать ей все, что услышат о дворцовой жизни, пусть самое незначительное.

Поздно вечером, когда я вернулся к себе, я неожиданно застал Баламани лежащим на его тюфяке. Кожа старика выглядела пепельно-

серой, будто слоновья, а лоб наморщен болью.

— О всеблагие небеса, где ты был?

— Занимался обычными кознями. А вот что с тобой?

Баламани показал на свою ступню, которую он старался уберечь от любых прикосновений. Пальцы на ней распухли.

— Не могу ступить на нее, — ответил он. — Большой палец словно в огне.

Баламани слыл здоровым как бык. Грустно было видеть его простертым навзничь.

— Тебе нужно лекарство?

— Я испробовал мазь, но она не помогает.

— Ладно, — сказал я, — твое тело доказало, что оно может выдержать удаление куда большего куска, — значит, и ногу как-то залечит.

Баламани захохотал, но смех перешел в жалобное подвывание.

— Глупо слечь из-за большого пальца.

— Ну да, — сказал я, — но муж вроде тебя не побежден, если может думать. Так и вышло — мне нужен твой разум.

— На доброе дело или на плохое? — Темные глаза Баламани сверкнули озорством, на миг он словно позабыл о своем недуге.

— Плохое, конечно, — ответил я. — Кроме того, кто может оценить совершаемое?

— В самом деле, более темного времени я не видал.

— Скажи мне: эти убийства необходимы?

— Деяния шаха порой равны ножу мясника, но посмотри, как успешен этот нож в своей работе. Не осталось почти никого, кто мог бросить ему вызов в борьбе за трон.

Холодный сквозняк пронесся по комнате; Баламани поморщился, когда тот коснулся его ступни.

— Если забыть о тщете всего этого, — добавил он.

— Тщете?

— Если у шаха будет сын, он вырастет без соперников.

— Но если убийства никогда не прекратятся?

Баламани поудобнее устроил свое грузное тело на подушках и передвинул ногу подальше от любых прикосновений.

— Джавахир, будь осторожнее. Шах пощадил своих сестер, но как долго он будет считать, что они ему не опасны? Как визирь Пери, ты

тоже висишь на волоске.

Я решил рискнуть. Нагнувшись к нему, я шепнул:

— Почему кровопийце следует позволять править?

Баламани громко рассмеялся:

— Он тень Бога на земле, помнишь?

— И ты веришь, что этот... осеняем Богом?

— А как насчет всех других?

Пана бар Хода! Мне еще не приходилось слышать от него подобного.

— Люди должны во что-то верить, — добавил он. — Если шах не тень Бога, какой смысл знати подчиняться ему? Чье повеление будет окончательным, если оно как-то не связано с Божьим?

— Но сейчас все не так, — возразил я. — Мы отдаем нашу верность в обмен на справедливость, так?

— Именно, — ответил он. — А когда справедливости нет, кто страдает?

— Нынче — множество людей, — выговорил я, скрежеща зубами.

Баламани взглянул на меня с нежностью:

— Мне было так жаль Махмуда...

— Спасибо.

Глаза мои налились влагой, словно в них забили родники. Баламани был одной из тех немногих душ, перед кем я мог не скрывать своих истинных чувств; я склонил голову и дал волю своей скорби.

— Да укрепит Бог силы твои даже в печали, — мягко сказал он. — Помнишь, что я говорил тебе давным-давно? Никогда не люби никого из царского дома.

Я вытер лицо одним из платков Пери и взял себя в руки:

— Махмуд лишь одна из причин, по которой я решил поговорить с тобой. У меня есть задание, и мне нужна помощь.

— В чем?

— Есть ли способ намекнуть Хассану, что надо попросить шаха быть милостивым и прекратить резню?

— Трудно сказать, — вздохнул Баламани. — С шахом он круглые сутки, поэтому никто не может сблизиться с ним. У него такая работа.

— Мне надо узнать о нем больше.

Баламани поглядел на меня, словно пытаюсь прочесть мысли, отпечатанные в моей душе.

— Ты молодой и мягкий *ага*, у которого и языка нет, так же как *кирра*, ты влез в дворцовые козни?

— Я не говорил о кознях, — ответил я, — только о возможности получить ухо Хассана.

— Оно по-прежнему на его голове, я надеюсь.

— Разумеется.

— И все же что-то здесь плохо пахнет.

— Твой палец?

Баламани фыркнул.

— Что ты хочешь узнать?

— Как к нему подобраться, — повторил я, хотя на самом деле мне нужна была помощь Баламани в наших замыслах.

Он помедлил.

— Даже Хассан вряд ли сумеет уговорить шаха стать справедливым.

— Возможно, ты прав, — согласился я. — Но почему бы нам не попробовать?

— Нет.

— Почему «нет»?

— «Мы» не собираемся ничего делать. Я уже стар. И не желаю оказаться как тот евнух, который расстался с жизнью за несколько дней до того, как подошло его время отправляться на покой и отплыть к себе в Бенгальский залив.

— Но, Баламани, нами правит безумец. Нас всех могут просто вырезать.

— Нет.

— Я буду твоими глазами и ушами — и ногами, — настаивал я. — Ты направишь меня, а я совершу наше дело.

— Слишком опасно.

— Но без тебя у меня ничего не выйдет, — не сдавался я. — Как ты можешь препятствовать тому, что и сам считаешь верным?

Баламани пристально смотрел на меня:

— Ах, друг мой, так ты по-прежнему не знаешь...

— Чего?

— Кто ты такой.

— И кто же?

— Ты — это я.

Я был сбит с толку.

— Да, — кивнул он. — Я научил тебя всему, что знал, а теперь я уступаю тебе свое место.

Он приподнялся и хлопнул меня по груди. И вдруг меня будто горячая волна омыла до самой макушки.

— Баламани...

— Ты заслужил это. То, чего ты пока не знаешь, узнаешь позже. Время и тебе становиться наставником.

— Но Баламани...

Я чувствовал себя учеником, которого учитель покинул слишком рано. Чувство одиночества было тем не менее странно воодушевляющим, словно я отдан ветру, вознесшему меня над землей, свободного, как облако.

— Всем, что я есть, я обязан тебе, — сказал я тоном, которому не верил сам.

— Тебя мне послал Бог, — кратко ответил Баламани. — Взять гордого и вдребезги разбитого юнца и заново его собрать.

— Это было нелегко, верно?

Такая боль могла быть в улыбке отца, помогающего сыну справиться с изнурительной болезнью.

— Воистину. Но не воображай, что твой путь завершен. Что ты недавно узнал о своем отце?

Внезапный блеск воодушевления в его глазах удивил меня. Он словно хотел убедиться в моих дарованиях.

— У меня не было времени разобраться подробнее. Раскрыть старое убийство нынче не так важно, как предупредить новое.

— Да будет с тобой Господь, мой милый друг, — ответил он, и я почувствовал, что прошел некую важную проверку. — Теперь займись делом.

В следующий мой приход к Хадидже я воспользовался тем предложением, что Гаухар нужно еще снадобья. Насрин-хатун отправилась его готовить, а я попросил Хадидже изловчиться и этим вечером встретиться со мной как бы случайно в садах после вечернего призыва

к молитве. Когда Насрин вернулась с лекарством, я сразу же ушел и принес его Пери, но не сказал, откуда оно.

Позже, к вечеру, я зашагал в темноте между высокими каштанами вглубь гаремного сада, пока не нашел Хадидже, спрятавшуюся за огромным деревом. Лицо она прикрыла и укуталась в черный платок, и ее нелегко было узнать. Я изобразил удивление, но она сказала:

— Быстрее. Я не должна мешкать.

Стоя рядом под деревом, я не мог не вообразить хоть на секунду, как опрокидываю ее и наслаждаюсь вместе с нею.

— Хадидже, нужен твой совет, — прошептал я. — Прекратились ли убийства?

Она содрогнулась:

— Не знаю. Несколько ночей назад он призвал меня, и я изображала наслаждение, хотя меня тошнило от него. Чтоб разговорить его, я сказала, что рада его победам над врагами, и он ответил: «Я намерен вырвать с корнем их всех, одного за другим».

— А что он сказал о твоём брате?

— Он даже не знает, что его убили, — ответила она. — Когда я сказала ему, он выразил сожаление, но добавил, что раз мой брат отдал жизнь за него, то непременно найдет воздаяние в раю.

Горло мне обожгла желчь.

— Как бесчеловечно!

— Мне кажется, что двадцать лет заключения пошатнули его рассудок.

— Есть люди, считающие, что он должен уйти, — сказал я, наблюдая, как она ответит на эту нечестивую мысль.

— Ах!.. — воскликнула она и тут же зажала себе рот из страха, что нас могут услышать.

Молчала она так долго, что я уже было испугался, что она не согласится. Затем едва слышно ответила:

— Должна сознаться — я молюсь об этом каждый день.

— Но как это сделать?

— Ты имеешь в виду... навсегда?

Ее глаза впились в меня, ожидая подтверждения, а зубы вдруг ярко сверкнули в темноте, как у охотящегося зверя.

— Это будет нелегко. Он снимает кинжал, когда ложится спать, но я не знаю, у кого из женщин хватит духу прирезать его, особенно зная,

что совершившая это будет немедля убита. Яд выявить труднее, но все, что он ест или пьет, сначала пробует шахский отведыватель. Даже мои сласти пробуются, перед тем как их подают шаху.

— А ночью он пьет воду?

— Иногда, но он не дотронется до кувшина — воды или вина, — пока его содержимое не опробовано и не опечатано.

— А он может открыть сосуд и выпить, когда время прошло?

Она подумала:

— Да, когда он расслабляется — если вина или любви было слишком много.

— Что ты можешь рассказать мне о других его привычках?

— Очень мало, — сказала она. — Он ничего не говорит мне о своих намерениях. Но я знаю, без чего он не может жить.

— Без чего?

— Недавно я заметила, что он часто становится раздражительным без всякого повода. Коробочка конфет, которая у него всегда с собой, похоже, успокаивает его. Однажды, когда я думала, что он спит, я подняла крышку взглянуть, что это за магические сласти, которые он предпочел моим. Он проснулся, увидел, что я делаю, и разгневался, но я объяснила, что хотела приготовить ему мои собственные конфеты из фиников с кардамоном, соперничающие с теми, что в коробочке. Тогда он посмеялся надо мной, решив, будто я не видела, что у него там. Это был опиум.

Хвала господу!

— Как часто он его глотает?

— Каждые несколько часов, когда не спит, — ответила она. — Ему доставляют запечатанную коробочку, и она у него всегда с собой.

— Так он не может без этого жить?

— Это помогло ему перенести долгие годы заключения.

— Кто изготавливает содержимое коробочек?

— Не знаю. Лучше дожидаться времени, когда он забудет о бдительности.

— Ты дашь мне знать, когда выпадет такое время?

— Непременно.

Крикнула сова — дурной знак, и Хадидже задрожала в ночном холоде.

— Я должна идти.

Молча она исчезла в зарослях, а я задержался под каштаном, чтобы никто не заподозрил, что мы могли быть вместе.

Луна, полная и прекрасная, стояла в небесах. Я ровно на секунду позволил себе представить, что было бы, исчезни шах сейчас. Стала бы Хадидже снова моей? Смог бы я обнять ее и лежать с ней до самого рассвета? Мысль о том, чтобы вновь обладать ею, наполнила мое сердце радостью, но ужас быстро вытеснил ее. Переживем ли мы это страшное время? Если и была жизнь, которую мне хотелось бы защитить, — это жизнь Хадидже.

Когда я вернулся к себе поразмыслить, что делать дальше, меня ждал Масуд Али с новым письмом от матушкиной двоюродной сестры. Я начинал ненавидеть ее письма. Она писала мне лишь тогда, когда чего-то требовала. Пока же я был бессилен позаботиться о Джалиле так, как хотел, и вынужден был утишать все запросы из опасения, что пострадает Джалиле. Я сломал печать.

Приветствия, и да снизойдет на вас милость Бога. Как вы знаете, сестре вашей Джалиле уже пятнадцать и она почти созрела. Раз вы не можете забрать ее в Казвин, настало время найти ей хорошего мужа и позволить ей стать сокровищем другой семьи. Мы тут стремимся выполнить предсмертный завет вашей матушки, заботясь о девочке, а так как она красива, мы сожалеем, что не можем делать этого всю ее жизнь. Можете вы прислать ей хорошее приданое? Мы сыщем ей хорошего человека, он будет ей опорой. Дайте нам знать, совпадает ли это с вашими желаниями.

Угроза была ясна: им надоело заботиться о ней. Должно быть, уже присматривают мужа. Я торопливо набросал ответ, настаивая, что без моего согласия никакого брака быть не может и что я заберу Джалиле в Казвин, как только смогу. Писал, что во дворце полно трудностей, что они должны потерпеть, ибо я не хочу подвергать Джалиле опасности. Пообещал им щедрое вознаграждение за всю их помощь, как только Джалиле перейдет под мою опеку, но денег не послал, опасаясь, что они пойдут на устройство брака. Я надеялся, что мой ответ успокоит тетушку, пока я решаю, что делать.

Баламани стало лучше. Палец больше не болел, аппетит вернулся. Мы договорились в рабочую неделю обедать вместе — редкое удовольствие, обычно нарушаемое нашими обязанностями. Мы встретились в гостевой нашего дома и начали обед с горячих лепешек, овечьего сыра и мяты, потом шла простокваша с мелконарезанными огурцами. Когда мы взялись за еду, по дворцу прокатился первый призыв к молитве.

— Знаешь последние слухи о вере Исмаила? — спросил Баламани.

— Нет.

— Говорят, он тайный суннит.

— Суннит? — воскликнул я, удивленный настолько, что позабыл откусить хлеба.

— Вероучители в гневе, — сказал Баламани, — но они ничего не могут сделать: шах — их духовный глава.

— Какое отступление для династии, опирающейся на шиитство! Кызылбаши, чьи прадеды сражались за нее, должны быть в ярости.

— Определенно. И это не единственная причина. Исмаил настаивает, что мы должны начать войну с оттоманами.

— Зачем?

— Хочет вернуть земли, потерянные его отцом.

— Но это преждевременно, — сказал я. — Зачем нарушать давний мир с одной из могущественнейших держав мира? Пери будет в неистовстве по обоим поводам.

Баламани завернул сыр и зелень в кусок лаваша.

— Я ведь не сказал, что это разумные обстоятельства.

— Но в таком случае почему эти свирепые, хорошо вооруженные кызылбаши не возьмут дело в свои руки?

Слуга с гаремной кухни принес миски с тушеной бараниной и рисом. Подхватив мясо и рис куском лепешки, я начал есть.

Когда слуга ушел, Баламани продолжал:

— А потому, что для многих из них это означает смерть. Ты же знаешь, в чем риск.

— То есть ты говоришь, что эти великие воины, у которых яйца чуть не до земли, а члены толщиной с палаточный кол, обычные трусы?

Мы хохотали так, что стены дрожали.

— Баламани, мне нужен твой совет. Как узнать о Хассан-беге побольше?

— Очень легко, — сказал Баламани, лукаво мерцая темными глазами. — Недавно Анвар посылал меня доставить документы шаху. Разве я не говорил тебе, что мне приказано было оставить их в доме Хассан-бега у врат Али-Капу?

— Не дразни меня, — ответил я. — Мне известны все семьи, у кого дома в Али-Капу. Его среди них нет.

Баламани ухмыльнулся, довольный победой.

— Тот дом очень хорошо скрыт, — объяснил он. — Снаружи он выглядит как старое здание какой-то управы. Встань во дворе лицом к Али-Капу и посмотри на город в сторону минарета Пятничной мечети. Иди напрямиком к минарету и, когда подойдешь к дворцовой стене, отсчитай три двери справа. Увидишь старую ободранную дверь вроде тех, что ведут на половину слуг. На самом деле дверь открывается в огромный сад, на краю которого дом. За старой дверью всегда стража, так что не вздумай делать глупости.

Я восторженно засмеялся. Он все-таки был мастером.

Найти старую деревянную дверь было легко, куда труднее было наблюдать за ней так, чтобы не вызвать подозрений. На крыше покоев Пери я нашел место, откуда была видна часть внутреннего двора шахского дворца. Так как женщины из дома Пери пользовались крышей, чтоб развешивать белье, сушить травы и фрукты, я мог спрятаться под чадором. Сидя на маленькой подушке, брошенной на старый коврик, я луцил горох или перебирал рис на случай, если меня заметят снизу. Азар-хатун приходила и уходила с фруктами и травами и порой останавливалась, чтоб поддразнить меня дурным качеством моей работы.

— Посмотри! — говорила она, провеивая мой рис и находя маленькие камешки. — Ребенок сделает лучше.

Мне приходилось согласиться. Большую часть времени я следил за событиями возле дверей Хассана. Приходили торговцы, нагруженные товарами, их принимали слуги во дворе, но никто званием повыше даже не выходил. Бдение мое продолжалось пять тщетных дней, когда я решил оставаться на крыше и по ночам. Однажды ночью я задремал, но меня разбудил стук захлопнувшейся

двери. Луна была яркая, и я различил во дворе несколько мужчин. Хассан был в простой белой рубашке и шароварах взамен своих обычных богатых шелков. Черная шапка, глубоко надвинутая, скрывала голову. Если бы не красивое лицо, без морщин от солнца и трудов, он сошел бы за обычного человека скромного состояния, вроде торговца из небольшой лавки на базаре. Странно было, что персона, столь близкая к шаху, одета так небрежно. Его спутник был посмуглее, черты его было трудно различить. Коричневая одежда без особых украшений, нижняя часть лица скрыта намотанной тканью. Но в движениях было что-то знакомое мне: разболтанная походка, по которой я заподозрил, что это был сам шах — только переодетый. Несколько человек, в которых я узнал телохранителей, сопровождали его.

Люди дошли до конца сада и внезапно исчезли из виду. Присев, я сдернул чадор, сбежал вниз и выскочил из дворца через ворота Али-Капу. Добежал я как раз вовремя, чтоб увидеть, как они скрылись в одном из переулков, идущих к базару. Во имя Господа! У дома Хассана, видимо, тоже имелся тайный выход, который вел на Выгул шахских скакунов.

Я предположил, что они идут в питейный дом или в другое место наслаждений, но не посмел идти за ними из страха, что меня заметят. Лучше потом послать за ними Масуда Али, менее приметного, чем я, и способного притвориться, что бежит по делу.

Мы вдвоем просидели несколько вечеров на крыше, за которые его сопротивление сну и желание исполнить работу не хуже взрослого заставили мое сердце трепетать от гордости. Долгие часы мы проводили, рассказывая друг другу истории и играя в нарды, и я научил его нескольким новым способам игры, чтоб он мог испробовать их на других рассыльных.

Однажды мы оба бодрствовали, и он принялся показывать приемы, выученные в Доме силы, — как отбивать удары руками. Все еще прикрытый чадором, я заносил руку, словно целясь ударить, а он отбивал ее и наносил свой удар. Силы не хватало, но он был очень быстр. Раз он достал меня ударом в грудь, который я даже не заметил.

Мы так увлеклись, что я не увидел, когда во дворе Хассана появились люди, но Масуд Али различил в темноте их движения. Крадучись, они прошли к тайному ходу. Масуд Али вскочил и

помчался следом, запасшись отговоркой на случай встречи. Я следил за ним, пока не перестал видеть, но в моем сердце поселился страх.

Несмотря на поздний час, я поспешил к Пери, на которой была чудесная домашняя одежда из бледно-желтого полотна и длинный халат абрикосового шелка. Она сидела на подушке, а Марьям расчесывала ее густые черные волосы, ниспадавшие до пояса. Должно быть, Марьям недавно втерла в эти волосы хну, потому что они блестели в свете лампы, как темный виноград, налитый соком.

— Глубоко сожалею, что побеспокоил вас, досточтимая повелительница, — сказал я, — но у меня есть сообщение только для вашего слуха.

Марьям не перестала расчесывать ее. Пери сказала:

— Душа моя, ради своей сохранности оставь нас...

И лишь тогда Марьям встала и с обиженным лицом покинула комнату.

Я вообразил, как она вернется, чтоб расчесывать длинные черные волосы Пери, пока те не заблестят, а затем они разденутся и в темноте прильнут друг к дружке. Пытался отвлечься от мысленного зрелища сильного, упругого тела царевны и нежных персиковых изгибов ее светловолосой подруги. Мне все больше не хватало Хадидже. Кроме наслаждения, которое мне давало ее тело, я тосковал по самому обычному ощущению ласки, переполнявшему меня, когда ее спина прижималась к моей груди, по теплу, рождавшемуся в тесном пространстве меж наших тел.

— Что там? — нетерпеливо спросила Пери.

— Мои караулы помогли узнать, что ночами переодетый шах отправляется искать удовольствий в базарных кварталах, — сказал я. — Масуд Али выяснил, что он покупает халву у одного и того же продавца сладостей каждый раз, как выходит.

Мы обсудили возможность подменить торговца нашим человеком, но решили, что это будет слишком подозрительно. Затем обдумали, как приправить шахский опиум до того, как из него скатают шарики. Но и это казалось чрезмерно опасным.

— А о каких еще привычках рассказывали его женщины? — спросил я.

— Почти ни о каких. Махаста не говорит ни о чем, кроме как о ребенке в животе. Куденет лишь пятнадцать, но она вовсе не глупа. Я нашептываю ей, что пытаюсь обелить себя в глазах ее мужа, и настаиваю, что если она узнает меня ближе, то поймет, что я невиновна. Похоже, она думает, что вот-вот ужалю ее своим змеиным жалом...

В комнату без приглашения вошла Марьям.

— Пора спать, — объявила она. Откинув бархатный покров на кровати, открыла расшитые шелковые подушки и оглянулась на меня. — Повелительница устала, — намекнула она.

Пери откинулась на подушки и прикрыла глаза:

— Спокойной ночи, Джавахир. Завтра утром договорим.

Марьям опять принялась расчесывать ее волосы щеткой слоновой кости, будто они уже были одни. Легкий вздох удовольствия спорхнул с губ Пери. Я оставил их наедине и вернулся в свою пустую постель.

Дразнящий блеск в глазах Баламани, когда я упомянул отца, побудил меня доказать свое искусство, раскрыв загадку его смерти, что бы я ни говорил вслух. Знания, вытянутые мною из Лулу, Баламани и мирзы Салмана, беспокоили меня одной общей тайной. Почему шах пожелал спасти счетовода, убившего одного из его людей? Загадка эта преследовала меня, унижая тем, что я, хваленый добытчик сведений, не могу добраться до ее дна.

Я пошел в хранилище записей и потребовал «Историю славного правления шаха Тахмасба». Эбтин-ага, впалогрудый евнух, выглядел не слишком растроганным тем ценным подарком, что я преподнес ему в прошлый раз, поэтому я помучился, выясняя, какие сласти он любит. На сей раз я принес белую нугу с фисташками от его любимого торговца. Он приподнял бровь, но подарок взял. «Снова по делам царевны?» — язвительно спросил он, вынося рукопись. Я не ответил.

Найдя без особого труда запись о Камийяре Кофрани, я прочитал ее. Он родился в Ширазе, до самой отставки был счетоводом. Женится на женщине — имени ее не было, — родившей ему четверых сыновей. Двое предположительно умерли, значит Баламани знал одного из двух выживших. Кофрани помогал покойному шаху в каких-то усовершенствованиях счетов, облегчавших чтение книг казны и дававших возможность выявить мошенничество. Он убил моего отца,

Мохаммада Амир-и-Ширази, заподозренного в измене, и несколько лет спустя умер в Казвине.

Что-то беспокоило меня — что-то, что я никак не мог ухватить. Мирза Салман и летописцы уверяли, что убийца мертв, но предположение Лулу, что он может быть еще жив, засело в моем мозгу. Неспособный разрешить это противоречие, я вернулся к записи о моем отце.

Мохаммад Амир-и-Ширази: Родился в Казвине, служил шаху двадцать лет, стал одним из его главных казначеев. Многие сослуживцы восхваляли точность его счетов и быстрое исполнение поручений двора. Казалось, он предназначен для продвижения в высшие чиновники — до того дня, когда он был обвинен в преступлениях против шаха и казнен. Позже возникали сомнения в истинности обвинения. В своей светозарной милости великий шах не казнил убившего, но возможно также, что на его решение повлияло наличие у того человека могущественных сторонников, которых шах не хотел задевать. Лишь Богу известно все в точности.

Я изучил каждое слово, но мозаика не складывалась в ясную картину — отсутствовал решающий кусок. Я снова уставился на запись, и слова одновременно открывали и скрывали правду. Казалось, что вот она — куски сплывались и расходились, пока я наконец не закричал.

Округлые плечи Эбтин-аги затряслись, и он уставился на меня:

— Что такое? Из-за твоего вопля переписчик испортил целую страницу.

— Я... я наконец отыскал ответ на вопрос.

— В следующий раз оставь свои новости при себе.

Я читал и перечитывал кусок предложения «...шах не казнил убившего...».

Что, если отрывок говорил о двух разных людях? Убившим был Камийяр Кофрани. Обвинитель был человеком с могущественными сторонниками, возможно еще живой. То, как был написан этот кусок, заставляло предполагать, что некто, может быть писец, за плату от

обвинителя намеренно затемнил правду. Если так, осознал я с растущим восторгом, этого человека все равно можно выследить.

Следующим утром, едва мы с Пери занялись обдумыванием нашей проблемы, до нас донеслись протяжные, мучительные вопли, за которыми последовал тревожный стук шагов. Я бросился к двери, хватаясь за кинжал. Вбежала запыхавшаяся Азар-хатун.

— Что за суматоха?

— Султанам! Она в ужасном состоянии.

— Немедленно приведите ее сюда, — распорядилась Пери.

Стоны стали громче, и Султанам ворвалась в комнату прямо в уличной обуви. Она ступала по лучшим шелковым коврам Пери, словно не помня, что они там. Шаль сползла с головы, седые волосы были точно стая змей, ползущих по лицу. Лицо залито слезами, рот оплыл, точно гноящаяся рана.

— Старейшая мать державы, что с тобой? — вскочила Пери, словно ее обязанностью было утешить. — Как я могу облегчить твои страдания?

— Сердце мое вырвали из груди и скормили волкам, — рыдала Султанам. — Помоги мне! Во имя Всевышнего, помоги!

Она упала на пол и поползла, словно животное, колотя кулаками по твердой глине. Царевна старалась уложить Султанам на подушки, но та отталкивала руки Пери, будто сами прикасания обжигали ее.

— Кто-то обидел тебя, почтенная матушка? Скажи мне, кто это. Я добьюсь справедливости.

— Да, ты должна добиться справедливости! — крикнула Султанам, стараясь сесть. — Я больна от горя! Потеряла свет моих глаз!

— Кто пострадал?

— Внук мой Султан Хассан-мирза. Умереть бы мне вместо него!

Мы встревоженно переглянулись.

Султан Хассан-мирза был старшим сыном Мохаммада Ходабанде от его первой жены.

— Что с ним?

Султанам завывала так громко, что звук ее горя отдался в моих зубах.

— Его удушили в Тегеране люди Исмаила!

— Да защитит Бог тебя и твой оставшийся род! — сказала Пери. — Я думала, Исмаил пообещал тебе не трогать Мохаммада и его детей.

Мучительные вопли Султанам подтверждали — он изменил свои намерения.

— Исмаил услышал, что кто-то из кызылбашей собирается поддержать Султана Хассан-мирзу в праве на трон, — ответила она, — но я знаю, мальчик уехал в Тегеран просто потому, что хотел попросить более высокого положения при дворе. Сейчас Исмаил держит Мохаммада Ходабанде и остальных его сыновей под домашним арестом в Ширазе и Герате. Я в страхе — он может перебить их всех.

Я стиснул рукоять кинжала.

— Да сохранит их Бог! — ответила Пери. — Мать стольких поколений Сафавидов, позволь мне предложить тебе снадобье, что уменьшит твою боль.

— Мне нужно не снадобье! — яростно отказалась Султанам. — Мне нужна справедливость! — Она воздела руки к небу и вдруг ударила себя по голове, груди, словно избивая врага.

— Что ты просишь меня сделать?

Султанам уставилась на Пери глазами в багровых веках:

— Я пришла сказать тебе твердо и неотступно, что мой сын должен быть смещен ради блага страны.

Я едва верил своим ушам.

— Высокочтимая старшая, вы уверены? В последнюю нашу встречу вы говорили совсем другое.

— Потому что ни одна мать не может и помыслить о свержении ее сына, пока она не откроет, что ее сын — чудовище. Пери, ты должна взяться за это.

— Как? Высокородные мне не помогут.

— Тогда найди другие способы.

— Что так бесповоротно изменило ваш разум? Исмаил убивал и раньше, направо и налево!

Царевна словно выхватила эту мысль из моей головы.

— Если Исмаил убьет Мохаммада и его детей, династии конец. Я должна отказаться от него, чтоб сберечь будущее своей страны.

Лицо Пери осветилось благоговением.

— Как отважны вы стали!

Лицо Султанам стало как осевшее тесто.

— Это только ради себя. Я... я не хочу терять остаток моей семьи и доживать остаток дней в одиночестве.

— Конечно нет. Бог даст вам увидеть еще много поколений.

Я понадеялся, что Султанам сможет помочь нам настичь нашу дичь.

— Высокочтимая мать, — сказал я, — ваш сын, повелитель вселенной, очень хорошо защищен. Конечно, его невозможно устранить.

— Вы можете добыть сведения у кого-нибудь, кто знает Хассан-бега.

— У кого же? — спросил я.

— У проститутки по имени Ширин.

— Откуда вы ее знаете? — поинтересовалась Пери.

— Она пришла ко мне пару месяцев назад, после того как стала обслуживать придворных. Сняв покрывало, показала мне синяки под глазами и рубцы на ногах. «Я плачу налоги, как всякая честная проститутка, — сказала она мне, — и прошу вас защитить меня от гостей, которые ведут себя как безумцы». Виновником был сын хана. Я послала своего визиря отчитать его, а также сказать его отцу, что он будет избит так же, как Ширин, если это повторится. Она была так благодарна за мое заступничество, что с тех пор мне рассказывает о своих посетителях. Среди них и Хассан-бег.

Я едва не захохотал при мысли, что любимец шаха сбегает в объятья продажной женщины.

— Вы сможете расспросить для нас Хассан-бега? — спросила Пери.

— Нет. Даже мать чудовища не на все способна. Идите к Ширин и скажите, что вас послала я.

— Где живет Ширин? — спросил я; мои ноги уже рвались в воинский марш.

— У пруда Сайид.

— Там, где богатые торговцы?

— Да. Она очень красива.

Самым красивым проституткам приходилось платить куда больше налогов, чем другим женщинам, продававшим себя, но они и

зарабатывали изрядно.

Глаза Пери наполнились восхищением.

— Ваша отвага будет примером для всех женщин. Я никогда не забуду ваших сегодняшних слов, но я знаю — ваше сердце разрывается от скорби по вашим внукам. Могу я навестить вас позже и оплакать с вами вашу утрату?

Султанам встала, высокая и ширококостая, заняв собой место на двух женщин.

— Не теряй время, горя со мной, — ответила она. — Просто делай, что я велю, пока весь наш род не истребили. Торопись!

— Чашм, горбон.

Султанам возвратилась в свои покои, оставив нас с Пери потрясенными увиденным.

— Ну и чудо! — Глаза Пери наполнились влагой сочувствия. — Можно ли себе представить — выносить дитя, чтоб оказаться перед необходимостью уничтожить его? Не думаю, что я бы смогла. А ты?

— Мой труд — лелеять страну, а не вынашивать детей. И ваш тоже.

Наши глаза соединило понимание. Как отличны мы были от обычных мужчины и женщины! Никогда наши чресла не дадут жизни младенцам, но нам суждены родовые муки для лучшего Ирана. Эта судьба, куда более великая и странная, чем любая, какую я представлял для себя прежде, питала во мне силы и надежду.

Пери выдала мне резной серебряный кувшин, чтоб вручить проститутке в качестве подарка, намекая на более щедрые дары в будущем. Завернув его в шелк, я поспешил к домам, сгрудившимся вокруг базара, держа направление на пруд Сайид. Это было одно из дюжины подземных водохранилищ, где запасали воду, текущую с гор по плавно спускающимся туннелям.

Дома из необожженного кирпича-сырца, стоявшие вокруг пруда, были приятны глазу и опрятны. У детей, игравших посреди улицы, я спросил дорогу к дому Ширин. Мальчик провел меня путаными улочками, как будто уже много раз делал это. Когда мы пришли, он махнул в сторону дома и загадочно улыбнулся. Я отблагодарил его мелкой монеткой.

Через деревянную калитку я шагнул в маленький, но аккуратный дворик с ухоженными абрикосовыми деревьями. Стены дома были выложены синими и желтыми изразцами. Слуге я сказал, что послан членом шахской семьи, и отдал ему кувшин. Когда меня провели в гостиную Ширин, передо мной поставили чай, благоухавший розовой водой, блюдо крупных фиников и печений на меду. Где-то в доме весело чирикали птицы.

Как только я допил чай, слуга пришел сказать, что Ширин хотела бы меня видеть. Встав, я прошел за ним в маленький покой в дальнем конце ее бируни. Он был расписан — фреска изображала мужчину и женщину, отдыхающих в саду. Женщина прилегла спиной на грудь мужчины, а его рука отыскивала тайные просветы в ее одеждах, чьи складки расходились, дразняще показывая грудь и колени. На следующей сцене — заработало мое воображение — ее одежда была бы наполовину снята, обнажая гранатовые груди. Клиенты Ширин должны были жаждать ее услуг после такого подбадривания.

Когда Ширин возникла в дверях, продолжая отдавать приказания слуге, я вдохнул незабываемый аромат дыма, ладана и роз. Она стояла спиной ко мне, под ее длинными черными волосами виднелось вишнево-красное платье, расшитое золотыми птицами.

Она повернулась, и я был поражен. Огромные темные глаза, словно глубокие колодцы под густыми бархатистыми бровями. Нос и рот казались маленькими в сравнении с ними. Такое лицо было невозможно забыть.

— Фереште! — вскрикнул я, — это ты или сон?

Прекрасные глаза встретились с моими. Затем она ответила, голосом печальным, но нежным:

— Это я. Но при слугах, пожалуйста, зови меня Ширин. Я больше не пользуюсь моим настоящим именем.

— Хвала Всевышнему! — выдохнул я. — Вот уж не думал, что когда-нибудь тебя увижу, особенно когда узнал, что ты уехала в Мешхед.

— Я решила уехать внезапно, — призналась она, но не сказала почему. — Мне было так жаль, когда я узнала, что ты с собой сделал. Пайам, неужели это правда?

Звук моего прежнего имени; у меня на лбу выступила испарина. Она была единственной женщиной из моего прошлого, знавшей обо

мне все, — единственной, видевшей мои взрослые мужские части. Сколько раз я грезил о ней, вспоминая ее нежность.

— Да.

— Хвала Богу, ты выжил.

На ее лице не было ни отвращения, ни ужаса, чего я боялся, и глаз она не отводила. Я вздохнул:

— Когда ты вернулась в Казвин?

— Около года назад, — ответила она. — Я так хорошо заработала в Мешхеде, что смогла съездить в Мекку. Там я и дала обет, что как только наберу достаточно денег, то брошу нынешнее занятие. Одного из моих клиентов в Мешхеде я попросила замолвить обо мне слово здешним придворным.

— Так тебя можно звать хаджи Фереште, — заметил я. — Хвала Богу, что ты совершила хадж!

— Он меня полностью изменил, — сказала она. — Бог милосерден, Он омыл меня своей благодатью. Конечно, я все еще отверженная — мои сестры отказываются видеть меня или принимать от меня подарки, — но временами я могу для них кое-что сделать.

— Можешь и для меня.

— Взаправду? А почему ты пришел?

Ее мягкое любопытство разбудило во мне желание рассказать все. Я напомнил ей о моем юношеском отчаянии, о моих мечтах и моем пути с тех пор, как мы виделись в последний раз. Я говорил, и что-то тяжелое и огромное покидало мою грудь.

Тогда я думал, что это мой единственный путь. Но теперь, когда я старше, мне кажется — нечто глубоко во мне заставило меня принести себя в жертву за моего отца, так же как он отдал свою жизнь за нас.

Никогда прежде я не изливал это чувство, даже себе самому. Как прекрасно было признать правду после стольких лет сокрытия!

Взгляд Фереште был полон любви.

— Я не удивлена. Ты был так юн и так страстен во всем! Как ты ел, как занимался любовью — словно твое сердце познает это впервые. Признаюсь, я часто думала о тебе.

Я не ожидал, что она скажет это, и ее слова согрели меня.

— А я — о тебе, — признался я, и во мне ожила память о том, как мы насыщались друг другом в ночной тьме. Ее кожа светилась, подобно лучшей бумаге, рядом с чернотой ее волос. После игр любви

она вжималась в меня, словно улитка, сворачивающаяся в своей раковинке.

— Ты изменился, став евнухом?

Я подумал.

— Никто не знает путей и мужчин и женщин так, как я, — разве что еще ты.

Она улыбнулась.

— Но и это не все. Если бы я стал знатным вельможей, как хотел, я бы сторонился тех, коголюбил.

— А ты кого-то любишь?

— Африканка-рабыня стала моей подругой, — ответил я, стараясь унять сердце. — Если бы я остался придворным высокого чина, то вряд ли проводил бы с нею больше времени.

— Рада слышать, что ты нашел любовь, несмотря на такую перемену.

Я взглянул на нее. Это была прежняя Фереште, но более спелой красоты. Тонкие морщинки легли вокруг ее рта, но теперь она была зрелой женщиной, и ее прелесть обволакивала меня, как сладостно благоухающее облако.

— А что у тебя? Может, лучше было остаться в доме мачехи?

Она печально улыбнулась:

— Я вышла бы за первого, кто предложил, все равно, что я об этом бы думала. Сомневаюсь, что была бы счастлива.

— А сейчас ты счастлива?

— Более или менее.

— И ты нашла любовь?

— Нет, — ответила она. — Какой мужчина захочет взять в жены проститутку? Но я нашла многое другое, например свою дочь, которую люблю всем сердцем.

Надежда, охватившая меня, была огромна, я не смел даже заговорить. Что, если милостью Божией Фереште уехала в Мешхед, потому что была беременна моим ребенком? Маленькая девочка с чудесными темными глазами Джалиле ворвалась в мои мысли. Безмолвно я просил Бога, предлагая Ему любую жертву, какую Он пожелает.

— Сколько ей?

— Шесть.

Я вздохнул: слишком маленькая, чтоб быть моей.

— Какой чудный возраст!

Слуга просунул голову в дверь и известил о появлении другого посетителя.

— Друг мой, я хотела бы еще побыть с тобой, но ради моей дочери я должна вернуться к своему занятию. Может быть, ты придешь снова?

— Непременно, — сказал я, — но позволь мне сказать, почему я здесь. Меня прислала Султанам. Ты наверняка слышала о нынешних сложностях во дворце.

— Я слышу о них все время. Я уже получила от нее письмо с просьбой помочь тебе, но она назвала тебя Джавахир.

— Это мое дворцовое имя. Скажи, ты знаешь Хассан-бега?

Понимающая улыбка заиграла на ее губах.

— Хассан-бег славный, но не храбрый. Он дрожит от страха, что будет убит, когда надоест шаху.

— А он не хочет перемены положения?

— Нет, он верен. Однако женщин тоже любит.

Я подумал, как сложно узнать подлинное лицо мужчины, если не знаешь, как он выглядит в разных местах.

— Что он говорит о шахе?

Она помедлила.

— Очень мало. Если он буйнит, чаще всего говорит одну вещь — ужасно невежливую.

— Какую именно?

— Что шах жиреет, как свинья, а наружу ничего не выходит.

Я фыркнул. Такая откровенная, острая на язык Фереште мне и помнилась.

— Полагаешь, это может человека разозлить вплоть до убийства?

Она засмеялась:

— Без сомнения.

— И как шах лечится?

Насторожившись, Фереште глянула на меня. Я и не хотел, чтоб она вела себя иначе. Нет ничего опаснее беспечного осведомителя.

— Зачем тебе это знать?

— Султанам просила меня выяснять о сыне все, что можно. Можешь проверить у нее, если не доверяешь мне.

— Обязательно.

— Ты сможешь расспросить Хассана о шахе?

— Наверное. — По глазам я видел, что она подумает об этом.

— Я буду благодарен тебе за любую помощь, Фереште. У тебя небесное имя, но ты и земной ангел.

— Глаза у тебя по-прежнему добрые, но рот стал хитрым. Хвала Господу! Несмотря на все перенесенное, ты изменился к лучшему.

Неудивительно, что Хассан-бег появлялся так часто! Фереште умела заставить мужчину чувствовать себя в нежных объятьях, даже не прикасаясь к нему. Уходя, я вспоминал, какой бархатистой когда-то была ее кожа под моими пальцами и как ее глаза, словно темные колодцы, отражали в себе мои страдания. А теперь ее глаза, как и мои, были настороженными.

Несколько дней спустя я получил короткое зашифрованное письмо от Фереште, написанное, скорее всего, писцом, потому что в те годы, когда я ее знал, она не умела ни читать, ни писать. Там говорилось:

Помнишь тот случай, о котором я упоминала? Друг сказал мне, что лекарство — специально приготовленные пищеварительные пилюли. Ты не мог бы помочь мне достать немного для моей матушки? С Божьей помощью они сильно бы облегчили ее страдания.

Когда я рассказал об этом царевне, она была взволнована новостью — впервые с того дня, когда мы заключили наш договор.

— Теперь я понимаю. А ты?

— Должно быть, пилюли имеют слабительное действие.

— Верно, и все же там что-то еще. Опиум чего только не вытворяет с кишками. Если шах взаправду пристрастился, у него, скорее всего, многодневные запоры.

Лицо Пери внезапно озарилось.

— Я только что вспомнила один из стихов Саади!

Желудок есть всегда столица тела:

Она прекрасна, очищаясь то и дело.

Когда же заперты ее врата засовом,

То даже гордый дух в отчаяньи суровом.
Но, настезь их открыв и не сумев закрыть,
О жизни можешь вскоре позабыть.

— Как искренне! Никогда не слышал ничего подобного, — сказал я.

— Саади не медлил написать о чем угодно, даже о кишках.

— Какое буйное воображение — газу не занимать.

Она рассмеялась:

— Но как нам добраться до шахских пилюль?

Аптекарь во втором дворцовом переходе изготавливал все лекарства, нужные обитателям дворца. Евнухи доставляли заказы в женскую половину и в покои шаха.

— Хороший вопрос. Уверен, что его лекарства проходят особую проверку на безопасность.

— Притворюсь, что у меня неладно с желудком, и закажу такие же лекарства от несварения — посмотреть, как они выглядят. Между тем постараюсь выяснить, кто их доставляет ему.

Следующим вечером я снова отправился повидать Хадидже. На базаре я купил сладостей и направился в ее покои, заявив, что это подарок от Пери. Предлог был очень слабый, но я ничего не мог с собой поделать.

Меня проводили внутрь, и я нашел Хадидже на кухне, где она временами возилась. Пурпурное хлопковое платье и лимонные шаровары, длинные волосы забраны в пучок на затылке. Бледно-желтый платок скрывал его почти целиком, лишь несколько завитков спускались на шею сзади. Ее темные губы выглядели до невозможного аппетитно. Насрин-хатун очищала бугристую айву, умело срезая тонкую кожуру. Котел, полный айвы, кипел оранжевой пеной в очаге рядом с нею, толченый мускатный орех и кардамон стояли наготове в ступках, и нарезанный лимон, и сахар, и розовая вода.

— Добрый вечер, — сказал я Хадидже, стоявшей у печи и помешивавшей в котле. — Я принес вам сласти в подарок от моей повелительницы, с благодарностью за вашу помощь в том благотворительном деле, что мы обсуждали в прошлый раз.

Брови Насрин-хатун приподнялись.

— Мне всегда приятно помочь, — ответила Хадидже. — Насрин-хатун, пожалуйста, кофе нашему гостю.

— Могу я приготовить его тут?

— Нет. Принеси с главной кухни. Так будет быстрее.

Губы Насрин-хатун кривились, когда она уходила.

— Ну как ты тут? — нежно шепнул я.

Она вздохнула:

— Когда шах касается меня, мой желудок сводит от отвращения.

Как мне хотелось спасти ее от него!

— Похоже, явилась одна возможность.

— Какая?

— Пилюли от несварения.

Хадидже перестала чистить айву.

— Верно. Он принимал их в последний приход сюда.

— Правда? А как они выглядели?

— Величиной с виноградину, похоже, что сделаны из меда и трав.

— Кто их доставил?

— Он велел слуге принести.

— Как он мог знать, безопасно ли средство?

— Коробочка была опечатана.

— Чьей печатью?

— Хассана.

Я не удивился. Ближайший спутник шаха обычно заботится и о тех вещах, которые у шаха всегда должны быть под рукой, — лекарства, платки и прочее.

— Как лекарство попадает к Хассану?

— Не знаю. Скорее всего, посыльный приносит пилюли из аптеки, а Хассан пробует их, прежде чем опечатать.

— Можешь раздобыть для меня одну пилюлю?

— Попытаюсь.

Варенье тихо побулькивало. Она помешала его, затем попробовала и добавила сахара и розовой воды. Цветочный запах наполнил воздух, напомнив мне первый раз, когда мы поцеловались. Когда мать Махмуда страдала от желудочной болезни, в конце концов убившей ее, мне приходилось заказывать Хадидже легкую еду, которую больная могла переварить, вроде рисовой каши. Однажды, когда мы уже начали интересоваться друг другом, Хадидже угостила

меня пахлавой, благоухавшей розовой водой, и заставила меня есть из ее пальцев. Я облизнул их, а потом...

— Джавахир, пожалуйста...

Руки мои дрожали.

— Он по-прежнему говорит о врагах? Вскрикивает по ночам и хватается за оружие?

— Пока нет. Но это не значит, что он не нанесет удар снова.

Лучше бы мы ударили первыми.

— Как насчет варенья? — спросила она, глядя в булькающий котел. — Хочешь, я добавлю туда одно средство?

Я был потрясен:

— Где ты возьмешь такое средство?

— Знаю кое-кого.

— Не смей даже думать об этом, — прервал я, гневаясь на себя, породившего такую мысль в ее уме. — Умрет шахский отведыватель, и тебя тут же казнят. Что бы ни случилось, не делай ничего — пожалуйста, ради меня.

Она вздохнула:

— Хотела бы я тебе помочь...

— Ты помогла мне больше, чем думаешь. Просто повидать тебя — для меня счастье. Сбереги себя ради своих будущих детей.

Хадидже грустно улыбнулась:

— Иншалла...

Она зачерпнула ложку варенья и подула на нее. Когда оно остыло, Хадидже предложила мне попробовать. Я взял чуточку на язык и подержал во рту, чувствуя, как сладость наполняет его. Наши глаза встретились, и я припомнил сладость ее языка.

— Несравненно! — сказал я. — Мне лучше уйти, прежде чем я оскверню приличия и уложу тебя прямо здесь.

Она отвела взгляд, и сердечная боль заставила меня спросить ее:

— Хадидже... как ты думаешь... если ты когда-нибудь освободишься, можем мы снова...

Отложив мешалку, она плотно сжала губы. Глаза ее смотрели в пол.

— Я хочу детей, — сказала она тихо, — и, кроме того...

Беспомощным жестом она воздела руки к небу. Я смотрел на нее и понимал, что она хочет сказать. Теперь, когда она узнала, что это

такое, она предпочитала полностью снаряженного мужа.

Она улыбнулась еще печальнее:

— Прости меня.

— Ты всегда в моем сердце, — ответил я, чувствуя, как ложится еще один рубец.

— Джавахир... — проговорила она, и я увидел, как жалость туманит ее взгляд. Этого я уже не мог перенести.

— Я должен идти.

В дверях кухни я столкнулся с Насрин-хатун, возвращавшейся с моим кофе. Поблагодарив ее, сказал, что у меня неотложные дела. Мой поспешный уход явно вызвал у нее подозрения.

Мне и вправду следовало сообщить узнанное царевне, но никакого настроения заниматься дворцовыми делами не было. Я послал записку, что болен, вернулся к себе и пролежал всю ночь без сна, глядя, как индиго ночного неба становится пеплом. На рассвете слабое, бесполезное солнце так и не смогло озарить мутное небо.

Хадидже прислала мне восьмиугольную коробочку, выложенную крошечными кусочками позолоченной слоновой кости, узором из мерцающих золотых звездочек на переливающемся белом дереве. Коробочка была запечатана красным воском с оттиском печати Хассана. Приподняв крышку, я обнаружил единственную пилюлю в особом углублении.

Пилюля была лимонно-желтым шариком величиной с последнюю фалангу моего большого пальца. Размер подсказывал, что она предназначена для разжевывания, а не для глотания. У нее не хватало кусочка, и были видны следы зубов. Я представил, как Хадидже жалуется шаху на боли в животе, чтоб заполучить ее, а потом ей пришлось и съесть немного. Лекарство я укрыл в складке одежды.

Вечером Пери вызвала меня показать пилюли от несварения, полученные из аптеки. Их прислали в простой деревянной коробочке с печатью аптекаря. Пери открыла ее, а я тронул одну пальцем. Она была липкая.

— Посыльный сказал аптекарю, что мне нужно такое же хорошее лекарство, какое он делает для шаха. Тот поклялся, что нынче утром использовал именно такой рецепт.

Я задумался над правдивостью этого:

— Каковы они на вкус?

— Мятные. Хочешь попробовать?

— Нет, благодарю.

— Возьми их и отдай переделать умельцу, который не предаст нас.

— Минуту, — сказал я, понимая, насколько важна осторожность. — Я тоже раздобыл одну. Давайте сравним их.

— У кого?

— Самый надежный источник.

Я развернул полученную пилюлю. Она была крупнее этих, даже при недостающем куске, и более яркого шафранового цвета. Хотя от нее и припахивало мятой, но аромат корицы был куда сильнее.

— Взгляните на это!

— А ты уверен, что это из личных запасов шаха?

— Полностью. К тому же у меня есть и коробочка. Она куда более тонкой работы, чем та, которую прислали вам.

— Кто тебе дал ее?

— Я полагаю, лучше не говорить — для общей безопасности.

— Мне хватит намека.

— Ну хорошо. Это одна из его женщин.

— Которой ты доверяешь?

— Даже мою жизнь.

— Джавахир, ты стоишь своего веса в золоте.

Если бы мы скопировали изделие аптекаря, нас отыскали бы через минуту. Хадидже только что спасла нас.

— Под каким предлогом ты посещаешь ее?

— Я просил о помощи для Рудабех и других женщин, взывавших к вашей щедрости.

— Тогда отлично. Сможешь ли ты найти кого-то, чтоб воспроизвел пилюли и не предал нас?

— Я постараюсь.

Но это было нелегко. Мне нужен был человек искусный в приготовлении ядов, но уязвимый настолько, чтобы побояться предать.

Я не мог использовать никого, кто был хоть чуточку близок к шаху, поэтому думал о тех, кто противостоял ему или перенес обиду. Большая семья Колафы могла пригодиться, но среди его родственников не было ни врача, ни аптекаря. Я не собирался искать кого попало в

закоулках базара, кто мог бы продать меня за награду. Наконец я припомнил Амин-хана Халаки, врача в ярко-синем халате, которого я выследил, когда он прятался в гареме во время попытки Хайдара захватить трон. Я знал, что он спасся, потому что через несколько недель встретил его на базаре. С такими компрометирующими сведениями будет легко заручиться его помощью.

Семья Халаки владела домом у реки. Слуга, отворивший мне, не хотел меня впускать, но потом рассмотрел, как роскошно я одет, и понял, что я из дворца. Он попытался отговариваться, что его хозяина нет дома, но я распахнул дверь и ступил внутрь, сказав ему, что лекаря лучше разбудить. Оробев, слуга убежал, быстро вернулся и проводил меня в гостиную с цветистыми извинениями.

У Амин-хана были кустистые седые брови, за которыми прятались глаза. На нем был темно-серый халат, который словно подчеркивал желание стать невидимкой. При виде меня он стиснул зубы:

— Так это ты.

— Похоже, ты меня ждал.

— Конечно. Знал, что ты потребуешь ответной услуги, — язвительно отозвался он.

— Ну вот и я.

— Что ж, входи. Я тут кое-чем был занят. Иди за мной.

Мы оказались в большой комнате, где хранились принадлежности его ремесла. Ниши были заставлены глиняными сосудами с травами, медицинскими книгами, от бессмертных канонных Авиценны до пересказов трудов древних греков. Помещение пропахло тысячью трав, у стен лежали охапки чего-то бурого и зеленого, чьи горькие ароматы щекотали ноздри. Я чихнул несколько раз, пока мы шли во внутренний двор, где на огромном мангале с пылавшим древесным углем кипел маленький металлический котел с ярко-желтым варевом. В другом котле настаивались какие-то бледные корни. Амин-хан помешал желтую жидкость.

— Что ты делаешь?

— У меня особая работа! — почти что огрызнулся он.

— Отрадно слышать, — похвалил я, — потому что именно это мне и нужно.

— Изложи свое дело.

— Я уверен, ты сможешь мне помочь, — сказал я. — Знаю, что ты будешь держать обещание, которое дал мне там, где я тебя тогда нашел, и сохранишь секрет. Без сомнения, тебе известно, что Исмаил не слишком любит тех, кого подозревает в скверных делах.

— Я лечил его отца. Это и есть скверное дело?

— Нет, если не считать того, что мазь для удаления волос оказалась отравленной.

— Я об этом ничего не знаю, — ответил он, и лицо его сжалось так, словно он пытался весь спрятаться за своими бровями.

— Тебе придется его в этом убедить. Я уверен, тебе этого делать не хочется, принимая во внимание, скольких людей он уже убил.

Амин-хан уронил железную мешалку в котел и с проклятьями попытался вытащить ее.

— Что тебе надо? — Он не сводил глаз с котла.

— У меня личное дело, которое требует решения, — сказал я, — и мне нужен один яд, который поможет его завершить.

— И кто твоя жертва?

— Убийца моего отца.

— Он из знати?

— Нет.

Он хохотнул:

— Зря стараешься, я не поверил ни единому твоему слову. Какой яд тебе нужен?

— Быстрый и безвкусный.

— Такой хотят все. Тебе нужен порошок, мазь или жидкость?

— А что ты посоветуешь?

Он начинал злиться:

— Это зависит от того, как ты собираешься им воспользоваться.

Я полез за пазуху и достал спрятанный там шарик:

— Мне нужно восемь порций вот этого — точно такого же вида и запаха.

Обнюхав пилюлю, он отщипнул кусочек и задумчиво его пожевал.

— Полынь, корица, масло перечной мяты, куркума, мед и чуть-чуть толченого рубина. Недешево будет стоить.

— Толченный рубин? Откуда ты знаешь?

Амин-хан усмехнулся:

— Сколько у тебя денег?

Я выложил на стол мешочек с серебром, что дала мне Пери. Брови Амин-хана приподнялись.

— Твои сбережения? А жертва, должно быть, много значит...

— Я плачу за безупречную дозу — и за твое молчание.

Амин-хан не ответил. Он взял котелок с настоем корней и процедил его сквозь сито в желтую жидкость. Жидкость поднялась до краев, свирепо клопоча. Успокоившись, она стала мутно-белой.

— Когда тебе понадобится твой заказ, пришли посыльного за своим лекарством от желудочных колик. Я отправлю к тебе мальчика, который скажет, где ты должен забрать его на базаре. Я не посылаю своих посыльных во дворец с такими опасными веществами. Как только оно у тебя будет, не спускай с него глаз. Ты понимаешь почему.

— Понимаю, — ответил я.

Никогда прежде не думал, что соприкоснусь с такими черными искусствами, и был поражен тем, что его работа одновременно отталкивала и притягивала меня. Должно быть, во мне заложена склонность к разрушению. Я подумал об отце — испытывал ли он сходные чувства?

— Кто научил тебя делать такое?

Брови Амин-хана снова опустились.

— Когда тебя нанимают лекарем к шаху, надо уметь все.

Я посмотрел на жидкость в котелке. Остывая, она уменьшалась в объеме. Маленькие островки белого порошка собирались на поверхности. Такой алхимии я прежде не видел.

— Что в котелке? Выглядит жутковато.

Он улыбнулся:

— Не только выглядит. Через несколько часов она превратится в тончайшую пудру. Женщины будут поработать ею мужчин легче, чем это делает дьявол.

Пери худела на глазах: скулы выступали все острее, а платья на ней висели. Я знал, что она беспокоится о своем брате Мохаммаде Ходабанде и его четырех детях, потому что Исмаил мог передумать в любой момент. Когда в ее покоях возникал посыльный, ее глаза вспыхивали тревогой.

Я предложил посетить мирзу Салмана и выяснить, не знает ли он чего-нибудь нового о намерениях Исмаила. К тому же мирза Салман

был моим лучшим источником сведений об отце. Я хватался за каждую возможность встретиться с ним.

Приемная мирзы была полна людей, но меня быстро провели.

— Царевна боится за сохранность семьи Мохаммада Ходабанде, — сообщил я ему. — Она просила узнать, думаете ли вы, что с резней покончено?

Мирза Салман нахмурился:

— Исмаил должен быть осторожен и не задевать Султанам. Народ разгневется, если он будет чрезмерно несправедлив к ней. Хотя недавно он высказался крайне обескураживающе.

— А именно?

— Он сказал: «Принято думать, что мой прадед был близок Богу. Они все считали, что их царственный *фарр* сможет защитить и что они смогут сражаться без доспехов. Сегодня никто не верит, что Исмаил больше чем человек. Кто поверит в его Божественную природу после того, как он двадцать лет провел за решеткой?»

— Воистину.

— Поэтому он чувствует, что должен показать это грубой силой.

— Я вижу. Вы полагаете, что Мохаммад и его дети под угрозой?

— Да.

— Защити их Господь. А как насчет царевны?

— О ней он ничего не говорил.

— И вельможи не попытаются остановить его?

— Нет, потому что против него лишь около половины.

— Понятно. И каковы же ваши намерения?

— Выжить.

— Думаю, это лучше, чем второй выбор.

Он рассмеялся, но я снова почувствовал, что ему со мной неловко. И я решил воспользоваться его неудобством:

— Речь зашла о втором выборе. Могу я спросить еще кое-что о моем отце?

— Конечно.

— Что вы о нем помните?

— Твой отец был прекрасным рассказчиком, украшением любого вечера, куда его приглашали. Но, подобно большинству хороших ораторов, он не всегда знал, когда остановиться.

— Вы знаете, как была раскрыта его измена?

— Я слышал от других, что однажды вечером он выпил слишком много и не мог уняться. Потребовалось не много времени, чтоб его рассказ нашел ухо того, кто захотел его выдать.

— Это меня не удивляет. Он любил поговорить.

Вошел евнух и сказал, что мирза Шокролло хочет видеть мирзу Салмана. Мне следовало поторопиться.

— Еще только одно. Хроники сообщают, что, хотя шах Тахмасб верил, что мой отец невиновен, Камийяра Кофрани он не наказал, поскольку у того были могущественные сторонники. Вы знаете, кто они были?

Мирза Салман насторожился, и я отчетливо почувствовал — что-то не так.

— Нет. Здесь ты достиг пределов моей осведомленности. Чем дальше я забирался в расследовании убийства моего отца, тем больше правды ускользало от меня. Я промолчал — часто это побуждает людей говорить дальше.

— Урок из всего этого один: при дворе никогда не стоит распускаться, — добавил он. — Посмотри на шаха Исмаила. Какая осторожность! Его безопасность непробиваема. Он не сделал еще ни одной ошибки.

Мирза Салман был самым изворотливым из придворных.

— Это важнее всего?

— Возможно, и нет, но это явно предупредило любые покушения на его жизнь.

Царевна не теряла времени, расспросив Гаухар, не знает ли она кого-нибудь, кто поможет нам доставить «лекарство», как только мы будем готовы. Гаухар вспомнила евнуха по имени Фарид-ага, несколько лет служившего ей, прежде чем перейти во дворец. Когда Ибрагима убили, он навестил ее и принес свои соболезнования, а потом намекнул, как опечален он событиями при дворе. Гаухар пригласила его и сказала ему, что если он захочет оказать ей особую услугу, то может разбогатеть, и он согласился выслушать условия.

Мы оговорили наши действия, и затем я послал Масуда Али за Фарид-агой, передать, что встречу с ним под одним из больших каштанов в саду гарема завтрашней полночью. В назначенный час,

укутавшись в темные одежды, я ждал его под деревом, где тьма была гуще нефти.

Когда появился Фарид, я легко узнал его, но не по внешности, а по запаху. Едкая вонь мочи клубилась вокруг него: он страдал недержанием, оттого что был неумело оскоплен. Такие невезучие евнухи обычно употреблялись в качестве мелких посыльных, чтоб не беспокоить никого слишком долго. Ему деньги Пери были бы очень к месту.

Когда он разглядел меня, то был изумлен:

— Так это поручение для вашей царевны?

— Не задавай вопросов. Мне приказано проводить тебя к особе, что вызывала тебя.

Мы дошли до стены гаремного сада и проникли за живую изгородь, ставшую еще гуще с тех пор, как я впервые попал сюда с Пери. Ночь была лунной. Следовало торопиться, чтоб нас не заметили. Я вошел в старый садовый домик и огляделся. Там было пусто. Я велел ему подождать меня, а сам пробрался в комнату с желтыми и зелеными изразцами и приподнял самый тяжелый, чтоб Пери могла выбраться. Она поднялась, скрытая черным чадором, изменившим ее фигуру и очертания головы. На лицо был наброшен пичех: она видела, а ее — нет.

Я позвал Фарид-агу, который вошел следом. Увидев Пери, он задрожал. В черных одеяниях она казалась призраком из клубящейся тьмы.

— Это что, джинния? — спросил он, пытаясь шутить, но я видел, что ему страшно.

— Подойди! — велела Пери, и он подошел, но не слишком близко.

— Кто ты? — спросил он.

— Этого ты не узнаешь, но у меня есть для тебя великолепный подарок. Смотри! — сказала она.

Развязав мешок, она выплеснула перед ним серебро. Монеты зазвенели на плитах, словно тысяча колокольцев. Даже в темноте они сверкали, и его глаза округлились от желания, когда он подсчитывал, что ему дадут эти деньги.

— Значит, ты все равно джинния!

— Нет, не так. Я даю задания.

— Чего ты потребуешь?

— Очень простой вещи. Но не скажу, пока ты не согласишься выполнить ее.

— А какова цель? — спросил он.

— Прекратить убийства во дворце.

Наступило долгое молчание.

— Значит, дело грязное.

— Особенное дело, требующее человека, достойного доверия, такого как ты.

— Почему я?

— Я думаю, ты ценишь справедливость.

— Справедливость? Вот уж никогда бы так о себе не подумал.

— Как и многие из нас, пока нас не призовут совершить нечто крайне важное.

Ему было неуютно.

— Я же просто обычный слуга.

— Именно это нам и нужно. Я слышала, что ты верно служил Гаухар и Ибрагиму много лет.

— Так. Мне ее очень жаль сейчас.

— И мне. Чем ты занимаешься во дворце?

— Доставкой.

— Чего?

— В основном еды.

— Тебе нравится там работать?

Он помолчал.

— Я уже привык.

— Что изменилось?

— Дворец стал местом страха, — сказал он. — Сегодня человек вознесен, завтра голова его выставлена на колу за Тегеранскими воротами. В этом нет разума.

— Потому-то мы так и озабочены, — сказала Пери.

— Если ваше дело — чистая справедливость, почему же вы платите?

— Из-за понимания, как ты рискуешь. Мы сделали бы это сами, но нам не попасть туда, куда можешь ты.

Он глубоко вздохнул:

— Кого вы хотите убрать?

— Я скажу тебе все, что нужно, если ты возьмешься за мое поручение. Если нет — наш разговор окончен. Что ты решил?

— Зависит от того, как вы меня защитите.

— Совершив то, что нам требуется, ты получишь эти монеты и будешь выведен наружу, где тебя будет ждать конь. Ты ускачешь в далекий город и заживешь там как богач.

— Я бы лучше остался в Казвине.

— Нельзя. Это опасно для всех нас.

— Откуда я знаю, что вы не отвернетесь от меня? Или не обвините меня в том, что пытались сделать сами?

— Даю тебе слово.

— Почему я должен ему верить?

— В моих жилах течет царская кровь. Этого довольно?

— Нет, если ты этого не можешь доказать.

— Что тебя удовлетворит?

— Лишь одно: мне надо тебя видеть.

— И с чего мне верить, что ты меня не выдашь?

— Даю тебе слово.

Пери засмеялась:

— Этого мало.

— Но я этого хочу, — сказал он. — Покажи мне свое лицо, докажи, кто ты, и я сделаю то, о чем ты просишь.

— Не делай этого, — шепнул я Пери.

Если он сможет назвать ее и предаст нас или будет схвачен, ему поверят.

Пренебрегая своей безопасностью, Пери подняла пичех и открыла лицо. Темные глаза ее виднелись в лунном свете, проникавшем в домик. Капля бирюзы, оправленной в золото, сверкнула на ее лбу. Серебряные нити мерцали, будто она была призраком. Она была бесстрашна — и мое сердце в этот миг рвалось на части.

— Когда ты совершишь то, что я повелеваю, знай, что сделал ты это по приказу царевны, для которой прежде всего благополучие ее династии.

Он безмолвствовал, глядя на нее.

— У нас нет времени, — сказал я. — Ты поможешь нам или нет?

Он последний раз взглянул на рассыпанные монеты, словно закончив подсчеты. Могу вообразить, о чем он думал: ему никогда

больше не придется работать, он будет жить без забот. Я завидовал ему.

— Что мне сделать?

— Когда мы позовем тебя, ты придешь сюда и заберешь коробку. Ты доставишь ее в место за пределами гарема и вернешься сюда. Тут ты получишь свои деньги и будешь выведен из дворца. Ведь это просто?

— Убить человека вообще просто.

— Верно.

Наступило долгое молчание. Теперь обратного хода не было.

— Когда придет время, я позову тебя, — сказал я.

— Не так быстро. Я хочу половину денег сейчас, а вторую — когда вернусь, доставив вашу вещь.

— Нет, — сказал я. — Половину — когда заберешь коробку, и половину — когда вернешься.

— Идет.

— Да будет с вами Бог! — сказал он, и я наблюдал, как он исчезает во мраке.

Потом я собрал монеты в холщовый мешок. Когда Фарид-ага был уже так далеко, что не смог бы ничего увидеть или услышать, я тихо поднял плиту, спустился в ход и оставил деньги там. Под мешком я поместил шахскую коробочку, выложенную слоновой костью, которую раньше прятал в своей комнате. Мы были почти готовы.

Когда через несколько дней меня разбудила музыка, я решил, что это сон. Похоже было, что музыканты надрываются от радости. Как давно я слышал последний раз во дворце эти звуки ликования? Было еще рано, однако Баламани уже ушел. Масуд Али постучался и отворил дверь, одетый в новый синий халат. Завиток непокорных кудрей выбился из-под его тюрбана, словно вестник дивных новостей.

— Весь дворец ликует. У шаха наследник!

— Морковка моя, ты уверен, что для меня нет никаких плохих известий? — поддразнил я его. — Где же мрачные тучи, вечно собирающиеся над твоей юной головкой?

Довольный, что не надо спешить навстречу трудностям, я повалился обратно на тюфяк.

— Сегодня ничего, кроме ясного неба, — ответил он. — Разве что вы заставите меня отыскать вам пару грозовых облаков...

Я лягнул воздух и обозвал его шайтаном, что его насмешило.

— Как назвали дитя?

— Шоджаэдин Мохаммад. Свет вселенной наградил вестника почетным шелковым халатом. Будет большое торжество, пригласили всех горожан праздновать и отмечать шахское счастье на Выгуле шахских скакунов.

Он подождал, а его черные глаза бегали.

— А можно мы тоже отметим — сыграем в нарды? Думаю, я смогу вас побить.

Я засмеялся:

— Конечно. Только сначала скажи, как там Махасты?

— Здорова и уже принимает посетителей из числа родных.

Даже будучи рабыней, Махасты нынче обязательно получит лучшие покои, больше слуг и наверняка свободу и предложение постоянного брака от шаха. Я мог лишь воображать, что чувствуют сейчас Хадидже и другие жены, когда она преуспела в том, чтобы подарить ему его первого сына.

— А Пери знает? — спросил я.

— Она только что отбыла навестить Махасты.

— Тогда быстро готовь доску, пока я встаю.

Мы сыграли, и впервые мне приходилось тщательно обдумывать каждый ход. Масуд Али передвигал свои шашки умело и храбро; хоть он и не выиграл, но искра в его глазах выдавала уверенность в близкой победе.

— Машалла! — сказал я и вознаградил его большим куском халвы.

Пока он жевал, я рассказал ему еще часть истории о Зоухаке и Каве. Когда он услышал, как Каве встал против жестокого правителя, растоптал его бумагу и поднял свой флаг — кожаный фартук, его глаза недоверчиво расширились.

— Какой храбрый!

— Особенно потому, что Каве даже не дотронулся до оружия, — только сила собственного духа и правда собственных слов.

— Ух!..

— Но муж, решившийся на такое противостояние, должен верить в него всей душой, всем сердцем. Только так он одолеет своего врага.

— Всей душой, всем сердцем, — как эхо, повторил Масуд Али.

Было уже поздно. Я отослал Масуда заниматься делами и пошел к Пери узнать, как ее встреча.

— Чудный малыш с могучими легкими, — азартно сообщила она мне. — Я видела в его глазках своего отца.

— А Махасти?

— Как все юные матери, она выглядит словно одурманенная. Я попыталась расспросить ее о шахе, но она была так занята младенцем, что, думаю, и собственного отца имя позабыла.

Мы оба расхохотались.

— Как Куденет?

— Полна зависти. Ей самой хотелось быть матерью первого сына. К тому же она раздражена тем, что шах больше не приходит к ней так часто, как раньше.

— Я полагаю, что ему теперь хочется быть с Махасти.

— Не думаю. Махасти обмолвилась, что он больше не придет к ней на всю ночь, пока ребенок не начнет спать до утра.

— Когда празднество?

— Завтра, и продлится трое суток. Первые сутки для шаха и его близких. Вторые — для всех вельмож. Третьи — общее празднование для всех жителей Казвина.

Наши глаза встретились — больше ничего не надо было говорить.

— На третью? — тихо спросил я.

— Да. Если Бог за нас, мы преуспеем.

Пари послала конюху приказ готовить лошадей, которые через три ночи унесут Фариду прочь от опасности, а я отправил лекарю записку, что нужно лекарство от несварения. Пока я хлопотал, на меня вдруг снизошел тот азарт, что известен воину, готовому встретить врага на поле битвы. Мы готовили наш удар очень долго. И наконец победа приблизилась вплотную.

Той ночью я крепко уснул, погрузившись в благую тьму, где хотел бы остаться навсегда. Но где-то к утру, очень рано, я вдруг расслышал шум у моей двери. Должно быть, это моя морковка прибежал с новостями, любовно подумал я, слегка улыбаясь, но тут раздался звук

железа, крошащего дерево. Прежде чем я успел вскочить с постели, дверь разлетелась, засов повис и четверо евнухов с кинжалами и саблями ворвались внутрь. О Али! Я не знал их, но по чеканным щитам и стальным шлемам понял, что они должны быть из личной стражи шаха.

Баламани выпучил глаза.

— С чего весь этот шум? — лениво поинтересовался он, хотя я видел, что он скрывает интерес.

— Вставай! Тебя требует шах, — приказал мне старший.

Я держался так, словно моя совесть чиста.

— Буду только рад услужить, — отвечал я, выбираясь из-под одеяла.

— У хорошего слуги работа не кончается, — заметил Баламани. — Разбуди меня, когда вернешься.

Он повернулся к стене и вскоре очень правдоподобно захрапел.

Надевая темный халат, закручивая на волосах тюрбан, влезая в кожаные туфли, я безмолвно искал, что могло пойти не так. Меня выдал врач? Расставила капкан Султанам? Фарид проболтался кому-то? Совершил ли я ту же самую ошибку, что и мой отец, рассказав слишком многим?

— Следуй за мной, — велел старший, и, когда я шагнул, один из стражников зашел мне за спину.

Масуд Али бежал по коридору, но, увидев стражу, благоразумно помчался дальше, однако глаза его были круглыми от беспокойства. Другие стражники остались в моей комнате, что означало обыск. Меня прошиб пот.

Мы шли через темные сады, полные тяжелой росы, пока не пришли к шахскому бируни. Потолок в нем был украшен гипсовой лепниной, изображавшей сосульки, при взгляде на которые становилось холодно, как в пещере. Мозаика из крохотных зеркал отражала каждую черту моего перепуганного лица, — казалось, повсюду глаза шаха и его соглядатаев.

Меня позвали тут же — дурной знак. Сердце мое почти остановилось при виде Пери, наспех одетой в простое платье, без украшений, неубранные волосы падали на плечи из-под удерживавшего их белого платка. Я старался понять по ее глазам, что

говорить или делать, но она не подала знака. Пот заструился из-под мышек до самого кушака.

Шах сидел на невысоком троне, застланном синими шелковыми подушками. Глаза у него ввалились; хотя он был в прекрасном шелковом халате, он не озаботился повязать тюрбан и волосы у него стояли дыбом. Я прижал руки к груди, низко поклонился и стал ждать.

— Надеюсь, твой слуга сможет объясниться! — без предисловий сказал шах Пери. Голос его дрожал от ярости. — Зачем ты приходил к моей служанке Хадидже? Помни, что ложь твоему шаху обернется мучительной смертью.

Я увидел Насрин-хатун, сидящую в дальнем углу. Придется мне явить чудеса изворотливости.

— Свет вселенной, я навещал вашу служанку несколько раз за помощью в благотворительности. Она была очень щедра.

— Благотворительности для кого?

— Для несчастных женщин, обратившихся к моей госпоже Перихан-ханум и просивших о помощи.

— Нелепость. У моей сестры довольно денег, чтоб помочь кому угодно.

— Да, но нужда велика, и часто другие женщины хотят иметь возможность помочь своим единомеркам.

Он посмотрел на меня с недоверием:

— Расскажи мне о каждом посещении.

Я взглянул на Пери, чтоб понять, верный ли избран путь, но она не давала знака.

— Конечно, я постараюсь припомнить. Первый раз был, когда пришла вдова, потерявшая дом и нуждавшаяся в одежде для себя и ребенка. Она была из Хоя. Второй — та вдова сумела вернуть дом и прислала в благодарность тонкую вышивку, которую я и доставил вашей служанке. Очень искусная, с маками и розами.

— Можешь пропустить цветистые описания.

— Прошу прощения. Другой случай — знакомая моей госпожи болела и нуждалась в лекарстве, смягчающем страдания. Я слышал, что ваша служанка была мастерицей в таких...

— О да! Мастерицей! — оборвал меня шах. — Но не такой, как ей казалось!

Хохот его был громким и страшным. Все евнухи в комнате держались скованно, будто случившееся было ужаснее любых слов. В моих внутренностях словно разверзлась жуткая пропасть.

— Это три посещения. А несколько дней назад, когда она варила варенье?

— Варенье? — переспросил я, выигрывая время подумать.

Насрин-хатун видела меня с ней в тот день. Подарок от Пери был слабым поводом, особенно если помнить, что эти две женщины едва ли были знакомы.

— Отвечай!

Я изобразил затруднение:

— Прошу прощения, повелитель мира, но я наведаясь к ней, потому что болел. Она же была знаменита своими целебными средствами, вот я и попросил такое...

Насрин-хатун в комнате тогда не было, и она не сможет опровергнуть мое утверждение. Лишь бы я не загнал в капкан саму Хадидже.

— Дурацкий предлог. У вас во дворце есть аптекарь.

— Мне нужно было срочно, — сказал я. — Были трудности, о которых я не смею упоминать в царственном присутствии.

— Намекни.

Я надеялся, что шах испытает долю сочувствия к страдающему желудком, так как у него самого похожий недуг.

— Нечто, чьего излияния из меня я не в состоянии удержать...

— Понос? Не кокетничай.

— Прямо вода, царь мира.

— Лекарство у тебя дома?

— Нет. Она мне отказала.

Глаза его были холодными.

— Если тебе нечего бояться, почему ты так встревожен? Ты весь вспотел.

— Боялся, что как-нибудь оскорбил царственное величие. Ничто не мучит меня ужаснее этой мысли.

Шах обернулся к Пери:

— Ты знала, что он просил у одной из моих женщин лекарство?

— Нет, — сердито отвечала она. — Это возмутительно, что мой визирь обращается с личными просьбами к близкой вам женщине. Он

будет наказан за такое нарушение.

Я сделал испуганное лицо и бросился к ногам шаха:

— Свет вселенной, умоляю о прощении!

— Встань, — сказал шах, и я медленно поднялся, не в силах убрать с лица ужас.

Я был взаправду испуган, как никогда в жизни, — за себя, за Пери и за Хадидже.

Шах подозвал стражника, выломавшего мою дверь. Тот вошел и низко поклонился.

— Твои люди нашли что-нибудь в его жилище?

— Ничего, кроме книги стихов, — сказал евнух. — Но к нему только что явился посыльный от врача.

Меня словно ударило — посыльный должен был отвести меня за ядом. Разум мой вдруг стал ясным и холодным, и я стал соображать, что я скажу, чтоб оправдаться в покупке отравы, решив, что даже ценой жизни использую единственный способ защитить Пери, может быть, и Хадидже — поклянусь, что сам решил отравить шаха.

— Что ему было нужно?

— Он сказал, что его лекарство от желудка готово, — пояснил стражник.

— Что с вами, евнухами, такое? — спросил шах. — Почему у вас вечные проблемы то с одного конца, то с другого?

— Пожалуйста, простите мое ничтожество.

Кто-то шепнул шаху на ухо, и он снова обратился ко мне:

— Ах вот что. Это ты оскопил себя сам?

— Да.

— Уродская история. Ты, верно, решил, что подтвердил свою верность раз и навсегда. Знай, что я потребую других проявлений верности.

— Чашм, — ответил я, склонив голову.

Шах обратился к Пери:

— Ты поняла, отчего я был столь придирчив? Неизвестно, когда убийца может нанести удар.

Его слова вонзились новой стрелой ужаса в мои внутренности.

— Свет вселенной мудр, — ответила Пери.

Шах казался польщенным.

— Я намерен вырвать с корнем любого возможного убийцу во дворце! — провозгласил он.

Лица придворных побелели от страха; молчание в комнате стало удушающим. Секунду я видел ледяные глаза Насрин-хатун.

Шах махнул рукой, отсылая меня.

— Позволяю твоему слуге уйти, — сказал он, не утруждаясь вспомнить мое имя. — Но тебе стоит в будущем приглядывать за ним.

Шагая через сады к дому Пери, я возносил самую горячую благодарность Богу за спасение. Светало, в кронах деревьев запевали птицы. Их веселая музыка наполняла меня сладостным облегчением.

Когда вернулась Пери, лицо ее было замкнутым. Она велела мне прийти в ту самую укромную комнату и захлопнула дверь. Не садясь, она стояла возле меня — так близко, что я чуял острый запах страха, исходивший от ее тела.

— Джавахир, ты что, с ума сошел?

Я не обратил внимания на ее гнев:

— Так добывались сведения.

— Почему ты не сказал мне о ней?

— Я намекнул вам на свой источник. Мне казалось, незнание защитит и вас, и ее.

— Это та же, которая передала тебе пиллюлю?

— Именно.

— Что еще ты хотел выяснить?

— Все о личных привычках шаха.

Она нахмурилась так, что лицо ее стало словно готовое к бою оружие.

— Он едва не поймал нас. Теперь он станет еще осторожнее, и все из-за тебя.

— Что вы хотите сказать?

— Что ты перешел границы дозволенного.

— Адский огонь! Как еще я мог добыть вам такие сведения?

Она обвиняюще ткнула пальцем в мою сторону:

— Тебе надо было сказать, когда ты шел на такой риск. Ты нарушил наше главное правило, все это время скрывая от меня свои действия.

— Я хотел уберечь всех и себя тоже. Это моя работа.

Внезапно она расхохоталась, но безрадостным смехом.

— Ох-хо! Ты просто осел! Ведешь себя как всезнайка!

Настроение у меня было не то, чтобы выслушивать такие обвинения, даже справедливые. Я отвернулся, будто от скверного запаха.

— К счастью, мне было известно достаточно, чтоб сказать шаху, мол, ты говорил о пожертвованиях для моих просительниц. Когда он стал выжимать из меня подробности, я сказала, что у меня огромное множество случаев и я не знаю, что и каким женщинам ты относил. Настоящее везение, что несколько дней назад ты упоминал о благотворительности, — просто удача. Нам нужно более продуманное поведение, чем такое.

— Но оно, похоже, вполне сработало, — отпарировал я.

Пери глянула на меня, как на червяка:

— Во имя Господа, ты хоть понимаешь, что случилось?

— Нет. — Мои внутренности словно завязало жестоким узлом.

— Пройшей ночью шаха разбудили подозрительные звуки. Он увидел, что Хадидже стоит возле его фляги с водой и что-то делает. Вскочив, он схватил ее, а она завизжала. В ее кулаке был стиснут глиняный флакончик, по ее словам, с приворотом. Она сказала ему, что надеялась на волшебство, чтоб понести от шаха дитя... Шах почти поверил ей, но решил приказать ей выпить зелье. Она заспорила, что ей-то как раз это не нужно. Когда он настоял, она попыталась выбросить флакон, но шах заставил ее выпить содержимое. Вскоре она схватилась за живот и упала, корчась в муках. Прежде чем умереть, она сказала, что решила на это сама, дабы отомстить за своего брата, но он ей не поверил. Все это утро он допрашивал ее служанок и посетителей, чтоб открыть, кто еще замешан.

Комната вокруг наполнилась удушливой тьмой. Я вцепился в свою грудь и застыл.

Пери уставилась на меня:

— О боже, Джавахир, ты словно утратил свет очей своих?

— Да! — крикнул я и осекся.

Я не мог признаться даже Пери, что был влюблен в одну из жен шаха. Она сочла бы это непростительным прегрешением.

— Если бы я мог быть на ее месте!

Губы Пери недоуменно искривились.

— Зачем?

— Потому что... — задыхаясь, выговорил я, — потому что это значит, что шах выдал себя и показал, что он может убить женщину, и вы тоже больше не защищены.

Гневные слезы, катившиеся из моих глаз после этого известия, нельзя было остановить.

— Джавахир... да ты воистину боишься за меня!

— Да, госпожа моя, — ответил я, утирая лицо и пытаюсь овладеть собой. — Воистину боюсь.

— Не тревожься обо мне. Наш замысел известен очень немногим: Гаухар, Султанам, а они на нашей стороне, Фариду, который хочет денег, и лекару, который боится своего прошлого. Кому еще?

— Никому, — сказал я, потому что не считал Фереште или Баламани. И тут меня обжег страх: а вдруг именно они нас выдадут?

— Тогда все в порядке. Мы будем проклинать имя Хадидже и выражать искреннее счастье, что шаху удалось раскрыть заговор рабыни.

— Какая храбрость решиться на такое! — упорствовал я.

— Я не могу одобрить раба, посмеявшегося отравить шаха. Это недопустимо.

— Недопустимо? А откуда у нас право совершить такое?

— Во мне царская кровь.

Меня захлестнула ярость. Ей следовало превозносить имя Хадидже, а не проклинать его.

— Джавахир, — взгляд Пери был странным, — да ты дрожишь. Ты как-то связан с намерением Хадидже?

— Совершенно никак, — отвечал я, и это была единственная правда, сказанная мною за все утро. — Но я болен от всего этого. Хотел бы я знать о нем и остановить ее.

— Клянусь Богом, я никогда не видела у тебя такого сердечного пыла. Что ты скрываешь от меня?

А я вспоминал, как Хадидже давала мне попробовать варенье, и вспоминал глаза ее — слаще засахаренной айвы. Как бы мне хотелось теперь не скрывать своих намерений! Каким же я был дураком!

— Мы были добрыми друзьями, — признался я. — Теперь она мертва, и все потому, что хотела помочь...

Я сел на корточки, руки безвольно свисали между колен. С меня словно содрали кожу, и все мои внутренности открылись непогоде, и

каждый нерв дергала боль. Всею душой я желал утратить каждое из чувств. Будь я сейчас на горном перевале, бросился бы в пропасть, радуясь ей. Я надолго позабыл, где я.

Когда мое сознание наконец прояснилось и я, дрожа, поднялся, рядом со мной стояло блюдо, а на нем один из платков Пери и сосуд с чем-то. Я вытер лицо.

— Джавахир, выпей это. Успокоишься. — Голос Пери доносился будто издалека.

Я почуял горькие травы, мед и выпил все залпом. Оступение разлилось во мне.

— Мне жаль твою подругу.

Я не смог ответить.

— Как бы мне хотелось, чтоб хоть один из моих братьев смог похвастать такой же доброй и верной кровью, что сверкает рубинами в твоих жилах! О Джавахир, если бы ты только знал, как мне хочется уберечь тебя от мерзких дел двора, как я жажду того, чтобы наша жизнь заблистала, словно золото. Смогу ли я когда-нибудь отблагодарить тебя за тот риск, на который ты шел за меня каждый день?

Ее влажные глаза и дрожащие губы открыли мне всю полноту ее привязанности. Так заботлива была она в миг самой убийственной моей скорби! Было ли это равно — могло ли быть равным — той сестринской любви, которая видна была в ее взгляде? Ведь она воистину сказала это, разве нет? Когда я возвращался к себе под жестоким утренним солнцем, я чувствовал, как разрывается мое сердце, словно пион, расправляющий свои кровавые лепестки.

Весь остаток недели я мучился, изображая должную гримасу на лице, когда упоминали имя Хадидже, — мрачное удовлетворение, что во дворце торжествует справедливость. Но когда позволял себе думать о ней, я вспоминал нежность ее темно-смуглого тела под оранжевым платьем и черпал смелость в сознании, что ее вело лишь одно храброе сердце. Был ли когда-нибудь муж такого же бесстрашия? Она никогда не касалась тяжелых мечей или острых кинжалов, что дают воинам их отвагу. Да, Хадидже была рабыней, но в сердце своем она оставалась львицей.

ГЛАВА 7

КОНЕЦ ОХОТЫ

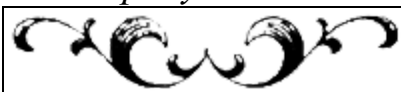
Как только он вошел в возраст, Ферейдун стал изучать искусство верховой езды, боя на мечах и полководческие умения. Овладев этими дарованиями, начал он в пустыне обучать войско, чтоб сразиться с угнетателем Зохлаком. На удачу попросил он кузнеца сковать ему булаву со звериной головой. Кто-то говорил, что это корова, но мне хочется думать, что бык, охолощенный буйвол.

Однажды в своем лагере Ферейдун увидел Каве, шагающего к нему под развевающимся кожаным фартуком, а за ним шло его войско — из протестующих, и понял он, что настала пора освободить Иран. Принял Ферейдун Каве как героя и украсил его скромный запон драгоценными камнями, золотым шитьем и каймой, пока не засверкало это знамя на солнце. Затем, когда все было готово к битве, воины Ферейдуна понесли этот стяг впереди, когда он повел их на столицу сразить Зохлака.

Прибыв туда, Ферейдун узнал, что Зохлак отправился грабить Индию. Он захватил пустой дворец, освободил тех, кого там держали, и забрал себе всех женщин.

Вскоре Зохлак вернулся со своим войском, чтоб отвоевать дворец. Воины его окружили замок только затем, чтоб узнать: население встало на сторону Ферейдуна. В ярости покинул войско и по веревке перебрался через дворцовую стену, чтоб захватить Ферейдуна врасплох. Но Ферейдун узнал его по змеям, извивавшимся на плечах, и могучими ударами булавы крушил его, пока злодей не пал. Тогда Ферейдун потребовал трон Зохлака и провозгласил себя правителем нового времени.

Так и был спасен от уничтожения мозг иранских мужей и справедливость вернулась в страну.

Когда погиб мой отец, меня словно затягивало в озеро горя, — казалось, плыть поверху невозможно. После смерти Хадидже я горевал так же сильно, и все же без детской беспомощности. Взамен рос

внутри холод, острый, словно лезвие клинка. Я стал неотступен и поклялся выполнить свою обязанность даже ценой собственной жизни.

Чтоб набраться мощи для достижения цели, я стал посещать Дом силы во дворце и упражняться с тяжелыми деревянными булавами, которые силачи крутили вокруг себя, чтоб подготовить свои тела. Проходили недели, и мышцы моих рук, груди и бедер становились твердыми, словно чугунные ядра. Шея стала толще, чем прежде. У меня открылся жестокий аппетит к мясу, каждый день я ел кебаб, но лишний вес тем не менее исчезал. Как-то я взглянул на себя в зеркало и понял, что выгляжу куда более настоящим мужчиной, чем когда-либо.

Некоторое время после смерти Хадидже нам с Пери пришлось постараться, чтоб вернуть прежние надежные отношения. Мы встречались ежедневно, она давала мне поручения, но все больше мелкие, и я читал в ее глазах, что, несмотря на всю свою привязанность ко мне, она не была уверена, можно ли мне доверять. Это новое сомнение тоже печалило меня. Я жаждал снова быть ее товарищем по оружию.

Однажды ночью мне приснилось, что шах Исмаил открыл наш заговор и что нас вот-вот казнят. Я проснулся в поту, простыни и те промокли. В темноте я признавался себе, что был не прав, умолчав о Хадидже с Пери, особенно после того, как она сама не поделилась со мной. Пот остывал, я дрожал, раскаиваясь в своей жестокосердности, которая могла погубить нас всех.

Днем я рассказал Пери о своем сне и попросил у нее прощения за то, что подверг наши жизни опасности. Меня, мол, слишком угнетало горе, я не мог признать, что ошибался, а теперь обещал ей пересмотреть свой подход к нашему делу. Пери милостиво приняла мои извинения, но что гораздо важнее — это сняло тяжесть с ее души. На ее губах уже в следующую встречу светилась улыбка, и я начал чувствовать, что ей снова доставляет удовольствие мое общество. Шли недели, мы выработали новый образ совместных действий, и доверие тихо росло меж нами, словно между старыми супругами.

Мы с Пери не обсуждали, как избежим возможной кары. Говорить о каких-то замыслах было слишком опасно: бдительность все

усиливалась, любой мог оказаться платной ищейкой шаха. Но мы оба знали: наша цель осталась прежней.

Раз мы принялись за это опасное дело, привозить сюда сестру было бы неразумно. Я отозвал Баламани в сторону и отдал ему запечатанный пакет со своими последними наставлениями. Если со мной что-нибудь случится, он должен будет употребить все мое имущество, включая драгоценный кинжал и «Шахнаме», на приданое для моей сестры и удостовериться, что она войдет в достойную семью в Казвине. Я не доверял двоюродной сестре моей матери — она не сможет обойтись с моей сестрой по-хорошему в случае моей смерти.

Прошло полгода, и жизнь вернулась в обычные рамки. Снега уступили место весне, Новому году и жаркому лету. Мы отпраздновали мухаррам и почтили мученическую смерть имама Хусейна обрядами, напоминая о его неслыханных страданиях на поле битвы, а теперь мы думали обо всех других несправедливостях, с которыми еще придется справляться.

Понемногу начало меняться к нашей выгоде и положение вельмож дворца. Шамхал-султан получил несколько высоких постов и земельные наделы для черкесов. Мирза Салман сумел добиться назначения великим визирем, а мирзу Шокролло в конце концов сместили и лишили милости. Мы надеялись, что назначение мирзы Салмана на второй пост державы однажды поможет возвращению Пери, пусть даже сейчас ему приходится держаться вдали от нее.

Рамадан в этом году выпал на второй месяц осени. За много недель до этого во дворце начались приготовления к тому, что день станет ночью, а ночь — днем. Торговцы привезли много масла, потому что мы будем бодрствовать и светильники будут гореть всю ночь, а также запасли еду, которая может храниться долго, — рис, бобы, сухие фрукты и овощи, пряности и тому подобное.

В канун Рамадана я засиделся с Баламани, несколькими другими евнухами и Масудом Али. Мы прогулялись у подножия гор и посидели на воздухе, укутавшись в шерстяные одеяла, потягивая кальяны и прихлебывая горячий чай, кипевший на мангале. Я наблюдал, как ночь рождает звезды, и видел в них глаза Хадидже. Поздней ночью Баламани предложил почитать стихи. Кувшины вина и крепкого арака

явились тут же, и все мы мало-помалу воодушевились, а ночь шла, и мы читали стихи, дорогие нашему сердцу.

Встав, я обратился к луне, называя ее прекраснейшей, но в глубине моего сердца знал, что говорю о Хадидже. Стихи, которые я произнес, были о любящем, чья любовь предпочла другого, оставив цветок его сердца навсегда увядшим.

Затем я прочел стихи о юноше, павшем в бою, но думал я о Махмуде. Слушатели восклицали: «Ба-а, ба-а!» — когда я произносил особенно прекрасную строку, а я осушал влагу моих глаз. Безопаснее было проливать слезы с другими над красотой стихов, хотя все мы, без сомнения, думали об иных утратах.

Масуд Али, весь вечер сидевший подле меня, упросил меня поупражняться с ним в захватах и удержаниях, которым он научился в школе единоборства. Радостно захватывая мою шею спереди в сгиб руки, другой он перехватывал ее сзади, сомкнув смертоносное объятье. Я похвалил его и показал несколько хитростей, усиливавших действие.

Хотя было уже совсем поздно, он попросил дорассказать историю Зоухака и Каве. Усевшись на подушки, я начал оттуда, где остановился в прошлый раз. Когда я дошел до места, когда Ферейдун повергает Зоухака своей огромной булавой, то подчеркнул, как важна была мощь героя. Глаза Масуда Али вспыхнули радостью.

— Как мне стать подобным Ферейдуну? — спросил он.

Прежде чем я успел ответить, он зевнул, свернулся у меня на коленях и крепко уснул. По живому изменчивому выражению его лица я точно знал, что во сне он видит себя Ферейдуном.

Все мы хорошо поели перед рассветом, вернулись во дворец и приступили к нашим утренним обязанностям. Затем вернулись к себе отдохнуть. Когда я проснулся около полудня, Баламани все еще спал на тюфяке, обняв подушку. В месяце Рамадане многие наши обязанности начинались после выстрела пушки и длились за полночь. Пока незачем было будить его. Я потихоньку встал и отправился в бани, где встретил Анвара и другого евнуха, окутанных паром. У обоих болтались груди и в паху было гладко, отчего они напоминали женщин. В другом углу бани юный, похожий на воздушное существо евнух кокетничал со вторым, постарше, показывая свое прелестное гладкое тело, словно продаваясь. Я был рад, что не обзавелся этими женственными чертами, будучи оскоплен так поздно. Грудь моя по-

прежнему была волосатой, широкой и мужественной. Хвала богу, и руки у меня крупнее благодаря упражнениям с тяжелыми булавами.

Когда я был чист и одет, было все еще рано идти на встречу с Пери. Одиноким полднем я снова ощутил тяжесть утраты Хадидже. Если бы рядом была матушка или сестра, я пошел бы к одной из них за утешением, но здесь не было никого. Поэтому я вышел из дворца и пошел на ту уютную окраину, где жила Фереште. Лавки только начали открываться. Возле торговца фруктами зрелище ярко-красных гранатов и напоминание об их сладком соке вызвали громкое урчание в моем животе.

Когда меня впустили к Фереште, я разглядел на ее лице вмятины от подушки. Она выглядела свежей, в розовом халате и лиловой рубашке под ним. Я сбросил туфли и уселся напротив нее.

— Приход твой к счастью... — заговорила было она.

— Благодарю тебя. Я пришел потому, что во дворце продолжают несчастья. Хочу узнать, не было ли чего нового о привычках шаха?

— Ничего значительного. Что за новости?

Прошло несколько минут, прежде чем я ответил. Голос мой словно застревал где-то в груди. Когда я снова смог говорить, то рассказал ей, что случилось с Хадидже.

— Я не мог ее спасти...

Огромные глаза Фереште были полны сочувствия. Она дотронулась до моей босой ноги теплой ладонью, окрашенной хной прелестного оттенка. Мне вспомнилось, как простое касание ее руки посылало молнию желания от пальцев ног по всему моему телу.

— Ах! — воскликнул я, изумленный до глубины души.

Ведь я ощутил его снова, мой утраченный член, так ясно, будто он твердел под моей одеждой. Могло ли это быть? Я не ожидал, что это чувство снова воспрянет во мне.

Фереште читала знаки мужского тела так легко, как другие читают слова.

— Ты потому и пришел, да? — Голос ее был холодным. Она резко убрала руку.

— Я люблюсь тобой, как прежде, — сказал я, — но я пришел не как посетитель.

— А зачем же ты явился?

Я потянулся и взял ее ладонь обеими руками. Она дрожала. Я словно держал бабочку, которая требовала огромной нежности.

— Мне нужен друг. Я потерял многих, а ты одна из тех немногих, кого я вспоминаю с признательностью.

— Я всегда останусь твоим другом, — спокойно ответила она.

— А я твоим. Могу добавить, что, если говорить о теле, я не тот, что прежде. Ты помнишь, я был очень требователен, но сейчас я ложусь с женщиной, только если она и хочет, и требует этого.

Фереште была удивлена:

— Не знаю, желаю ли я по-прежнему такого. Я делаю это так часто, что с желанием это уже и не связано...

— Понимаю. Что до меня, все делается совсем не так.

— Как ты живешь без этих частей?

— Как жить, я знаю, — с улыбкой ответил я, — но знание свое открываю только по просьбе.

Фереште смотрела на меня так, словно размышляла о чем-то, и мне стало интересно, попросят ли меня.

— Похоже, ты хочешь, чтобы тебя обняли.

Я смутился: неужели по мне так заметно...

— Хочу, — признал я.

— В таком случае, — ответила Фереште, — зову тебя обнять меня как друга. Никто еще этого не делал.

Я развел руки и сомкнул их вокруг нее, а она прильнула ко мне всей своей теплой тяжестью. Я чувствовал мягкое колебание ее дыханий, словно волны, которые катит на берег море. Я снова видел ее полуприкрытые глаза, темные ресницы, лежащие на белых скулах.

— А-а кеш-ш... — прошептал я удовлетворенно, зная, что это объятье для меня.

Долго и безмолвно мы стояли так, и я думал о том, как по-иному чувствую ее, чем прежде. Не дать себя охватить острому звериному желанию, а дать ей то утешение, в котором она нуждается, и принять то, что дарит она.

В комнате темнело, осенний день подходил к концу, грохнула пушка, означая, что можно есть, пить и любить. Я обнимал Фереште, пока служанка не постучала, давая знать, что пришел гость. Неохотно я отпустил ее.

Фереште поправила свою одежду и затянула пояс.

— Как хорошо, когда о тебе заботятся, даже когда так быстро...

Что-то в ее голосе задело меня.

— Потому что я евнух?

— Потому что тогда, давным-давно, ты вдруг исчез.

Мы помолчали, вспоминая те дни. Я думал о том, как смутны были мои чувства. Оттого что я провел с нею так много ночей, она значила для меня больше, чем кто-то, кого используешь и забываешь, и это не позволяло думать о ней как о всего лишь проститутке.

— Но я все равно пришлю к тебе вестника, если услышу что-нибудь полезное.

— Я хотел бы навестить тебя снова, узнаешь ты что-нибудь или нет.

— Хорошо.

Тон ее был ровным, и это напомнило мне, что некоторые люди, прощаясь, становятся холодными потому, что лишь так могут вынести разлуку.

Служанка Фереште проводила меня во двор, где мужчина в прекрасном коричневом шелку, казалось, томился без дела у маленького фонтана. Он обернулся на звук наших голосов.

— Ты ведь должна была вывести его через заднюю дверь, — упрекнул он служанку, покрасневшую от неловкости.

— Умоляю простить, — сказала она. — Я больше не буду так невнимательна.

Мне было интересно, отчего мужчина так тревожится, пока я не узнал в нем наперсника шаха, его любимца Хассан-бега. Взаимно удивленные, мы смотрели друг на друга. У него были удивительно красивые брови, словно выведенные совпасть с краями тюрбана. Они дополняли его высокие скулы и гладкую смуглую кожу. Хотя ему было скорее ближе к тридцати, из-за безупречной кожи он выглядел двадцатилетним. Заносчиво задрав подбородок, он показывал, что отлично понимает свой статус — дорогой награды. Представившись как дворцовый служащий, я сделал почти незаметный знак рукой служанке Фереште, чтоб оставила нас. Она училась быстро — немедля скользнула прочь.

— Я служу Перихан-ханум, — сказал я и, когда он никак не откликнулся, тоже сделал губами нечто вроде беглой гримасы сожаления.

Он улыбнулся, показав мелкие и ровные белые зубы:

— Я слышал о ней все.

— Да, наверняка, но сомневаюсь, чтобы кто-то на свете знал, что это такое — работать на подобную женщину. А что вы слышали? — Я приподнял брови, как бы показывая, что знаю много такого, что Исмаилу хотелось бы услышать.

— То, что она жаждет власти.

Я рассмеялся:

— А какая женщина шахской крови не жаждет? Но вы не поверите, что мне иногда приходится делать! Не знаю, как вы бы к этому отнеслись, но из-за ее мелких капризов так хочется служить мужчине! Порой меня по три раза в день посылают на базар, пока я не принесу нужную пудру. Такая потеря времени!

— Потому я и предпочитаю служить мужчинам, — согласился он.

— Понимаю.

Дверь со скрипом отворилась, и слуга дал понять, что Фереште готова к встрече.

— Вы так спешите? — спросил я, повернувшись к Хассану.

— А вам самому тут не нравится? — отвечал Хассан и вдруг остановился. — Подождите. Так ведь вы... Что вы тут делаете?

— Верно, я тут не потому, почему другие, — быстро ответил я. — По очень секретному делу. Сегодня оно не имеет отношения к пудре, хвала богу.

— И что же это?

— Я в самом деле не могу сказать.

Он будет больше верить тому, что выжмет из меня. Не так уж много у него возможностей подчинять себе людей моего положения.

— Как соратник шаха Исмаила, я требую ответа.

Я вел себя словно меня ставил на место кто-то вышестоящий.

— Э-э-э... — мямлил я, — правда в том, что... э-э-э... меня послали попросить амулет, который заставляет мужчин влюбляться...

— В кого?

— Мне нельзя...

— Царевна хочет, чтоб в нее влюбился мужчина?

— Конечно. — Я будто бы изворачивался. — Как и любая женщина.

— Но ведь брат ее убьет за это.

— Не думаю, — покачал головой я. — Амулет для него и предназначен. Она жаждет братской любви.

Он расхохотался:

— Понятно! Я дам ему знать.

— Прошу вас, не раскрывайте замысла царевны, — взмолился я. — У меня будут неприятности.

— Хорошо, не буду, — сказал он, но я видел, что он лжет.

Он схватил свое лакомство, теперь была моя очередь.

— А вы, несомненно, тут тоже по делу. Уверен, вы тут не просто так.

— Ну конечно нет. — Хассан погладил кончиками пальцев свои красивые губы. Я был уверен, что он отвлекал многих этим действием. — Если вы скажете кому-то, что видели меня тут, я буду это отрицать.

— Ну конечно же я не скажу, — уверил я. — Как и мне, нужна же вам иногда передышка.

Глаза его засветились облегчением, что его поняли, но он мгновенно скрыл это.

— Однако вы рискуете. Если задуматься обо всех этих убийствах во дворце, не опасаетесь ли вы за свою жизнь?

Он явно испугался — мягок, словно простокваша.

— А вы?

— Каждый день. Служить царствующим — это игра в нарды. Иногда я думаю, принесет мне это награду или могилу?

Он усмехнулся:

— Именно так.

— И где же вы находите облегчение — не здесь же? Я вот никак не могу воспользоваться тем, что предлагает Ширин.

Он уставился мне в зрачки своими глазами цвета плавленого сахара.

— Во время Рамадана это не так уж и плохо, — ответил он. — Праздники приводят его в благодушное состояние.

Но предвкушение возможности развлекать шаха почему-то навевало на него скуку. Он стал поправлять золотую цепочку, что

носил на шее, и я вдруг разглядел его личную печать, что наполнило меня азартом.

— Что ж, надеюсь, вам будет приятно, — ответил я. — Возможно, вы, как и я, счастливы, если удастся отвлечься. Но иной раз хочется, чтоб можно было порадоваться жизни, словно обычному человеку. Понимаете?

На секунду с его глаз будто отдернули вуаль, и он вдруг стал таким одиноким, как тот козел на базаре, что не мог избавиться от своих мучителей.

— Как собираетесь праздновать? — допытывался я.

Он помедлил, потом ответил:

— Завтра вечером после отмены запрета мы пойдем гулять по базару переодетыми, словно обычные простолюдины.

Я уставился на него в полном изумлении. Он проговорился — как несчастный, мечтающий изменить свои обстоятельства. Он поспешно попрощался и вошел в дом.

Пери только что вернулась, посетив Махасты и Куденет, которые притворялись, будто не знают ничего полезного о шахе. Когда я рассказал ей о намерениях Исмаила, ее глаза засветились надеждой. Гадая, она открыла книгу стихов Хафиза и прочитала случайно выбранные строки.

Но и в себе самом фанатик зрит лишь грех,
Он зеркало души готов сокрыть от всех:
«Мой вздох на нем оставил тень порока!..»

— Стихи словно написаны об Исмаиле, — заметила она. — Более законченного фанатика я никогда не видела. Считаю это благим предсказанием для нас.

Она закрыла книгу. Чело ее было гладким и спокойным, движения — решительными.

— Действуем!

— Чашм.

Я отправил записку лекарю, заказывая пилюли от несварения. Назавтра, когда они были готовы, я забрал их на базаре у его человека,

осторожно вложил в ячейки шестигранной коробочки и вернул коробочку в тайный ход. Пери послала Масуда Али, приказав сообщить Фариду, чтоб он ждал распоряжений. Масуд Али упорхнул.

— Надо возобновить твоё бдение на моей крыше. Как только ты удостоверишься, что они ушли, Фарид может выполнить своё поручение.

— Если меня заметят, чем оправдываться?

— Скажи, что просто очень тянет носить женскую одежду. Вряд ли это хуже, чем оправдываться поносом.

Я хохотал так, что у меня развязался тюрбан, и какой-то жесткий узел на сердце — тоже. Впервые Пери пошутила со мной насчет моих оправданий перед шахом. Наконец-то она простила меня.

Прикрывшись чадором, я взобрался по ступенькам и уселся на крыше покоев Пери, наблюдая, как отмечающие Рамадан гуляки проходят со своими семьями. На каждый стук двери мне казалось, что это Хассан. После выстрела пушки Азар-хатун тут же принесла мне горячего молока и хлеба с сыром, затем кебаб из ягненка с щедрой добавкой риса.

— Как ты чудесно выглядишь, прикрытый чадором, — совсем луна в облаке! — поддразнила она меня.

— А разве поэты не описывают прекраснейших мужчин и женщин именно так? — отшучивался я. — Губы — лепестки бутонов, щеки — румяные яблоки, глаза большие, озаренные душой, темные бархатные брови, кудрявые черные волосы и родинки — совсем как твоя...

Долгий хрипловатый смех ее оставался со мной, пока она спускалась. Когда он умолк, я вдруг подумал: если мальчики и девочки так одинаково любовно воспринимаются в поэзии и живописи, почему их начинают различать позже как мужчин и женщин? Что за разница — иметь инструмент или не иметь? Даже я не мог сказать.

Я уже заканчивал есть, когда тяжелая деревянная дверь дома Хассана со скрипом отворилась и Хассан, шах и охрана, все переодетые, вышли во двор и направились к стене с потайной дверью. Я бросился вниз к Пери.

— Они только что вышли, — сказал я, чувствуя, как я возбужден.

— Посылаю к Фариду, — ответила Пери, и ее руки, которыми она приглаживала волосы на висках, дрожали.

— Иду к потайному ходу ждать его.

И тут мой желудок громко забурлил.

— Подожди! — велела Пери. Нагнувшись к подносу, завернула в платок немного хлеба и сыра. — Возьми хотя бы это.

С поклоном, тронутый до глубины души, я принял ее дар. Без сомнения, ни разу прежде Пери не давала еду слуге. Жест доброты как бы говорил о понимании того, на какой риск я иду ради нее.

От Выгула шахских скакунов я свернул в тот самый небольшой сад, скрываясь за деревьями в наступившей темноте. Внизу на минуту я и сам перестал видеть, не зная ход так, как знала его Пери; я слегка заблудился в коридоре и его ответвлениях, но скоро мои ноги словно припомнили пройденный путь и понесли меня вперед, пока земля не закруглилась холмиком и я не зацепил носком туфли мешочек с монетами.

Убедившись, что рядом никого нет, я отодвинул плитку, взял мешок с половиной денег, шкатулку с пилюлями и положил все на пол в соседней комнате садового домика. Снова спустившись в ход, я задвинул за собой плитку, сел у стенки и стал дожидаться шагов. Если придет больше чем двое, я буду знать, что нас предали, и убегу ходом, чтоб предупредить царевну.

Я ел хлеб с сыром, готовясь к долгой ночи. Сырость подземелья впитывалась в кожу, словно меня уже опустили в могилу. Перебирая в голове все части нашего заговора, я понимал, что самое ужасное — отсутствие печати Хассан-бега на шкатулке. Я начал думать, что с нами будет, если мы попадемся. Конечно же, нас убьют, но прежде нас будут пытать так, что лучше не представлять. Мне виделось, как нас бьют по ступням, так что брызжет кровь, как глаза выжигают раскаленным железом, как ломают позвоночники.

Звук бегущих ног — мои волосы встали дыбом, слух напрягся до предела. Гулкий скрежет, словно кто-то пытался сдвинуть плиту. Что-то задело мое колено, я вскочил, удержав крик. Выдернув кинжал из ножен, я наугад ткнул перед собой, полный решимости ударить первым. Клинок уткнулся в твердое, и я зарычал от облегчения. Пошарил в поисках добычи, но мои пальцы находили только земляную стенку. Злобный писк вдалеке помог догадаться, что я спугнул стаю крыс.

Не знаю, сколько времени прошло, пока я не услышал шаги. Они остановились в комнате, где я оставил шкатулку. Звякнули монеты, потом все затихло. По плиткам царапнуло дерево. Затем шаги удалились.

Дождавшись, пока единственным звуком осталось биение моего сердца, я отодвинул плиту и огляделся. Шкатулка и мешок исчезли. Я нырнул обратно в ход, чтоб дожидаться возвращения Фариды. Тревога вновь ожила во мне. Выполнит ли Фарид свою часть дела, как обещал? Если его схватят, как быстро он предаст нас? Сказал ли он уже кому-нибудь, что надо обыскать садовый домик? Возня мелких животных в подземелье казалась мне оглушительной, как поступь войска, посланного выследить меня и убить.

Прошла целая вечность, пока я не услышал над собой шаги. Я ждал, весь напрягшись. Фарид мог просто велеть стражникам ожидать невдалеке от домика. Я напрасно ожидал услышать голоса и топот; мне ничего не оставалось, кроме как продолжать. Тихо убрав плитку, я выбрался наружу, оставив вход открытым на случай, если придется бежать. На цыпочках войдя в соседнюю комнату, я сказал: «Салам алейкум».

Фарид подскочил:

— Во имя Господа! Ты просто джинн!

— Тебе удалось?

— Слуга, открывший дверь, ничего не соображал от недосыпа. Я сунул шкатулку ему в руки, и он взял ее, ни о чем не спросив.

— Тогда ладно. Пошли.

— Где остальные деньги?

Я протянул ему мешок, и он затолкал его за пазуху своего халата. Достав длинный лоскут, я завязал Фариду глаза. Потом обвел его несколько раз по домику, чтоб он потерял направление, помог ему спуститься в ход и бесшумно задвинул плитку.

— Держись за мой халат, — сказал я.

— От него пахнет смертью.

— Не переживай, я тебя поведу.

— Это могила? — спросил он пронзительным от страха голосом.

— Конечно нет.

— Я тебе не верю! — крикнул он. — Я справлюсь сам! — Он отпустил мое плечо и через минуту взвизгнул: — Я не вижу! Ничего

не вижу! Ты бросил меня в яме!

Вопил он так громко, что я побоялся, как бы нас не услышали снаружи.

— Заткнись! — приказал я. — Мы не можем идти через дворцовые ворота на глазах у стражи, понял? А теперь хватайся за мой халат и держись как следует, чтоб выйти отсюда.

Он забормотал стихи Корана, хранящие от зла, и снова схватился за мое плечо. Рука его дрожала, и я знал: он ощутил весь ужас того, что мы совершили. Я попытался успокоить его:

— Там тебя ждут лошади. Твоя работа сделана, ты богат, а скоро будешь свободен. Завидую тебе.

Новые молитвы срывались с его губ, но за мое плечо он держался, и мы, спотыкаясь, медленно брели во мраке.

— Не нравится мне все это, — сказал он. — Какая правда может быть в убийстве? Неужели Бог уже наказывает меня за участие в этом?

— Да нет же. Все, что сделал ты, — это принес шкатулку, — сказал я. — А что нам еще остается? Ждать, словно бараны, которых все равно зарежут?

— Да защитит нас Бог! — пробормотал он.

— Слушай, — сказал я. — Давай я расскажу тебе одну знаменитую историю.

И я начал рассказывать ему часть из «Шахнаме», вставляя время от времени те стихи, что помнил, дабы успокоить его. К моему облегчению, магия поэзии сработала. Фарид перестал скулить и, казалось, следил за нитью повествования.

Когда мы наконец добрались до конца хода, я накинул на себя чадор, лицо скрыл под пичехом и вывел Фариду наружу в маленький сад. Неподалеку я увидел конюха, державшего двух лошадей, как и обещала Пери. Фарид едва удерживался, чтоб не побежать. Я проводил его до Тегеранских ворот и смотрел, как он покидает город.

Лицо Пери светилось, как солнце, проглядывающее сквозь тучи. Взгляд ее согревал меня, и я чувствовал, что все мои труды стоили этого. Я знал, что говорить можно лишь после того, как она отошлет Азар-хатун за чаем и финиками.

— Все в порядке, — просто сказал я.

— Отсутствие печати заметили?

— Нет. По крайней мере, пока нет.

— Фарид?

— Отбыл. Был так напуган, что вряд ли когда-нибудь ступит на улицы Казвина.

Она испустила долгий глубокий вздох:

— Да хранит тебя Господь всегда.

Мы оговорили каждый наш час в течение последних двух суток и решили, что, если кому-то из нас начнут задавать вопросы, будем говорить, что она была в своих покоях и писала письма своим сторонникам.

— Оттоманы до сих пор не прислали поздравления с коронацией Исмаила, — сказала Пери. — В связи с таким нарушением церемониала мне придется написать Сафийе-султан, жене Мурада Третьего, и выразить свою заинтересованность в сохранении мирного договора, естественно сопроводив письмо подарками. В случае допроса я смогу сказать, что нанимала лошадей и конюха для отсылки всего этого.

— А что мне говорить о моем местопребывании?

— Ты помогал мне. Если кто-нибудь на базаре видел, как ты забираешь пилюли, скажешь, что я разрешила тебе поискать новые лекарства для своего желудка, — отныне это станет удобной вечной неприятностью.

Я улыбнулся.

— А теперь, прежде чем ты уйдешь к себе, я хочу прочесть тебе стихи, которые написала.

— Какая прекрасная неожиданность!

— Присядь.

Я взглянул на нее. Сидеть, когда она стоит? Это будет первый раз, когда я нарушу правила.

— Не стесняйся.

Я опустился на одну из подушек. Пери взяла листок глянцевой бумаги, на которой она любила писать стихи, и начала читать вслух.

Он робко, будтомышь, сновал тогда по дому,
Он стать умел невидимым другому.
Соперников не знал в храненьи тайны,
Но тих и скромн был необычайно.

Как мудрая жена, умел он слушать
И утешать всегда изливших душу.
Тот, кто решил — ослаблен он потерей,
Ошибся, — как клинок, он тверд и верен.
Не думай: «Мягче он вареной чечевицы,
Слабей ногтя изнеженной девицы...»
Душой сильнее он дамасской стали,
Лев сердцем, рык слабее львиного едва ли.
Мы знаем по нему, что можем сами
Сдерживать внутри бушующее пламя.
Великих чтение и знание стихов
Его душой возносит выше куполов.
Он муж? Он женщина? Не все ли нам равно:
Пусть третий пол, но в нем воплощено
От них все лучшее. Попробуй возрази
Пайаму Джавахир-и-Ширази!

— Да не устанут твои руки! Это прекрасно.

— Ты говоришь так, потому что твои уши слышат лишь красоту, — ответила она с притворной скромностью.

— О нет, правда, — заверял я, расчувствовавшись.

Подумать только — царевна пишет мне хвалебные стихи! Никогда не посмел бы и надеяться на такое. Мужчины всегда считают меня ниже себя из-за моего отсутствующего инструмента, а женщины воображают, что я такой же, как они. Ошибаются все. Я и в самом деле третьего пола, совершеннее, чем те, кто жестко привязан к одной роли, заповеданной от рождения. Пери это поняла. Не считать меня увечным, а прославить то новое, чем я стал. Мое рождение как евнуха наконец было признано и отмечено такими же трубными звуками, которыми празднуют рождение мальчика.

Я был мужчиной, поэтому мне захотелось обнять ее; как ее слуга, я мог лишь приветствовать ее. Столкновение чувств взметнуло меня на ноги. И я просто остался стоять, не зная, что делать дальше, пока улыбка Пери не сказала мне — она понимает, что творится в моем сердце.

Весь день во дворце было тихо. Чуткий, словно кот, я ловил каждый шум, который мог сказать — свершилось. Но все молчало. Ближе к вечеру я сказал Пери, что хочу вернуться на крышу и постараться оттуда разглядеть, проглочены ли наши пилюли.

— Можешь идти, — сказала она. — Я прикажу кому-нибудь из служанок принести тебе поесть.

— Благодарю вас, повелительница.

Я размотал свой тюрбан, взял один из чадоров ее девушек, прикрылся и взобрался на крышу. Белый холодный туман наплывал отовсюду. Я укутал голову и глянул в небо, мерцающее первыми звездами. Когда одна из них мигнула мне, я представил, что это Хадидже сообщает о своем прибытии...

Пушка выстрелила, и Азар-хатун принесла мне одеяло и ужин. Должно быть, Пери сказала ей не жалеть ничего. Жареный барашек, прямо-таки спадающий с косточки, несколько сортов риса, тушеная ягнятина с зеленью и лимоном, цыпленок с подслащенным барбарисом, огурцы с простоквашей и мятой, горячий хлеб. Когда я поел, Азар поставила передо мной большую пиалу чая, сдобренного кардамоном.

— Как черный убор оттеняет твои глаза цвета кофе... — поддразнила она меня, и улыбка ее была ярче благодаря чудной родинке около нижней губки.

— Только подобная тебе роза милостива даже к скромнейшему из цветов, — принялся заигрывать я.

— А что ты делаешь на крыше?

— Изучаю звезды, — сообщил я. — Царевна попросила меня углубить мои знания планет и светил.

Я надеялся не увидеть, как открывается дверь дома Хассана, поскольку это значило бы, что шах жив. Но когда луна поднялась высоко в небеса, дверь закрипела, отворяясь, и Хассан вышел с человеком в простой одежде — с шахом — и несколькими хорошо вооруженными телохранителями. Я просто вспыхнул от разочарования. По всей видимости, пилюли он не глотал. Ну а если принял и они оказались недостаточно сильными?

Когда они исчезли, мне больше было незачем мерзнуть снаружи. Я спустился и нашел Пери.

— Они только что ушли праздновать, — доложил я, и гнев сводил мне челюсти.

— Что ж, пускай, — холодно ответила Пери. — Почему бы тебе не помочь мне с этими письмами?

Тело мое напряглось для любых действий. Я напомнил себе, что Баламани однажды сказал мне про властителей. Они, словно самые быстрые животные на земле, едят нечасто. Иногда они расходуют всю силу за доли секунды и потом не трогаются с места, пока добыча убегает прочь.

Я заставил себя расслабиться.

— Конечно.

Пока Пери заканчивала свои письма о ненарушении мирного договора, я выражал те же чувства другой знатной женщине, работая в качестве писца. Мое перо летело по странице. Все во мне было взвинчено, я чувствовал, что не засну больше никогда в жизни. Мы пили кофе и ели сласти, чтоб сохранить силы. Пери то и дело вызывала служанок, чтоб в случае надобности сослаться на них, видевших нас за работой, и обеспечить нам оправдание. Единственным признаком того, что чувствует царевна, были кляксы, которые она время от времени сажала на письмо и должна была начинать заново.

Глубокой ночью она повернулась ко мне и сказала:

— Думаю, что наконец поняла, почему мой отец не назначил преемника. Он слишком хорошо представлял все трудности, которые испытает любой человек, взошедший на трон, и не хотел никого обрекать на них.

Глаза ее были задумчивы, лицо смягчившимся. Я решил рискнуть и попробовать узнать то, что так жажду открыть:

— Наверное, он хотел, чтоб судьба показала ему, кто станет самым великим вождем Сафавидов.

Пери изумленно взглянула на меня:

— Так ты знаешь о предсказании его звезд? Откуда?

Я улыбнулся:

— У меня свои способы, повелительница.

— О да, ты умеешь...

— Но всего я, конечно, не знаю. Это и есть причина, по которой вы с вашим отцом решили нанять меня на службу при дворе?

— Да, но лишь одна из причин. Вот задумайся на мгновение — продвигали бы мы тебя, не будь ты этого достоин?

— Спасибо, властительница моей жизни. Могу я спросить, почему вы мне не сказали о моем гороскопе?

— Нам посоветовали этого не делать. Когда люди узнают о таком предсказании, они начинают стараться его исполнить. Мы же хотели, чтоб ты был сосудом правды.

Тахмасб-шах следовал путем, которым вели его мечты, и они никогда не подводили. Меня не удивило, что он так серьезно принял предсказание обо мне.

В комнату вошла Азар-хатун и спросила Пери, не подать ли еще чего-нибудь освежающего. Я нетерпеливо дожидался, пока они не закончат. Пот смочил края тюрбана там, где он охватывал мой лоб.

Когда они завершили разговор, я сказал:

— Пусть дарует мне Бог исполнение того пророчества, о котором вы упомянули! Но сейчас кое-что меня тревожит. Я долго пытался распутать историю Камийяра Кофрани, убийцы моего отца.

Мне казалось, что сейчас ей можно сказать об этом. Она уже не беспокоится, что жажда мести войдет в конфликт с моей преданностью.

— Понимаю, сколько работы задал ты дворцовым летописцам своими вопросами!

— А!.. — Мне следовало знать, что ее шпионы непременно сообщат ей.

— И что же ты до сих пор желаешь узнать?

— Летописи говорят, что у него были могущественные союзники.

— В самом деле? — Чело Пери нахмурилось, взгляд стал озадаченным. — Насколько мне известно, человек этот был самым обычным счетоводом. Можешь спросить мирзу Салмана. Он его нанял в Азербайджане много лет назад.

Я весь напрягся. Почему мирза Салман об этом даже не упомянул?

— Ты знаешь, отчего он не понес наказания?

— Да.

Пана бар Хода! Я уставился на нее с немым вопросом в глазах.

— Джавахир, пока я не могу назвать причину. Потерпи, и я открою тебе ее, когда будет безопасно это знать.

Теперь моя сосредоточенность пропала бесследно. Видя меня настолько сбитым с толку, Пери велела мне идти к себе и отдохнуть. Складки у ее губ стали глубже от тревоги. Я не мог ее винить.

Я пошел к своему жилью, попутно рассказав нескольким встречным евнухам, как я устал, всю ночь помогая Пери с ее бумагами.

Баламани уже спал. Я улегся на тюфяк, взяв свою «Шахнаме», однако вместо чтения скоро обнаружил, что думаю об удавке на мальчишеском горле Махмуда, об отраве, сжигающей чрево Хадидже, и о кинжале в груди моего отца. Почему Пери не может рассказать мне то, что знает?

Затеплив свечу, я открыл «Шахнаме» на странице, где Каве стоит перед Зоххаком, обличая его кровожадность. Отвага Каве перед лицом несправедливости так поражает шаха, что он не может остановить его. Одному-единственному человеку надо было подняться на Зоххака, чтобы остальные наконец могли собраться с духом и сражаться за справедливость.

Я любовался бесстрашием скромного героя древности, не обладавшего ни знатностью, ни богатством, ни могущественными друзьями — ничем, кроме чувства справедливости, которое вело его.

Задолго до полудня я встал, оделся и отправился на встречу с Пери. Когда я вошел в ее покои, на ней было то же синее платье, что и прошлым вечером, а круги под глазами стали еще темнее. Сидела она там, где я ее оставил.

— Повелительница, что вас мучит?

— Я не могла спать. Каждый шум заставлял меня ожидать известий. Только что мирза Салман прислал записку, что ему нужно немедленно со мной переговорить. Мне надо выяснить причину.

— Мог он раскрыть наши замыслы?

— Нет. Тогда он прислал бы шахскую стражу и уж не спрашивал бы позволения.

Мирза Салман не заставил себя ждать. Явился он с единственным слугой вместо обычной большой свиты, сопровождающей великого визиря. Сердце мое зачастило, когда я разглядел несколько волосков, выбившихся из его всегда безупречного тюрбана. Я проводил его на мужскую сторону занавеса в бируни Пери, а затем отступил, чтоб лучше видеть.

— Досточтимый слуга державы, приветствую ваш приход. — Низкий, сладостный голос царевны заполнил разгороженную комнату.

— Царевна, — угрюмо ответил мирза Салман, — небывалое событие произошло во дворце. Ваш брат, свет вселенной, не явил этим утром своего лица после восхода, и все во дворце встревожены.

Мое сердце взмыло на крыльях надежды.

— В самом деле? — удивленно спросила Пери. — А когда он лег?

— За несколько часов до рассвета. К середине утра свита, как обычно, ждала его появления перед покоями, но оттуда не доносилось ни звука. Они не знают, что делать.

— Кто-нибудь стучал в двери?

— Нет. Они боятся побеспокоить его.

— Во имя Бога! — сказала Пери, повысив голос, что прозвучало тревогой. — А если он заболел? Вы должны немедленно постучаться.

— А если отклика не будет?

— Выломать дверь и сказать ему, что сделали это по моему приказу. Идите немедленно и возьмите с собой моего визиря, чтоб он мог рассказать мне, что случилось.

Я снова ощутил пламя в паху.

— Чашм, — отвечал мирза Салман и откланялся.

Я последовал за ним и его слугой за порог дома Пери. Он не сказал, куда шах ушел спать, но пересек двор, дошел до дома Хассана и громко забарабанил в деревянную дверь. Ее открыл тот слуга, который обычно встречал торговцев. Мы вошли во внутренний двор, который я столько раз видел с крыши Пери. Слуга проводил нас вглубь дома, до здешнего андаруни, самой сокровенной его части. Мебель была роскошная, но я не мог разглядывать ее.

Когда мы добрались до комнат, примыкавших к спальне, нас приветствовал шахский лекарь Хаким Табризи, а с ним два самых высокопоставленных амира кызылбашей — дядя Исмаила, Амир-хан-мосвеллу, и новый вождь остаджлу Пир Мохаммад-хан. Спальня шаха располагалась за толстой резной деревянной дверью, к которой не смели приближаться даже амиры.

Поздоровавшись с ними, мирза Салман спросил:

— Никаких знаков?

— Нет, — сказал Амир-хан.

— Возможно ли, что свет вселенной уже отбыл через другую дверь?

— Тут лишь одна дверь, — сказал Хаким Табризи.

— В таком случае по приказу самой родовитой жены крови Сафавидов я собираюсь постучать.

Глаза мужчин выкатились от благоговейного страха; никто из них явно не посмел беспокоить Исмаила. Мирза Салман прошествовал к двери и дважды почтительно стукнул. Мы долго ждали, но ответа не было. Он стукнул снова, на этот раз потверже, и, когда ответом снова была тишина, забарабанил кулаком. Я преисполнился надежды и страха.

— И что теперь? — поинтересовался Амир-хан.

— Тихо! — прервал его мирза Салман. — Слушайте.

Донесся слабый звук, похожий на овечье бляение.

Мне показалось, кричали: «Помогите!» Шаха ли это голос?

— Хассан-бег, это вы? — позвал мирза Салман.

— Д-д-две-е-ерь! Помогите!..

Мирза Салман кивнул «четырёхплечему», шахскому стражнику, и тот обрушил железную булаву на створку, загудевшую от удара. Дерево начало щепиться и трескаться. Когда дверь наконец подалась, стражник сунул руку в дыру и отодвинул засов. Разбитая дверь отворилась, мирза Салман и Хаким Табризи бросились внутрь. Два тела скорчились под покрывалом.

— Свет вселенной, вы слышите меня? — позвал Хаким Табризи.

Когда ответа не прозвучало, он бережно сдвинул покрывало с лица шаха. Глаза его были закрыты, рот чуть приоткрыт. Лекарь нагнулся над ним и приложил ухо к груди:

— Сердце еще бьется, но очень слабо.

Мое собственное сердце упало, как валун в реку. Неужели яд не сработал?

Мирза Салман храбро стянул покрывало с той стороны кровати, где лежал Хассан. Он не посмел сделать то же с шахом, который мог быть одет не совсем должным образом. Хассан, облаченный в желтую паджама, ^[3] лежал на боку.

— Во имя Бога, что случилось? — Мирза Салман тормозил Хассана, который не мог шевельнуться.

— Не могу д-д-двинуться... ноги... — просипел Хассан. Смуглая кожа на его красивых скулах выглядела сейчас тусклой и дряблой.

Рассказ о случившемся занял изрядное время — Хассан едва мог говорить. Он объяснил, что ночью шах проглотил несколько шариков опиума, а также обильно поел и несколько раз лакомился халвой. Когда они вернулись, шах потребовал свои пилюли. Коробочка была полна, однако печати Хассана там не было. Хассан посоветовал шаху воздержаться, но тот настаивал, и Хассан принял лекарство первым, дабы увериться, что все в порядке. Ничего плохого не произошло, и шах принял три пилюли, а потом они пошли в постель. Хассан не мог проснуться, пока не услышал стука в дверь.

— Какая нелепая история! — заметил мирза Салман. — Кто, кроме вас, мог еще его отравить?

— 3-3-зачем? Я бы с-с-слетел из поднебесья быстрее падающей звезды... Делайте со мной что хотите, но это правда...

Мирза Салман обошел кровать так, чтобы Хассан не мог его видеть. Вытащив маленький кинжал, он ткнул острием в бедро Хассана. Закапала кровь, испачкавшая его желтую паджама. Хассан не пошевелился.

— Он говорит правду, — объявил лекарь.

— А что с шахом? — спросил мирза Салман.

— Все, что мы можем сделать, — это молиться за его выздоровление, — сказал лекарь.

Безмолвно я выругал лекаря Халаки, пообещавшего составить неодолимый яд.

— Ему удобно? — спросил мирза Салман.

— Он сейчас ничего не чувствует, — ответил Хаким Табризи.

— Давайте проверим пилюли. Где они?

— П-подушки... — прошептал Хассан.

Мирза Салман принес шкатулку и открыл ее:

— Четырех нет, как вы и сказали. Теперь мне нужно животное.

Слуга был отправлен на улицу и быстро вернулся с тощим котом, желтоглазым, в длинной серой свалявшейся шерсти. Кот громко урчал и был голоден. Во имя Господа! Если он сожрет пилюлю, то непременно подохнет, и тогда все поймут, что здесь отравка. Я отер лоб, взмокший, хотя тут было холодно.

Люди высыпали пилюли на пол и стали подталкивать к ним кота. Кот обнюхал и отошел прочь. Даже упрасиваемый, он отказывался есть.

Пока все были заняты котом, я следил за шахом, надеясь, что он не откроет глаз и не заговорит. Во имя Всевышнего! Я чувствовал, что вся моя жизнь висит на волоске.

Хаким Табризи все еще держал пальцы на пульсе шаха, но через несколько мгновений воскликнул:

— Да смилуется над нами Бог! Пульс исчезает!

Слабое дыхание шаха стало прерывистым, словно он пытался втянуть воздух — и не мог. Эти хриплые звуки было ужасно слышать.

Лекарь похлопал шаха по щекам, но тот не почувствовал. Амир-хан и Пир Мохаммад ворвались в комнату, чтоб взглянуть самим. Я оставался снаружи. Мой ранг не позволял мне туда входить.

— Увы! — неожиданно вскрикнул лекарь. — Я больше не слышу его дыхания!

Мирза Салман наклонился ухом к носу шаха, затем к губам и снова к носу, пытаясь уловить движение воздуха.

— Увы нам, великое горе! — вскричал и он.

Амир-хан, терявший очень много как дядя шаха с материнской стороны, нагнулся над ним, затем выпрямился с мрачным лицом:

— Клянусь Всевышним, жизнь покинула его!

Пир Мохаммад забормотал стихи Корана.

— Кто этот злодей? — прорычал Амир-хан. — Задушину своими руками!

Мои колени под халатом свело.

— Нам надо отыскать его как можно быстрее, — ответил Пир Мохаммад, явно меньше опечаленный: многие из остаджлу были все еще в тюрьме.

— Погодите. Хаким Табризи, какова причина смерти? — спросил мирза Салман.

Лекарь замялся:

— Мне придется осмотреть тело и составить отчет...

— Это яд?

— Пока не знаю.

Лекарь и вождь кызылбашей посмотрели на труп шаха, потом друг на друга, не зная, что делать. Только мирза Салман оставался сух

и деловит, как всегда.

— Мы не должны позволить известию о смерти шаха выйти за пределы дворца, — сказал он. — Помните, как город погрузился в беззаконие после смерти шаха Тахмасба? Я обеспечу полное закрытие Али-Капу, чтоб новости не просочились на Выгул. Потом срочно собираем верховных амиров и обсуждаем, как провести страну через бедствие.

— А как быть с убийцей? — спросил Амир-хан-мосвеллу.

— Если он есть. Хаким Табризи, известите нас, если обнаружите яд в теле шаха.

— Непременно.

Они оставили Хакима и Хассана с мертвым шахом. Хассан все еще не шевелился. Пир Мохаммад и Амир-хан отбыли известить вельмож. Когда мирза Салман вышел из спальни шаха, я изобразил горе:

— Что за несчастье, мир будет потрясен!.. Да смилуется над нами Бог!

— Иншалла, — отозвался он.

— Как бы мне хотелось избавить мою повелительницу от этой ужасной вести!

Мирза Салман придвинулся ко мне.

— Конечно, любви между ними не было!.. — шепнул он.

Я с трудом подавил свое изумление при этих опасных словах.

— Родичи могут ссориться и все равно любить друг друга, — сурово сказал я.

Нам повредило бы, распусти он сплетню о том, что Пери была врагом своего брата.

— Но не эти двое. В любом случае, пожалуйста, непременно скажи ей, что я готов ей служить чем угодно. Верность мою она знает: я не подведу ее, даже если все скажут, что тут заметна рука царевны.

— Непременно сообщу.

Я мчался через площадь к дому Пери, и на сердце у меня было гораздо легче, чем было весь этот год. Впервые с того дня, когда Исмаил стал шахом, справедливость наконец восторжествовала во дворце.

Когда я вошел, то сказал слугам, что у меня срочное известие. Она сидела на подушках в своей особой комнате с Азар и Марьям, которая

растирала ей руки. Отброшенное в сторону письмо подсказало мне, что от нескончаемого писания у нее стало сводить пальцы.

— Моя повелительница, я сожалею, что приношу вам скорбное известие, настолько печальное, что лучше пусть мой язык окаменеет, чем произнесет его.

— Но ты должен его поведать.

— Свет вселенной не появился нынче утром из своей опочивальни. Заподозрив болезнь или злой умысел, вельможи взломали двери и обнаружили его испускающим последний вздох. Один из лекарей предположил, что он употребил слишком много опиума.

Я решил, что лучше запустить правдоподобный слух о кончине Исмаила как можно скорее. Надо будет поручить Азар-хатун распространить его как можно шире.

Пери испустила ужасный вопль и повалилась лицом вперед, а девушки тут же склонились к ней, утешая. В крике я почувал не скорбь, а яростное облегчение, подобное моему. Прислужницы начали причитать вместе с ней. Сейчас, удовлетворенно подумал я, все могут вопить от радости.

— Ворота на Выгул шахских скакунов будут заперты, пока вельможи не решат, что делать, — добавил я.

— Понимаю. Оставь меня с моим горем.

Я вернулся в свое жилье, улегся на тюфяк и закрыл глаза. Мое тело вздрагивало так, словно я только что вернулся с поля победоносной битвы.

Что бы ни случилось, даже если я проснусь и увижу над собой стражников, готовых убить меня, все отныне будет иначе. Один безумец больше не угнетает нас всех. Мы больше не боимся холодного клинка палача. Зоххак мертв.

В любую секунду я ожидал появления шахской стражи, которая призовет меня к ответу. Меня могли выдать: Фарид не выдержал и сознался, или же лекарь выявит отравленные пилюли и свяжет их со мной, или Пери станут допрашивать под пыткой, ведь даже та, кому я доверял больше всех, может быть сломлена телесными муками. Но то, что случилось на деле, потрясло меня даже больше.

Этим вечером черные занавеси появились на окнах и балконах дома Хассана. Жены шаха начали обряд, и отовсюду во дворце неслись звуки причитаний. Скорбь Султанам была неподдельной: у нее было больше прав на это, чем у кого-либо. Несколько людей, искренне любивших шаха или извлекавших выгоду из связи с ним, горевали явно. Все мы облачились в траурные одежды, лица наши были печальны, но в воздухе будто витало непреодолимое чувство облегчения, подобное тому, какое испытываешь после суровой зимы в первый ясный день весны.

Я краем глаза увидел мать Хайдара, Султан-заде, чьи зеленые глаза лучились светом, будто летнее небо, хотя она притворялась, что утирает слезы. Она увидела отщепенца человека, лишившему трона ее сына. Сестры шаха, потерявшие многих любимых родичей, павших от его братоубийственной руки, мучительно пытались подавить свои истинные чувства. Опустив глаза долу, они не могли сдержать быстрых улыбок, поднимавших уголки рта.

Женщина, досконально знающая вероучение, пришла на обряд оплакивания в гарем и с глубокой печалью говорила о том, кто ушел так неожиданно. Когда умершего любят, такие речи вызывают слезы на глазах всех, кто находится рядом. На этот раз наемные плакальщики иступленно причитали, словно пытаюсь скрыть то, что даже родственники не могут проявить достаточно горя. Лицо Султанам было печальным, но она не плакала. Только у Махасты глаза были красными от рыданий. Как мать шахского первенца, она заняла бы при жизни шаха высочайшее из возможных для нее положений. Теперь же ее будущее было очень неясным.

После всего я пробрался увидеть Пери. Она пригласила меня в самую потаенную свою комнату, с фреской безмятежно раздевающейся Ширин, и заперла дверь. Я стоял, как и положено, и был просто изумлен, когда она показала на подушки, жестом веля мне сесть. Я опустился на подушку персикового бархата, словно собираясь пить чай с другом.

— Мой верный слуга, — сказала она, — лекарь только что представил свой отчет о причине смерти. Там приведены несколько возможностей: или шах злоупотребил опиумом, или переел, что пресекло его способность дышать, или был отравлен.

— Думаете, что наши усилия все же дали ожидаемый исход?

— Мы никогда не узнаем этого наверняка.

— Это вас утешает, повелительница?

Она ненадолго задумалась.

— Думаю, что да. Мне пришлось напрячь каждую жилку в себе, чтобы довести до конца это дело. Ничто не могло быть для меня более чуждым.

— Лишь властительница повелений, подобная вам, смогла бы быть столь доблестной.

Пери улыбнулась:

— Если бы не ты, это жуткое дело никогда бы не вышло. Я рада, что решила назначить своим визирем тебя. Я не была уверена, что ты совершенно пригоден, а оказалось, что ты заслужил это на семьдесят семь ладов.

— Я благодарю вас, повелительница.

— В благодарность за нашу благую судьбу я дала волю дюжине своих рабов, и все они решили остаться у меня на службе. Им будет предоставлено место, пока они желают быть со мной. Я также решила удочерять любую из девочек-сирот Казвина, которую приведут ко мне. Наконец, я дала обет совершить паломничество в Мешхед и основать там новое медресе.

— Ваше имя воссияет вашей необычайной щедростью!

— Но пока нам еще многое предстоит в ближайшие дни. Я говорю о будущем нашей страны.

— Что вы предвидите?

— Ирану нужен справедливый правитель, — сказала она. — Уцелевшие царевичи слишком юны и неопытны, чтобы править. Единственный, кто годится, — это я, хотя ни одна женщина не может править законно.

— Воистину. Чего вы желаете сейчас?

— Я хотела бы стать регентшей при Шодже, сыне Исмаила. Буду править от его имени, пока он не войдет в возраст и не станет править сам. Когда я завершу его обучение, он будет превосходным вождем превосходного нрава.

Я был поражен.

— То есть это значит, что вы будете настоящим шахом, пока он не созреет?

— Да! Я наконец получу то, чего достойна. Я буду править любящей дланью и принесу справедливость тем, кто лишился ее.

Гордость наполнила меня; я смотрел на нее, в темно-зеленом платье, и словно видел мудрость, источаемую ее жемчужным челом, подлинную вершину знаний и милосердия, созданную тремя тысячелетиями иранской истории. Никто не сможет быть лучшим правителем! Она уже доказала это однажды и сейчас наконец получает возможность явить все, на что способна. Сердце мое воспарило от радости за нее.

— Да изольет Бог свои благословения на вас!

— Как мой верный слуга, ты будешь назначен на более высокую должность, — добавила она. — Я присвою тебе более высокий титул, когда буду подбирать людей для окружения шаха.

— Повелительница, служить вам — величайшая честь моей жизни.

Теперь у меня были все основания надеяться. Наконец я смогу забрать Джалиле в Казвин и дать за ней богатое приданое. Если она когда-нибудь выйдет замуж и родит детей, их смех будет разноситься по всему дому. Наконец я снова обрету семью.

Посыльный стукнул в дверь и объявил о приходе Шамхал-султана. Несколько месяцев мы не виделись. Я поднялся до того, как он войдет, и занял свое обычное место возле двери. У него прибавилось морщин и седины в бороде, — похоже, служба Исмаилу далась ему очень непросто. Он уселся на подушку напротив Пери, могучее тело было напряжено.

— Царевна, я пришел как только мог срочно и приношу вам свои соболезнования по случаю кончины вашего брата Исмаила, — сказал он. — Не говоря уже о других, умерших во время его царствования.

— Благодарю вас, — ответила Пери и умолкла.

— Могу я поговорить с вами наедине?

— Мой слуга Джавахир — все равно что часть меня самой.

Сердце мое расцвело от этих слов.

— Конечно, — сказал он, не пожелав даже взглянуть на меня, — так велико было его желание польстить ей. — Я пришел также, чтоб сказать, как восхищаюсь вашей храбростью.

— Несомненно, это черта нашей семьи, — ответила Пери, возвращая похвалу, едва приправленную вежливостью.

— В точности так, это я и имел в виду.

Повисло неловкое молчание, но Пери не собиралась его заполнять.

— Вот я еще пришел спросить, могу ли я чем-то служить в эти трудные времена? — Глаза его умоляли.

— Нет, благодарю вас.

Шамхал неуклюже поправил свой огромный белый тюрбан. Пери не стала предлагать чай или сласти или еще как-то смягчать отказ.

— Трудно объяснить, как мучительно было жить в постоянной угрозе, что шах решит убить меня.

— Как, и вам тоже? — язвительно поинтересовалась Пери.

— Я глубоко сожалею, что не мог вам помочь, — продолжал Шамхал. — Мы все были скованы страхом, словно вокруг был непроглядный туман. Одна вы не боялись ничего.

— Я боялась.

— Но вы не позволили страху помешать вам справиться с этой опасностью.

— Дядя, что вы имеете в виду? — отвечала она, разумно отказываясь признавать что-либо. — Мой бедный брат скончался от избытка опиума и жестокого несварения, и на то была воля Бога. Важнее всего сейчас — что делать дальше?

— Вот потому я здесь. Хочу вам помочь.

Он был слишком деятельным союзником, чтоб пренебречь им, но как она сможет ему доверять? Глаза ее были полны упрека.

— Я не всегда делал то, что ты хотела, — сказал он, — но ты всегда была в моем сердце.

— Правда? И что мне делать с теми, кто обещает мне свою преданность, а потом отдает ее кому-то другому?

— А что еще я мог? Мог я отказаться от назначения шаха и не оскорбить его, воспротивиться его приказам и не попасть в беду?

— И ты заступался за меня?

— Я пытался, но он был неумолим. Подозреваю, что кто-то очень влиятельный был против тебя, Пери.

— Мирза Шокролло?

— Не знаю. Однажды Исмаил упомянул причину своей враждебности. Сказал, что ты поддержала Махмуд-мирзу до того, как корона досталась ему.

— Ты знаешь, что это не так.

Она говорила правду.

— Интересно, не пустил ли этот слух мирза Салман? — продолжал он.

— Он всегда был мне верен.

— Знаю, но его повышение было крупной неожиданностью. Как он его заслужил?

— Он знает свое дело, — сказала она. — И беззаветно предан. Он приходил навестить меня даже после того, как шах запретил это.

Шамхал выглядел подавленным.

— Пери-джан, послушай меня. Мы одна семья. Я всегда заступлюсь за тебя, если шах не прикажет иного. По крайней мере, я всегда признаю правду, в отличие от других, кто идет на поводке верности, надеясь, что ни одна сторона не натянет его слишком туго.

— Мне требуется больше, чем такое уклончивое обещание. Говори или делай что должен для нового шаха, но, если ты не поклянешься в верности мне, твоя помощь не нужна.

— Понимаю. Что ты хочешь делать сейчас, когда шах мертв?

— Хочу стать регентом при Шодже с твоей поддержкой.

— Ты так отважна! Нет жен, подобных тебе, и мужей тоже. С глубочайшим смирением клянусь в верности тебе.

К моему изумлению, он склонился и поцеловал ее ступню, как если бы она была шахом. Затем он поднял глаза в надежде, что его клятва принята.

— Хорошо. Я подумаю об этом.

— Ты подумаешь?

— Пока это все.

— Но царевна...

Шамхал готов был выпрыгнуть из халата, лишь бы убедить ее в своей доброй воле.

— Это все, что сейчас возможно.

Я был рад, что она приучает его к повиновению. Как еще она может довериться ему?

Слуга постучал и оповестил о приходе мирзы Салмана.

— А вот и великий визирь! Какие у него новости?

В своем бируни Пери села у завесы вместе с дядей, а я перебрался на другую сторону, к мирзе Салману. На нем был тот же халат, что и

вчера. По кругам у глаз можно было видеть, что он не спал ночь.

— Салам алейкум, великий визирь. Я тут с Шамхал-султаном, — сказала невидимая Пери.

— Салам. Я хотел сообщить о срочной встрече, которую созываю, чтоб говорить о будущем нашей страны. Увы, амиры едва не подрались.

— Как неожиданно! — сухо сказала она. — И из-за чего?

— Каждый хочет влияния для себя. Я уговорил их убрать мечи в ножны, пока не назван новый шах.

— Благодарю вас, великий визирь. Как всегда, вы словно отточенный клинок. Я хотела бы поздравить вас с вашим недавним назначением.

— Это большая честь, но она вряд ли продлится. Приношу свои соболезнования по поводу утраты вашего брата.

— Примите в ответ и мои. Бывает то, чему не поможешь.

Глаза его остались незамутненными; он был из тех придворных, кто плывет при любой волне.

— Пока ничего не решено. Амиры хотят узнать о ваших намерениях.

— Отчего же им не прийти ко мне в мои покои?

— После запрета шаха посещать вас они честью обязаны подчиняться его велению. Как я обещал прежде, я выдвинул предложение сделать вас регентом при сыне Исмаила.

— И?..

— Им это не понравилось.

— Почему?

— Они тверды как алмаз в том, что сын Исмаила править не должен. Один из них встал и продекламировал отрывок из «Шахнаме».

— Который?

— Ну что-то вроде этого:

Собрание благородных, кто видал
Царя ужаснее, чем тот, что шахом стал?
Богатство нажил он, все отобрав у бедных,
Он убивал и жег, но войн не вел победных.
Кто прежде о таком правлении слышал?
Кто столь же злобен был, кто верил лишь в кинжал?

Пусть отпрысков его минует этот трон,
Пусть судит прах его небес Святой закон.

— В самом деле? Они боятся младенца Шоджи?

Голос ее был колючим, словно подчеркивая, что мужи, которым не нравится мысль о ее правлении, могут считать себя свободными от обязательств.

— Они полагают, что подлинным вождем Ирана является сын вашего покойного отца Мохаммад Ходабанде, который к тому же старший.

— Но он ведь слеп! Как же они отвергли его в прошлом году и почему согласны сейчас?

— Во-первых, его матушка Султанам из кызылбашей, а кызылбаши любят поддерживать своих. Во-вторых, у него четверо сыновей, которые смогут наследовать ему, что успокаивает амиров. Когда упомянули его имя, все дружно закричали: «Алла! Алла! Алла!» — призывая Бога, и все поклялись поддержать его.

— Какое место отводится тогда мне?

— Вы будете его верховным советником, так как сам он править не может.

— Мирза Салман, — воскликнула Пери, — скажите мне правду! Они ведь чувствуют, что на Мохаммада Ходабанде будет легче влиять, не так ли? Всем известно, что он не желает быть правителем. Амиры смогут вынуждать его соглашаться со всем, что они предлагают.

— Никто не говорил этого, — отвечал мирза Салман.

— Но ведь это, без сомнения, и есть причина.

— Я не могу обсуждать несказанное.

— Тем не менее ваш долг предвидеть, что могут думать амиры, и быть стойким перед лицом их требований.

— Я его исполню, обещаю вам. И заверяю, что упорно сражался за вас и сделал все, что может одинокий голос. Но сейчас они ждут вашего слова. Они не хотят извещать Мохаммада Ходабанде, пока не согласитесь вы. Они признают все, что вы совершили.

Настало долгое молчание. Пери была недовольна, я тоже. Бас Шамхала раздался из-за другой стороны занавеса:

— Вы же великий визирь. Отчего вы не можете подчинить их своей воле?

Мирза Салман приподнялся на носках, словно пытаясь стать выше.

— Вы не знаете, как я старался.

— Но вы не преуспели.

— Странные вещи вы говорите.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что вернее меня у царевны никого не было.

— Значит, вы и должны были сделать больше.

— Если кто-то считает, что он может лучше, он может попробовать.

Положение Шамхала было не из тех, когда можно заставлять кызылбашей делать что-нибудь. Его выпад был попыткой завоевать признательность Пери.

— Почему вы так стараетесь убедить ее, что Мохаммад Ходабанде — лучший выбор? — упорствовал Шамхал. — Не потому ли, что его жена с рождения говорит на фарси, как и вы?

Мирза Шамхал выглядел оскорбленным, но отвечал спокойно:

— Я стараюсь только ради безопасности страны. Нам следует быстро и поочередно предотвратить вторжения и избежать нового всплеска беззакония.

— Согласна, — сказала Пери.

— Кстати, — добавил мирза Салман, — я также настаивал, что нам не следует тратить силы, пытаясь выяснить, был ли шах Исмаил — мир его душе — в самом деле отравлен.

— Почему же нет? — резко спросила Пери.

— Я говорил, что он сейчас в деснице Господней и наше дело думать о будущем.

— Им следует быть благодарными, что смерть Исмаила спасла выживших царевичей от его меча, не говоря уже о них самих.

Лоб мирзы Салмана пошел сотней морщин.

— Верно. Один из них признал, что он получил несколько дней назад приказ шаха казнить Мохаммада Ходабанде и его мальчиков.

Пери вздохнула так громко, что мы услышали это по нашу сторону занавеса.

— Всех?

— Да. Он откладывал как мог, потому что задание было ему ненавистно. Милостью Божией ему больше ничего не надо выполнять.

— Как мало нам оставалось до самой ужасной участи! Моя династия могла исчезнуть.

— И об этом я им напомнил.

Значит, Пери еще раз изменила ход истории. Теперь она предотвратила уничтожение династии. С этой точки зрения — и я тоже. Это и есть то, что предсказывали мои звезды? А кто же тогда был предназначен стать величайшим правителем среди Сафавидов? Неужели Мохаммад Ходабанде?

— Почему вельможи не побеспокоились остановить несправедливость, которую он сеял вокруг себя?

— Они же поклялись ему в верности.

— Понимаю, — сказала она. — Значит, я права, что амиры не сделали ничего.

Ее осуждение висело в воздухе до того мига, когда она вновь заговорила:

— Все признают, что дочь великого шаха спасла страну и заслуживает награды. Я хочу, чтоб вы убедили их назначить меня регентом вместо того, что они предложили.

— Я не смогу. Ни единый из них не поддержал этой мысли после того, как я ее высказал. Лучшая уступка, которой я добился, потребовала долгих споров.

Тут я ему верил. У него были все основания заключить сделку к выгоде Пери, что сделало бы его самым доверенным сторонником.

— Посудите сами, досточтимая повелительница, те же обязанности вы будете исполнять в должности верховного советника Мохаммада Ходабанде.

— Если он по какой-либо причине не откажет мне в ней.

— Но вы же сами отметили, что он считается не полностью пригодным.

— Кто из амиров поддержал мысль о том, что я могу быть советником?

— Все вожди согласились, что это мудро. Они верят, что вы справедливы и принимаете хорошие решения.

— Значит, они поддержат меня в качестве его советника?

— Они обещали.

Повисла пауза: Пери обсуждала со своим дядей что-то, чего я не слышал.

— В таком случае можете передать им вот эти самые слова. Я принимаю их решение — назначить меня верховным советником при Мохаммаде Ходабанде, но лишь после того, как каждый из них согласится поддерживать меня в этой должности. И еще скажите им, что больше нет никакого запрета на встречи со мной. Если они не смогут появиться на совете после третьего дня траурного обряда по усопшему шаху, соглашение недействительно.

— Чашм. Благодарю вас, царевна, за уверения, что это преобразование будет более упорядоченным, чем предшествующее. Могу я известить о том старейшин?

— Можете.

Мирза Салман вышел, и, когда он исчез, я присоединился к Пери и Шамхалу. Царевна гневалась.

— И что он сказал о тебе? — спросила она у дяди.

— Ничего, — отвечал он. — Разве ты не видишь, что он пытается управлять тобой, притворяясь вернейшим из всех?

— А он не вернейший?

— Очень сомневаюсь.

Пери задумчиво поглядела на него. Мне тоже пришло в голову, что он старается опорочить мирзу Салмана, чтоб выдвинуться самому.

— Как хорошо ты знаешь Мохаммада Ходабанде? — поспешно спросил ее Шамхал, явно меняя предмет разговора.

— Не слишком. Он служил за пределами столицы, когда я была еще ребенком. Но у него не было желания править. Это я возьму на себя.

— А если все будет как с покойным?

— Мохаммад куда слабее Исмаила и куда разумнее.

— Я слышал, его жена свирепа.

Мне вспомнилось, как Хайр аль-Ниса-бегум перевернула поднос с лакомствами на коронации Исмаила.

— У нее очень непрочное положение при дворе. Если понадобится, я поставлю ее на место.

— Жаль, что мирза Салман не может быть влиятельнее, — сказал Шамхал с недоброй усмешкой.

— А что ты думаешь? — спросила меня Пери.

Очень редко она спрашивала мое мнение в присутствии своего дяди.

— Служить главным советником слепому шаху — разумное соглашение, — сказал я.

У политики своя правда: уступка была лучшим, на что мы могли надеяться.

Шамхал оглядел меня, потом ее, словно пытаюсь различить, куда утекает его влияние.

— Чем я могу помочь? — спросил он наконец.

— Я дам тебе знать. Извини меня, дядя, но сейчас мне нужно заняться другими вещами.

— Я вижу. Могу я тебя навестить чуть позже?

— Да-да, конечно.

Шамхал поднялся, явно разочарованный своим отстранением, и вышел. Пери оставалась на месте, погруженная в свои мысли, затем вздохнула:

— Как мне не хватает отца! Ничего я не понимала, пока он был жив... не было человека, который был бы так же постоянен в любви...

Неосознанный протест едва не сорвался с моих губ. Пери тихо добавила:

— Я хотела сказать, ни одного другого родственника.

Как было заведено, шаха Исмаила предали земле в день, когда он скончался. До погребения, назначенного на вечер, я встретился в банях с Баламани. Сдав одежду привратнику бань, старый евнух, у которого не хватало уже нескольких зубов, присоединился ко мне — я весь намылился, окатился несколькими ведрами и теперь растянулся в самой горячей воде рядом с Баламани.

— А-а кеш-ш-ш... — произнес я из глубины души.

— Привет, друг мой, — ответил Баламани, когда волны от меня плеснули ему в грудь. — Какие нам достались неожиданности!.. Тринадцатый день Рамадана мы не забудем никогда.

— Бог велик!

Мое восклицание отдалось эхом в соседнем зале. Баламани понизил голос, чтобы слышал только я:

— Воистину велик, но людям трудно понять, почему случилось это бедствие. Ходят слухи, что шаха отравили.

— В самом деле? — поинтересовался я, поворачиваясь к Баламани, чье грузное тело пар словно выбелил. — И кому приписывают?

— Говорят, что это его сестра.

Слова его меня встревожили.

— Как можно верить слухам? Я по случайности знаю, что всю ту ночь она писала письма, потому что я был с нею.

— Хорошо, что ты сказал, — согласился он. — Я только передаю сказанное. Между прочим, надеюсь, что ты удовлетворен.

Говорил он не слишком дружелюбно. Я было прикрыл глаза, наслаждаясь теплом, но тут открыл их и глянул на него.

— Думаю, что довольны все, — ответил я.

— Но не я.

— Почему?

Он поднес пригоршню воды ко лбу и скулам, промывая морщины.

— Потому что думаю о шахе Тахмасбе. Он, конечно, посылал некоторое число людей на казнь, даже своих родичей. Опасность в том, что иной человек начинает думать, что предназначен делать это постоянно.

— Верно.

— Мне ужасно думать, что ты можешь стать таким человеком, — добавил он.

— Я? Да ты шутишь!

Баламани не обратил внимания на ответ:

— Твоя госпожа нынче становится очень могущественной. Слухи эти мало что значат, поскольку ничего доказать пока невозможно. Скорее даже, они помогают ей выглядеть сильной, как мужчина, если не сильнее.

— Она свирепа, — гордо согласился я.

— Пери доказала: она может пожелать того, что остальные побоятся сделать. И ее будут бояться по этой причине.

— И что тут такого? Возможно, так и надо.

— Все может пойти не так, если она решит это повторить. Тут она запросит помощи у самых близких.

— Такого не случится.

Он похлопал меня по руке, как делал, когда я был юн и не понимал его.

— Я на твоём месте был бы очень внимателен. Помни, остальные теперь будут следить за тобой, и, если им захочется низвергнуть ее, они начнут с тебя.

Я ожидал от него похвалы, от человека, который был мне словно дядя, но его слова были суровы.

— Баламани! Разве ты мне не друг?

— Всегда, — сказал он. — Но я и друг этого двора. Если цель твоих деяний вернуть справедливость, не становись хуже, чем то, с чем борешься.

Сказанное им оскорбило меня. Я поднялся из бассейна и махнул банщику, чтоб принес полотенце.

— Да ты же только начал отмачивать грязь, — сказал Баламани.

Я уставился на него.

— Послушай, друг мой. Не делай ошибок, на искупление которых может уйти вся жизнь.

— Не сделаю, — сказал я, вытирая спину.

Лицо его было полно такого сожаления, что я удержался от того, чтобы уйти немедленно, как хотел. Обернувшись полотенцем, я сел на край бассейна и снова погрузил в воду ноги. Баламани отвел мокрые волосы со лба. Глаза у него были затуманены, будто он что-то припоминал.

— А с тобой бывало такое? — спросил я наконец.

— Да.

— И что же?

Его лицо мучительно искривилось. Хотя я сидел в горячей воде, кожа моя пошла мурашками, словно меня искупали в снегу.

— Ты все еще не знаешь, почему я так привязан к тебе?

Он был словно большой ангел, с белыми волосами, гладкой угольно-черной кожей, певучим голосом и щедрым животом. Много раз он и был для меня ангелом. Призраки моего прошлого неожиданно восстали, и я содрогнулся.

— Я думал, что тебе просто жаль меня.

— Да, но это не все.

— А что еще?

— Ты можешь навсегда возненавидеть меня. Я знаю то, чего не мог сказать тебе доньине.

Глядя в его темные глаза, я чувствовал, словно падаю в глубокую пропасть. Воспоминание об окровавленном белом саване встало в моих глазах.

— Мой отец, — тихо сказал я.

— Да.

— Почему его убили?

— Ты знаешь почему. Он был обвинен в отводе денег из казны.

— Кто свидетельствовал против него? — Вызов рычал в моем голосе.

— Что ты заключил?

— Я заподозрил, что кто-то еще отдал приказ Камийяру Кофрани убить моего отца.

— Отлично, друг мой, — сказал Баламани; в его глазах-маслинах промелькнуло уважение к моему расследованию. — И ты высчитал, кто это мог быть?

Он, как и прежде, мастерски подводил меня к моим собственным выводам. Сердце мое заколотилось; горло едва пропускало слова.

— Я подозреваю мирзу Салмана.

— Нет. Бери выше.

Выше? Выше была только знать и горстка людей, ближних шаху Тахмасбу. Я думал о каждом из них. Мирза Шокролло? Прежний великий визирь? Вожди кызылбашей? У меня не было улик ни против кого из отдельных придворных.

— Вот тебе полотенце, мой дорогой. Побриться, растереться, горбон, есть человек с золотыми руками? Для такого достойного человека, как ты...

Голос банщика, приветствующего нового посетителя, сбил меня с мысли. Как он лебезит, надеясь на чаевые! Даже у самого малого из людей есть свое владение, которым он должен управлять почти как шах. Мой отец потерял жизнь из-за кого-то, кто был полон решимости защищать свою. Кто это мог быть? Кто тогда мог более страстно рваться к трону, чем сам шах?

Баламани подбадривающе следил за мной, как тогда, когда начинал меня обучать. Внезапно я громко вскрикнул:

— Исмаил?!

— Да.

Я не поверил:

— Из тюрьмы в Кахкахе?

— Именно.

— Но почему?

— Последнее, чего бы он хотел, — дать другому захватить власть, пока сам он в заключении. Тахмасб не поверил бы его доводам, поэтому он нанял убийцу.

— Но в таком случае почему Исмаил не убил меня, когда стал шахом?

— Зачем ему было рисковать, навлекая на себя гнев Пери, когда он и без того ее так опасался? Ты в его глазах был вычеркнут — хотя здесь он ошибся.

— Откуда ты знаешь все о моем прошлом?

— Разве это не моя работа?

— Отвечай.

Баламани шевельнулся в своей лохани, послав крупную волну в обе стороны.

— Много лет назад я способствовал переписке между Исмаилом и его матерью. В одном из писем был спрятан приказ об убийстве твоего отца.

— Оно было запечатано?

— Конечно, — хохотнул Баламани.

— Раз ты его прочел, то почему доставил?

— Обязан был. Гонец, уничтожающий шахскую почту, был бы казнен.

Словно ударом молнии перепутало мои мысли.

— Почему ты не рассказал мне об этом, когда я появился во дворце?

— Потому что ты был молод и горяч и я боялся, что ты попытаешься отомстить Исмаилу и тебя убьют.

Я схватился за свой лоб. Неужели на нем все так явно написано?

— И я бы попытался.

— И ты бы попытался. Не знаешь ты, сколько я молился за удачу твоего дела. Есть в мире справедливость, хотя и ходит она непредсказуемыми путями.

— Хвала Богу.

— Убийство твоего отца было одной из причин, по которой шах Тахмасб держал своего сына за решеткой в Кахкахе. После этого

события шах уверился вдвойне, что доверять ему нельзя.

— Теперь я понимаю, отчего ты за мной так приглядывал. Но почему шах вообще взял меня?

— Он считал, ты заслуживаешь воздаяния за то, что случилось с твоим отцом.

— То есть ты хочешь сказать, что я мог не оскоплять себя?..

Баламани поморщился, а меня пронзило чувство, такое же острое, как то, что я испытал, когда расстался со своими сокровищами. Я ударил себя ладонями по щекам, чтоб не разрыдаться.

— Не знаю. Шах обратил внимание на твою беду лишь после того, как ты попросил приема. Тогда он и велел Анвару выяснить, в чем дело, и Анвар доложил о своем подозрении, что отец твой был оболган людьми, желавшими свалить его, потому что он стал входить в милость шаха. Когда шах узнал, что ты сделался евнухом из желания служить ему, он был вдвойне растроган твоей историей.

— Если шах верил, что мой отец невиновен, почему он не признал ошибку и не вернул честь моей семье?

Баламани горько рассмеялся:

— Как часто правитель сознается, что кто-то был убит по ошибке? Кроме того, приказ убить отдал не он.

— Какой странной оказалась моя судьба!

— Одной из самых странных. Вот почему я старался помочь, как другие, как Тахмасб-шах. Он высоко тебя ценил.

— Откуда ты знаешь?

— Я слышал, как он говорил Пери, что твоя образованность и преданность делают тебя жемчужиной двора. Он взял с нее слово хорошо обращаться с тобой.

Баламани шумно вздохнул, разогнав круги по воде.

— Как мне хотелось рассказать тебе это! Ты мне словно сын и племянник, которых у меня так и не было. Мне было отвратительно столько времени утаивать от тебя правду.

Я смотрел на пухлые, шишковатые пальцы Баламани и думал, как эти самые пальцы вручали приказ об убийстве моего отца. Однако те же самые руки растирали мне виски, когда меня мучила лихорадка, и вступались за меня всегда, когда мне требовалась помощь. Винить его — все равно что казнить гонца, которому случилось доставить дурные вести.

— Баламани, я должен тебя благодарить, — сказал я сдавленным голосом. — Никогда мне не расплатиться с тобой за столько лет доброты, о мой мудрый, бесстрашный и любящий друг! Ты научил меня, что значит быть цельным.

Слезы выступили на глазах Баламани. Он омыл лицо водой из купальни, его широкие плечи затряслись. Как мне повезло, что Бог послал его мне!

Голова кружилась от банного жара; в пару не было ничего видно. Казалось, я не могу дышать. Убрав ноги из воды, я позвал банщика, чтоб он принес мою одежду, и вручил ему щедрые чаевые.

— Джавахир, ты здоров? — спросил Баламани.

— Мне надо на воздух.

Выйдя из хаммама, я вдруг ощутил сильнейшее желание посетить могилу отца. Несколько лет я там не был, и то, что я узнал, заставило меня искать общения с его душой.

Пройдя через Али-Капу, я свернул к Выгулу, туда, где стоял наш прежний дом, и сразу вспомнил день, когда принесли тело моего отца, закатанное в окровавленный покров. Я не знал, кто там теперь живет, и не хотел знать. Миновав Пятничную мечеть, я вышел на кладбище у южных окраин города, где лежал мой отец. У ворот я купил розовой воды и пошел искать могилу. Кладбище разрослось со времени моего последнего прихода сюда, и я долго разыскивал обломок гранита, отмечавший место его погребения.

Я подозвал кладбищенского сторожа, чтоб смести грязь и обмыть камень ведром воды. Пока он делал свою работу, я слушал крики птиц надо мной. Посмотрев в небеса, я увидел стаю диких гусей, первыми улетающих от зимы в теплые края.

Старик в драном халате подошел ко мне.

— Читать Коран? — прохрипел он.

— Нет, спасибо, отец, я сам, — отказался я, но все равно дал ему монету.

— Благослови Бог тебя и детей твоих.

— Спасибо, только у меня их нет. — Я расслышал горечь в собственном голосе.

— Положись на Бога, добрый человек. Будут.

Он говорил так уверенно, что я едва не поверил ему.

Когда они с обмывателем могил ушли, я прикрыл глаза и прочитал поминальную молитву, забываясь в музыке и созвучности слов. Они перекатывались у меня во рту, уплывая в ледяной воздух, смягчая мое сердце и все, что меня окружало.

Присев на корточки, я осмотрел могилу отца. Когда его убили, он был всего десятью годами старше, чем я сейчас. Одно дело — быть поверженным Господом через болезнь или случай — нас всех ждет это поздно или рано, — и совсем другое — пасть от руки человека.

Розовой водой я побрызгал на могильный камень. «Да вознесется твоя душа в рай, да обретешь ты награду, которую заслужил...» — прошептал я.

Над головой снова проплыла, крича, стая диких гусей. Я смотрел на их гладкие белые тела и чувствовал, как меня наполняет легкость, словно душа моего отца наконец обрела свободу. В безбрежности небес мне чудились его теплые карие глаза, улыбавшиеся мне.

Я услышал призыв к молитве из ближайшей мечети и был тронут этим общением с Богом. Снова подозвал обмывателя и попросил воды, молитвенный коврик и глиняную табличку. Разостлав коврик подле отцовской могилы, я омыл руки, лицо и ступни. Склоняясь для молитвы, я ощущал, что мое сердце переполнено и я не могу высказать всего. Я поблагодарил Бога за защиту и помолился, чтоб суд над моей душой не был суровым. Я просил Его милостиво отнестись ко мне, ибо я странное существо, из тех, которых Он не создавал и, может быть, даже не собирается поддерживать. Чувствуя ласку плитки высушенной земли, прижатой ко лбу, я помолился о нежности и милосердии, которые Он являет всем своим созданиям, даже самым скромным.

На базаре всегда есть странные существа, вроде того одноглазого козла, которых обижают и дразнят, но я всегда старался погладить их минуту-другую, потому что и в их появлении на свет — рука Бога. Воины возвращаются с поля битвы с утраченными конечностями и вытекшими глазами. Старики теряют силу, кипевшую в молодых, становясь скрюченными, как ветки, и стелющимися, как деревья. Сердце моей матушки было разбито, а печаль отняла у нее жизнь. Бог сотворил человека совершенным, но земное время поедает его часть за частью, пока наконец не остается ничего и он не обращается в бесплотный дух. Однако есть слава в утрате, сила в ее значении. Я

вспомнил слепца, читавшего стихи во дворце; как он выкрикивал строки «Шахнаме», словно они были впечатаны в его сердце и словно утрата глаз помогла ему глубже заглянуть в самую душу слов. Он читал правдиво — правдивее, чем смог бы зрячий, и он надрывал сердца тех, кто слышал его зов.

Строки стихов запылали во мне.

Хвала увечному! Ползущему хвала!
Тому, в кого ударила стрела!
Хромой, чья мысль быстрее, чем джейран,
Слепой, что правдой ярче света обуян,
Глухой, что гласу Бога вечно внемлет,
Не слыша грома, что колеблет землю.
Хвала торгующей бесценным телом — той,
Что покупает жизнь такой ценой.
Хвала сожженным и клыками рваным,
Хвала таящим жалящие раны!
Лишь зеркало души, свободное от тела,
Раздвинет человечности пределы.

Когда я встал с молитвы, впервые за двенадцать лет у меня было легко на сердце. Без сомнений, стать евнухом было моей судьбой. Если бы я не стал им, мне не удалось бы подобраться к Исмаилу так близко и я не отомстил бы за отца.

ГЛАВА 8

ПАДАЕТ ЗВЕЗДА

Уверен, когда Фаранак услышала, что ее сын свергнул Зоххака, она бросилась ниц и возблагодарила Бога за Его милости. Нет сомнения, она и дом свой открыла для тех, кому выпало меньше счастья, и созывала их на пир каждый день недели.

Будь на этих пириествах я, воззвал бы я к слуху гостей и сказал бы так: «Добрая ханум, есть в этой истории то, что ты по скромности своей утаила. Если бы ты не была настолько умна и не отыскала бы пастуха с его чудесной коровой, Ферейдун бы погиб раньше, чем научился ходить. Если бы ты не увезла его в Индию, где его выучил мудрец, ему не удалось бы постичь мудрость. Если бы ты не потребовала справедливости после убийства его отца, он не воспыал бы мезтью. Если бы ты не предостерегла его от преждевременного выступления против Зоххака, твоего сына убили бы. Если бы ты не захотела отдать ему свое доброе сердце, он никогда не узнал бы милости. Хвала, о хвала Фаранак премудрой!»

В Шираз к Мохаммаду Ходабанде полетела весть, что он избран новым шахом. Подобно Исмаилу, сперва он не поверил. Много месяцев он провел под домашним арестом, и ничего удивительного, что сперва он решил, будто это уловка, проверяющая его верность брату.

Сначала он приказал казнить посланника и тем избежать обвинения в причастности к заговору, в который, он не сомневался, его втягивают, но гонец спасся, предложив сесть в тюрьму на несколько дней, пока правда о смерти Исмаила не подтвердится. В конце концов свидетельства пришли отовсюду, вестника освободили и Мохаммад согласился приехать в Казвин и принять новый пост.

Во дворце никто всерьез не пытался выяснить, кем отравлен Исмаил. Окончательный доклад лекаря оставил причину неясной, а мирза Салман изо всех сил убеждал амиров, что управлять страной гораздо важнее, чем выслеживать заговор, которого, может, и не было.

Так как неясно, что убило шаха, доказывал он, бессмысленно добиваться возмездия. Им есть чем заняться.

Само собой, мне тоже стало легче, когда я понял, что никого не будут наказывать, однако удивительно, как легко эти люди отказались от своего долга. Наихудшие из трусов, казалось мне, — пресмыкающиеся перед велениями своих вождей, сглатывающие правду, чтоб удостоиться их похвалы, в душе ненавидящие правителей и ничего не делающие, чтобы пресечь их скверну, пока те еще живы, — ничего. Такова была знать нашей страны, перед кем и я заискивал, пока был ребенком. Теперь я знаю, что, несмотря на все золото, титулы и оружие, они тряслись от страха. Храбрых всегда меньше.

После трех дней траура вельможи были созваны в дом царевны на первую встречу с нею. В назначенный день ее слуги натянули синий бархатный занавес, чтоб укрыть ее от чужих мужчин у нее дома. Пери скрылась за занавесом, и я проверял, слышен ли ее голос в любом уголке зала, как это было давным-давно. Но в этот раз она читала вслух «Шахнаме», отрывок, где великий герой Рустам укрощает своего свирепого жеребца и тот становится его самым верным спутником. Откуда бы я ни слушал, голос ее был громким и сильным.

После того как ударила пушка, все уселись за первую трапезу дня, ведь Рамазан еще не кончился. Руки веселее потянулись к напиткам, и, когда первая жажда была утолена, мы принялись за хлеб, сыр, орехи и фрукты. Я еще насыщался вместе с другими евнухами Пери, когда появился Шамхал-черкес. Я тут же вскочил, чтоб проводить его к царевне.

Приветствовав Пери, Шамхал сказал:

— Я пришел пораньше на случай, если ты захочешь, чтоб я был твоим представителем среди мужчин.

Царевна минуту поразмыслила и ответила:

— Спасибо, дядя, нет нужды.

Шамхалу, похоже, захотелось сложиться в комок. В этот миг трусость, проявленная собственным родом, ранила меня особенно остро. Дворцовая жизнь сделала их трусливыми и переменчивыми. Даже если они клянутся в верности, то при этом глядят через плечо, кто их посадит выше.

— Ты уверена? — спросил он.

— Я все это время справлялась сама, верно?

Он явно сдерживался:

— Если надо помочь, я с радостью помогу.

— Может быть, в другой раз.

Никогда я не видел ее более царственной, чем в тот миг.

— На самом деле, — тут же добавила она, — я уже попросила Джавахира вести встречу.

Она не просила, но я был польщен такой верой в меня. Конечно, я хотел представлять ее перед вельможными мужами.

Прежде чем знатные собрались, Пери устроилась за занавесом. Я с благодарностью встретил около десяти высокородных и главных чиновников дворца, в особенности Амир-хана-мосвеллу, Пир Мохаммад-хана, Анвар-агу, Халил-хана — он был охранителем Пери, когда она была ребенком, — Моршад-хана, мирзу Салмана и нескольких других, все они усаживались согласно рангу. Они вели себя тихо и почтительно, словно готовясь встретить шаха. Как это было не похоже на дни перед прибытием Исмаила, когда царевне приходилось призывать их к порядку!

Взойдя на возвышение перед ее занавесом, я доверительно оглядел суровых вельмож, сидевших по значимости рода и поста, в безупречных шелковых одеждах, а из кызылбашских тюрбанов грозно торчали красные колпаки.

— Готовьтесь внимать царевне, львице Сафавидов, повелительнице повелений, — твердо предупредил их я.

Все внимали мне так, как никогда ранее; изменение моего положения отражалось в самих их позах. Когда они затихли настолько, что были слышны шаги идущего через площадь, царевна заговорила из-за завесы низким певучим голосом.

— Благородные мужи, — сказала она, — добро пожаловать. Менее чем через год мы снова оказались перед необходимостью сохранить страну в целости, пока наш новый шах не прибудет, чтобы занять трон. Моя цель — вручить ему работающее правительство, столицу, где царит закон. Всем вам будет высказана просьба помочь мне в предупреждении тех трудностей, которые у нас были в последний раз.

— Это наш долг, царевна, — ответил мирза Салман от лица всех.

— Наш ожидаемый шах вскоре прибует. Сначала ему нужно добраться в Кум, выразить уважение матери, и возблагодарить Бога за уцелевших сыновей, и особо почтить память столь горько оплакиваемого Султана Хассан-мирзы. После чего он войдет во дворец согласно рекомендациям звездочетов и расположению светил. Если все должно быть готово, у нас впереди много работы.

— Царственные речи! — гордо сказал Шамхал-черкес, хотя даже мирза Салман теперь был выше его по положению и один имел сейчас право говорить.

— Анвар-ага будет отвечать за проведение коронавания во дворце, — продолжала она. — Мы с ним будем совещаться ежедневно, и он известит вас о ваших обязанностях в этом деле.

— Когда мы отправимся в Кум, чтоб явить наше уважение новому хану? — спросил мирза Салман.

— Не ранее, чем дворец будет в полном порядке, — ответила Пери. — Никто не должен покидать свое место, пока я не разрешу этого лично. Всем понятно?

— Чашм, — согласились мужчины.

— Хорошо. Теперь мне следует напомнить вам о вашей главной обязанности как вождей — поддерживать справедливость. Вспомните историю Низам аль-Мулька о бедной вдове и Нурширване Справедливом. Один из вельмож Нурширвана отобрал землю у вдовы, потому что хотел расширить свое поместье. Когда женщина пожаловалась Нурширвану и он убедился в истинности ее слов, с вельможи содрали кожу и набили ее соломой. Все его имущество было передано вдове, но что еще важнее, подданные Нурширвана узнали, что он может быть неуступчив, когда речь идет об укреплении справедливости. Это и есть двор, который мы надеемся создать в будущем.

Вельможи начали переглядываться, как бы размышляя, за что именно Пери хочет их сделать ответственными. Но она подсластила горящую пилюлю:

— Именно потому первый мой указ как представителя нового шаха будет о восстановлении справедливости. Многие благородные мужи, утратив расположение шаха, были ввергнуты в дворцовую тюрьму. Настоящим я приказываю отпустить этих людей к их семьям.

Громовой крик одобрения вырвался у присутствующих.

— Хвала Богу! — воскликнул Халил-хан.

— Включая и тех, кто поддерживал Хайдара? — уточнил Пир Мохаммад-хан.

— И их. Садр-аль-дин-хан-остаджлу будет освобожден среди первых.

— Хвала Богу! — ответил он. — Сколь сладостен этот день!

— Перед празднеством я хочу услышать от всех вас о делах в стране. Мирза Салман, говорите первым.

Он откашлялся.

— Многие главы провинций все еще не назначены, и это грозит нашей безопасности. В их числе места, опустевшие из-за трагической кончины царевичей.

— Промедление непростительно, — отвечала Пери. — Вы со своими людьми можете создать список предлагаемых замен, обсуждая их со мной. Я представлю список новому шаху и настою на быстром решении, особенно там, где наши границы уязвимы.

— Чашм, — поклонился мирза Салман.

Я уже видел тех, в ком оживали надежды; они собирались подать прошения за своих сыновей и близких, рассчитывая на их назначение. Для Пери это было прекрасной возможностью поставить своих людей на важные посты — людей, доказавших свою преданность ей.

Моршад-хан, глава дворцовой стражи, попросил слова следующим:

— Меня заботит государственная казна. Ее по-прежнему охраняют люди Исмаила, и при смене шаха они могут не оправдать доверия. Вдобавок, если наши враги узнают о новостях и сочтут нас уязвимыми, они могут напасть.

Казначейство было расположено в низком, хорошо укрепленном здании рядом с Залом сорока колонн. Оно пряталось за толстыми стенами, его охраняло войско. Вход позволялся очень немногим, и каждый посетитель записывался в книгу.

Ответ Пери был немедленным:

— Шамхал-султан, собери отряд черкесских воинов и убедись, что их ничто не сдержит в исполнении долга — защищать казначейство день и ночь.

— Чашм, — сказал он, широко улыбаясь; теперь он был удостоен чести выполнять столь важную задачу.

— Царевна, а не лучше ли будет, если караул составят несколько групп, включая кызылбашей? — спросил мирза Салман.

— Вы нам не доверяете? — отозвался Шамхал.

— Дело не в этом. Смешанный отряд потребует от каждого отвечать за сохранность богатства страны.

— Ответьте на мой вопрос! — потребовал Шамхал.

— Это не вопрос, — пожал плечами Салман. — Кроме того, мне кажется, что каждому из нас очень просто доказать, кто вернее.

— Вы мне угрожаете? — Глаза Шамхала выкатились от едва сдерживаемого желания что-то совершить.

— Я просто объясняю.

Две недели они едва разговаривали с Пери, а теперь они готовы были драться за ее доверие.

— Прекратите недостойную перепалку! — велела Пери из-за занавеса. — Мирза Салман прав. Я попрошу таккалу присоединиться к черкесам в охране казначейства.

Таккалу стали ее союзниками — впервые с тех пор, как остаджлу вернули себе благосклонность Исмаила.

— Это будет только справедливо, — сказал мирза Салман.

Шамхал был разъярен: он за один раз проиграл все сражения. Мирза Салман улыбнулся ему, поддразнивая. Внезапно я вспомнил, как усердно мирза Салман трудился над смещением мирзы Шокролло. Все началось так же — с насмешливой улыбки на собрании.

— Царевна закрывает обсуждение этого вопроса, — твердо возвестил я сидящим. — Переходим к следующему.

— Что с налогами? Получены ли недоимки с провинций? — спросила Пери.

— Недобор на юго-западе, — ответил евнух Фархад-ага, назначенный Исмаилом собирать налоги для казны.

— Почему?

Халил-хан попросил слова. У него был огромный нос, и он славился мастерским плутовством в нардах. Долго делал вид, что проигрывает, затем набирал очко за очком, пока не разбивал противника наголову.

— В моей провинции было землетрясение, многие земледельцы погибли. Нам нужно время, чтоб восстановиться.

— Вы его получите, — отвечала Пери, — но я ожидаю подробного доклада о видах на урожай на следующий месяц.

Хамид-хан, молодой вельможа, попросил слова следующим:

— Я бы хотел доложить об успехе. После смерти Бади аль-Замана в Систане мы в моей провинции пережили обширное восстание, но заговорщики были разоблачены и разгромлены, и теперь наши границы прочны и сохранны. Я благодарю досточтимую царевну за самое скорое понимание серьезности положения.

— Для того и существует правитель, — отвечала Пери.

— Мы восхваляем вас за это. Вы были словно львица там, где остальные тряслись от страха.

— После сегодняшней встречи все должны снестись со своими доверенными лицами и выяснить, есть ли угрозы вторжения или восстаний в их провинциях. Отчитайтесь, как только получите ответ. Не забывайте, что наши враги вот-вот узнают о смерти шаха и будут рады воспользоваться случаем.

— Чашм, — ответил хор мужских голосов.

— Меня продолжают волновать дела в Ване. Есть слухи, что тамошний оттоманский глава Хосров-паша собирается напасть на нас. Бахрам-хан, я хочу, чтоб вы повели армию в Хой, показать нашу силу и спутать его намерения. Нет ничего важнее, чем сохранить мир с оттоманами, с таким трудом отвоеванный моим отцом.

— Алла! Алла! Алла! — выкрикивали вельможи, и Бахрам выглядел польщенным — ведь он наконец осуществит замысел, который начала Пери, пока ее не остановил Исмаил.

— Есть другие вопросы?

Поднялся Халил-хан.

— Ходят слухи о неурядицах во дворце, — сказал он, показывая пальцем на занавес.

Наступило долгое и тягостное молчание.

— Изложите свое дело, — потребовал я.

— Некоторые утверждают даже, что шах был убит, — обвиняюще произнес он.

Халил-хан был телохранителем Пери в ее детстве, из такого обычно рождаются связи на всю жизнь, и я не мог понять, с чего он пошел на публичное обвинение.

— Заключение лекаря не было безоговорочным, — напомнил я.

— Мой долг — известить царевну о слухах, что заговор с целью убийства сложился в гареме.

Я напрягся и хмуро глянул на него.

— Нелепица! — вскочил хан Шамхал. — Что вы имеете в виду?

Пери сказала из-за своего занавеса:

— Среди мужчин всегда ходят странные слухи о шахском гареме. Вам кажется, что это нечто вроде опиумного притона, полного бредящих безумцев, но это скорее войско, устроенное в подчинении чину и долгу. Как вы можете знать, что происходит в гареме? Вы там когда-нибудь бывали?

— Разумеется, нет, — сказал Халил-хан.

— Тогда я думаю, что вам лучше оставить эти заботы мне.

Мужчины засмеялись, а Халил-хан побагровел:

— Подождите минуту! Если шах Исмаил был убит, что помешает случиться новому убийству? Мы будем глупцами, если не станем опасаться убийцы на свободе.

Некоторые из вельмож явно забеспокоились. Рот Амир-хана угрюмо выгнулся. Боже всемогущий, да они ее боятся!

— Трудно вообразить, что может быть хуже того, что уже случилось в последние месяцы, — ответила Пери. — Тем не менее даю вам слово, что, пока вы подчиняетесь приказам, я на вашей стороне. Как вы знаете, я никогда никого не бросала. Даже когда мне было запрещено участвовать в делах дворца, я просила о милости к обвиненным, что дорого мне стоило.

— Она говорит правду, — сказал Шамхал.

— Взамен я прошу только вашей верности, когда я принимаю новое положение — главного советника Мохаммада Ходабанде. Мужич, каково ваше решение?

— Да прозвучит голос каждого, — наставил я вельмож.

— Да здравствует лучший мудрец, который достался стране! — крикнул Пир Мохаммад-хан, чей порыв, без сомнения, подогрела новость о его заточенном родиче.

— Алла! Алла! — взревел Шамхал-черкес, начиная общее славословие.

Все остальные присоединились к его рыку: «Алла! Алла! Алла!..»

Звукам вторил радостный стук моего сердца. Я кинулся за занавес и обнаружил, что Пери уже встала. Внезапно она показалась мне

точным подобием своего отца, высокой, стройной, в шафраново-желтых шелках. Она не улыбалась, не страшилась, но просто и легко делала свое дело. Мужчины все равно никогда ее не признают, но ее храбрость их укротила. Мне казалось, что *фарр* древних царей проник в нее так глубоко, что наполнял ее сиянием. Некоторые сказали бы, что он в ее крови, но я знал, что он в каждой ее жилке, и сердце мое переполнялось гордостью.

Подготовка грядущей коронации заняла на следующие несколько дней всех, вплоть до последнего мальчишки-посыльного. Вельможи прибывали на рассвете, чтоб получить распоряжения и показать свою преданность. Во второй половине дня все долго отдыхали. Поздно ночью окончив поститься, мы с Пери продолжали работать над самыми важными делами по управлению дворцом. Затем мы обсуждали многое почти до самого рассвета, после чего делали перерыв на небольшой завтрак. Наконец-то Пери было позволено заниматься тем самым делом, которому учил ее отец, и она прямо-таки лучилась удовлетворением. Даже ее матушка заметила, что она сияет, словно невеста, и больше не приставала к ней с разговорами о замужестве.

Что до меня, то я стал значительным человеком. Как только мужи собирались в ее приемной, они наперебой старались поговорить со мной. Мне рассказывали о всяких делах, меня просили о заступничестве. Я делал все, что мог, чтобы помочь тем, кто казался честным и мог помочь царевне.

В последний день Рамадана, День пиршеств, мы все были готовы к великому празднику. Избыточное веселье было запрещено, потому что шах умер совсем недавно, тем не менее Пери устроила достойное празднование для своих служанок и евнухов, чтобы отметить конец месяца поста. Жена-молитвенница читала для нас, напоминая, что Коран открылся пророку Мохаммеду — да пребудет с ним мир — как раз во время Рамадана. Я неистово молился, прося прощения за мои недавние дела и надеясь, что они будут взвешены и оправданы в глазах Бога.

Как только показался новый месяц, для нас накрыли праздничный стол, превосходивший всякое воображение. Жареные окорока ягнят, длинные вертела кебаба, рис с травами, бобы, сухие фрукты. Я начал

со своего любимого блюда — баранины, тушенной с петрушкой, пажитником, кориандром и зеленым луком, приправленной маленькими терпкими лимонами, сообщавшими блюду свой особый вкус. Заедал это я густой холодной простоквашей, смешанной с огурцами и мятой, наслаждаясь тем, как вкусы и ароматы сливаются друг с другом на языке. Мальчишки-прислужники, особенно внимательные ко мне, самому доверенному лицу Пери, то и дело подходили, предлагая напитки, горячие лепешки, и я, чтоб порадовать их, принимал предложенное. Масуд Али несколько минут посидел рядом со мной, пока тяга к играм не увлекла его во двор дома Пери, где другие мальчишки зажигали фейерверки и вопили от восторга. Я недолго посидел снаружи, глядя, как играют дети.

— Ну ты, урод! — внезапно услышал я. — Да тебе духу не хватит сыграть со мной как мужчина!

Это был Ардалан, изводивший Масуда Али. Я подавил порыв вскочить и помочь Масуду. Месяцами я работал, чтоб укрепить его тело и разум, а теперь должен дать ему проверить свою решимость.

Приставания не кончались. Масуд Али стиснул свои маленькие кулачки.

— Говоришь громко, да ведь ты просто трус! — выкрикнул он в ответ.

Ардалан покраснел. Масуд Али подскочил к нему и ткнул в грудь левой:

— Проиграешь как мужчина?

— Что?..

— Ты готов или нет? — настаивал Масуд Али, оцетинившись, как загнанный в угол кот.

Ардалан отступил и поднял открытые ладони:

— Ладно. Тащи доску.

Я постарался, чтобы Масуд Али заметил мою горделивую улыбку. Потом я оставил их играть и вернулся внутрь.

Настало время чтения стихов. Царевна отыскивала того самого слепца, который выступал перед ее отцом, а так как он не видел, его можно было свободно ввести на женскую половину. Когда мы все наелись, она попросила его почитать из «Шахнаме». Пока он настраивал свой шестиструнный тар, Пери обернулась ко мне:

— Сегодня мне особенно часто вспоминается мой дорогой отец. Так много всего случилось за эти полтора года, что он умер.

— Вы правы. Мы словно прожили по две жизни за этот краткий срок. Как бы он гордился, наблюдая за вашим умелым правлением!

Ее улыбка отражала нечто более высокое, чем гордость, — это была уверенность в том, что теперь она выполняет свое предназначение.

— Однако мои намерения отличны от его, — сказала она. — Отец не признавал искусства книги и почти всю поэзию, потому что желал быть благочестивым. Я же хочу вернуть все это и сделать его двор образцом для нашего века. Мы найдем художников, каллиграфов, позолотчиков, рисовальщиков и поэтов, устроим состязания и вручения наград, чтобы поощрить старые и новые дарования. Сердца людские снова воспрянут, коснувшись радости поэзии и красоты искусства. Вместо того чтоб только превозносить великих мастеров прошлого, мы создадим светильники для будущего. Джавахир, я хочу, чтоб ты помог мне достичь исполнения этой мечты.

После всего, что мы вынесли, суметь создать двор, славящий красоту, знание и достоинство! Как это дивно!

Пери улыбнулась, и, когда я ощутил ее сияние, могучее и истинное, чтец заговорил. В бируни все затихли, и мы услышали его певучий голос, возрождавший стихи Фирдоуси. Написанные пять веков назад, они по-прежнему будоражили мою кровь, укрепляя желание исполнить мечту Пери.

О воин, что отважен и сметлив,
Будь даже в битве добр и справедлив!
Узнай: по силам Богу превозмочь
И обратить в рассвет твою глухую ночь,
Тебе Он дарует своей частицы силу,
И ты сумеешь вспять погнать светило.
Смотри: во тьме взревели трубы,
В седло ты прыгнул, войлок бросив грубый,
Ты мчишь, как солнце, вставшее полночью,
И поражение видит враг воочью.
Забудь о сне, не думай о покое!

Победа — вот покой для поля боя.

Я взглянул на Пери, слушающую чтеца так, словно он был единственным живым существом в этом зале, и представил ее Ферейдуном, освобождающим народ от злых сил. Мне подумалось, что не случайно величайшая поэма Фирдоуси делает героями троих — мать, кузнеца и правителя. Не добивайся они этого вместе, как можно было бы победить?

Конец месяца поста — всегда время радости и щедрости. Я воспользовался случаем и спросил Пери, могу ли я послать за Джалиле, и она дала милостивое соизволение привезти ее после новогодних праздников, когда начнут обучать новых служанок для гарема. К тому времени я уже получу изрядную часть моего выросшего жалованья. Так как до Нового года было почти три месяца, а восшествие нового шаха могло нарушить все обещания, я решил не делиться подробностями с Джалиле, пока все не определится в точности. В последний раз она была так огорчена новой отсрочкой, что я не хотел ранить ее снова. Вместо этого я написал, что дела во дворце устраиваются и я полон надежды, что к весне все решится.

Сразу после Рамадана Мохаммад Ходабанде прислал своих людей, чтоб подготовить дворец для себя и своей семьи. Они встретились с Анвар-агой, разрешившим евнухам из их числа осмотреть здания на площади гарема, тщательно обследовавших покои на предмет острых углов, неожиданных поворотов лестниц или открытых балконов, представляющих опасность для слепого человека. Евнухи, посоветовавшись с дворцовыми строителями, предложили свои изменения.

Затем во дворце появились доверенные Мохаммада Ходабанде, прибывшие куда большим числом, с ними были воины. Нам с Пери объяснили, что они посланы удостовериться, что все перемены сделаны. Однако вечером Анвар-ага прислал Пери записку, что в казначействе разгорается ссора, и Пери послала за дядей, а меня отправила в бируни выяснить, что происходит.

Закутавшись в теплый халат, я поспешил к Залу сорока колонн, по пути вспоминая, как ратники давили сапогами розовые кусты, и от

души надеясь, что не увижу нового столкновения. День был холодный и сырой, на деревьях тяжело лежал снег. Перед казначейством, как я и ожидал, черкесы Шамхал-хана вместе с таккалу несли караул. Они притопывали и подпрыгивали на месте, чтоб согреться. Но перед ними стоял еще один вооруженный отряд.

— Будущий шах приказал, — сказал их старший, выдыхая густой пар.

Я узнал в нем одного из остаджлу.

— Мне приказано стоять здесь, — ответил начальник черкесской стражи.

Воины смотрели друг на друга, держа руки на оружии.

— Салам алейкум, храбрые воины, — сказал я самым своим повелительным голосом. — Шамхал-хан уже едет сюда. А до этого уважайте спокойствие дворца. Вы что, уже забыли, что случилось в прошлый раз, когда кучка вояк затеяла тут выяснение отношений?

Я красноречиво показал в сторону тюрьмы. На мгновение они унялись и согласились дожидаться Шамхала. Я помчался к Пери с новостями. Они с дядей совещались с мирзой Салманом.

— Госпожа, прошу вас изменить свое намерение, — услышал я слова мирзы Салмана по его сторону занавеса.

— Каковы ваши доводы?

— Первое — что новый шах захочет знать, насколько вы покорны его велениям.

— Но это же ужасно.

— Полагаю, что неподчинение приведет к худшим последствиям.

— Разве не видно, что так начинается племенная свара? Остаджлу снова пытаются взять верх. Мы не можем этого позволить.

— Но шах может благоволить, кому он пожелает.

— Вы подчиняетесь приказам, даже если они нелепы?

Шамхал гулко хохотнул:

— Конечно подчиняется.

— Какой дурак это сказал? — поинтересовался мирза Салман.

— Я, Шамхал, а дурак теперь ты.

Шамхалу разумнее было вести себя осторожней. Мирза Салман стал слишком силен, чтоб сносить оскорбления.

— Ваш вопрос напомнил мне одну из историй «Шахнаме», о шахе Ковусе, — ответил он спокойно. — Помните, как он решил изобрести

летающую машину и парить, словно птица? Рустам решил, что это глупость, но помогал шаху, пока тот не разбился в неудавшемся испытании. Урок здесь в том, что пока ты на службе, то должен исполнять все решения повелителя, даже если они кажутся неверными.

— Так я должна рисковать нашими деньгами и позволить племенам начать резню, только чтоб доказать Мохаммаду, что я его слуга?

— Да, госпожа. Таково мое мнение.

Пери повернулась ко мне спросить, что я думаю.

— Он прав, — шепнул я. — Давайте убедимся, что новый шах вас любит и доверяет вам, прежде чем вы воспротивитесь ему.

Лицо Пери потемнело.

— Мохаммад слишком слаб, чтоб противостоять чему-то, — шепнула она в ответ.

— А его жена?

— Она всего лишь женщина, — ответила она, а ее дядя засмеялся.

Уже громче она сказала мирзе Салману:

— Я благодарна за ваши советы, но ради блага страны не могу их принять. Людей Мохаммада немедленно отослать.

Долгое молчание по ту сторону занавеса: Пери ждала, нетерпеливо дергая нить бахромы своего пояса.

— Досточтимая повелительница, я умоляю вас не противоречить его приказам. Неужто вы хотите быть отстраненной, как в прошлый раз? — наконец сказал мирза Салман.

— Но ведь я же права! — отвечала Пери, и отчаяние усиливало ее голос. — Если остаджлу возьмут верх, они почувствуют себя вправе добиваться уступок. Кроме того, откуда я знаю, что они надежны как охрана? Я отказываюсь рисковать достоянием страны.

— Госпожа, а если оставить казначейство под охраной всех трех племен — черкесов, таккалу и остаджлу?

Я подумал, что это отличное решение. Пери может показать, что подчинилась приказанию, сохраняя преимущество во власти.

— Отличная мысль! — шепнул я.

Она не обратила на меня внимания.

— Они передерутся между собой, — сказала она мирзе Салману.

— Ваше решение может развязать во дворце внутреннюю войну, — настаивал мирза Салман.

— Мой ответ — нет.

— Как же тогда вы собираетесь усмирить их? — спросил он.

— Об этом позабочусь я, — сказал Шамхал. — Есть вещи, для которых таджик-управитель не годен.

Оскорбление было жестким, как вкус металла.

— Дядя, — прикрикнула Пери, — таджики и тюрки смешались в крови Сафавидов, и ты это знаешь! Как одни смогут жить без других?

Во мне также текли обе крови, и я должен был согласиться.

— А что тогда черкесы? — огрызнулся мирза Салман, но мудро не стал продолжать.

Все мы знали, что черкесы и грузины, недавние пришельцы в сравнении с кызылбашами, старались проложить себе дорогу на лучшие места.

— А что с черкесами? Мы такие же свирепые, как и другие, — сказал Шамхал.

— Мы все иранцы, — осадила их Пери.

— Если бы только все племена так думали... Каждый добивается преимуществ для своих: оstadжлу для оstadжлу, черкесы для черкесов. Неужели так будет всегда? — спросил мирза Салман.

То есть, другими словами, приняла ли Пери сторону дяди против него.

— Нет, — ответила она. — Но мое решение о казначействе остается.

Повисла долгая, удручающая пауза.

— Ради бога, царевна! Это ошибка, — сказал он.

— Я согласен с мирзой Салманом, — настойчиво прошептал я, хотя испытывал при этом непростые чувства: он же не сказал мне, как хорошо знал счетовода, убившего моего отца.

Глаза Пери метнули пламя неодобрения в мою сторону.

— Шамхал, езжай и уйми своих людей, — приказала она. — Мирза Салман, вы свободны.

Неужели она ничему не научилась на примере Исмаила? Почему она должна настаивать на сохранении власти, когда это может стоить ей проигрыша в битве за влияние на нового шаха? Я мог только

надеяться, что Мохаммад настолько хочет, чтоб им управляли, насколько считает она.

— Джавахир, я уже давно сказала тебе, что не всегда буду слушаться твоих советов, — напомнила она, когда мы остались вдвоем.

— Однако я должен давать их. Я боюсь, что вас сбивает с пути ваше желание править.

— Ты полностью не прав: мое решение — управленческое. Мохаммад должен понять, что он не может ничего меня лишить. С прежним шахом я не сумела сохранить выигрыш в силе, что позволило отодвинуть меня. На этот раз я отвечу силе моей собственной силой, и победит самый свирепый лев.

Взгляд ее сверкал, будто она уже готова была сразиться. Я смотрел на нее, и каждая мышца моего тела была напряжена.

— Я рискую всем в этой борьбе, — продолжала она, — но делаю это ради Ирана. Подумай о людях, которые пострадают, если вторгнутся оттоманы или узбеки! Подумай о том, как напитается кровью наших воинов наша же земля, если разразится новая гражданская война! Я должна действовать ради иранцев, которые не могут сделать это сами. Царская кровь бурлит в моих венах, и в этом мой долг, живой или мертвой.

Бесстрастные слова прозвучали словно боевой клич. Минуту я молчал, размышляя над значительностью ее заявления.

— Вы подразумеваете мятеж? — тихо спросил я.

— Не в первую очередь.

Я изумленно отшатнулся.

Ее глаза приковали мои.

— Если до этого дойдет, твоя помощь мне понадобится, как никогда прежде.

Это и есть то, чего требует верность? Неужели мой отец так же, как и я, сомневался в своем повелителе?

Да. Наверняка.

Тем же вечером Баламани рассказал мне, что Анвар наблюдал, как мирза Салман и Шамхал-хан ссорились перед казначейством. Мирза Салман настаивал, что черкесы и таккалу должны подчиниться приказу Мохаммада и покинуть посты, в то время как Шамхал угрожал

карами оstadжлу, если они не уберутся. Когда мирза Салман не отступил, могучий Шамхал выхватил саблю и размахивал ею до тех пор, пока тот не ударился в бегство.

— Ты, может, и великий визирь, — орал Шамхал, — но все равно слабак!

Мирза Салман, побагровевший до макушки, словно обожженный солнцем, бежал прочь. Какое унижение для того, кто вообразил себя воином!

После этого Шамхал принялся грозить оstadжлу, пока они не отступили. Им это не понравилось, но Шамхал был знатным царедворцем и вдобавок с пугающей статью медведя. Единственным выбором было затеять схватку — с ним, с черкесами, с таккалу, но они сочли такой выбор не стоящим полного отказа от счастья земной жизни.

Когда Пери узнала о поведении мирзы Салмана, она была крайне недовольна, что он обострял положение вместо того, чтобы исполнять ее приказы. Она вызвала его для объяснений, и я сел с ним на половине посетителей, чтобы пристальнее наблюдать за ним.

— Прошу прощения, царевна. Я очень опасаясь, что Мохаммад может расценить ваше неподчинение как измену, — сказал он. — Я старался защитить вас от клейма ослушницы.

— Как вы смели предполагать измену? — спросила Пери дрожащим от ярости голосом.

— Царевна, — отчаяние звенело в голосе мирзы Салмана, — я считаю своим долгом предупредить вас о последствиях, пусть и неприятных!

— Вы что, не поняли? Никакой измены, кроме измены мне!

Это было все равно что провозгласить себя шахом. Мирза Салман выглядел таким же остолбенелым, как и я. Сколь бы она ни гневалась, нельзя было делать такие заявления, рискуя обвинением в предательстве.

— Царевна, все было сделано, как вы приказали. Казначейство охраняется по вашему наказу. Войско для защиты юго-западных границ выступило. Дворец управляется, как пожелали вы. Однако новый шах овладеет всем очень скоро.

— Оставьте мне справляться с этим.

— Положение очень непростое.

— Вы меня слышали?

— Да, моя госпожа.

Последовало долгое молчание, и во время него мирза Салман ходил кругами по маленькой комнате.

— Царевна, разрешите мне сказать? Есть еще кое-что, что меня очень заботит.

— И что же?

— Это ваш дядя. Его когда-нибудь обуздают?

— Он защищает мои повеления. Я не одобряю его поведения, но мне неприятно и ваше по отношению ко мне. Вы не подчиняетесь.

— Роза Сафавидов, — сказал великий визирь, — я понимаю, что кровные узы связали вас навсегда. Но каков я теперь в ваших глазах? Вступитесь ли вы за меня перед новым шахом?

Другими словами, посоветует ли она шаху оставить его великим визирем. Большинство слуг не посмели бы просить так прямо. Я почувствовал в этом вопросе такую озабоченность, что немедленно покинул комнату, дабы посоветовать Пери прислушаться.

Когда я очутился по ее сторону занавеса, царевна все еще гневалась.

— Для покорных слуг место есть всегда, — говорила она. — Вы такой слуга?

— Я отдам все силы, — пообещал мирза Салман. — Но именно сейчас очень трудно не угодить в жернова между вашими желаниями и желаниями будущего шаха.

— Царевна... — шепнул я, но она остановила меня взмахом руки.

— Я хотела бы, чтоб вы подтвердили свою верность мне в грядущие дни.

— Да поможет мне Бог!

— Тогда сделайте это. Можете пока идти, и возвращайтесь, когда отыщете способ показать всю глубину своей покорности. — Она говорила ледяным тоном.

— Царевна, — сказал я, когда он ушел, — не совершите ошибки, сделанной вашим братом, отказавшим в милости своим лучшим слугам. Дайте мирзе Салману понять, что вы все же цените его, дайте ему повод надеяться.

Гнев Пери испарился так стремительно, что я осознал: это была игра.

— Не беспокойся, так и будет. Но мирза Салман не должен считать, что если он великий визирь, то ему все позволено, или указывать мне, что делать. Когда он ослушивается, его следует вразумить, иначе он совершит это снова. Я проверила его сейчас, чтоб увидеть, останется ли он верным слугой и достаточно ли у него ярости, чтоб идти с нами до конца.

Вскоре после происшествия у казначейства Мохаммад Ходабанде с семьей прибыл в священный город Кум. Они разместились в доме его матушки Султанам, переехавшей туда, потому что она больше не могла выносить дворцовых козней, и почтили Бога в местных мечетях. Вельможи двора начали являться с просьбами разрешить посетить его в Куме, надеясь заблаговременно добиться расположения нового шаха, но Пери настояла, чтоб они оставались при дворце и заканчивали порученное им. Они ворчали, но так велика была ее сила, что большинство повиновалось.

Мирза Салман был исключением. Он явился к ней и попросил разрешения принести дань уважения Мохаммаду, утверждая, что считает важным объяснить происшествие у казначейства, равно как и ее решение послать воинов оградить страну от оттоманского вторжения.

Мы с Пери слушали его по нашу сторону занавеса.

— Царевна, я хочу, чтобы ваша первая встреча с шахом прошла как можно глаже. Я добьюсь того, чтобы злые языки не сеяли злых семян между вами и вашим братом. Вы попросили доказать мою верность вам. Я сделаю это.

— Но что за спешка?

— Я человек осторожный. Когда шах появится, он будет окружен толпой посетителей и на него будет трудно произвести впечатление. Я намерен рассказать ему обо всех ваших успехах, начав с того, как вы помогли Исмаилу получить власть, и закончить вашими усилиями сохранить дворец в порядке до прибытия Мохаммада. Я думаю, что смогу убедить его, что вы ему очень нужны.

— И это все, что вы намерены сделать?

— Нет, — сказал он. — Само собой, я хочу остаться великим визирем. Если он согласится, я буду верно служить и вам и ему.

Пери шепнула мне:

— По крайней мере, он признается в своих желаниях.

Шамхал изводил мирзу Салмана, где бы его ни встречал.

Он мог вытянуть свой кинжал, попробовать острие пальцем или мрачно рассказывать, сколько врагов оставил на поле битвы пожилой стервятникам. Он продолжал угрожать мирзе Салману как бы в отместку за то, что его собственное положение во дворце теперь ниже, чем у великого визиря. Мирза Салман, как мне кажется, рвался уехать еще и потому, что боялся угроз. Но я сомневался, стоит ли разрешать, хотя не мог понять из-за чего.

— Мирза Салман, я даю вам соизволение отбыть на двух условиях. Вы не разглашаете свое отбытие, и вы немедленно пишете мне после встречи с братом, как он относится к моим трудам. Вы получаете разрешение потому, что я вам доверяю.

— Благодарю вас, достойная принцесса. Ваша вера — честь для меня.

— Что вы намерены сказать о казначействе?

— Что в сердце у вас были прежде всего интересы страны.

Когда я проводил его к дверям, беглая улыбка скользнула по его лицу. Он выглядел человеком, получившим что-то очень нужное.

Пери и Шамхал снова сблизились, совещались ежедневно, хотя часто не соглашались. Несмотря на свою роль в отъезде мирзы Салмана, Шамхал считал, что Пери сделала жестокую ошибку, разрешив великому визирю ехать в Кум. В одну из встреч, когда они сидели рядом в дальней комнате, Шамхал утверждал, что мирза Салман получил полную свободу говорить о ней Мохаммаду что угодно.

— Добиваться своей цели — среди его лучших умений. Посмотри, как он избавился от мирзы Шокролло.

— Дядя, у тебя есть доказательства его неверности?

Шамхал смешался, глаза его забегали.

— Почему не подождать, пока не приедет шах, и не объяснить ему свои решения самой? Никто не сможет сделать это лучше.

Пери поразмыслила и сказала:

— Я не возражаю, чтоб мирза Салман продвигал себя. Если он убедит нового шаха оставить его великим визирем, это послужит и

моим интересам. Мы втроем будет отличным правительством. Мирза Салман и я задумываем, а шах говорит вельможам, что делать.

— Ты ведь не знаешь его так, как я, с того времени, когда мы служили Исмаилу вместе.

— Что именно ты знаешь?

— Он не заслуживает доверия.

— И чем это подтверждается?

— Его поведением. Я видел, он льстил придворному как лучший друг, а на следующий день подстраивал его падение. Во имя Бога, дитя, почему ты не веришь моим словам? — Шамхал казался разгневанным.

Царевна холодно взглянула на него.

— Думаю, что мне пока стоит следовать своим собственным советам, — ответила она.

Громадный мужчина съежился под ее взглядом — царский *фарр* был слишком могуч, чтобы противостоять ему. Но я решил навестить Фереште. Может, кто-то из ее посетителей что-нибудь слышал об истинных намерениях мирзы Салмана?

Утром я отправился к ней с тяжестью на сердце, причин которой не мог понять. Была середина зимы, в свете раннего утра город казался заледеневшим и вымерзшим. Посчитав дни со времени смерти Хадидже, я понял, что их прошло ровно сорок. Теперь, когда ужас правления Исмаила наконец миновал, мое горе по ней нахлынуло снова. Я не знал, где ее похоронили — нет сомнения, в безымянной могиле, — и потому не мог выплакать над ней свою печаль. Но Фереште, у которой было довольно своих печалей, сможет меня понять.

Когда я добрался, служанка Фереште провела меня прямо в ее покой. Сегодня там пахло ладаном и стояли блюда, полные красных яблок, ядер грецких орехов и фиников. Сбросив обувь, я прилег на шелковые подушки, выпил чаю с кардамоном и почувствовал, как меня начинает отпускать. Женщина с росписи все еще развлекалась со своим страстным любовником, и я постарался не думать о Хадидже.

Фереште вошла, и у меня перехватило дыхание. Брови у нее были словно черный бархат, а глаза — огромными, словно у голубицы. Щеки и губы сияли алым, кожа была безупречной, как слоновая кость.

Длинные густые черные волосы струились по бирюзовому платью. Как она была прекрасна!

— Салам алейкум, Джавахир. Твой приход к счастью.

— И твой. Фереште, ты была так добра, пригласив меня заходить.

Вот я и пришел, потому что мне нужен совет.

— Я всегда счастлива помочь старому другу.

Я подобрал ноги под халат.

— Как ты знаешь, скоро прибудет новый шах. До его появления мне нужны сведения о человеке, надеющемся стать его великим визирем.

— Он тоже был среди моих посетителей, — ответила она.

— Мирза Салман?

Ее лукавая улыбка сказала все.

Я удивился, хотя тут не было ничего особенного.

— Ты что-нибудь знаешь о его отношении к Пери?

— Нет. А что ты желаешь узнать?

— Предан ли он ей?

— И если нет?..

— У Пери будут жестокие неприятности с новым шахом.

Она помедлила минуту.

— Если принять всерьез сплетни о смерти Исмаила, то новый шах может опасаться, что она отравит и его. Он, как все слепцы, особенно мнителен.

— Очень возможно. Отчасти поэтому я должен знать, хорошо ли отзывается о ней мирза Салман.

— Я дам тебе знать, если что-то услышу.

— Когда он снова появится у тебя?

— Не раньше, чем вернется из своей поездки.

— Понятно.

Мирзе Салману было приказано никому не говорить о своей поездке, но он уже проболтался Фереште.

Наступило молчание, и я понял, что необходимо сменить тему. С тех пор как отыскал Фереште, я вспоминал наши прежние дни вместе и понял, что любил ее тогда. Любил — но не понимал этого: я был слишком молод и слишком занят собой. А она была проституткой, и я считал ее недостойной своей любви.

Фереште не сводила глаз с моего лица:

— Мой друг, ты опечален.

— Недавно я вспоминал о днях, когда мы были юны, — сказал я, — и каково нам было в объятьях друг друга. Не знаю, что ты чувствовала ко мне, но я стал понимать, как мне жаль, что не сумел спасти тебя от улицы.

Ее взгляд был недоверчивым.

— В самом деле?

— Даже если взять наименьшее, мне хотелось сказать, как сильно я хотел спасти тебя, — так это и было.

— Ты был раздвоен, — ответила она. — В моих руках ты пылал, но, когда наше соитие завершилось, я чувствовала, как твое сердце отворачивается от самой мысли о любви к женщине такого низкого звания.

Как верно она меня понимала!.. Я ощутил жгучий стыд.

— Я все равно был сыном благородного человека, — сказал я. — Думал, эти связи меня недостойны. Ведь я рассчитывал жениться на хорошенькой девушке, тоже из благородных, которая будет служить мне до конца моих дней. Какая насмешка, что это я оказался слугой женщин!

Она улыбнулась:

— А я — служанкой мужчин. Конечно, я предпочла бы, чтоб мое тело осталось моим собственным владением, но это мне не суждено.

— И мне тоже.

— Ты винишь меня? — Она вздохнула. — Жаль, ты не оказался храбрее и не признал, что я нужна тебе и ты желаешь помочь мне.

Фереште была права: тогда щедрости моего сердца не хватало, чтоб признаться ей в любви или признать всю тяжесть ее страданий. С ребяческим отвращением я считал, что женщина ее ремесла будет всегда запятнана тем, что сделала с собой. Ну а что с собой сделал я? Она-то, по крайней мере, не потеряла способности выносить дитя.

— Прошу у тебя прощения от всей души, — сказал я. — Я подвел тебя, потому что был избалованным ребенком, но теперь я изменился. Сейчас я понимаю, что жизнь требует жертв, и многие из них — горестные.

Глаза Фереште были полны сочувствия, и мне вспомнилось, как она утешала меня в моих метаниях, когда я был юн.

— Твои собственные жертвы преобразили тебя, — ответила она. — Птица твоего понимания простерла крылья и теперь летит свободно.

Что-то в моем сердце раскрылось навстречу ее словам.

— Может быть, мы не навсегда заперты в клетках, — добавила она. — Я вырвусь, как только смогу, и ты тоже.

— Иншалла. Если Пери удастся ее замысел, я буду ближе к обретению независимости. Если она утратит благоволение, утрачу его и я. Рухнут все мои намерения.

— Какие?

Я рассказал ей о Джалиле и моей тревоге за ее будущее, такое зависимое от моего. Когда я закончил, то охрип.

— Бедное дитя. Почему ты раньше не говорил о ней? Есть крохотная надежда, что я смогу помочь. Перед его отъездом в Кум я дала мирзе Салману адрес очень дорогой женщины для посещений. Я тотчас пошлю гонца и попрошу ее сообщить, не узнала ли она чего-нибудь.

— Я буду тебе чрезвычайно благодарен, — ответил я. — Серебро поможет?

— Она рада оказать мне услугу. У меня сеть таких приятельниц во всех крупных городах.

Вернувшись к Пери, я рассказал ей о нашем разговоре и намекнул, что Фереште хорошо бы одарить. Царевна послала ей серьги из жемчуга и филиграни — достаточно красивые, чтоб развязать любой язык.

Через несколько дней Мохаммад и его свита, добравшиеся от Кума, были уже в нескольких фарсах от Казвина. Они разбили лагерь, дожидаясь, пока звездочеты не выберут благоприятный день для въезда в город. Лулу недавно был снова нанят во дворец по моему предложению. Я надеялся, что его мнения спросят.

Мохаммад пригласил Пери к нему на стоянку почтить его прибытие. Я помогал устроить ее поездку со служанками, евнухами и стражей от Шамхала. Мы с Пери сошлись на том, что это важно — показать силу через число и пышность ее войска.

В день нашего отбытия все ожидали, что царевна заберется в золотой паланкин, но я отослал носилки вперед, ожидать за городской

чертой. Пери хотела испытать свое мастерство наездницы и промчаться в одиночку, без сопровождения. Это было нарушением всех правил, но, прибегнув к хитрости, мы добились своего.

Вскоре после того, как отворили городские ворота, мы с царевной вышли в небольшой сад возле Выгула шахских скакунов, где нас ждали оседланные кони, и поехали вместе в утреннем холоде. Она взяла своего любимого арабского коня Асала, названного так за масть — и вправду цвета лесного меда. На ней было длинное, отделанное мехом платье с разрезами для верховой езды, плотные шерстяные шаровары, кожаные сапожки, меховая шапка, под которую были заправлены волосы, и серый шерстяной платок, согревавший лицо и скрывавший его до самых глаз. Маленький мальчик, увидевший ее, завопил матери: «Хочу, как он!..»

Мы чинно проследовали к Тегеранским воротам. Их высокая средняя арка с боков имела две поменьше, чтобы двигаться можно было в обоих направлениях. Белые, желтые и черные изразцы, выложенные затейливым узором, напомнили мне бабочек и внушили радостную веру в удачу столь ожидаемой поездки.

Неподалеку от нас трусили евнухи и посыльные, возглавляемые все еще отставным визирем Маджидом, везли сундуки с ее нарядами, личными вещами и подарками, которые она готовилась вручить своему брату. За ними двигался большой отряд черкесов и таккалу, посланный ее дядей, и слуги, тащившие все нужное для стоянки.

Когда мы проезжали ворота, царевна оглянулась на длинный караван, тянувшийся за нами, и сказала:

— Хвала Господу! Ну разве это не прекрасно?

— В самом деле!..

Обоз двигался медленно и размеренно из-за большого числа грузов. Как только мы миновали ворота, она сказала:

— Вперед!

Пришпорив коня, Пери обогнала меня, мчась вдоль покрытых снегом гор. Прекрасная земля вокруг открывалась все шире, промерзшая дорога была пуста. Я старался нагнать Пери, пар дыхания клубился перед лицом, однако мне не удавалось. Ее конь вырвался далеко вперед, и я любовался мастерством наездницы: это случалось нечасто. Она летела словно верхом на ветре. Скоро она превратилась в точку на белом, и стало казаться, что она не вернется больше никогда.

Если бы ей было куда умчаться! Обязанности управления дворцом требовали каждой минуты ее жизни. Неудивительно, что ее охватил такой восторг при виде мира свободы.

Далеко отскакав галопом, Пери повернула назад и поравнялась со мной, и дальше мы ехали вместе.

— Как чудесно ощущать себя ничем не связанной! — Кожа ее горела от радости скачки.

— Вы выглядите счастливой, принцесса. Радостно видеть.

— Новый шах и новая эпоха совсем рядом. На этот раз все будет иначе.

— Иншалла.

Мы скакали, покуда не достигли реки, текущей вдоль гор, куда я утром рано отослал золотой паланкин с Азар-хатун. Как только мы подскакали к нему, Азар постлала толстое одеяло, и Пери бросилась на него, а рядом на берегу реки трещал костер. Она сдернула ткань, скрывавшую ее лицо, сбросила просторный теплый халат и минуту сидела, открывшись воздуху свободы. Лицо ее разругнилось еще сильнее, лоб разгладился — впервые за много недель.

— Ба-а, ба-а! — воскликнула Пери. — И какая радость может быть больше этой! Хотела бы я так жить каждый день моей жизни.

Азар-хатун очистила несколько грецких орехов и протянула нам. Мы с удовольствием съели их, наблюдая за птицами в небе, пока Азар наливала в чаши дымящийся чай. Я вытянул затекшие ноги. Скоро, очень скоро со мной будет моя сестра, и я покажу ей все, что так люблю в Казвине. В свободные дни я буду водить ее на прогулки за город и угощать любимыми блюдами. Как радостно будет узнать друг друга!

Густое облако пыли вдалеке положило конец моим счастливым мыслям.

— Царевна, — предостерег я, — вижу, приближается ваша охрана.

— Так быстро...

Вздохнув, Пери поднялась и нехотя скрылась в золотом паланкине.

Когда ее всадники поравнялись с нами, паланкин Пери занял место во главе каравана, и мы продолжили путь. Двигались мы очень медленно, ведь теперь ее носильщикам приходилось идти пешком.

Стоял холодный ясный день, мерзлая земля похрустывала под моими сапогами. Поля, тянувшиеся мимо, летом изобиловали бы пшеницей и ячменем. Пастухи, пасшие овец, кланялись нам и предлагали угоститься молоком. Поблагодарив, мы продолжали путь к ставке.

Наконец я разглядел скопление высоких черных шатров, а вскоре и воинов, несших караул. У въезда в ставку паланкин царевны изысканно приветствовал один из евнухов Мохаммада Ходабанде, а его конюхи приняли наших лошадей. Пери и Азар проводили в палатку, отведенную им в женской части лагеря, а я шел чуть позади.

Палатка была сшита из толстой грубой ткани, чтоб защитить постояльцев от зимних ветров. Евнух откинул полог палатки, и мы вошли внутрь. Там все было убрано рубиново-красными коврами и подушками, будто источавшими тепло. Стены завешены алым атласом, расшитым выющимися цветами и другими узорами, словно парящими среди них. Мягкие подушки лежали там, где полагалось сидеть, а за длинным вышитым занавесом устроена постель. Внесли деревянные сундуки с нарядами и благовониями Пери.

Мы восхищались палаткой, когда второй евнух расторопно вбежал с горячим чаем и сладостями. Подкрепившись, мы разобрали вещи Пери. Когда все было готово, наступило время ужина, который и доставили царевне слуги Мохаммада Ходабанде. Разостлав чистую полотняную скатерть, они поставили большое блюдо с жареной бараниной на горячем хлебе, пропитавшемся мясным соком, а с ними простоквашу и зелень. Я оставил Пери и других женщин поесть, а сам пошел к палатке, назначенной евнухам Мохаммада. Подойдя к ней, я расслышал, что они говорят:

— Видел свиту этой женщины? Она, верно, думает, что сама шах!

— Он семь раз подумает, прежде чем ее задеть с такой-то стражей.

Я усмехнулся. Когда я вошел, то меня приветствовали как старого друга. Мы вместе поужинали, поговорили и попраздновали до поздней ночи.

Следующим утром Пери была приглашена к будущему шаху. Евнух провел нас к его шатру, который для безопасности снаружи ничем не отличался от других. Внутри он был еще роскошнее, чем у Пери. Ковры на полу были густо-индиговые, среди мягкой шерсти,

словно звезды на ночном небе, мерцали узоры из белого шелка. Для воды и вина стояли фарфоровые сосуды, которые так и везли всю нелегкую дорогу, несмотря на их стоимость, фарфоровые чаши и блюда. Фрукты, сласти и орехи горами лежали на резных серебряных подносах.

Мохаммад Ходабанде сидел на подушках, справа — его жена Ниса-бегум. Темные глаза его были пустыми, он сидел, чуть подавшись лицом вперед, словно чтоб было удобнее ловить звуки. На нем был коричневый халат, серый кушак и белый тюрбан — строгая одежда, из-за которой он выглядел как священнослужитель. Рядом с ним жена сверкала павлином. Розовый халат сиял на фоне зеленого камзола, сочетавшегося с треугольным головным убором из розового и зеленого шелка. На обоих запястьях блестели золотые браслеты, кольца — на всех пальцах, кроме больших, и громадные серьги из крупного жемчуга и рубинов. Полные губы атели мареной, как и щеки. Муж ее выглядел задумчивым и отстраненным, а она словно разбрасывала искры, как ее украшения. Глаза ее обегали нас и весь шатер с такой скоростью, будто возмещали слепоту мужа.

— Добро пожаловать, сестра. Твой приход к счастью, — произнес Мохаммад.

— Да, добро пожаловать, — добавила жена пронзительным, громким и гнусавым голосом. — Мне редко выпадало удовольствие тебя видеть, но все мы слышали похвалы твоего отца тебе, сокровищу среди жен.

Пери изящно опустилась на подушку лицом к ним, а я остался стоять у дверей.

— Я недостойна ваших щедрых похвал, но благодарна за вашу доброту. Как вы себя чувствуете? Как ваши дети?

— Все здоровы, кроме, конечно, сына моего мужа, Султана Хассан-мирзы, чью утрату мы все еще оплакиваем, — отвечала Хайр аль-Ниса.

— Утрата детей печальнее всего, что можно описать, — сказал Мохаммад. — Поистине, тогда и поблек свет моих глаз.

— Да утешит вас Бог в ваших печалях. Какие ужасные горести вы перенесли!

— Ваши утраты столь же велики, — ответил он.

— Надеюсь, что Бог даровал вам здоровье на эти трудные времена.

— С тех пор как мы последний раз виделись с вами, зрение моего мужа еще ухудшилось, — сказала Хайр аль-Ниса. — Это бедствие для человека, столь одаренного к чтению и сочинению стихов.

— На то воля Бога, — вмешался он с покорным видом. — Теперь я сочиняю стихи в уме, а писцы переносят их на бумагу. Но к этому времени они уже все равно у меня в памяти.

— Не почитать ли нам стихи друг другу? — спросила Пери. — Было бы радостно услышать ваши.

— Мы непременно сделаем это, как только обоснуемся в столице.

Мохаммад Ходабанде дал знак, чтобы принесли угощение — чай и рисовую запеканку с шафраном и корицей, согретые нас в этот холодный день. Я был очень доволен тем, как проходил прием, однако был все время начеку, так как ничего существенного пока что не обсуждалось. После чая разговор наконец зашел о дворцовых делах.

— Сестра, мы многое слышали о событиях при дворе. Ты должна нам все рассказать.

— Конечно, — согласилась она. — Я много работала в эти дни с мирзой Салманом. Я позволила ему уехать, чтоб сообщить об этом вам, но с тех пор от него не было известий. Он вам рассказал о случившемся?

Прошла минута, прежде чем они ответили.

— Он рассказал нам все, — бесцветно ответила Хайр аль-Ниса.

— И про войско, посланное в Кум? А про стражу казначейства объяснил?

— Да, про все, — сказал Мохаммад, словно эхо своей жены.

Странными были их ответы. Я ожидал похвал за ее превосходную службу.

— Служить вам было моим долгом, — ответила Пери, словно заполняя пустоту. — После вашего восхождения на трон я буду рядом с вами день и ночь, выполняя ваши повеления.

Она вела себя именно так, как надо, — уверенно и смиренно.

Мохаммад Ходабанде вздохнул:

— Вам надлежит знать правду: я не тот человек, что мечтал стать шахом, и я сомневаюсь, что переменюсь.

Пери улыбнулась, предчувствуя, как будет выполнять свои новые обязанности.

— Уймите свою тревогу, — отвечала она. — Мужич дворa привыкли ко мне и будут делать то, что я прикажу. Я прослежу, чтобы ваши приказы выполнялись.

Брови Хайр аль-Нисы приподнялись.

— В этом не будет нужды.

Пери удивилась:

— Я никого не хотела задеть, но дворец — это сложный мир. Без подробного знания о нем сложно добиться повиновения.

— Мы рады, что вы наделены этим знанием, — сказал Мохаммад Ходабанде. — Когда вы расскажете нам все, что надлежит знать, его делами займется моя жена.

— Ваша жена?

— Именно так.

Губы Пери поджались.

— Я совершенно не понимаю, с чего бы матери четырех детей захотелось добавить к своим заботам еще и управление государством? Это слишком сложно для того, кого воспитали не так, как меня.

Мое сердце упало при этом рассчитанном оскорблении.

— Однако именно этим я и займусь, — высокомерно ответила Хайр аль-Ниса.

— Я всю жизнь училась этому, еще до того, как в четырнадцать лет стала советником у моего отца. Это непростые дела.

— О да, непростые, — сказал Мохаммад Ходабанде. — Вот поэтому ты обучишь мою жену, и она будет выполнять все мои желания.

— Брат, я прошу вас подумать и учесть все мои знания и опыт, которые должны использоваться на постоянной основе при дворе. Даже вельможи согласились, что я — лучший выбор для этой работы.

— Если бы вы смогли делать ее вместе, для меня это было бы лучше всего, — безмятежно ответил Мохаммад Ходабанде.

Расшитые края платья Пери дрожали. И я мысленно содрогнулся от несправедливости происходящего.

— С вельможами непросто. Если они чувствуют нерешительность, то немедленно этим воспользуются. Слабого они раздавят. Не ради себя, но ради вашей собственной защиты я прошу назначения вашим

верховным советником. Ведь я, кроме прочего, рисковала для вас жизнью.

Она имела в виду устранение Исмаила, но, конечно, сказать этого не могла.

— Что вы хотите сказать? — потребовала ответа Хайр аль-Ниса.

— Рисковала жизнью, поскольку нельзя было быть уверенным, что назавтра сохранишь ее. Если бы не смерть Исмаила и не то, что вельможа, назначенный казнить вашу семью, сумел найти повод оттянуть приезд в Шираз, вы были бы сейчас бездетной вдовой — или хуже.

— Безусловно, это правда, но какое отношение это имеет к нам? Я слышала, лекарь Исмаила сказал, что он умер от избытка опиума и еды, что внутренности его завязались в смертельный узел.

Хайр аль-Ниса явно торжествовала, что обеспокоило меня.

— Я хотела сказать, что сделала все, что могла, дабы убедить его и его окружение сдержать убийц, — сказала Пери, — включая тех, что были посланы к вашим детям.

— Так ведь это Бог не дал нам такой судьбы, оттого ничего и не случилось, — ответил Мохаммад Ходабанде. — К чему сопротивляться подобному? День клонится к закату, и меня зовут мои книги. Оставляю вас вдвоем, чтоб договориться.

Во имя Всевышнего! Все было даже хуже, чем я опасался: он даже не задержался увериться, что жена все сделает правильно.

Улыбка Хайр аль-Нисы была ледяной.

— Да, в самом деле. Мы договоримся. Ты можешь начать с того, что поцелуешь мою стопу в знак преданности.

Требование было настолько оскорбительным для сафавидской царевны, что я едва сумел скрыть свое потрясение.

Пери встала, высоко подняв голову:

— Вы требуете, чтоб женщина царской крови целовала ногу девицы из деревни?

— Я требую, чтоб ты признала ту, кто теперь первая среди жен.

— Если бы вы знали свод дворцовых правил, поняли бы, что мое положение куда выше вашего.

Хайр аль-Ниса взмахнула рукой, словно отгоняя муху:

— Ненадолго.

— Спокойнее, Пери, — мягко сказал ее брат. — Ты должна всегда уважать мою жену.

— Я уважаю разумных людей! — гневно ответила Пери. — Если вы намерены играть в царствование, вы утратите не только двор, но и страну. Позвольте мне напомнить вам, что нам предстоит. На севере, востоке и юго-востоке люди угнетены и бунтуют. На северо-востоке и северо-западе нам угрожает вторжение оттоманов и узбеков. Нашу страну охватывают беды. Нашему народу грозят несчастья. Помните, без справедливости не будет ни процветания, ни государства. Вслушайтесь!

Мохаммад Ходабанде вздохнул:

— Мы поговорим о том, что делать, после коронации. Спасибо, сестра, что приехала навестить нас.

— Это мой долг, — ответила она, — равно как и говорить горькую правду, когда нужно.

Пухлые красивые губы Хайр аль-Нисы искривились, будто она съела что-то кислое, — этого выражения муж ее не мог видеть. Я был горд за Пери и сказанную ею правду, однако встревожен жесткими словами, что могли отразиться на ее будущем.

— Не переживай, Джавахир, — сказала она, когда мы вышли наружу и зашагали к нашей палатке. — Я найду способ ее приструнить. Она мне неровня.

Пар ее дыхания клубился в холодном воздухе. Глаза ее, вместо того чтоб померкнуть от тревоги, сверкали, будто она предвкушала новую битву. Нестроение всегда подстегивало ее сражаться отважнее, но было ли это самым лучшим выбором?

— Думаю, вам стоит посетить вашего брата отдельно, пасть перед ним и поклясться в верности, а потом доказывать ее каждый день, пока он не поверит вам всей душой.

— А если он все равно будет отрицать мое право управлять?

— Тогда примите судьбу, дарованную Богом.

Она расхохоталась:

— Джавахир, у тебя сердце совершенного слуги, а у меня — нет. Если такое случится, мы с дядей будем готовы взять все на себя.

— Взять на себя? Да если Мохаммад узнает, что вы задумываете, он точно вас уничтожит! Ни один шах не позволит мятежа в собственном дворце!

— Не обязательно. Когда он поймет нашу силу, он станет уступчивее, как с остаджлу.

— Это опасные намерения, — сказал я. — Почему бы не сговориться?

— Я стала презирать мир, — сказала она. — Мне почти тридцать, и мне никогда не позволяли править, даже притом, что я намного лучше разбираюсь в законах ислама, чем многие, знаю математику и физику, обычаи двора, правила стихосложения и искусство управления. Даже мой покойный отец — благослови Бог его душу — имел странности, приводившие к неверным решениям, к которым мне приходилось приспособливаться. Теперь наконец вельможи признали, что я заслужила право царить, и я не позволю Мохаммаду или его жене испортить мои замыслы.

Я смотрел на нее в благоговении и ужасе, вспоминая сказанное Баламани в хаммаме. Я думал прежде о решении устранить Исмаила как о вынужденном, а оно обернулось поступком, воодушевившим Пери добиваться права царить. Глубоко в ней билось яростное сердце шахов.

— Подозреваю, что ты считаешь меня непримиримой, — сказала она, когда мы подходили к палатке, — но я заслужила право быть ею. Ты со мной, Джавахир?

Она не сводила с меня пристального взгляда, словно проникая в мои тайны.

— Я поклялся всегда оставаться верным слугой, — ответил я, но впервые за все время не был уверен в своей искренности.

Пока мы были в ставке, из дворца прибыли гонцы с письмами для царевны и для меня. Одно письмо было от моей двоюродной тетки. Оно было коротким и ранящим, словно раскаленный нож.

Приветствия и мои молитвы, чтоб письмо нашло вас в здравии. Благодарю за присылку денег на содержание вашей сестры, хотя нам трудно справляться, не сказать как она дорого обходится каждый день нашему скудному прибытку. Мы сожалеем, что из-за наших денежных затруднений не можем больше ожидать, когда вы сдержите свое обещание. Благодарение богу, мы нашли выход. Одному из наших

соседей она очень приглянулась. Конечно, он старше, но он согласен взять ее без приданого. Поверьте нам, быстрое согласие лучше всего. Состоятельные мужчины редко выбирают бедных жен, и нам надо позаботиться об этом деле прежде, чем Джалиле выйдет из возраста. Мы представляем, как вас обрадует эта новость. Все, что нам нужно, — это ваше разрешение, и мы начнем ее выдавать. Если мы не получим от вас известий в ближайшее время, то будем считать, что вы согласны, и займемся этим.

Меня обжег стыдом сам слог письма. Еще горше мне было от письма, полученного через час.

Салам, Джавахир-джан. Я заплатила писцу на базаре, чтоб написать вам втайне от других. Наша тетя только что показала меня человеку, желающему взять меня замуж. Он старик, у него всего четыре зуба, он уже пережил четырех жен, и его дети старше меня. Когда я увидела его впервые, он выбрал меня за то, что я подала ему не такой крепкий чай, как он любит, словно я об этом знала. Я думаю, что у него в уме перепутались все его покойные жены. Полагаю, что ему нужна не жена, а служанка. Я знаю, что я для вас просто еще одно бремя, но, прошу вас, сжальтесь надо мной. Спасите меня от его дряблых рук.

Сердце мое вспыхнуло. Что я за человек, если не могу спасти собственную сестру от жизни, которая отравит ее юность горем! Я тут же написал моей двоюродной тетке и пообещал как можно быстрее прислать денег, объясняя, что назначен на высокий пост и ко мне вот-вот потекут реки серебра. Я напомнил им, что дворцовым слугам дважды в год выдают очень солидную сумму и что следующая моя выплата через месяц. Затем я запретил выдавать Джалиле замуж, поклявшись, что щедро вознагражу за все их услуги, пока моя сестра с ними.

Когда в наших делах возникла передышка, я объяснил Пери, что моя двоюродная тетка угрожает выдать Джалиле замуж и мне нужна

большая выплата в счет моего жалованья, чтобы заплатить им за ее содержание и как можно скорее привезти ее в Казвин.

— Конечно я помогу тебе, — ответила она. — Подробности обсудим, когда вернемся во дворец.

Я ударил себя в грудь и низко поклонился в знак благодарности, а ее глаза сказали мне, что она поняла.

Звездочеты в ставке сосредоточенно высчитывали благоприятное время для вступления Мохаммада и его жены в город, и мы ждали, чтоб вместе с ними вернуться в Казвин. В промежутке прибыл гонец от Фереште, которому Масуд Али объяснил, как нас найти. Гонец сказал мне, что у Фереште для меня такие срочные известия, что я не должен ни на миг откладывать их получение. Я поспешил к царевне:

— Меня призывает Фереште. Похоже, что у нее важные сведения о мирзе Салмане.

Пери улыбнулась:

— Ах, Джавахир, мастер разгадывания секретов. Не люблю тебя отпускать.

— Обещаю вернуться, как только смогу.

— Фереште очень полезна. Поблагодари ее за меня, хорошо?

— Обязательно.

— Можешь взять Асала, — сказала она и кликнула конюха-евнуха.

— Благодарю, царевна, но хватит простого коня.

Я уже надел свои плотные шальвары для верховой езды, толстый шерстяной камзол и теплый халат и заматывал шерстяным платком шею и лицо.

Пери снова улыбнулась:

— Так ведь ты не простой евнух. Ты жемчужина, и по имени тоже. Я это знаю. Ты будешь сиять всегда, даже когда меня не будет.

Я был ошеломлен. Ее ясные глаза, гладкая смуглая кожа и сияющие черные волосы словно бы принадлежали бессмертной красавице, однако слова пробрали меня ознобом.

— Если это так, — сказал я, привычно возвращая лесть, — то лишь потому, что я отражаю сверкание великой жемчужины, которой служу. Но, царевна, ваши слова меня тревожат.

— Не беспокойся. Я готова ко всему. Единственный судья моим порокам и достоинствам — лишь всемогущий Бог.

— А разве есть беспорочные смертные? — спросил я, и Пери одарила меня лукавой улыбкой.

Поездка к Фереште заняла почти все утро. Дороги промерзли, а Асал был норовист. Я старался просчитать будущее, но приходилось справляться с конем, и мои усилия ослабляли погода и мрачные предчувствия. Мокрые липкие хлопья сыпались на поля и на мою одежду. Когда я въехал в Казвин, даже уличные торговцы покинули свои привычные места.

Я передал Асала слуге Фереште, который пообещал разместить и накормить жеребца в шахских конюшнях. Дома у Фереште стояло блаженное тепло. На ней было зеленое платье, напомнившее мне весенние луга, а под ним светлая рубашка цвета закатных облаков. Темные волосы были собраны на затылке.

— Входи, Джавахир. По твоей мокрой одежде вижу, что ты ехал с трудом и по холоду. Хочешь поесть?

— С удовольствием.

Стаскивая сапоги, я слышал, как Фереште велит служанке принести вишневого шербета и чаю. Но я больше всего хотел услышать новости.

— Мирза Салман позавчера посетил мою подругу в Куме, — сказала она. — Новости такие ужасные, что я должна была рассказать их тебе с глаза на глаз, дабы избежать предательства.

Я оцепенел от ужаса:

— Что случилось?

— Мирза Салман распускал хвост как павлин. Он рассказал моей подруге, что хоть царственные особы и считают себя выше всех, их так же легко сбросить, как любого другого.

— О-ох, о-о-ох!.. — простонал я, сжигаемый изнутри.

— Моя подруга угостила его бангом и, когда он совсем перестал владеть собой, вытянула из него подробности. Он проболтался, что посетил Мохаммада и его жену, а там спросил, хотят ли они знать, что происходит при дворе. Затем, прикидываясь верным слугой, убедил их, что больше всех они должны опасаться Перихан-ханум. Он запугал их намеками на то, что она в ответе за смерть Исмаила, которого не

спасли никакие предосторожности, и добавил, что если оставить это без последствий, то она может покончить и с ними.

— Каков предатель! Разумеется, он просил оставить его великим визирем?

— В точности так.

— Шамхал-хан был прав насчет его.

К моему изумлению, Фереште зажмурилась, будто от боли, и обхватила себя руками:

— Джавахир, у меня есть еще новости, и они даже хуже...

Я собрался с духом.

— Мирза Салман сказал моей подруге, что Шамхала казнили по приказу шаха.

Во имя Бога! словно все звезды погасли, кроме одной, о которой я думал больше всех.

Я поспешил к дверям и натянул сапоги.

— Спасибо за все, Фереште. Царевна просила меня поблагодарить тебя.

— Да хранит Бог тебя и твою госпожу, — ответила она.

В шахских конюшнях я потребовал свежую лошадь и поскакал через Тегеранские ворота к ставке. Как только я выехал из города, я пришпорил коня, а потом снова и снова, пока мы оба не стали задыхаться от напряжения. Что теперь делать? Шамхал мертв. Как Пери выдержит это?

Оглядываясь на дела мирзы Салмана при дворе, я понимал его пристрастие к измене. Он устранил двоих людей, чтоб продвинуться самому, затем он сделал то же самое с нами. Я проклинал себя за то, что не разгадал его раньше.

Когда я подсказал к ставке, то решил, что заблудился. Всего несколько шестов торчали в небеса, словно кости скелета. Большие шатры были свернуты, к ним вели ослов, чтоб нагрузить поклажей. Как рассказал мне мальчишка-посыльный, выкладки звездочетов этим утром оказались настолько благоприятными, что Мохаммад решил — откладывать неразумно. Они с женой и Пери отправились верхом в город по более длинной дороге, чем та, которой добрался я, но более удобной для караванов. После прибытия к городским воротам они собирались торжественно въехать в город. Пери должны были

доставить домой в паланкине, а новый шах с женой собирались разместиться у мирзы Салмана, пока не наступит благоприятный момент для вступления во дворец.

Снова мирза Салман!

Я повернул своего усталого коня и поскакал обратно в город, на этот раз по дороге, что вела к Вратам шахских садов. День темнел, снова посыпался снег. Дыхание лошади клубилось паром в ледяном воздухе. Высоко в небе собирались уродливые темные тучи. Я шпорил и шпорил коня, стараясь нагнать шахский караван. Вскоре вдали забрезжило темное пятно — это были ворота. Шахского каравана не было видно нигде.

Привратник сообщил, что шах уже проехал. Я погнал своего взмокшего коня по направлению к дому Пери. На улицах сновало множество людей, взбудораженных прибытием нового шаха в Казвин. Трудно было пробираться сквозь толпу. Наконец я нагнал конец процессии и увидел носилки с золотыми куполами. В одном из них наверняка сидела жена шаха, в другом, скорее всего, Пери. Возблагодарив Бога, что она почти уже дома, я поскакал вперед.

Когда я выбрался из толпы, переднего паланкина не было видно. Тот, с Пери, свернул через Али-Капу к ее дому и остановился там, но в дом ее не внесли. Носильщики чего-то ждали.

Паланкин несли стражники. В их начальнике я узнал Халил-хана, бывшего телохранителя Пери. За ним держались все сторонники Пери, главным образом черкесская конница. Я собрался открыть двери сам и поторопить ее с переходом внутрь. Спешившись, я громко постучал и, когда ворота отворились, сунул вожжи слуге.

— Будь готов впустить госпожу, — сказал я.

Приблизившись к носилкам Пери, я назвал себя.

— Повелительница жизни моей, я доставил сокрушительные новости! — шепнул я.

Коричневые бархатные занавеси отдернулись, и высунулась Азархатун, целиком укутанная в чадор:

— Прыгай сюда.

Я скользнул в паланкин, и носильщики громко выбранились, почуяв добавочный вес. Пери сидела скрестив ноги в узком пространстве, накрытом балдахином из желтого бархата.

Носилки были тесными, и колени мои задевали Пери. Лицо ее было так близко, что, чуть нагнувшись, я мог коснуться губами ее губ. Сердце мое билось чаще, несомненно от быстрой скачки.

— Царевна... — заговорил было я.

Нахмуренный лоб Пери, который судьба наградила столь многими знаниями, сказал мне, что она уже поняла, насколько плохи новости.

— Говори.

— Мирза Салман убедил Мохаммада и его жену, что вы убийца. Но не это худшее: убит Шамхал-хан.

Пери схватилась за мою руку. Я чувствовал тепло пальцев сквозь ткань моей одежды и пожелал только раз, единственный раз обнять ее и успокоить, словно дитя, на своей груди.

— Земля с моей могилы на мою голову! — воскликнула она.

Внезапно паланкин резко дернулся и двинулся вперед, но, судя по всему, носильщики удалялись от дома.

— Куда мы идем? — крикнул я.

Ответа не было, и я отдернул занавеси, чтоб убедиться — нас несут прочь. Дех! Я позвал на помощь всадников-черкесов. Они окружили паланкин, окликаая людей Халил-хана, державших нас на плечах, и принялись отбивать нас у них. Нас с Пери кидало друг на друга, вперед и назад. На секунду я ощутил ее плечо у своей груди и сосновый аромат от ее волос.

— Да защитит нас Бог, — произнесла Пери.

Наконец паланкин перестал качаться и дергаться. Снаружи донесся голос черкесского воина:

— Царевна, вы в безопасности. Мы с вами и доставим вас домой!

Черкесы, по-видимому, сумели отбить паланкин у людей Халил-хана. Я снова высунулся из паланкина. Халил-хан, все еще верхом на своем коне, кричал защищавшим нас черкесам:

— Слушайте меня, воины! Я действую по приказу самого нового шаха! Неподчинение мне вы будете объяснять ему!

Черкесы медлили, не зная, что делать. Кровь мою наполнило льдом, и я задернул занавеси.

— Повелительница, скажите что-нибудь своим людям, чтоб они защитили вас!

Ее темные глаза словно утратили весь свой свет.

— Нет.

— Что?

— Вели им идти по домам. Иначе многие погибнут напрасно.

Нельзя было отказываться от схватки; после всего, что мы перенесли? Я смотрел на нее.

Носилки снова качнулись и дернулись; раздались крики и звуки схватки, и нас снова принялось бросать из стороны в сторону, пока люди Халил-хана пытались завладеть нами. Они спорили с черкесами, кому достанется царевна.

Взошло ли солнце из-за туч, или это царский *фарр* Пери озарил паланкин изнутри? Она положила свою ладонь на мою руку, прежде чем я успел что-то сказать.

— Джавахир, наша игра проиграна. Умолкни и слушай:

Подобно паукам, сеть из слюны печали
Напрасно, смертные, вы искусно ткали.
В ней гибнут равно правый и неправый,
Венчанный славой с обойденным славой.
Отдайте же печаль Творящему ее,
Оставьте причитание свое.
Молчите вы — Его грохочет слог,
Не ткете вы — Его снует челнок.

Я узнал стихи из поэмы Мевлана Руми и был тронут до глубины души, поняв, что Пери вверяет нас обоим заботе Бога.

— Я никогда не оставлю вас. Вы звезда, за которой я следую вечно.

Глаза Пери затуманились.

— Да, — тихо ответила она, — ты единственный из моих слуг, воистину любивший меня.

— Всем своим сердцем.

Паланкин задергался, и взгляд Пери прояснился.

— Отодвинь завесу и скажи мне, что ты видишь.

Я раздвинул бархат и выглянул. Внезапно сильные руки Пери толкнули меня в спину так, что я вылетел, успев выставить ноги, ударился об одного из воинов Халила и упал на землю. Пери меня перехитрила: теперь мне оставалось только повиноваться.

— Что она сказала? — спросил начальник черкесов, кряжистый богатырь с голубыми глазами.

Верный ей, я произнес самые тяжкие слова в моей жизни:

— Царевна приказывает вам разойтись, чтоб не потерпеть урона. Идите по домам и ждите приказа.

— Но ее же возьмут! — запротестовал он. — Мы не уйдем, пока не услышим приказ от нее самой!

Он еще не знал, что Шамхал-хан мертв. Если бы знал, не был таким храбрым.

— Благо, если бы она одарила тебя своей речью! Но не тебе требовать подобного.

Бархатные завесы шевельнулись. Черкес заметил это, понимая, что их коснулась царственная рука.

— Слушай слово царевны, — произнесла из носилок Пери.

Воины ошеломленно застыли. Царевна так редко обращалась к простолюдинам, что для них это было равно гласу Небес.

— Я благодарю вас за отличную службу. Вы отпущены к своим женам и детям, и это мой приказ. Да пошлет вам Бог всяческой удачи!

Глаза мужчин смягчились, будто их благословил святой.

— Мы подчиняемся с благодарностью! — ответил начальник черкесов.

Без всяких возражений ее люди оставили носилки стражникам Халил-хана, робко взявшимся за них, не понимая, что им делать, — ведь они тоже слышали глубокий и прекрасный голос принцессы.

— Бегом! — крикнул Халил-хан. — Живо! Живо!

— Нет! — завопил я, не думая о собственной жизни. — Вы не можете увезти царевну сафавийской крови!

Глаза Халил-хана сузились, губы презрительно искривились.

— Как ты смеешь угрожать мне, ты, мерин! Убирайся с дороги, пока цел!

Я выхватил свой кинжал и нацелился ему в грудь. Страх, вспыхнувший в его глазах, только придал мне сил. Вблизи его оливковая кожа выглядела серой от ужаса. Уже вплотную, чуя запах пажитника в его дыхании, я занес клинок и ощутил, как напряглись мои мышцы. Уверен, что взревел, предчувствуя, как входит клинок в его незащищенную плоть. Он взмахнул мечом, защищаясь; я отбил удар и сломал ему нос тычком основания ладони. Слезы хлынули из

его глаз, рука с мечом обмякла. Но тут что-то твердое врезалось в мой затылок, и кинжал выпал из моих пальцев.

Все вокруг потемнело и затихло. Так было, должно быть, несколько минут. Когда я очнулся, начальник черкесов и несколько воинов стояли надо мной, обтирая мое лицо тряпкой и держа под моим носом склянку с розовой водой. Сильный запах привел меня в чувство.

— Хорошо сделано, — усмехнулся черкес. — Никто из нас не забудет этого страха во взгляде Халил-хана. Не так часто вельможу унижают у тебя на глазах. Он тебя убить хотел, но, когда увидел, что мы драться будем, не стал.

Я тронул место под тюрбаном, которое так болело, и увидел на своих пальцах кровь. Белые точки плясали перед глазами.

— Что случилось?

— Один из его стражников угостил тебя клинком плашмя. Думаю, в голове у тебя сейчас как в печке.

На площади не было никого, кроме нескольких зевак. Я пролежал дольше, чем казалось.

— Где все?

— Халил-хан приказал им идти к его дому. Они потащили носилки к Выгулу.

Черкес протянул мне мой кинжал, который я вложил в ножны.

— Да не заболят никогда твои руки, вождь.

Поднявшись, я заспешил к Али-Капу, в сторону дома Халил-хана.

— Ага, постойте! Вы уверены, что дойдете? — слышал я за собой, но не остановился.

Сердце колотилось так, словно при каждом шаге ударялось в стену. Теплая кровь ползла за ухо.

Когда я добежал до дома Халил-хана, некоторые из сторонников Пери все еще кружили там, требуя освободить «свет Сафавидов». Халил появился в дверях с окровавленной тряпкой у носа и прогнусавил требование разойтись, угрожая, что иначе пойдет на них с мечом. Затем он захлопнул тяжелые деревянные створки перед нашими лицами.

В отчаянии я подозвал уличного мальчишку и велел ему бежать во дворец, сказать Даке-султан о событиях вокруг ее дочери. Сунув ему мелкую монету, я посулил удвоить плату, когда он вернется с ответом.

Я бродил вокруг ограды большого дома и старался найти в ней проход: должен же тут быть ход для прислуги. Вскоре я заметил юную служанку, тащившую две холщовые кошелки с фруктами и остановившуюся перед неприметной дверью, скорее всего на кухню.

— Извините меня, добрая ханум, вы работаете у Халил-хана?

— Да.

— Знатную госпожу увели внутрь дома, и я дорого заплачу, чтоб ее увидеть. Небольшое состояние, клянусь.

Она пристально оглядела мое дорогое платье для верховой езды, решая, сколько запросить.

— И сколько?

Я показал ей крупную серебряную монету. Должно быть, она никогда не видела столько; уронив кошелки, она потянулась за монетой обеими руками. Я отвел их.

— Если вы хотите, чтоб я провела вас в дом, — ни за что. Мне голову отрежут.

— Тогда скажите ей, что я здесь, и принесите мне весточку от нее. Меня зовут Джавахир.

Она снова потянулась за монетой.

— Как только ты вернешься с новостями о госпоже, монета твоя.

Девушка убежала, а я перешел улицу и встал в переулке напротив, откуда я мог видеть дверь кухни и не быть замеченным. Холодало, голова трещала от боли. Я нашел в рукаве один из платков Пери и затолкал его под тюрбан, чтоб он впитывал кровь.

Ждал я долго, и наконец дверь отворилась и кухарка выскользнула наружу, озираясь в поисках меня и прикрывая лицо пичехом. Я вышел на улицу и тихо окликнул: «Сюда!..»

Она приблизилась и подняла пичех. Темные глаза были полны тревогой, как река, чей ил взбаламучен веслом.

— Известие не стоит обещанного серебра. Не хотелось бы мне снова это увидеть.

Я ощутил, как сердце сдавило настолько, что я едва мог вдохнуть.

— Увидеть что?

— Госпожу в ее постели. — Она отвернулась, словно стараясь отогнать видение.

Я схватил ее за запястье сильнее, чем надо было, и сказал:

— Говори.

Она выдернула руку:

— Другие слуги рассказали мне, что несколько воинов внесли во двор госпожу в крытых носилках. Когда Халил-хан велел ей выходить, она выругала его и отказалась. Он сунулся внутрь, очень непристойно ухватил ее за ноги и выволок наружу. Ее проклятья наполнили двор. Двое воинов схватили госпожу и насильно внесли в дом. Все это время она кричала, но, когда двери за ними захлопнулись, настала мертвая тишина. Никто не захотел пойти узнать, что там случилось. Через несколько минут стражники вышли. Халил-хан приказал никому не входить в комнату, и никто не посмел. Когда я вернулась с базара, дома было тихо как в могиле. Когда хозяин отправился отдохнуть до ужина, я пробралась внутрь.

Тут она замолчала и оперлась о глинобитную стену.

— Она жива? — спросил я, и воздух замерзал у меня в глотке.

— Нет, — сказала служанка. — Глаза ее были открыты и смотрели в потолок. Шея окровавлена и ободрана, а веревка, которой они ее удушили, так и осталась намотана, будто на тюк с пожитками. Лоб ее сведен предсмертной мукой, зубы оскалены, будто она хотела укусить того, кто убивал.

— Не говори больше, — сказал я. — Не надо.

— Лучше бы ты не просил меня взглянуть. Теперь я буду помнить это до конца моих дней. Никакими деньгами такое не оплатить.

Руку она тем не менее протянула. Держась за стену, я выудил монету.

— Тебе выпала лучшая доля, — сказала она, собираясь уйти. — Да будет с тобой Всевышний!

Сердце мое будто превратилось в колотый лед. Я все цеплялся за стену, чтоб не упасть, но она крошилась под моими пальцами. Я размазал эту глину по лицу и голове, словно это была моя могильная земля. Пери мертва? Не может быть. Не может быть!

Ослепнув от горя, я брел по улицам, притягивая взгляды.

— Ага! — окликнул меня немолодой мужчина, проходивший мимо. — Что вас мучит? Вы здоровы?

Не знаю, сколько я ходил и где. Все, что я помню, — как оказался в нижней части города, в кабаке, где воняло грязными ногами. Я сидел на драной, запачканной подушке. Несколько человек приветствовали меня как собутыльника. Я велел подать выпивку и после нескольких

чаш дрянной смеси, приправленной корицей, перешел на банг. Он был очень крепким. Я выпил все, что поставили передо мной, а потом потребовал еще.

Вскоре я лежал на грязном полу и разговаривал с ангелицей, которая помогала мне. Она явилась в сиянии, длинные волосы развевались, будто комета, чей хвост заканчивался потоками искр. Я говорил, а она парила надо мной, и глаза ее были полны сочувствием. Я рассказал ей историю своей жизни, начав с того, как был убит мой отец и я был оскроплен. Потом я описал ей Пери и наше с ней время.

— Нет во мне царской крови, — говорил я ей, — но мы могли сойти за близнецов. Мы словно плыли в одних водах одного материнского чрева, оттого часть моей мужественности перешла к ней, а часть ее женственности — ко мне. В глазах мира, который не любит промежуточных созданий, мы казались странными. И оба терпели удары из-за этого. Она такая же преображенная, как и я. Она была свирепой и преданной, мудрой и непредсказуемой. Потому я и любил ее... потому!

Я рассказал ангелице, что случилось на улицах. Когда я дошел до драки с Халил-ханом, я уже едва бормотал:

— Она вытолкнула меня из носилок. Она не позволила мне попытаться спасти ее!

Ангелица парит надо мной, и я чувствую, как меня накрывает райское объятье.

— Дитя мое, — говорит она, — разве ты не видишь? Она вытолкнула тебя, чтобы ты не пострадал. Она тебя тоже любила.

Хвала Богу! Пери тоже меня любила. Слезы текут из моих глаз. Я вытаскиваю платок, чтоб отереть их. От него пахнет сосной — это ее запах, и больше мне его не услышать. Я рыдаю так громко, что весь кабак замолкает и мои собутыльники сбиваются вокруг меня, спрашивая, что меня так печалит. Я объясняю, что потерял сокровище среди женщин, и все они рыдают со мной, а кто бы не зарыдал? Матери, сестры, жены и дочери — все мы теряли кого-то.

Рано утром я просыпаюсь на драной подушке, и голова теперь пылает. Волосы слиплись от крови. Все остальные исчезли, а с ними, разумеется, и мой кошелек. Минуту я лежу там, соображая, могу ли встать и не грохнуться обратно, и тут вспоминаю пугливую служанку и

ее рассказ о том, что стало с Пери. О, моя прекрасная госпожа! О, мое разорванное сердце!

Шатаясь, я встаю, нахожу опору и выбираюсь на мороз, к дворцу. Тюрбан мой украден, а с ним и теплый верхний халат, но эти добрые люди не желали мне замерзнуть до смерти и оставили сапоги. Густой белый снег укрывал землю. Я спешил по промерзшим улицам. Добравшись до своей комнаты, я открываю дверь и с удивлением вижу, что Баламани уже исчез, а на моей постели скорчилась маленькая фигурка. Это Масуд Али. Он просыпается, бросается ко мне, обхватывает меня руками и начинает реветь — его маленькое личико искажено горем. Мне становится нестерпимо жаль, что я не был тут, чтоб успокоить его.

— Дитя мое, дитя мое! — сказал я. — Ну не глотай столько печали сразу.

— Что с нами будет? — спрашивал он между всхлипами. — Куда мы пойдем?

У меня не было ответа.

— Кто возьмет нас теперь на службу?

— Ее матушка, — ответил я наобум, стараясь успокоить его.

Он заревел еще пронзительнее:

— Она тоже убита!

Меня словно самого ударили мечом. Неудивительно, что мальчишка-посыльный так и не вернулся.

— Да защитит нас Бог! Старую женщину?

Масуд Али зарыдал просто отчаянно:

— И маленького тоже убили!

— Кого?

— Шоджу!

Во имя Всевышнего, они даже младенца не пощадили. Бедная Махаста! Пери предлагала отослать ребенка из дворца для его безопасности, но Махаста отказалась.

— Не горюй, — сказал я. Я пытался говорить спокойно и унять бедного мальчишку, трясущегося от страха. — Мы найдем нового покровителя, обещаю тебе.

— Царевна была так добра... — всхлипывал он. — Кто теперь будет заботиться обо мне?

— Я, — ответил я. — Я обещал всегда быть добрым к тебе. Теперь давай спи, а со всем остальным разберемся завтра.

Я отнес его на свой тюфяк, укрыл его и держал его маленькую руку, пока он не уснул. Сидя и слушая дыхание Масуда Али, глядя на его приоткрытый рот, на белеющие на щеках потеки высохших слез, я понимал, почему он так напуган. Мы были самыми доверенными слугами царевны, впавшей в величайшую немилость. А если новый шах сочтет нас предателями? Мы не могли этого предугадать. Наше выживание зависело от того, будем ли мы выглядеть кроткими и бессильными, но что, если Мохаммад и его жена решат иначе?

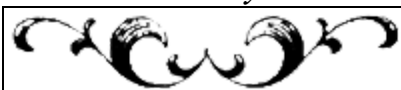
Смерть моего отца вспомнилась мне так ярко, будто случилась только что. Я снова стал слугой того, чья звезда обрушилась в холодный океан. Мое сердце вновь было разорвано, и я плакал так, словно опять был юн и понимал, что остаток жизни проживу в одиночестве.

ГЛАВА 9

ХЛЕБ И СОЛЬ

Ферейдун связал Зоххака по рукам и ногам, швырнул на осла и погнал того к подножию горы Дамаванд. Он собирался убить Зоххака там, но ангел удержал его руку. Вместо этого Ферейдун поднялся на гору, где нашел просторную пещеру, уставленную валунами. Сбросив Зоххака со спины, он выбрал самый высокий камень, швырнул Зоххака на него и вбил гвозди в его руки и ноги, пока Зоххак не растянулся посреди пещеры.

Думаю, что Зоххак не умер. Он и его змеи замерли навечно, дожидаясь, когда силы зла снова пойдут в наступление.

Когда Масуд Али уснул, я вымылся в хаммаме, переоделся в черную рубаху и шаровары, надел черный халат и повязал черно-коричневый кушак. Потом отправился к дому Пери у врат Али-Капу. Голова моя гудела от всех излишеств прошлой ночи, а рана на виске вспухла. Азар-хатун отворила мне дверь в черной траурной одежде, глаза ее покраснели от рыданий.

— Ищу убежища во всемогущем Боге. — Голос ее дрожал. Слеза скатилась по ее щеке и смочила родинку.

— Увы, — сказал я, входя. — Что еще можно сказать?

Мы прошли в бируни Пери, просторный и пустой. Жесткий белый свет лился из окон, заставляя щуриться. Некоторые из девушек Пери бродили по комнатам словно привидения, не находящие упокоения.

— Как можно ожидать, что женщина способна служить такому жестокому двору? — спросила Азар; она казалась такой измученной, будто получила рану. Лицо ее сморщилось, она приникла ко мне и заплакала.

Услышав позади шаги, мы обернулись и увидели Марьям, словно обвисшую внутри своих одежд. Спутанные золотые волосы свисали вдоль лица; она столько плакала, что нижние веки ее глаз казались наполненными кровью.

— Моя бедная дорогая госпожа!

— Была ли женщина храбрее? Цветок ярче? — спросила Марьям. Гневные слезы заструились по ее скулам.

— Самые прекрасные розы всегда осыпаются первыми, — сказала Азар.

Мы стояли втроем, не в силах двинуться от горя. Затем из уст Марьям раздался жуткий смех.

— Анвар сказал нам утром, что будущий шах запретил обряд по Пери. Сожжения, как положено, тоже не будет. Мы никогда не узнаем, где она упокоится.

Она поднесла к щекам стиснутые кулаки, и слезы покатались по ним.

— Я никогда не смогу прийти к ней на могилу, смахнуть мусор и убрать ее цветами и своими слезами. Словно ее никогда не было!

— Клянусь черепом шаха! — яростно сказал я. — Прежде чем они сотрут память о женщине, которую мы любили, соберем ее письма, бумаги и стихи и постараемся сохранить их, чтоб другие могли узнать ее такой, какой знали мы.

— А что с ее наследниками? — спросила Азар.

Я подумал.

— Так как детей у нее не было, закон повелевает разделить ее имущество между ее братьями и сестрами, — сказал я, внезапно осознав, что среди них и Мохаммад Ходабанде. — Какое извращение справедливости: человек, отдавший приказ о ее смерти, наследует ее имущество!

Мне не следовало так неосторожно говорить о новом шахе, но горе мешало быть разумным.

— Ее стихи будут бесценны для тех, кто ее любил. Давайте сделаем это побыстрее.

Мы трое прошли в ее рабочую комнату и начали просматривать бумаги. Оставляя нетронутыми копии государственной переписки, письма, которые она писала вдовам других правителей, расписки на полученное или отданное, свидетельства о собственности, мы искали что-то личное. Стихи или письма мы тут же прятали между страницами «Шахнаме». Но мы едва успели начать, когда раздался грохот дверного кольца для женщин и в мою истерзанную голову словно вбили новые гвозди. Марьям вздрогнула и схватилась за руку Азар-хатун; обе женщины встревоженно глянули друг на друга.

Я вышел и увидел нескольких евнухов с щитами и саблями.

— Вы кто такие? — рявкнул я.

— Мы от Халил-хана, — ответил их главный. — Все вещи Пери отныне принадлежат ему, так что выметайся и женщин с собой забирай, пока не пришли воины хана.

Я попытался захлопнуть перед ними дверь, но он и его собратья прорвались в дом. Глаза их загорелись жадностью, когда они увидели тонкие ковры, серебряный самовар, древнюю керамику. Я помчался предупредить Азар, Марьям и других женщин, перепугавшихся при самой мысли о Халиле и присланных им убийцах. Они быстро прикрылись и вышли следом за мной, а я проводил их до безопасных покоев гарема, оставив доблестных воинов грабить.

Глубокая печаль поднималась во мне при мысли, что мы так и не спасли бумаги Пери. Почти ничего не осталось — не только для тех, кто любил ее, но и для истории.

К Баламани я пришел за утешением и рассказал ему обо всем, что случилось и что я узнал о предательстве мирзы Салмана. Я был единственным во дворце, кто знал об этом, кроме нового шаха и его жены, и мне нужен был совет Баламани в том, как опозорить мирзу Салмана.

— Но сперва я перережу ему горло, как цыпленку.

Баламани посмотрел на меня так, словно я был взбесившимся псом:

— Тебе точно по голове дали. Он второй по значению человек в государстве. Лучше позаботься о собственной шее.

— Мне грозит опасность?

— Пока не знаю. Хвала Господу, как умный визирь, ты стоишь своего веса в чистой бирюзе. Теперь нам надо потрудиться, чтоб убедить окружение Мохаммада Ходабанде, что ты верен. Я поговорю с Анваром. А тебе придется сыграть свою часть игры, распевая хвалы новому шаху.

Именно это я и советовал делать Пери, а теперь это наполнило меня ужасом.

— Не позволяй своим чувствам к царевне мешать тому, что ты должен сделать, — упрекнул меня Баламани. — Что с тобой? Почему твое сердце так изранено?

— Дело в справедливости! — гневно ответил я. — Меня лишает сил вид людей, попадающих на высшие посты лишь потому, что они преступники и мерзавцы, отправившие Пери до времени в могилу.

— Она вела мужскую игру и пала с честью. Твоя единственная ошибка в том, что ты ее полюбил.

— Человек должен кого-то любить.

— Похоже, ты стал непригоден для дворцовой жизни.

— А что мне тогда остается? У меня нет семьи, да и никакого другого занятия.

— Знаю.

— Я тоскую по ней. Мне все кажется, что я слышу ее голос.

— Ты совсем позабыл свое место? Твое дело — служить шаху, не задумываясь, каков он.

— Баламани, прекрати, умоляю. Ты говоришь как угодливый раб... — Я гадливо отвернулся.

Баламани поймал меня за кушак, не дав уйти.

— Я намерен говорить все, что надо, чтобы спасти тебя, — сказал он, и в его глазах я увидел только доброту давнего друга.

Так как официального погребения не было — не было и места горю. Не мог я и говорить о Пери, кроме быстрых перешептываний, потому что было опасно признавать себя сторонником казненной царевны. Горе мое стало словно порох, забитый в пушку, — того и гляди взорвется. Теперь я оплакивал два сокровища, и мысли об одном приводили меня к другому, пока я не начинал чувствовать, как рвется мое сердце.

Дворцовые женщины то и дело спрашивали меня, что произошло с Пери. Я рассказывал, не опуская подробностей, так чтобы любой понял: Пери была жестоко убита.

Женщины помоложе пугались, слушая рассказ.

— Вот что бывает, когда ведешь себя как мужчина, — вздрогнув, сказала Куденет. — Ей следовало выйти замуж и посвятить себя созданию семьи.

Султанам, приехавшая из Кума на коронацию своего сына, была задумчивой:

— Не будь она такой могущественной, ее просто сослали бы. Она ужасала их.

Горе мое усиливалось и оттого, что без покровительства Пери все мои намерения пристроить Джалиле во дворце пошли прахом. Я подозревал, что, напиши я моим родственникам правду, «моя госпожа умерла», они тут же утратили бы надежду и пожертвовали бы Джалиле. Вместо этого я собрал все деньги, какие мог, и послал их в подарок, описывая как предвестие той награды, которая достанется им, если я смогу забрать мою сестру в Казвин. Джалиле я написал отдельно, скупко намекнул на свои затруднения и велел сопротивляться их брачным замыслам.

Это недавнее поражение ранило меня очень глубоко. Если Джалиле суждено испытать добавочное невезение, мне незачем просыпаться в этом мире. Но я не мог придумать, как спасти ее.

День, когда мы пришли в Зал сорока колонн свидетельствовать, как Мохаммад Ходабанде принимает шахскую корону, у меня вызвал только скрытое презрение. Муллы и вельможи, как и в прошлый раз, в порядке знатности подходили к трону и целовали ногу человека, отныне именуемого шах Мохаммад. Когда мирза Салман чванливо прошествовал к трону в своих щегольских одеждах, отвращение захлестнуло меня приступом болезненного содрогания. Вместе с другими поклявшись в верности шаху, я осмелился взглянуть в темные глаза шаха Мохаммада. Они казались пустыми и бесчувственными.

После коронации немногие уцелевшие царевичи, зная и самые высокопоставленные чиновники дворца один за другим вызывались к шаху и получали свои посты и назначения. Анвар сказал мне, что, пока не придет моя очередь — а это могло занять несколько недель, — я буду подчиняться ему. Он велел мне читать почту царевны, до сих пор в огромных количествах поступавшую во дворец, и сообщать ему о любых важных новостях. Ради соблюдения приличий мне пришлось также отвечать значительным людям из числа писавших и сообщать о ее смерти, иначе они были бы оскорблены тем, что их письма оставлены без ответа.

— Она была несравненной, — сочувственно шепнул мне Анвар, — и все мы, кто служил ей, знаем правду, если даже той суждено умереть с нами.

Он назначил мне сидеть с дворцовыми писцами, где у меня были богатые запасы бумаги, чернил и тростниковых перьев и не было горя

от работы в прежних покоях царевны, которые к тому же заняли члены семьи Хайр аль-Нисы.

Я занял свое место на следующий день, сразу после утренней молитвы, а так как приказы я получал от Анвара, меня радушно проводили в большую, хорошо освещенную келью самого Рашид-хана, главы писцов. Он вручил мне деревянную доску для письма и объяснил, как заказывать припасы. Мне показалось, что в его усталых, воспаленных глазах мелькнуло сочувствие.

Масуд Али приносил и уносил все письма, пришедшие Пери уже после ее смерти и находившиеся у главного курьера дворца. Хотя миновало всего несколько дней после убийства, Масуду Али пришлось совершить несколько походов, чтоб принести все письма. Он до сих пор казался больным от горя.

— Морковка, хочешь сыграть потом в нарды?

— Ладно, — тускло ответил он, и я знал, что ему хочется доставить мне удовольствие.

Как больно было видеть его страдающим! Я поклялся себе, что добьюсь его назначения ко мне, чтобы приглядывать за ним каждый день.

Передо мной была стопа писем. Сухая белая бумага вызывала у меня мысли о костях Пери, белеющих где-то под землей. Мне едва удавалось заставить себя касаться этих размолотых тряпок и конопли, но теперь за мной надзирали Рашид-хан и его люди, и я заставил себя принять деловой вид и взялся за работу.

Первое вскрытое мною письмо было от проститутки, встреченной Пери, когда она совершала паломничество к гробнице Фатьме Массуме в Куме, почтить память святой сестры имама Резы. Письмо, написанное за плату базарным писцом, напоминало Пери, что они встречались, что царевна дала ей денег начать новую жизнь. Проститутка употребила деньги на покупку войлока и инструментов и завела свое дело по изготовлению войлочных попон для верблюдов. За два года тяжелых трудов она добилась небольшого постоянного дохода, который позволил ей расстаться с прежним ремеслом. Она благодарила Пери за веру в ее благую сущность и обещала молиться за нее в мечети каждую неделю.

Да, подумал я, такую царевну я знал. Не расчетливая Пери, чье имя треплют болтуны по всему дворцу, а Пери, никогда не

позволявшая оставить без ответа просьбу бедной женщины, какой бы позорной ни была ее работа.

Я принялся составлять в уме ответ на письмо проститутки. «Дорогой друг двора, мне очень жаль сообщать вам сокрушающее мир известие, что царевна Перихан-ханум, самая прославленная и чтимая роза среди сафавийских жен...»

Письмо я уронил — у меня затряслись руки.

— Что случилось? — поинтересовался Рашид-хан, шедший мимо моего места. — Ты плохо выглядишь.

— Ничего, — сказал я. — Мне бы сладкого чаю...

— Попроси мальчиков-разносчиков, но здесь ничего пить нельзя.

Я вышел в соседнюю комнату, подальше от всех этих драгоценных бумаг, и мальчик налил мне чаю с финиками прежде, чем я попросил.

Новая моя работа была жуткой. Извещать о смерти Пери казенным языком придворных писем было словно раз за разом переживать ее смерть. Мне мерещились ее израненное горло, застывшие глаза и оскаленные зубы и хотелось, чтоб служанка Халил-хана не рассказывала об этом.

Когда я вернулся в большую келью к своей работе, то заметил письмо с висевшей печатью, большой и затейливой, выдававшей его происхождение из оттоманской дворцовой канцелярии. Я тщательно вскрыл его, уверенный, что оно должно содержать важные политические новости. Сафийе, жена султана Мурада, писала, что всеми силами поддерживает долгосрочный мирный договор между нашими странами, но обеспокоена стычками между сафавийскими и оттоманскими войсками у Вана. Верны ли известия о них? Она просила ответить до того, как неурядицы перерастут в сражение. Тон письма был вежливым, но теплоты в нем не было, и это встревожило меня, ибо прежде они с Пери были в дружеских отношениях. Я отложил письмо для Анвара — оно могло требовать срочного внимания писца, отвечающего за политические послания.

Прочитав еще несколько писем, я наткнулся на посланное Рудабех, женщины из Хоя. Рудабех тоже упоминала о приграничных схватках между сафавийскими и оттоманскими воинами, но добавляла, что правитель Вана, Хосров-паша, решил дать Ирану урок и собирает грозное войско из оттоманов и курдов. Знала она это от одного из

своих родичей, которого настойчиво пытались завербовать в это войско. Ей хотелось, чтобы царевна узнала об этом.

Встревоженный, я опустил письмо на стол. Пери была права: мир между Сафавидами и оттоманами держался только на силе. В тот миг, когда мы дадим слабину, сопредельные нам страны обернутся хищниками.

Немедленно разыскав Баламани, я отдал ему письма, которые он пообещал тотчас же показать Анвару, вхожему к шаху Мохаммаду в любое время.

— Но не жди слишком многого, — предупредил Баламани. — Шах крайне занят опустошением державной казны.

— То есть?

— Навьючивает мешки золота и серебра, а также парадные атласные халаты на своих новых приверженцев. Старается купить их верность.

— Он так боится?

— Щедрость его показывает, насколько он слаб.

— Совсем как Хайдар. Какая жалость!

Мне стало казаться, что шахский двор никогда не вознаградит честности. Он плодит ничтожествов, жаждущих богатства, а оно всегда требует продаться. Ни единого правдивого слова нельзя сказать тому, кто у власти. Те, кто преуспел, извиваются на брюхе, как змеи, чтоб заслужить награду; тех, кто запротестует, — низвергнут.

— Это еще меньшая неприятность, — продолжал Баламани. — Остаджлу и таккалу опять готовы вцепиться друг другу в глотки, и с ними их соратники, и я боюсь новой междоусобицы. Недовольные на севере и юге поднимают мятежи. Оттоманы и узбеки угрожают вторжением с западных и северных рубежей. Нигде в стране нет покоя.

Пана бар Хода! Неужели мы обречены жить под властью еще одного неумехи? Служить такому бездарному двору было не просто невыносимо — это было губительно.

Той ночью мне приснился сон, который я никогда не забуду. Словно «Шахнаме» ожило и втянуло меня в ткань повествования. Кузнец Каве встал у моих дверей и призвал меня в ряды своего войска. Его лицо пылало от жара горна, а руки были тверды как сталь. Мы вместе ворвались во дворец Зоухака, и Каве разодрал в клочья его

лживую грамоту перед его глазами. На городской площади Каве поднял свой кожаный фартук на острие копья и повел народ против вероломного правителя. Я шагал рядом, и мое сердце разрывалось от гордости.

— Да здравствует Каве! — кричал я. — Смерть угнетателю!

Толпа росла и ревела, голоса их были словно гром. Освобождение было так близко! Но когда крики достигли предела, Каве повернулся ко мне.

— Я возрождаюсь в каждом поколении, — прошептал он. — Я восстаю и гибну, но побеждают угнетатели.

Черные волосы его теснила седина, продубленное лицо морщила тревога. Я не мог поверить, что он был в таком отчаянии.

— Как долго нам еще терпеть несправедливость? — спросил я.

Но Каве не отвечал.

Презрев совет Баламани, я отправился на встречу с мирзой Салманом под предлогом, что должен сообщить ему о чем-то, что узнал из писем Пери. Он заставил меня ждать и принял последним, когда уже нельзя было откладывать. Одетый в очередной великолепный халат из розового шелка с узором, тюрбан такого же цвета и кушак, он вызывал у меня только отвращение.

— Мне было очень печально узнать о твоей повелительнице, — сказал он, махнув со своей подушки писцам, чтобы те вышли. — Пожалуйста, прими мои соболезнования.

Я не сумел сдержать ярости, несмотря на все годы выучки совершенного слуги:

— Соболезнований? От вас?

— Ну конечно. Такое горе, царевна в самом расцвете красоты...

Я расхохотался с таким презрением, что он схватился за кинжал, висевший на поясе.

— Оставьте. Я не боюсь вашего клинка.

— Тебе что, мозги тогда отшибли? Что с тобой?

— Со мной? Вы один из тех, кто распустил слухи, убившие царевну.

Он побледнел; я прямо-таки видел, как его мозг суетливо перебирает догадки, откуда я это узнал.

— Распустил слухи? Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Вы просто мастер спасать себя — совсем как блоха, перепрыгивающая на сушу из тонущей лодки.

— Ты просто бредишь! Я не приказывал ее казнить.

— Но нет сомнения, что ваши рассказы убедили кого надо, что это отличная мысль.

— Я никогда не говорил ничего другого, что говорили все о ее жажде власти.

— Вы же уговорили ее стать верховным советником шаха, помните? Вы же и уладили это с вельможами.

— Это было до того, как я переговорил с его женой. Она такая же свирепая, как Пери, но у нее есть преимущество — она главное доверенное лицо своего мужа. Как Пери могла одолеть ее?

— Она была бы куда лучшим правителем.

— Но шах не был в этом заинтересован.

— Однажды он об этом пожалеет.

— Дурак! Ты смеешь говорить такое о своем верховном владыке?! Хочешь, чтоб тебя вышвырнули из дворца и утопили в реке?

— После одного из ваших мелких заговоров?

— Ты единственный, кто это говорит. Кроме того, ты помогал совершить убийство.

— Не знаю, о чем это вы.

Он расхохотался:

— Не удивлюсь, если новый шах захочет избавиться и от тебя.

— Одаренный евнух вроде меня сияет ярче золота. Помните, я тот самый дурак и безумец, что оскотился, чтоб служить двору.

— Сомневаюсь, что нового шаха растрогает то, что ты сделал со своим членом.

Его смех взбесил меня.

— Может, у меня и нет мудей, но я не такой мудака, как ты!

— Убирайся отсюда, пока я не проткнул тебе то, что осталось!

Теперь над ним хохотал я:

— По тому, что я о тебе знаю, у тебя на это яиц не хватит!

Он вскочил со своего валика и обнажил кинжал. Демонстрируя, как мало это меня заботит, я повернулся к нему спиной и неспешно вышел из комнаты. Как я и ожидал, он не тронулся с места.

Вскоре после этого мирза Салман затеял кампанию с целью опорочить мое имя. Началась она с мимоходом брошенных замечаний

о моей недостаточной преданности, которые услышал Анвар и передал Баламани. Затем дошло до открытых обвинений, что я недостойн доверия. Мирза Салман даже распустил слух, будто я сговорился с лекарем, которого подозревали в отравлении мышьяком Тахмасб-шаха.

Надо мной нависла серьезная опасность.

Нахмуренный лоб Баламани показывал мне, что ему хочется разрешить мои трудности, но никто из нас ничего не мог поделать, чтоб ускорить мое новое назначение. Я не мог оставить службу во дворце по своим причинам: без разрешения слугам не позволялось уходить даже в отпуск. Да и в любом случае у меня не было средств, чтоб жить вне дворца.

Однако хуже всего было то, что мои попытки уговорить двоюродную тетку не имели успеха. Я получил письмо от нее с настойчивым требованием назвать точную дату отъезда Джалиле и прислать деньги на место в караване. Если они увидят, что я по-прежнему ищу отговорку, они разрешат старику взять Джалиле в жены. Меня это повергло в отчаяние, темное и глубокое, как колодец. Хотя сейчас у меня были деньги, чтоб доставить сестру в Казвин, но не было жилья для нее и возможности содержать. Во имя Всевышнего, что мне оставалось делать?

Ожидая приглашения к шаху, я продолжал читать письма, поступающие на имя царевны, и отвечать на них. Оттого что большинство писавших обращались к Пери как к живой, мне начинало казаться, что я снова вижу ее жемчужно-ясный лоб, чую аромат ее духов и ощущаю, как ее рука направляет мою, когда я разбираю письма и пишу ответы.

Особое внимание я уделял письмам на хорошей бумаге и со сложными печатями, зная, что их авторы требовательны. Однако как-то утром из стопы выпало письмо на самой простой бумаге. Подняв, я вскрыл его. Оно было от одного из вакилей Пери, казвинского землевладельца. Писал он вот что:

Достойная царевна, я получил письмо, которое Вы послали мне из ставки шаха, и желаю известить Вас, что исполнил Ваше повеление, переписав право владения мельницей возле Тегеранских ворот на имя Вашего слуги

Пайама Джавахир-и-Ширази. Теперь это его законная собственность. Я сохраню бумагу до тех пор, пока он не явится, чтоб вступить в свои права, и буду откладывать для него доход с мельницы. Пожалуйста, пишите мне, если я могу быть еще чем-то полезен.

В изумлении я уронил письмо и тут же схватил его, пока никто не увидел. Баламани прав: Пери хотела позаботиться обо мне! Получалось, что она отослала свой приказ совсем незадолго до смерти.

Я спрятал письмо в одежде, где его было не найти чужому. Как только у меня выпало свободное время, я отправился взглянуть на мельницу, которая стояла и вправду близ Тегеранских ворот. Ослы плелись по кругу, вращая тяжелые каменные жернова, растиравшие зерно в муку. Все, кто нуждался в мельнице, платили за помол. Последив за работой около часа, я решил, что мельницей пользуются постоянно и она может дать надежный приток денег. Хвала Богу! Иногда удача проливается с небес, подобно дождю.

— Кто хозяин этой мельницы? — спросил я погонщика ослов, лысого и костлявого крестьянина.

Мне страстно хотелось услышать собственное имя. С каким удовольствием я назвал бы себя и потребовал бы то, что мне полагалось.

— Щедрый покровитель. На последние праздники бедный люд выстраивался в очередь за бесплатным зерном. Да распахнутся для него двери рая во всю ширь, когда придет пора!

Я изумился:

— А как его имя?

— Халил-хан.

Погонщик торопливо остановил ослов и бросился ко мне:

— Ага, вам плохо?

Я поспешил во дворец поведать новость Баламани. Полулежа на подушках в гостевой нашего жилья, он просматривал бумаги, подготовленные Анваром для шахских пожертвований на мечети.

— Баламани, ты был прав насчет царевны, — сказал я. — Она не забыла меня. Оставила мне мельницу возле Тегеранских ворот.

Он уронил бумаги на доску для письма:

— Хвала Всемогущему! И какой доход она приносит?

— Еще не знаю.

Облегчение в его взгляде говорило, что он всерьез беспокоился обо мне.

— Теперь ты сможешь как следует позаботиться о своей сестре и даже о себе.

— Возможно, — сказал я, но не слишком весело.

— Джавахир, что такое? Это же один из самых радостных дней твоей жизни. Тебя одарили сверх всяких ожиданий, даже когда твоя покровительница скончалась!

— Я знаю. Мое сердце переполнено благодарностью. Как добра она была, помня обо мне! Ведь она не знала, какие трудности это повлечет. Халил-хан забрал мельницу себе. Как я могу отобрать ее назад?

Баламани удивился:

— Ну ты же знаешь. Иди к великому визирю, покажи ему документ и попроси помочь перевести право собственности на твое имя.

— Мирза Салман мне не поможет.

— Почему же?

— Он презирает меня.

С минуту Баламани пристально смотрел на меня:

— Что ты натворил?

— Поссорился с ним.

— Из-за чего?

— Из-за некоторых вещей, беспокоивших меня.

— Например? — Лоб его пошел гневными складками, он стал похож на карающего ангела в голубом одеянии.

— Я не совладал с собой. Просто не смог. — Тягостное чувство мучило меня: это было последним, чего можно ожидать от опытного придворного.

— Что ты сказал?

Я отвернулся:

— Обвинил его в подстрекательстве к убийству Пери.

Баламани надолго утратил дар речи. Он смотрел на меня, и кожа под его глазами собиралась в гневно-огорченные морщины, словно я разочаровал родную мать.

— И это не все. Я сломал нос Халил-хану. Он теперь смотрит влево.

Старик фыркнул:

— Странно, что ты еще жив. Тебе понадобится помощь сил, которых на земле нет.

Я не ответил.

— Джавахир, ты был дураком, — добавил он, повысив голос. — Как ты намерен теперь вернуть себе мельницу, когда великий визирь — тот, кому принадлежит последнее слово касательно всех бумаг на право собственности, — настроен против тебя?

— Не знаю. Скажу только, что я чувствую себя словно камыш, вырванный с корнем. Как я могу петь сладкие песенки, когда мое сердце изливает лишь печаль и утрату?

— Ты знаешь все законы двора. Я столько старался ради тебя — а ты взял и все разрушил. Что пользы Пери, если ты себя погубишь? Ну и осел же ты!

Я ощутил, как кровь бросилась мне в лицо, и руки мои сжались в кулаки.

— Во имя Бога, я не могу больше! Мы что, не люди? У нас нет языков? Их что, отрезали угнетатели, что нами правят, и мы утратили дар речи?

Баламани пытался остановить меня, но я продолжал:

— Впервые в жизни я поступил как мужчина. Я могу заплатить головой за свои слова, но я, по крайней мере, их скажу. Мне плевать, что я обзавелся врагом. Мне плевать, что я потеряю место. Впервые в жизни я не чувствовал, что таящееся в моем сердце и сошедшее с моих губ не различаются, как день и ночь. Я стал как жгучий белый свет, чистый и ясный. Словно мои мужские части выросли с гору и я получил право крикнуть: «Я мужчина из мужчин!»

Взгляд Баламани смягчился, и он вдруг стал старше и печальнее, чем когда-либо.

— Я так и не посмел сделать то, что ты описал, мой друг. Я по-прежнему думаю, что ты дурак... — И он воздел к небу ладони. — Однако горжусь тобой.

Мои глаза заволокло влагой. Я сердито и благодарно смахнул ее.

— Баламани, что мне делать?

Задумчивость в его глазах говорила, что надежд у меня мало.

— Чего ты хочешь?

Я поразмыслил и произнес:

— Хочу мельницу, чтобы оставить двор и жить на доход, а затем хочу узнать, что такое быть хозяином самому себе.

— И как ты собираешься этого добиться?

— Пойду к мирзе Салману и потребую мельницу, потому что она моя по праву.

Баламани долго и грустно смеялся. С жалостью я припомнил времена, когда он обучал меня, чтоб я никогда не дал промаха при дворе.

— Поведение твое настолько вызывающе, что он откажется помогать тебе. Прими, по крайней мере, маленький совет.

— Конечно.

— Извинись. Объясни, что обезумел от горя. Поклянись быть соратником. Так поступает мудрый придворный, а ты был одним из лучших.

Все в моем теле напряглось.

— То есть я должен вернуться к прежним уловкам? — прорычал я.

— Успокойся, — велел Баламани. — Насколько сильно ты жаждешь победить?

Мирза Салман не позволил даже впустить меня для встречи с ним, хотя я прождал целый день. Когда я проскочил мимо его слуг к нему в покои, настаивая, что у меня срочное дело, его лицо набухло яростью. Едва я заговорил о мельнице, он обозвал меня невежей и дураком и велел выставить вон.

Тогда я решил немедленно сходить к Фереште под предлогом обмена сведениями о новых царедворцах и замыслах. Мне нужен был ее совет. А еще острее мне хотелось увидеть ее и облегчить свое сердце.

Когда я добрался до ее дома, мне было сказано, что Фереште занята и впустит меня, как только сможет. Я выпил чаю, съел несколько маленьких огурцов и полюбовался новой росписью, где знатная женщина угощает вином влюбленного придворного. День тянулся, шли часы, и я понял, что Фереште, скорее всего, обслуживает

гостя. Что, если это мирза Салман? Мысль эта наполнила меня отвращением.

Когда меня наконец провели к ней, она даже не встала приветствовать меня. Ее большие глаза были полны усталости, а платье было измятым и несвежим.

— Что случилось?

— Мою дочь тошнило, — сказала она. — Я дала ей лекарство, и теперь она наконец уснула.

— Надеюсь, она скоро поправится.

— Спасибо.

— Я пришел поблагодарить тебя. Ты мне помогла во многом.

— Как бы я хотела, чтоб известие о мирзе Салмане пришло вовремя и спасло твою госпожу...

— И я бы этого хотел, — ответил я. — Странно, и все же мне кажется, что в глубине души Пери знала, что обречена.

— Почему?

— Она говорила со мной о смерти и загробном суде еще до того, как узнала об убийстве своего дяди.

— Увы! Какая беда! А была она так сильна, как рассказывают?

Я припомнил встречу Пери с Мохаммадом и Хайр аль-Нисабегум.

— Она была такой яркой, что ослепляла. Она была из тех, кто не уступает и не боится говорить. Она злила некоторых людей настолько, что им хотелось ее уничтожить.

— Потому что она была слишком прямой?

— И потому, что у нее было слишком много сторонников. А теперь Мохаммад-шах и его жена казнили ее мать и дядю, уничтожив черкесское влияние при дворе и освободив место для своих союзников. Хотя, по мне, они отрубили ветвь собственного дерева.

Внезапно я ощутил влагу на своих щеках и вытер их тканью, все еще лежавшей в моем поясе. Это был один из шелковых платков Пери, и при виде его мне стало еще тяжелее.

Фереште не сводила глаз с моего лица:

— Ты любил ее?

— Да, — сказал я. — Как воин любит отличного вождя или вельможа — справедливого шаха.

— Понимаю. Да будет эта печаль твоей последней!

— Благодарю тебя.

— Это тяжкая утрата. Что ты будешь делать теперь?

— Не знаю. Надо подождать и узнать, куда меня хотят назначить при дворе. Баламани сказал, что попробует мне помочь.

— Надеюсь, тебя не обделят. Между тем я узнала полезную вещь, — продолжала Фереште. — Мирза Салман только что женился.

— Неужели? — сказал я.

— Жену его зовут Насрин-хатун.

Я брезгливо фыркнул:

— Она следила за мной и обвинила в злом умысле, что едва не стоило мне жизни. Неужели они с мирзой Салманом все это время действовали вместе?

— Полагаю, что да.

— Они друг друга стоят.

— Никто, разумеется, не ждет, что мирза Салман будет ей верен.

Все знали, что знатный вельможа мог иметь несколько жен и столько женщин, сколько мог себе позволить. Почему Фереште решила об этом упомянуть?

— Ладно, говори. Что он сказал?

Она так же пристально смотрела на меня:

— Он сделал мне предложение.

— Стать женой?

— Содержанкой. Обещал покрывать все мои расходы, если я буду обслуживать только его, — и тогда я с тобой больше не увижусь.

Мою грудь сдавил гнев.

— Ему судьба что, одними розами дорогу усыпала? Высокий пост, устранение Пери, жена на нужном месте, а теперь еще и вся твоя красота? Боже милостивый! И почему он не позвал тебя замуж?

— Ты отлично знаешь, что знатные на проститутках не женятся.

— Он убил царевну и старается любой ценой погубить меня. Да как ты вообще можешь думать о нем?

— А у меня есть выбор?

— Ты говорила, что хочешь уйти от дела.

— Это единственный способ уйти, какой мне когда-либо предлагали.

Я больше не мог слышать о нем. Вскочив, бросился к дверям, сунул ноги в туфли, каменя от ярости.

— Чем его предложение отличается от проституции?

— А чем от нее отличается брак?

— Это нелепо!

Остановившись, я повернулся к ней со злым ответом на языке. Она подняла руку, словно защищаясь. Влажный блеск ее глаз остановил мою отповедь.

— Джавахир, я должна думать о своей дочери. Больше всего на свете мне хочется оставить свое занятие.

Я помедлил.

— Что ты сделала бы, появиись у тебя деньги?

— Я занялась бы тем, что вернула бы себе уважение, выучившись делу, которым смогла бы иначе зарабатывать деньги. Когда моя дочь подрастет, я хочу выдать ее за доброго человека из хорошей семьи. На это не будет надежды, пока я не предстану миру с новым лицом.

Ее огромные прекрасные глаза были печальны. Я подумал вдруг, что никто не может спасти нас обоих от нашего рока. Но что, если мы волей благой судьбы сможем спасти тех, кто наследует нам? Только тогда можно будет считать, что мы смогли искупить наши поступки. Какое было бы счастье, сумей мы защитить наших младших от жизни, которую вынесли сами!

Я отшвырнул свои туфли и со вздохом уселся обратно:

— Фереште, прости меня за мою вспышку. Думаю, что есть способ помочь друг другу. Пери оставила мне мельницу, но мирза Салман не разрешит мне получить ее. Мне нужно что-то такое против него, что заставит его согласиться. Если я стану ее владельцем, обещаю: я помогу тебе. Мельница отлично работает, она всегда нужна людям. Доход с нее позволит тебе начать новую жизнь. Мне хотелось бы суметь отблагодарить тебя за всю твою помощь, и я знаю, что Пери хотела бы того же.

Все ее лицо вспыхнуло надеждой.

— Как благодарна я была бы, сумей я быть хозяйкой себе! Никогда бы не дотронулась больше ни до одного из этих...

Я едва сумел подавить кривую усмешку.

— Почему не попросить шаха о помощи с мельницей, когда тебя вызовут, чтоб дать новое назначение?

— Мохаммад отдал Халил-хану все имущество Пери в награду за ее убийство. Сомневаюсь, что он захочет исполнить одно из ее

последних желаний.

Фереште долго размышляла. Я смотрел на ее лицо и поражался тому, какие сильные чувства кипят в ней сейчас, а я не могу на нем ничего угадать.

— Я знаю человека, у которого могут быть нужные тебе сведения.

— Кто это?

— Не могу сказать, — ответила она.

— Если мы работаем вместе, я должен знать, кто это.

— Не имеет значения. Предоставь это мне.

Спустя неделю Фереште прислала посыльного с просьбой тотчас же посетить ее. Под предлогом, что у меня срочные покупки на базаре, я посреди дня отпросился у Рашид-хана. Он отпустил меня, но по его лицу я видел, что не потому, что он поверил мне, а из желания помочь. Эбтин-ага фыркнул мне вслед.

Когда меня впустили в комнату для гостей, Фереште встретила меня полностью покрытой; я не видел даже ее лица, скрытого белым шелковым пичехом.

— Можешь идти, — сказала она своей служанке, которая прикрыла дверь тихо, как тень.

— Фереште, ты ли это? — шутливо спросил я. — Никогда не видел тебя покрытой.

Она не ответила. Сердце мое похолодело, когда она медленно убрала пичех с лица. Ее правая глазница была цвета загнившего граната, а все под нею — черно-желтым. Нижняя губа распухла вдвое против обычного и треснула черной трещиной. Глаза блестели так, что это могли быть только слезы.

— Во имя Бога! — взревел я. — Кто это сделал? Я убью его!

Ее руки тряслись — наверняка от боли.

— Помнишь, как я впервые встретилась с Султанам?

Я не сразу вспомнил, что тогда посетитель избил ее так, что она пошла к высокородной матери и потребовала помощи.

— Ты снова позвала того ужасного человека?

— Да.

Она медленно сдвинула и край верхней одежды, открыв белую кожу плеча и верх груди, покрытые лиловыми пятнами.

— Фереште, кто совершил этот ужас? Скажи мне, и я потребую наказать это чудовище.

Она передернулась, когда рукав задел свежий рубец на предплечье.

— Сегодня мне уже намного легче, чем несколько дней назад. Боль — это не самое худшее. Хуже то, что он требует позволять ему делать, пока совокупляется со мной. Самое мерзкое я опущу. Я очень дорого заплатила за сведения, которых ты ждешь.

Желчь обожгла мой желудок.

— Я никогда не просил тебя жертвовать собой, даже ради спасения моей жизни.

— Знаю, — произнесла она. — Потому и не сказала тебе ничего. Решила, что надежда завоевать свободу стоит недели боли. Похоже, я выиграла.

Ликующая улыбка озарила ее лицо и сделала ее снова почти такой же прелестной, несмотря на все ужасные раны.

— Фереште, лучше бы я пожертвовал собой ради тебя.

— Забудь пока об этом. Вот что я узнала, — возбужденно сказала она. — Когда мирза Салман уговаривал Мохаммад-шаха и его жену, в это же время он собирал с несколькими вельможами заговор, чтобы возвести на трон их старшего сына Хамза-мирзу. Через некоторое время он предал бы и их.

Во мне вспыхнула надежда.

— А есть доказательства, которые помогут мне добиться отставки мирзы Салмана?

— Никто никогда в этом не признается. Лучшее, что ты можешь сделать для получения мельницы, — это сказать мирзе Салману, будто доказательства у тебя есть, но не говорить от кого. Я знаю такие подробности о заговоре, что он поверит: твой источник надежен.

— А почему ты его считаешь надежным?

— Тот знатный человек, которого я принимала, был соучастником заговора. Но он был зол на мирзу Салмана, потому что тот оставил замысел короновать Хамза-мирзу, когда шах и его жена предложили ему остаться великим визирем. Я не открою тебе имя этого вельможи, потому что боюсь, что он убьет меня, если все выплывет наружу.

Ее сотряс озноб. Она уняла дрожь и начала пересказывать подробности, которые я тщательно запоминал. Когда боль бывала

слишком сильной, она съедала горсточку мака, чтобы расслабиться, и втирала какую-то мазь в свое бедное израненное тело.

— Спасибо, Фереште. Твоя жертва была большей, чем я заслуживаю. Я сделаю все, что в моих силах, чтоб дожить до обещанного.

— Шелковая нить соединила нас, когда мы были чуть старше детей, — нежно сказала она.

Я показал на стеклянную вазу, «собирательницу слез», красовавшуюся на одной из полок:

— Не хочу, чтоб ты снова собирала для меня слезы.

Она улыбнулась:

— А ты знаешь, откуда это название?

— Нет.

— Жил-был царь, который ревновал свою супругу и не был уверен в ее любви. Как-то утром он отправился на охоту и приказал своим людям сообщить царице, что его разорвали дикие звери. Царица заболела от горя. Она приказала искусникам сделать стеклянную вазочку, чтоб собирать свои слезы. Через несколько дней соглядатаи царя донесли, что ее комната уставлена десятками синих и голубых «собирательниц слез», светившихся ее печалью. Раздосадованный горем, которое причинил ей, царь вернулся и пообещал доверять ей до конца их дней.

Я помедлил.

— Хорошо бы всем ужасным историям такой счастливый конец.

— И я так думаю.

Вернувшись во дворец, я послал мирзе Салману письмо, что располагаю срочными известиями, способными пошатнуть самые основы государства, и таким образом вынуждая его встретиться со мной. Он только что занял одно из лучших помещений возле Зала сорока колонн, с высокими потолками и окнами редкого разноцветного стекла. Я сидел в его приемной, полный ледяного спокойствия, и думал, как радостно будет Баламани узнать о том, насколько решительным я оказался.

Когда меня наконец впустили, мирза Салман нахмурился. В зале был разостлан новый дивный шелковый ковер, мягкий, словно кожа

младенца, а сам визирь сидел на его дальнем краю, чтобы посетители могли оценить ковер, разговаривая с хозяином.

Я не стал терять время на любезности:

— Мне говорили, что вы плохо обо мне отзывались.

— Неужели? Я говорил, что думаю.

— Я тоже. Я тут, потому что мне нужна эта мельница — та, которую Халил-хан считает своей наградой за убийство Пери.

Мирза Салман вздрогнул, будто я упомянул что-то непристойное.

— Халил-хан теперь один из богатейших людей страны. С чего я должен ссориться с ним из-за тебя?

— Потому что мельница моя.

Он фыркнул:

— А лучшего довода у тебя нет?

— Вы и в самом деле хотите сделать меня своим врагом?

— Я великий визирь, ты не забыл? Ты не стоишь того времени, за которое я могу тебя раздавить.

Я не шевельнул даже бровью.

— Вы должны мне помочь, — настойчиво сказал я.

— Я тебе ничего не должен.

Я показал на евнухов, готовых схватить меня и вышвырнуть из зала:

— Тогда мне надо вам кое-что сообщить, и вы точно предпочли бы узнать это с глазу на глаз.

Он отослал их в дальний угол зала, чтоб они ничего не смогли расслышать, но положил руку на кинжал.

— Я знаю о вашем заговоре в пользу Хамза-мирзы, — тихо сказал я. — Не кажется ли вам, что эта новость может огорчить шаха?

Челюсть мирзы Салмана отвалилась, а спина выпрямилась так, словно он ехал верхом.

— Чушь!

— Вы намеревались подкупить дворцовых стражников-остаджлу и перекрыть все входы во дворец вашими сторонниками — ошибки Хайдара стали вам уроком. Если бы вы получили власть над дворцом, то провозгласили бы Хамза-мирзу новым шахом, сохранив пост великого визиря.

Я начал подробно описывать их планы, наблюдая, как его лицо из уверенного становится пепельно-серым, пока наконец он не убедился,

что я знаю все.

— Довольно! Я не виноват, но ты слишком хороший рассказчик и сможешь распусть вполне достоверный слух. Так ты хочешь мельницу? Хорошо. Я прослежу, чтоб ты ее получил, но лишь при одном условии: ты оставишь дворец.

Это было именно то, что я надеялся услышать, но я притворился непонимающим:

— Вы хотите, чтобы я оставил свой пост при дворе? С чего это?

— Такое условие. Иначе тебе придется позаботиться о себе самому.

Я снова притворился, теперь загнанным в угол:

— Но это мой дом. Куда еще пойти евнуху?

— С глаз моих.

— Я хочу остаться.

— Тогда не жди от меня помощи.

— Ладно-ладно, — сердито сказал я. — Когда я получу распоряжение об отставке?

— Немедля. — Он взмахом кисти отпустил меня, а когда я подходил к двери, прошипел: — А ты везуч...

Взгляд его был холоднее вершины высочайшего пика хребта Дамаванд.

— Это не везение.

Еще через несколько дней мирза Салман снесся с вакилем Пери и попросил показать ее письмо о мельнице. Когда оно прибыло, он вызвал дворцового графолога, чтоб подтвердить ее руку и объявить письмо подлинным. Не знаю, каким способом он победил Халил-хана и отвоевал у него мельницу, но подозреваю, что он потребовал личной услуги. Вскоре мирза Салман прислал ко мне вестника с бумагой на право владения. Как только она оказалась в моих руках, я немедленно известил Фереште о нашей победе.

Тобою пролитые слезы, их драгоценная вода
Наполнят океан, что с небом соперничает без труда.
Но жертвы, горести и муки, хвала Аллаху, позади,
И нынче сладостны те слезы, вернувшись в летние дожди.
Пустыню моего страданья они пробудят, оживят

И превратят песок и пепел в цветущий нежный райский сад.
Настало время мне ответить на дар твоих алмазных слез
И возвестить: «Здесь ангел неба! Он избавление нам
принес!»

Тем же вечером Баламани сообщил мне, что Мохаммад-шах велел мне предстать перед ним на следующий день. Я удивился, так как думал, что мирза Салман устроил мою отставку и тем избавил шаха от необходимости видеться со мной. Теперь мне надо было готовиться к неожиданностям. Покарает ли меня шах за службу Пери? Или, что еще хуже, обвинит в неверности или убийстве? Я торопливо подготовил письмо вакилю Пери, извещая его, что в случае моей смерти моя сестра Джалиле наследует мельницу. Затем я вручил копию на хранение Баламани. Прочитав ее, он упрятал письмо в халат.

— Да сбережет тебя Бог от всех бед, — сказал он и настоял, что весь вечер будет рядом со мной, словно боясь, что это последний раз.

В утро встречи с шахом я облачился в длинный темно-синий халат, подаренный Пери, надеясь, что часть ее царского *фарра* сохранит и меня, а в кушак спрятал один из ее платков, где была вышита дева, читающая книгу. Мохаммад-шах был незряч и не оценил бы моего наряда, но я надеялся произвести впечатление на его жену. Придя во дворец, я дождался в той самой приемной, куда столько раз приходил вместе с Пери, чтоб увидеть Исмаила. Ничего не изменилось: те же росписи, та же мебель, только обитатели новые.

Меня провели внутрь, и я поразился, не увидев Мохаммад-шаха. Хайр аль-Ниса-бегум сидела на вышитом золотом валике, где обычно восседал шах, окруженная женщинами своей свиты и евнухами. На ней было красное платье такой яркости, что она казалась бледной, словно призрак; губы ее тоже были алыми, словно рубленая рана.

Теперь она была царицей, и я приветствовал ее как Махд-и-Олью, Колыбель Великих, что очень к ней подходило, ибо она дала жизнь четверым царственным сынам.

— Благодарю за разрешение согреться в лучах царственного сияния, — добавил я на фарси, ее родном языке, зная, что мое беглое владение им польстит ей.

— Добро пожаловать, — величаво сказала она. — Настало время решить, что мне с тобой делать. Прежде чем я решу, скажи, чем ты так ценен для двора.

Я сразу понял, что она сдержала слово взять власть в свои руки. По дворцу давно шептались, что ее муж — шах лишь по названию.

— Могу писать письма на трех языках, добывать ценные сведения, давать разумные советы в управлении. Нет стен, что меня остановят.

— Я много слышала о твоих дарованиях. Вопрос в том, куда тебя определить.

Я был ошарашен. Ожидалось, что со мной побеседуют и отошлют навсегда.

— Благодарю вас. Я думал, вам известно, что мирза Салман посоветовал мне оставить двор, — сказал я, подбирая выражения. — Он сказал, что обсудит это с вами.

— Он так и сделал, но лишь мое решение имеет вес. — Она пристально смотрела на меня, словно бросая вызов.

— Да будут мои глаза опорой вашим стопам.

— Прекрасно. Давай вернемся к вопросу, где ты можешь служить.

Чуя ловушку, я решил побороться за то, чего добивался:

— Добрая госпожа, я прошу прощения за то, что обременяю вас моими делами. Серьезные заботы требуют моего отсутствия при дворе, если вы милостиво даруете мне его.

— И какие же?

— Моя сестра Джалиле. Родственники, что заботились о ней, состарились и болеют, — быстро придумывал я. — Опасаюсь за ее честь.

— Есть у нее какие-нибудь способности?

— Она читает и пишет превосходным почерком.

— В таком случае затруднений нет, — сказала Махд-и-Оля. — Привози ее сюда, и мы найдем ей место при гареме.

Я уставился на нее: теперь ей нужна и моя сестра? Такое приглашение было знаком величайшего расположения.

— Имеется ли некая особенная обязанность, которую я могу для вас исполнять?

— Да. Как только мы наняли Лулу, он поведал мне подробности твоей астрологической карты, и они поразили меня настолько, что я

попросила пересчитать ее. Твоя карта все равно говорит, что ты будешь способствовать воцарению величайшего из сафавидских правителей. Как я могу отпустить тебя!

Я выразил лицом подобающую покорность.

— Ясно, что этот правитель не Исмаил, — добавила Махд-и-Оля. — Глупо было бы лишиться тебя, когда правитель этот совсем рядом.

Она явно имела в виду себя, и я наполнился таким же отчетливым презрением.

— Для меня было честью трудиться для высокочтимой царевны Перихан-ханум, — сказал я, надеясь щедрой хвалой принизить себя. — Она была великой мыслительницей, поэтом, государственным деятелем и цветом своего времени, возможно, и всех времен. Не было ей равных.

— Уместно восхищаться дочерью царского рода, которой служил. Ну а теперь о твоём назначении: шахская канцелярия всегда найдет дело для такого мастера языков, как ты.

— Канцелярия? — ответил я, не успев сдержать презрения.

Точно так же Колафе сказали, что он станет зрителем шахского зверинца. А хуже всего, что я не буду свободен.

Махд-и-Оля тоже не повела и бровью:

— Для тебя это будет необременительно. Ты заслуживаешь высокой награды за свои мучения с Пери.

— Служить ей было наградой, — упорствовал я.

— Я ценю твою верность. Я очень рада предоставить тебе другую возможность явить свои таланты.

— Какой драгоценный дар! — ответил я, и слова застревали у меня во рту.

Она взглянула на дверь, будто давала слугам знать, что наша встреча окончена. Я же стоял будто осел, увязший в грязи.

— Остается только одно затруднение. Смогу ли я жить за стенами дворца, если это окажется лучше для моей сестры?

— Нет. Когда это постоянно служащему евноху разрешалось жить вне дворца? Отсутствие всяких связей и делает тебя и твоих собратьев столь ценными для двора.

Я уцепился за последнюю просьбу, к которой можно было прибегнуть. По сути, она означала «Молю отпустить меня», и

хорошим слугам в ней почти никогда не отказывали.

— Колыбель Великих, я дал обет совершить паломничество в Мекку, если ваш супруг будет коронован на шахство. Я буду чувствовать себя дурным мусульманином, если не выполню своей клятвы. Не позволите ли мне отбыть?

Паломничество могло дать мне год или два.

— Мы с мужем глубоко тронуты, что наши слуги дают за нас обеты Богу. Но сейчас не время.

Меня поразил ее отказ; насколько я знал, примеров такому не было. Но я не сдавался:

— В таком случае могу я в будущем подать вам просьбу об этом, дабы не прогневать Бога?

— Разумеется. Служа нам, помни, что усердная служба всегда вознаграждается. Волей Бога однажды твое желание будет исполнено.

Я покинул встречу настолько обозленным, что от меня палило жаром. Как бы я ни жаждал свободы, выходило, что моя судьба — оставаться узником дворца, и я чувствовал себя скованным и обобраным желаниями других.

Единственным проблеском в моей жизни стало то, что я начал незамедлительно получать деньги с мельницы и вдобавок жалованье, которое мне задерживали после смерти Пери. Как только у меня появились деньги, я отправился повидать Фереште и сказал ей, что начинаю оплачивать ее расходы, пока поступают деньги. Радость в ее глазах не поддавалась описанию. Она пообещала, что начнет учиться ремеслу, а затем тут же отправилась к гробнице святого, покаялась в своем прошлом и поклялась измениться. Слугам ее было приказано отвечать посетителям, что она посвятила себя новой жизни. Один из них, ревизор дворца, пожаловался на утрату налога, который она платила в казну. Мирза Салман, который, как честный человек, мог бы теперь на ней жениться, заявил вместо этого, что найдет женщину поблагодарнее.

Я написал двоюродной тетке, что новая царица требует мою сестру ко двору, причем незамужней, чтобы служить знатым женам, и отправил ей оплату путевых расходов и щедрое вознаграждение за труды. Раз они еще не выдали Джалиле за старика, то такого приказа послушаться точно не посмеют. С нетерпением я дожидался ответа.

Если моя сестра будет служить благородным женам хорошо, то и сама научится благородству и найдет возможность заключить достойный брак. Деньги от мельницы будут копиться, пока не наберется богатое приданое. Понемногу мы, как я надеялся, создадим новое родство и, когда пройдет время, сможем забыть о долгих годах, когда мы едва знали друг друга.

Пока я ждал, наступил день законной отставки Баламани. Мы с другими евнухами устроили ему прощальный вечер у реки. Ели кебаб и свежий хлеб, испеченный в переносной печи. Взошла луна, мы курили кальян и пили крепкое изюмное вино. На сердце моем была тяжесть новой утраты. Баламани был для меня всем: наставником, другом, семьей. Я прочел для него стих из «Шахнаме» о добром шахе, чтоб отразить щедрость Баламани, явленную за эти годы. Когда слушатели закричали: «Ба-а! Ба-а!» — я произнес стихи, сочиненные мною.

Сердечных множество стихов
Поэты славные сложили
В честь матерей, отцов, сынов,
И те их, верно, заслужили.
Благословенна та семья,
Что сохранит богатства эти.
Всей жизнью утверждаю я —
Нет ничего ценней на свете.
Но может слаще братства быть,
Сильнее кровного родства
Та дружба, что не позабыть,
Что не уместится в слова.
Я, Джавахир, молю — скажи,
То Бога дар иль дар земной?
Ты был правдив, не зная лжи,
Ты ангел, друг прекрасный мой.

Баламани промедлил миг, прежде чем ответить, словно захваченный какими-то мыслями. Потом его теплые старые глаза нашли мои, и я почувствовал, словно он говорит для меня одного.

— Помнишь, я рассказывал тебе о Виджайяне, мальчике с судна, которое привезло меня сюда? Однажды, когда моряки сражались с бурей, а большинство мальчиков только приходили в себя после оскотления, Виджайян принес мне украденный плод. Впервые я узнал сладкую плоть манго. Как упоительна была наша тайна! Не было ничего слаще, чем найти друга, когда ты сломлен и одинок. Благодаря Виджайяну я научился справляться с горем.

Слезы навернулись мне на глаза. Теперь я мог посвятить свою жизнь помощи тем, кто нуждается во мне так, как я нуждался в Баламани. Как радостно было сознавать, что деньги могут спасти Фереште — и, как я надеялся, мою сестру — от отвратительного порабощения! С помощью Анвара я надеялся оставить в канцелярии при себе и Масуда Али.

В день, когда Баламани отплыл в Хиндустан, я приступил к исполнению своих новых обязанностей у писцов. Работа была скучной и куда ниже моих возможностей. Эбтин-ага, помощник летописца, делал все, чтобы мне доставались самые мелкие задания, вроде переписки с провинциальными канцеляриями о новейших способах записи выплат в шахскую казну. Я мог написать все ответы за час или два, а все оставшееся время злился на свою совершенно неудовлетворительную работу. Смотрителем зверинца было бы, наверное, интереснее: там я смог бы побегать с животными.

Для своей новой службы я слишком много умел, и тут все это понимали. У меня были мозги и, смею сказать, яйца, чтоб служить одним из лучших политических игроков при дворе. Но я был кастрирован во всех смыслах, как и большинство людей вокруг меня. Они служили ради удовольствия владык, и если владыки выбирали участь убийц и лжецов, или одурманенных, ленивых, или чрезмерно благочестивых, то придворные должны были подстраиваться под их требования, как башмачник подгоняет кожу к потной, вонючей ступне, нахваливая ее при этом. Но сейчас я, по крайней мере, был в безопасности и утешал себя тем, что в позабытости есть некое облегчение. Старая суфийская пословица вспомнилась мне: «Когда ты в клетке, все равно летай».

Новое царствование только начиналось, и у писцов было полно работы. Желания Мохаммад-шаха должны были быть переданы,

изучены и выполнены, главным образом через переписку и прочую бумажную работу. Вдобавок придворные летописцы были заняты описанием начала его правления, в то время как другие завершали последние страницы недолгой истории Исмаил-шаха. Я решил воспользоваться случаем и исправить путаную запись об отношениях между моим отцом, Камийяром Кофрани и Исмаилом. Я сообщил Рашид-хану, что я узнал, и после проверки всей истории он приказал переписать соответствующие страницы. По крайней мере это для своего отца я смог сделать.

К этому времени отделы канцелярии стали получать сообщения о разных самозванцах, являвшихся в разных частях страны, выдававших себя за Исмаила и утверждавших, что он не умирал. Эти лже-Исмаилы придумывали истории, как их сместили и как они заслуживают возвращения на царство, а затем собирали вокруг себя одураченных людей. Один из самых влиятельных, как я узнал, отыскивал мятежников среди луров на юго-востоке, где правителем был Халил-хан. Соответственно Халил-хану было приказано ехать туда и подавить мятеж. Я получил известие об этом от одного человека, за хорошие деньги следившего за ним, и немедленно послал верного гонца к вождям луров сказать, в какой день он отбудет из Казвина, каким отрядом и при каком оружии. После чего принялся ждать новостей, хорошо понимая, что если случайно мои дела откроются, то я буду обвинен в измене и тут же казнен. Но вскоре двор узнал, что Халил-хан и его люди попали в засаду луров, а сам он был убит стрелой в сердце. Это казалось справедливым, поскольку он пронзил мое.

Мирза Салман оказался более верткой дичью. Я решил понаблюдать за ним и выбрать время. Как посоветовал Баламани, я всячески притворялся верным слугой. Когда-нибудь мирза Салман утратит бдительность, и я ударю — точно и глубоко. Он не успеет заметить удара.

Со временем я стал прислушиваться к сплетням писцов, дабы узнать все, что можно, о Мохаммад-шахе и его жене. Вскоре пошли разговоры о том, насколько кызылбаши не любят Махд-и-Олью. Она правила твердой рукой, подобно Пери, и не позволяла им своевольничать. Они рассчитывали действовать через ее безвольного мужа, но пришлось подчиняться требованиям сильной жены. И снова

начала просачиваться угроза междоусобной войны, словно дурной запах.

Так как Махд-и-Оля была очень высокого мнения о себе, мне казалось, что ее можно убедить, будто она и есть тот самый избранный вождь Сафавидов, дабы она решила, что мое предназначение исполнилось, и соизволила наконец меня отпустить. Или, может, наконец явится тот правитель, которому я смогу служить, — надежда снова запела в моем сердце. Я знал, что мне надо быть терпеливым.

Через несколько недель я ликовал, получив письмо, что караван Джалиле отбыл и ожидается дней через десять. Я навестил стражу у Тегеранских ворот, через которые сестра должна была въехать в город, и сказал им, что хорошо заплачу в следующие недели за известие о любом караване с южного берега.

В канцелярии меня недавно назначили писать предупреждающие послания главам провинций, плохо собиравшим налоги для казны. Я наслаждался, строча такие письма, — эти немногие поручения помогали мне снять мою злобу. Изошряясь в ораторском мастерстве, я обильно усеивал письма затейливыми метафорами и изречениями из Корана, чтобы усилить эффект.

Однажды, когда я заканчивал последнюю стопу писем, Масуд Али отыскал меня, его глаза-маслины сияли, а тюрбан был так аккуратно закручен, как уже давно не бывал.

— Караван только что прибыл с юга! — сказал он. — Путешественников доставили в караван-сарай Камала.

Я отложил перо и чернила. По пути я споткнулся о доску писца, трудившегося над затейливой страницей, она отлетела на соседнюю подушку. Масуд Али смотрел на меня, выпучив глаза. Писцы бранились:

— Что за спешка? Твоя матушка восстала из могилы?

— В определенном смысле, — отвечал я.

Снаружи сияло солнце, небеса были бирюзовыми. Я помчался по Выгулу шахских скакунов к Пятничной мечети. Белые округлости купола словно вращались, желая подружиться с овалами облаков. Сердце мое рвалось наружу. После долгой разлуки моя сестра может оказаться тут! Будет ли она похожа на юную луну? Как я узнаю ее?

Когда я миновал мечеть и направился к караван-сараяу Камала, то проходил мимо ворот кладбища, где был похоронен наш отец. Как только Джалиле будет устроена, я приведу ее взглянуть на могилу отца. Мы вместе обрызгаем ее розовой водой и помолимся в духовном присутствии нашего отца, надеясь, что он может видеть и слышать нас оттуда, где все души ожидают Судного дня. Хотя Джалиле, скорее всего, даже не помнила его, я надеялся, что она захочет пойти. Я расскажу ей о мужестве нашего отца, о политике, что стоила ему жизни. Помогу ей понять, что он рискнул всем, поскольку верил в возможность совершенного мира. Как доволен я буду, когда расскажу ей, что его дух отмщен! Конечно, я не стану касаться моей роли в этом, чтобы зря не рисковать.

Вдали я увидел узкие деревянные ворота, отмечавшие вход в караван-сарай, окруженный к тому же высокими стенами, чтоб путешественники чувствовали себя в безопасности по ночам. Рядом с ними горячий ветер вдруг пронесся по улице и взметнул мой халат, напомнив мне о месте, где у меня кое-что должно было раскачиваться... Их не было уже почти полжизни. Я хмуро припомнил слова матерей маленьких мальчиков: «Ах ты, мой маленький золотой хвостик!»

С каким ужасом матушка узнала бы о моей судьбе! Поймет ли Джалиле, почему я так поступил? Как только она увидит, что я вхожу в гарем, она поймет, что меня лишили мужского признака. Будет ли она по-прежнему любить меня? Или просто притворится, что я ей близок, потому что на самом деле я просто нужен? Будет ли наше воссоединение отравлено разочарованием, как у Пери с Исмаилом? У меня сводило живот.

В караван-сараяе просторный открытый двор кипел жизнью. Люди разгружали своих животных, женщины помогали детям спуститься с верблюдов, дети постарше тащили младшим воду. Когда выюки сняли, а животных увели кормить, хозяин караван-сарая повел приезжих по комнатам, сопровождаемый носильщиком, предлагавшим свою могучую спину. Я рассматривал толпу в поисках лица, напоминавшего матушкино, и, по мере того как толпа редела, вглядывался в каждого человека.

Эта — слишком смуглая. Эта — слишком кудрявая. Лицо слишком круглое. Слишком стара. На этой христианский крест. У этой

нет руки, бедняга. Толпа становилась все меньше, путешественники расходились по местам. Неужели Джалиле уехала с другим караваном? Я пошел искать караван-баши, пожилого мужчину с длинными усами.

Внезапно я услышал свое имя, выкликаемое голосом, прерывавшимся от облегчения: «Пайам! Пайам!» Я повернулся, ища ее, но прежде, чем опознал, ощутил, как тонкие руки обхватывают меня и голова утыкается в мою подмышку. Да она ли это? Как она узнала меня? Тело ее дрожало, она бормотала благодарственную молитву. Сердце мое колотилось, я ничего не видел, только макушку в линиях синем платке и завитки черных волос, выбивавшиеся из-под него на висках. Призыв к полуденной молитве раздался от ближней мечети, и, когда его певучий звук наполнил воздух, она продолжала читать хвалитны.

Наконец девушка отпустила меня и подняла лицо. Я изумленно отстранился. Как странно было впервые смотреть на нее! Словно я видел себя в зеркале, только это была девушка вполнину моложе меня. У нее были глаза моей матери — густого медового цвета, окаймленные черными ресницами и бровями, и, насколько я видел, ее волнистые черные волосы. Она была, как и матушка, невелика ростом, но живость в ее маленьком теле казалась неисчерпаемой, словно у юлы. Была ли она хорошенькой? Все, что я знал, — что меня к ней неодолимо тянуло.

— Сестра моя, благодарение богу! — начал я, но мой голос срывался от волнения.

Пожилая женщина, чьи глаза прятались в морщины, все это время смотрела на нас.

— Счастливейшая из семей, как долго это было?

Я оглянулся:

— Двенадцать лет!

— О-о-о, да она была дитя. Как ты ее узнал?

— Это я его узнала, — гордо сказала Джалиле.

— Неудивительно. Вы словно бархат, вытканый на одном станке, — подытожила старуха.

— Тогда я рада, что у меня такой прекрасный брат, — поддразнивающе ответила Джалиле, — благодарение богу!

Я расхохотался над ее смелостью, а затем шумно выдохнул от облегчения. Хотя на Джалиле было выгоревшее полотняное платье и

рубаша, ни единого украшения на шее и в ушах и она не знала родительской любви с семи лет, похоже, дух ее все это не раздавило.

Я отдал небогатое имущество Джалиле носильщику и велел ему идти ко дворцу. Потом мы попрощались со старухой и караван-баши, и пошли вместе из караван-сарая, впервые в жизни рука об руку. Она шла быстро, глаза ее горели любопытством, но не покидали моего лица, лишь на секунды задерживаясь на сверкающих куполах города.

— С чего начать? — спросил я. — Наша тетушка не...

— Наша мама хотела... — в то же время заговорила Джалиле.

Мы смотрели друг на друга, чувствуя тяжесть прошедших лет.

— Лабу! Горячий лабу! — кричал разносчик, и мой желудок ожил от голода, как только донесся сладкий запах свеклы.

Но я помнил, как она в детстве ненавидела свеклу. Я вопросительно глянул на нее. Сколько всего я еще не знаю!

— Люблю свеклу, — сказала она в ответ на мой незаданный вопрос. — И я голодна!

Я засмеялся и купил две порции. Разносчик положил их, курившиеся горячим паром, в глиняные держалки, улыбнувшись при взгляде на нас. Мы подули на свеклу и принялись есть прямо посреди улицы. Губы и пальцы Джалиле стали пурпурными. Она хихикнула и отерла рот.

Доев, мы вытерли друг друга, и снова наступило неловкое молчание. Что мы могли сказать друг другу после стольких лет? Глаза Джалиле покраснели, и я понял, что ей надо отдохнуть.

— Пошли, — сказал я. — Я отведу тебя во дворец, посмотришь, где будешь жить.

— Я буду жить во дворце? — Она не могла скрыть восхищения.

— Будешь. А скоро у тебя будет красивое платье и украшения в волосах, обещаю тебе.

— Но где будешь жить ты?

— Неподалеку, — сказал я. — Расскажу все, как только ты устроишься. А сейчас хочу тебе кое-что показать.

Мы дошли вместе до Тегеранских ворот, а оттуда до мельницы. Несколько женщин ожидали, пока до них не дойдет очередь, а другие покупали муку, которой торговали здесь же. Мы стояли и смотрели, как мулы крутят колесо,двигающее огромный камень, катившийся по пшенице и дробивший ее в муку. Джалиле застыла, пораженная.

— Дома я это делала вручную, — проговорила она.

Я взял ее руку и провел пальцами по жесткой, загоревшей ладони. Она никогда не писала ничего о домашней работе, никогда не жаловалась.

Джалиле отняла свою руку, досадливо сжав маленький рот.

— Если мы купим муки, я испеку тебе хлеба, — очень тихо предложила она. — Я узнала все матушкины рецепты от ее сестры.

Внезапно меня словно унесло назад, в наш дом, где я смотрел, как мама вынимает посыпанный кунжутом хлеб из печи и глаза ее светятся гордостью, а мы с Джалиле собрались вокруг и любуемся хрустящей потрескавшейся корочкой и отламываем кусочки, пока он еще горячий. Ни один пекарь больше не пек такого. Мои ноздри наполнились этим ароматом, язык заломило от желания.

— Джалиле, эта мельница — наша. Когда-нибудь я расскажу тебе все, но пока можешь думать об этом как о полученном по странному кругу наследстве от нашего отца.

Говоря это, я вдруг понял, насколько это правда. Если бы нашего отца не убили, я никогда бы не служил Пери, а если бы не служил ей, то никогда бы не получил мельницу.

— Я рада, что она наша, — ответила Джалиле. — Это потому ты смог перевезти меня в Казвин?

— Она лишь часть причины, — сказал я. — Прежде чем тебя пригласить во дворец, было полезно убедиться, что у меня есть средства, чтоб поддержать тебя.

В ее глазах мелькнула боль, и я пожалел, что упомянул это. Ей наверняка всю жизнь твердили, какое она бремя.

— Я благодарна тебе за то, что ты это сделал, — сказала она. — Но неужели я ничем не могу тебе быть полезна? Совсем ничем?

Слезы гордости наворачивались на ее глаза, и она почти гневно отерла их. Я увидел в них одиночество сироты, но и ее несокрушимый дух тоже. И понял, что надо сделать.

— Управляющий! — крикнул я.

Он выбежал приветствовать меня, призвал благословения на меня и мою семью и сообщил, что мельница работает даже больше, чем обычно.

— Отличная новость, — сказал я. — Но куда лучше новость, что моя сестра отныне проживает в Казвине. Принеси мешок своей

лучшей муки для нее.

Джалиле засияла — улыбка ее была ярче лунного света в темной ночи. Мы неспешно пошли ко дворцу, неся между нами мешок пшеничной муки.

Через день после того, как вверил Джалиле у входа в гарем одной из тамошних женщин, я навел ее в новом жилье. Отвели ей скромную комнату в большом спальном покое, которую она делила с пятью другими девушками-ученицами, и, когда рано утром я появился там, она была озадачена, увидев меня в гареме. Я пригласил ее прогуляться по саду. Там, когда она спросила, что я делаю в гареме, я набрался духу и пробормотал, что стал евнухом, чтобы очистить имя нашей семьи. Ее глаза метнулись вниз по моей рубашке, но лишь на мгновение. А через миг казалось, что она не может набрать воздуха для следующего вдоха. Она попросила дать ей посидеть. Я довел ее до скамьи в одной из садовых беседок, и там мы сидели бок о бок, глядя на цветущие персики. Когда Джалиле наконец снова глянула на меня, я ожидал увидеть ужас в ее глазах, но она соскользнула на землю, обняла мои щиколотки и прижалась щекой к моим ступням.

— Что ты заплатил плотью, я отплачу преданностью. Клянусь!

Я попытался поднять ее, но она не подчинялась. Теплые слезы побежали по моей коже, и ее нежность словно залечила самые глубокие рубцы на моем сердце. Подняв ее на ноги, я прижал ее к себе, и ее слезы смешались с моими.

Отныне каждый день я навещал Джалиле, убедиться в ее успехах. По приказу Махд-и-Ольи она начала суровое обучение тому, как служат благородным женам. День ее начинался очень рано — уроками, как следует приветствовать жен разных чинов, а также объяснением ежедневных и ежегодных дворцовых дел. Я был счастлив, когда женщины одобряли ее почерк, проворство, желание услужить и способности бодро справляться даже с трудными положениями.

В выпадавшие нам дни досуга Джалиле пекла для меня хлеб в одной из малых кухонь гарема; мы ели его вместе с сыром и орехами, как в детстве. Прежде я словно и не ел хлеба — так глубоко было мое удовлетворение оттого, что я сижу рядом с нею и наслаждаюсь тем, что она с такой гордостью испекла. Мало-помалу мы рассказали друг другу истории своей жизни, и с каждым рассказом взаимопонимание

становилось все глубже. Пока мы не начали делиться нашими рассказами, я и не сознавал, насколько был одинок.

Другим так просто спорить с детьми или дядюшками и все равно иметь достаточно кровных родичей, с которыми можно общаться; можно затевать мелкие ссоры и не разговаривать годами, давая волю гневу, пока с прочими членами семьи объятья крепки. Но у нас с Джалиле не было больше никого, и это знание делало нас сокровищем друг для друга, бесценным жемчугом, добываемым в бурных глубинах Персидского залива.

Джалиле усердно трудилась, осваивая дворцовые правила, а моя работа в канцелярии тянулась в томительной скуке, пока однажды утром я не подслушал дворцового летописца, объяснявшего юному помощнику, как им следует приниматься за написание истории краткого царствования Исмаил-шаха. Он приказывал ему пригласить для выяснения подробностей нескольких людей из числа его ближайших советников, узнать об усилиях шаха по части государственных и межгосударственных дел, а также опросить других вельмож о его покровительстве мечетям и искусствам. Помощник должен был подготовить сведения и подать их начальнику, который и писал историю.

Когда все это было оговорено, помощник понизил голос.

— А об этой, сестре его, вы что будете писать? — полупшепотом спросил он мастера.

— Ты о той, что его отравила? — отвечал седобородый.

— Я думал, что его отравили кызылбаши. — У юноши были оскорбительно-красные рот и язык.

— Кто знает? Гарем — это тайна. Нет способа убедиться в том, что там происходит.

— Конечно есть, — сказал я так громко, что писцы оторвались от работы. — Почему не спросить евнухов, которые там ежедневно работают?

— А чего беспокоиться? Женщины вообще ничего не делают, — сказал юноша.

Я поднялся:

— Ты что, дурак? Перихан-ханум за день делала больше, чем ты за год. В сравнении с ней ты хуже дряхлого мула.

Седобородый уставился на меня как на безумца.

— Успокойся! — сказал он. — Мы все равно собираемся написать о ней всего несколько страниц.

— Тогда вы упустите одну из самых захватывающих историй нашего столетия.

— Ты так думаешь, потому что служил ей, — отступая, сказал юноша.

Воспоминания о Пери появлялись так внезапно, что казались порой более подлинными, чем люди вокруг. Ее задания в первый день, когда я пришел к ней, блеск ее глаз, когда она роняла чашу с павлином, музыка ее голоса, когда она читала стихи, унявшие мирзу Шокролло, бесстрашие, с каким она просила Исмаила о снисходительности, сила ее рук, выталкивающих меня из крытых носилок... Ее худшие слабости — упрямство, заносчивость, ревность — были одновременно ее достоинствами. Почему летописцы не заботятся о том, чтоб выяснить это?

— Невежда! — ответил я юноше. — Ты можешь вообразить, что обязан быть правдивым?

Он пожал плечами. Рашид-хан жестом показал молодому писцу на дальний конец комнаты и велел приниматься за работу. Затем глянул на меня, но не сказал ничего. Я понял, что придворные летописцы не просто не могут написать о Пери достаточно — они не могут написать правды. Да и как это можно? Они никогда не бывали в шахском гареме. Повседневная жизнь женщин, политические козни, страсти, причуды и ссоры почти никогда не записываются, а если бы и записывались, то истолковывались и понимались бы неверно. Хуже того, двор Мохаммад-шаха, без сомнения, изобразил бы царевну сущим чудовищем, чтоб оправдать ее убийство.

Именно сейчас я решил, что должен написать историю жизни Пери под предлогом ответов на придворную переписку. Я должен не просто рассказать правду о случившемся, но и разрушить всякую ложь и помочь царевне жить в веках. Это наименьшее, чего она заслуживает.

Как единственный летописец, служивший так близко, что мог вдохнуть аромат ее духов, я знал, что царевна не была жемчужиной без порока. Я и не собирался притворяться, как многие другие летописцы, и оправдывать неподобающее поведение наших царей. Я слишком хорошо знал упрямство Пери, ее неспособность уступать, ее буйный

нрав, но я понимал, что ее властительная натура произрастала из понимания, что она учение и лучше подготовлена в искусстве управления, чем большинство мужчин. Она была вправе требовать власти; лишь алчность и страх других не дали ей достичь того величия, которого она заслуживала.

Тем ранним вечером, когда большинство писцов разошлись к вечернему чаю, я начал работу над вступлением. Когда стало слишком темно, я тщательно припрятал свои записи в пыльном углу книгохранилища. Я вдруг осознал, что начинаю осуществлять судьбу, предсказанную мне звездами. Мое пребывание во дворце состоялось затем, чтобы я мог рассказать подлинную историю Перихан-ханум, владычицы моей жизни, царицы ангелов, солнцеравной.

---

notes

Примечания

1

Здесь и далее все цитаты из Корана в переводе И. Ю. Крачковского.

2

Традиционное иранское приветствие при исполнении работы.

Слово «пижама» является европеизированным иранским словом «паджама» — домашняя одежда.